САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ (Бестужевские) КУРСЫ

1878–1918

Здание Санкт-Петербургских
Высших женских (Бестужевских) курсов

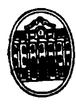
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ (Бестужевские) КУРСЫ

1878—1918

СБОРНИК СТАТЕЙ

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Под общей редакцией
проф. *С. Н. Валка,* проф. *Н. Г. Сладкевича,*
акад. *В. И. Смирнова,* проф. *М. Л. Тронской*



ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1973

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Основанные в Петербурге Высшие женские курсы получили свое название по фамилии первого их директора К. Н. Бестужева-Рюмина. С организацией курсов в России женщинам был открыт доступ к высшему образованию. Курсы сыграли большую роль в создании русской прогрессивной интеллигенции, в развитии народного образования в России. Основная масса слушательниц стала впоследствии учительницами в городских и сельских школах, работала в библиотеках, в различных кружках и обществах, способствовавших просвещению народа.

Многие бестужевки принимали активное участие в революционном движении (Н. К. Крупская, А. И. Ульянова, Л. А. Фотиева, К. Н. Самойлова и др.). После Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей все пути перед женщиной, отпала необходимость в существовании специальных женских курсов, и Бестужевские курсы в 1919 году слились с университетом.

Настоящий сборник является 2-м изданием, исправленным и дополненным. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей отечественной науки и культуры.

6—4—1
260а—72

ВВЕДЕНИЕ

Мысль о создании сборника, посвященного С.-Петербургским Высшим женским (Бестужевским) курсам — первому женскому университету, зародилась на торжественном заседании бывших бестужевок 21 марта 1959 года, когда отмечалось 80-летие со дня основания курсов. Выступавшие говорили о том, что опыт работы Бестужевских курсов, где читали лучшие профессора того времени — подлинные энтузиасты высшего женского образования, не может не представлять интереса для современного советского читателя.

Высшие женские курсы были передовым учебным заведением не только по постановке преподавания, но и по своим славным революционно-демократическим традициям. В течение 40 лет своего существования они, как чуткий барометр, откликались на все общественно-революционные события в России. Бестужевки участвовали в демонстрациях, сходках, забастовках и вместе со студентами Петербургского университета были передовым отрядом революционной молодежи. Достаточно вспомнить, что на Бестужевских курсах учились Н. К. Крупская, А. И. и О. И. Ульяновы, К. Н. Самойлова, Н. М. Москвина и другие. Аресты, ссылки, не говоря уже об обысках, были среди бестужевок массовым явлением. Несколько революционерок-бестужевок были приговорены к смертной казни.

Бестужевские курсы дали многочисленную армию беззаветно преданных своему делу учителей, которые уезжали в самые отдаленные уголки России, так как считали своим гражданским долгом работать там, где они больше всего были нужны. Можно без преувеличения сказать, что в воспитание тех высоких моральных качеств, которые отличают советского человека, построившего первое в мире социалистическое государство и ныне строящего коммунистическое общество, вложена немалая доля труда бестужевок.

Научные работники, преподаватели вузов и школ, искусствоведы, библиотекари, артисты, писательницы — таков размах работы бывших

бестужевок после Великой Октябрьской социалистической революции.

И где бы впоследствии ни работали слушательницы Бестужевских курсов, они с благодарностью вспоминали своих учителей, давших им широкую научную подготовку, свою alma mater с ее революционно-демократическими традициями, которые помогли им после Великого Октября активно включиться в социалистическое строительство.

Мысль об издании сборника, посвященного Бестужевским курсам, встретила сочувствие и интерес со стороны самых широких кругов советской общественности.

В 1965 году в издательстве Ленинградского университета вышло 1-е издание книги «Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы».

Комитет бестужевок глубоко признателен всем, кто содействовал продвижению книги в печать, и в первую очередь Елене Дмитриевне Стасовой и Лидии Александровне Фотиевой.

1-е издание сборника разошлось в течение 10 дней. Книга имела 5 печатных рецензий, 2 из них — в зарубежных журналах (ГДР — Берлин; Канада — Монреаль).

В основу предлагаемого читателю второго издания книги о С.-Петербургских высших женских курсах[1] положен ряд документальных материалов. Это—«С.-Петербургские высшие Женские Курсы за 25 лет», «Ежегодник» (справочные книжки) до 1915 года включительно, отчеты Общества для доставления средств ВЖК, газетные и журнальные статьи, архивные материалы курсов, документы Петербургского охранного отделения и министерства внутренних дел, книга В. В. Стасова «Н. В. Стасова». Кроме того, использованы многочисленные мемуары бывших бестужевок. Фактическая сторона воспоминаний по мере возможности проверялась по опубликованным или архивным материалам.[2] К сожалению, не все указанные источники отличаются одинаковой документальной достоверностью и не всегда могут претендовать на исчерпывающий характер.

В настоящем, 2-м издании подверглись некоторой переработке первые 3 статьи сборника. Во II раздел включено несколько новых воспоминаний. Значительно увеличено количество фотографий. Несколько изменился состав редколлегии.

---

[1] В дальнейшем ВЖК.

[2] Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

ЧАСТЬ I

ИЗ ИСТОРИИ КУРСОВ

И. М. Сеченов

О БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСАХ

С любовью и уважением вспоминаю Бестужевские женские курсы, где я был преподавателем в течение нескольких лет и мог убедиться на деле в серьезном значении этого истинно благородного учреждения. Это был женский университет с двумя факультетами, в настоящем смысле слова возникший из частной инициативы и поддерживавшийся почти исключительно своими средствами.

...Это было в то же время оригинальное учебное заведение, в котором начальница — хорошая, добрая, честная Надежда Васильевна Стасова — и ее помощницы работали даром, вкладывая в дело не только всю свою душу, но и собственные карманы и поддерживая дисциплину в заведении не строгостями и наказаниями, а любовным отношением к воспитанницам, уговором и ласкою. Что это был университет, доказательством служит систематичность 4-летнего курса, читавшегося профессорами, доцентами университета и даже некоторыми академиками. Я читал на курсах то же самое и в том же объеме, что в университете, и, экзаменуя ежегодно и там и здесь из прочитанного, находил в результате, что один год экзаменуются лучше студенты, а другой — студентки. Помню даже, что за все мое более чем 40-летнее профессорство самый лучший экзамен держала у меня студентка, а не студент — дочь от первого брака знаменитого немецкого раскопщика греческих древностей. Да, это была заря высшего женского образования в России, и студентки учились прямо-таки с увлечением — я не раз был свидетелем, как они занимались в стенах своего университета (здание курсов на 10-й линии Васильевского острова) в послеобеденное время. Да и могло ли быть иначе: не многие шли туда от скуки или из моды, а большинство стремилось сознательно и бескорыстно к образованию, как высшему благу.

(*И. М. Сеченов.* Автобиографические записки. М., 1952, стр. 239—242).

Н. П. Вревская

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ (БЕСТУЖЕВСКИЕ) КУРСЫ

Революционное движение, охватившее Россию в 60-х годах XIX столетия, способствовало пробуждению общественного самосознания. Перед обществом встал ряд проблем, требовавших разрешения. Одна из них — вопрос о высшем женском образовании.[1]

Первый шаг в этом направлении был предпринят Е. И. Бочкаревой-Конради. 2 января 1868 года через А. Н. Бекетова, секретаря I съезда естествоиспытателей, она подала на съезд убедительно мотивированную записку с просьбой допустить женщин к обучению в университетах. Съезд отклонил ходатайство Конради, но высказал публичное одобрение ее проекту.[2]

Группа передовых женщин, среди которых особенно выделялись А. П. Философова, Н. В. Стасова, В. П. Тарновская[3] и М. В. Трубникова, дочь декабриста В. П. Ивашева, возглавила борьбу за высшее женское образование.

Осенью 1868 года министру народного просвещения Д. А. Толстому была подана петиция за подписью 400 женщин, в которой доказывалась необходимость открытия высших курсов для женщин. Но министр, несмотря на то, что петицию поддержал делегат университета А. Н. Бекетов, отверг ее.[4] Однако вопрос уже был поднят и широко обсуждался в печати.

Прогрессивная часть общества сочувственно отнеслась к идее высшего образования женщин. Совет профессоров С.-Петербургского университета, профессора Военно-медицинской академии и Академии наук, в составе 43 человек, собравшись на квартире М. В. Трубниковой, предлагали создать курсы и решили 1-й год читать лекции безвозмездно. Они выступали с лекциями по математике, историческим наукам, русской словесности — и на частных квартирах.[5]

Учредительницы, добившиеся доступа женщин к высшему образованию, получали многочисленные приветственные послания, в том числе и из-за рубежа. Известный английский ученый Джон Стюарт Милль писал: «Милостивые государыни! С чувством удовольствия, смешанного с уважением, узнал я, что в России нашлись просвещенные и смелые женщины, требующие для своего пола участия в разных отраслях выс-

[1] Ко второй половине 60-х годов относятся первые выпуски женских гимназий, открытых в больших городах России в 1858 году. — В. Овцын. Развитие женского образования. СПб., 1887, стр. 25, 19.

[2] С-Петербургские ВЖК за 25 лет. 1878—1903, СПб., 1903, стр. 16—19.

[3] См. статью «Деятельницы комитета» в настоящем сборнике, стр. 172.

[4] С.-Петербургские ВЖК за 25 лет, стр. 27—32.

[5] Там же, стр. 35.

шего образования... и что им для своего дела удалось заручиться поддержкой выдающихся людей науки. Этого же добиваются с постоянно возрастающей настойчивостью, но до сих пор без успеха, наиболее просвещенные люди других европейских стран. Благодаря вам, милостивые государыни, Россия, быть может, опередит их».[6] Французская писательница Андре Лео, деятельница Парижской Коммуны, писала: «Вы задумали превосходнейшее на свете дело. За вами останется та слава, что вы основали в России то, о чем мы здесь только мечтаем».[7]

Под давлением прогрессивной общественности правительство вынуждено было дать разрешение открыть курсы с целью восполнения пробелов в среднем общем образовании женщин. 1 апреля 1869 года курсы были открыты. Занятия происходили в здании 5-й мужской гимназии у Аларчина моста, и курсы получили название Аларчинских.[8]

20 января 1870 года в Петербурге были открыты публичные курсы для мужчин и женщин, получившие название Владимирских (от здания Владимирского уездного училища, где они помещались), существование которых принесло значительную пользу дальнейшему развитию широко уже поставленного в России вопроса о высшем женском образовании. Министр народного просвещения разрешил читать на этих курсах публичные лекции профессорам университета К. Н. Бестужеву-Рюмину, Д. И. Менделееву, Ф. Ф. Петрушевскому, Ф. В. Овсянникову, А. Н. Бекетову и доцентам О. Ф. Миллеру, Ф. Ф. Соколову и И. И. Мечникову.[9] Но случайный состав слушателей курсов, различный возраст и подготовка лишали возможности преподавателей вносить в свои лекции строгую научную систему и полноту. Инициаторов не удовлетворяло такое положение, и это было главной причиной прекращения лекций. Немаловажным основанием к этому явилась и материальная нужда.[10]

1872 год был знаменательным для истории женского вопроса и женского просвещения в России. «Правительство обратило внимание на большое количество женщин, уезжающих за границу ради получения высшего образования, на возрастающий наплыв женщин в Цюрихский университет, тамошний политехнический институт» и другие высшие учебные заведения Запада».[11] «Правительственный Вестник» 21 мая 1873 года писал: «Одновременно с возрастанием числа русских студенток коноводы эмиграции избрали этот город (Цюрих. — *Ред.*) центром революционной пропаганды и обратили все усилия на привлечение в свои ряды учащейся молодежи. Под их влиянием научные занятия бро-

---

[6] Там же, стр. 34.

[7] В. В. Стасов. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899, стр. 205.

[8] С.-Петербургские ВЖК за 25 лет, стр. 36.

[9] Там же, стр. 40.

[10] Там же, стр. 62.

[11] Там же, стр. 51.

сались для бесплодной политической агитации. В среде русской молодежи обоего пола образовались различные политические партии самых крайних оттенков».[12]

Боясь революционных идей, которые могли распространять вернувшиеся на родину из заграничных высших учебных заведений русские женщины, правительство решило в 1876 году открыть высшие женские курсы в университетских городах России. Но окончившие курсы лишались права преподавания в народной школе, которое они получали по окончании гимназии: правительство боялось занесения революционных идей в деревню.

20 сентября 1878 года в Петербурге были открыты постоянные Высшие женские курсы с тремя отделениями — словесно-историческим, физико-математическим (естественным) и специально математическим. Министр народного просвещения гр. Толстой «разрешил устройство курсов, но с тем, чтобы они были учреждены на имя одного из профессоров, и сам указал на профессора К. Н. Бестужева-Рюмина».[13]

Таким образом, первым директором курсов стал известный историк, академик К. Н. Бестужев-Рюмин, племянник декабриста М. П. Бестужева-Рюмина,[14] казненного за участие в восстании 14 декабря 1825 года. Константин Николаевич в течение четырех лет (1878—1882) безвозмездно трудился над организацией первого женского университета в России. И Петербургские ВЖК неофициально стали называться его именем — Бестужевские.

В 1889 году, когда был возобновлен после трехлетнего перерыва прием на курсы, слушательницы первых 8 выпусков преподнесли К. Н. Бестужеву-Рюмину следующий адрес:

Глубокоуважаемый Константин Николаевич!

Нынешней весной закончится первый период существования курсов, которые носят Ваше имя. К сожалению, только первое поколение слушательниц знало Вас лично и слушало Ваши лекции: расстроенное здоровье принудило Вас покинуть деятельность, которой Вы предавались с такой горячей любовью. Но все поколения соединились здесь, чтобы принести Вам душевную благодарность за теплое доверие к искренности наших стремлений учиться университетской науке и к нашим способностям, какое Вы оказали, приняв на себя, как начальник-попечитель, тяжелую ответственность за юное возникавшее учреждение. Громко, словом и делом, выражали Вы свое доверие к силам русской женщины, сердечное Вам за это спасибо от всех, учившихся в нашей дорогой alma mater.

Многие из нас помнят, с каким участием, с какой добротой относились Вы ко всякой просьбе, с которой к Вам обращались. Ваши слушательницы никогда не забудут Вас, как профессора. Вы не ограничивались преподаванием истории, но на своих лекциях касались самых разнообразных вопросов, полных общечеловеческого интереса: Вы учили нас, что влияние женщины громадно как в семье, так и везде,

[12] Там же, стр. 58.
[13] Из речи А. Н. Бекетова 23 сентября 1885 г. Архив ЛГУ, фонд ВЖК.
[14] Декабристы и их время. М.—Л., 1928, стр. 206.

где только ей приходится действовать, что от нас зависит, будет ли это влияние благотворно или нет; чем больше мы будем заботиться о развитии всех наших умственных и нравственных способностей, тем скорее приблизимся к идеалу, который Вы нам ставили — не в узкой специализации, но в общем всестороннем образовании личности.

Примите же, дорогой Константин Николаевич, нашу горячую благодарность за то добро, которому Вы нас учили, и поверьте, что пока существуют Высшие женские курсы, Ваше имя не умрет, но будет передаваться от одного поколения слушательниц к другому.

1889 год

О. Стебницкая, В. Шифф, В. Тарновская, Н. Ветвеницкая, Р. Бодуэн-де-Куртенэ, М. Зарудная-Грвес, Е. Бекетова.

Ниже следует 270 подписей

* Все подписи слушательниц ВЖК первых восьми выпусков (с 1882 по 1889 год). Документ получен в 1969 году от внучки академика К. Н. Бестужева-Рюмина Т. А. Пландовской.

Руководство педагогической частью принадлежало Педагогическому совету, председателем которого с 1882 г. был проф. А. Н. Бекетов. Все лучшие силы университета активно поддерживали молодое начинание — высшее женское образование, и ведущие профессора стали преподавать на курсах.

При открытии курсов на них поступило 468 постоянных слушательниц и 346 вольнослушательниц, а к сентябрю 1881 года на курсах состояло 938 постоянных слушательниц и 42 вольнослушательницы.

Член Комитета курсов М. К. Цебрикова писала в журнале «Друг женщин»: «Высшее образование получается многими ценой дорогих жертв. Эти сырые и холодные углы, где набиваются по три, по четыре слушательницы; нередко одна постель на троих, которой пользуются по очереди; этот, в трескучий мороз, плед поверх пальто, подбитого ветерком; эти обеды грошовых кухмистерских, а зачастую колбаса с черствым хлебом и чаем; эти бессонные ночи над оплачиваемой грошами перепиской вместо отдыха».[15]

«Никакие препятствия и невзгоды не останавливают женщин, и их стремления посвящать свои силы педагогическому делу не ослабевают, но, напротив, увеличиваются с каждым годом. Их не пугает перспектива деревенской жизни со всей ее непривлекательной и невежественной обстановкой».[16]

Одновременно с открытием в Петербурге ВЖК начало работать Общество доставления средств ВЖК, утвержденное министерством внутренних дел. Участвовать в развитии и укреплении ВЖК, одного из

[15] «Друг женщин», 1883, № 5, стр. 107.
[16] Там же, стр. 107.

культурнейших центров Петербурга, считалось делом почетным, и число членов Общества непрерывно возрастало (через 5 лет, в 1883 году, их было свыше 1000 человек). Высокообразованные, прогрессивно мыслящие люди создали из ВЖК один из культурнейших очагов Петербурга.

Исполнительным органом Общества по выбору общего собрания стал комитет, состоящий из 12 членов. В их числе была С. В. Ковалевская. На обязанности членов лежали заботы о хозяйственных делах курсов и работа в смешанной комиссии (с представителями Совета профессоров), требующие деятельного участия в учебной жизни. Распорядительницей курсов комитет избрал Н. В. Стасову, отдававшую всю себя этой работе; председателем же комитета с 1879 г. был А. Н. Бекетов. На посту директора курсов (после К. Н. Бестужева-Рюмина) и председателя комитета он оставался до 1889 г., когда он и Н. В. Стасова, два крупнейших поборника высшего женского образования, по требованию царского правительства вынуждены были уйти, и их уход явился сильнейшим и точно рассчитанным ударом по курсам в тяжелый год их существования.

В основу своей деятельности члены комитета положили принцип бескорыстного труда. Единственным наемным лицом был письмоводитель. Так началась многолетняя деятельность целой плеяды замечательных женщин.

Гибель курсов даже многим сочувствующим казалась неизбежной. Но этого не случилось: в отчете Общества за первые годы дефицита не было. Финансовый успех объяснялся не только увеличением числа слушательниц и членов Общества, но и помощью прогрессивной русской общественности. В. В. Стасов писал: «Все рубли, большие и малые, дала вся страна».[17]

Основной задачей комитета являлось изыскание средств на содержание курсов. Правительственная дотация в размере 3000 рублей в год и взносы слушательниц за правоучение (до 1886 года — 50 рублей в год) не покрывали расходов по учебной части, несмотря на безвозмездный труд членов комитета и многих профессоров.

Комитет изыскивал всевозможные способы получения денег: членские взносы Общества, книжные базары, лотереи, сборы с публичных лекций популярных профессоров, с концертов с участием виднейших артистов: П. А. Стрепетовой, М. Г. Савиной, В. Ф. Комиссаржевской, Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова, В. Н. Давыдова, К. А. Варламова, Медеи (М. И.) Фигнер, Н. Н. Ходотова и др. Н. Н. Фигнер, например, ежегодно давал два сольных концерта в пользу курсов. Большие суммы складывались из пожертвований.

---

[17] В. В. Стасов. Н. В. Стасова, стр. 335.

С открытием курсов возникла необходимость в создании библиотеки, но средства были ограничены и рассчитывать на организацию фундаментальной библиотеки пока не приходилось.

И снова общественность и передовые люди приходят на помощь. Первый вклад был сделан профессором Н. И. Кареевым, пожертвовавшим книги по истории, литературе и общественным наукам. Затем отдали часть своих очень ценных книг профессор И. А. Шляпкин и ряд других ученых и общественных деятелей. Созданная в 1878 году библиотека через четыре года имела уже около 1000 книг (а при передаче ее в университет в ней насчитывалось 70 358 томов). Но помещений для читален и лабораторий не хватало.

19 июня 1884 года началась постройка собственного здания для ВЖК на 10-й линии Васильевского острова № 33 (ныне математико-механический факультет ЛГУ). План постройки был выработан при активном и безвозмездном участии группы архитекторов во главе с А. Ф. Красовским. 1885/86 учебный год начался в новом здании. На открытии его А. Н. Бекетов сказал: «Торжество, на котором мы присутствуем сегодня, многозначительно для всей страны. Это освящение и открытие первого здания, воздвигнутого в России высшему женскому образованию и притом на частные средства русского общества».[18]

Педагогический совет курсов и комитет Общества не раз ходатайствовали перед министерством народного просвещения о предоставлении успешно окончившим курсы права преподавания во всех классах женских гимназий. Но ходатайства не имели успеха. Журнал «Друг женщин» цитировал выдержку из буржуазной газеты «Новое время»: «Женщины уже владеют правами в имущественном отношении, необходимо дать им права и по образованию... Без них курсы не достигают своей цели; дать высшее образование и не дать никаких прав — все равно, что научить сотни лиц корабельному искусству и отправить их в Сахару, предоставив им свободно пользоваться своим знанием. Неужели же курсы не заслуживают лучшей участи? Неужели русская образованная женщина мало принесла и приносит пользы обществу?»[19]

Все же высшее женское образование, поддерживаемое живым и деятельным сочувствием передовой части русского общества, казалось бы, упрочилось, однако консервативная часть общества и правительство видели в Высших женских курсах рассадник революционных идей, реакционные публицисты клеветали на курсы и курсисток. Посыпались доносы, обвинения слушательниц в политической неблагонадежности и даже в безнравственности. И в мае 1886 года были закрыты Высшие женские курсы, организованные в других городах раньше Бестужев-

---

[18] С.-Петербургские ВЖК за 25 лет, стр. 331.
[19] «Друг женщин», 1882, № 3, стр. 73.

ских. По распоряжению министра народного просвещения был прекращен прием слушательниц и на курсы в Петербурге.[20] На заседании специальной комиссии при министерстве народного просвещения 8 апреля 1887 года председатель заявил: «Комиссия желает выработать общее нормальное положение для такого рода учебных заведений».[21]

Началась долгая и напряженная работа комитета за сохранение курсов. В «Записке», представленной комитетом в комиссию министерства, излагались начала, которые желательно было бы положить в основу организации высшего учебного заведения. Обсуждение этого вопроса тянулось 3 года. В это время в комитете возникли материальные затруднения, грозившие курсам катастрофой. Комитет обратился с призывом к общественности о помощи курсам, и призыв не остался без ответа. В первую очередь откликнулись профессора, отказавшиеся от оплаты за свои лекции, среди них Д. И. Менделеев, О. Ф. Миллер, А. Н. Бекетов, Н. П. Вагнер, И. М. Сеченов, И. И. Билибин, Н. М. Каринский и др. Вдова профессора А. М. Бутлерова отдала курсам часть библиотеки мужа; почетный член Общества В. Ф. Лучинин пожертвовал для химической лаборатории много ценных приборов. Без такой поддержки и ясно выраженного сочувствия русского общества ВЖК не могли бы пережить тяжелое для них время.

10 января 1889 года, за несколько месяцев до выпускных экзаменов последних слушательниц, после чего курсы перестали бы существовать, комитет подал прошение царю о разрешении нового приема. Прошение было представлено вместе с соображениями министра народного просвещения о реорганизации курсов. Согласие было получено.

Началась реорганизация, уничтожавшая прежнюю автономию; назначенный министром директор возглавил управление курсов; учрежденной группе инспектрис было вменено в обязанность наблюдение за поведением слушательниц во внелекционное время, упразднялись естественноисторические кафедры, число слушательниц, большая часть которых обязана была жить в общежитии под надзором назначенных директором инспектрис, не должно было превышать 400 человек. Такой ценой было сохранено единственное женское высшее учебное заведение в России. Директором был назначен В. П. Кулин, пенсионер, бывший директор учительской семинарии. Вся учебная часть курсов была теперь сосредоточена в Совете преподавателей, председателем которого стал директор.

---

[20] «Правит. Вестник», 1886, 8 мая, стр. 1, стлб. 5: «Ввиду производящегося в особой Комиссии, учрежденной при Министерстве Народного Просвещения, рассмотрения вопроса о высшем женском образовании, Министерство Народного Просвещения признало нужным сделать распоряжение о прекращении ныне же приема слушательниц на высшие женские курсы при Министерстве».

[21] С.-Петербургские ВЖК за 25 лет, стр. 158.

Комитет вынужден был ради спасения курсов согласиться на «реорганизацию», предложенную министерством: ограничить свою деятельность хозяйственной частью, признать над собой контроль попечителя учебного округа и назначенных административных лиц и т. д. Но комитет не ограничился присвоенной ему формально хозяйственной функцией. Он по-прежнему входил во всю жизнь курсов, широко участвуя в деле расширения их научной программы и борясь за автономию.

Осенью 1889 года был, наконец, после трехлетнего перерыва возобновлен прием на Высшие курсы. Прошений на курсы поступило гораздо меньше, чем до преобразования. В 1889 году было принято всего 144 слушательницы.[22] Значительно меньше прошений, чем раньше, было подано на физико-математическое отделение. Это объясняется исключением из программы отделения естественных наук. Пока они преподавались на курсах, физико-математическое отделение было многочисленнее словесного.

«Реакция 80-х гг. временно придушила Петербургские курсы и исказила их», — вспоминала потом Е. Щепкина. Отсюда разочарование многих слушательниц, пришедших на курсы сразу же после реорганизации. Как раз в это время, в 1889 году, поступила на ВЖК и Н. К. Крупская.

В 1893 году делегат министерства народного просвещения С. М. Волконский выступил на заседании Всемирного конгресса по вопросам воспитания в Чикаго с речью о высшем образовании женщин в России. Он подробно изложил программу двух факультетов ВЖК, назвал темы работ слушательниц по математике, философии и истории, привел положительный отзыв о знаниях слушательниц, данный С. В. Ковалевской, присутствовавшей в 1890 году на экзаменах физико-математического факультета.

Петербургские Высшие женские курсы, таким образом, получили уже известность и за рубежом. Помощь курсам деньгами и пожертвованиями, а главным образом бескорыстным трудом многих преподавателей не прекращалась. Например, в 1892/93 году профессора А. И. Введенский, С. Ф. Платонов, С. К. Булич, Р. Р. Густавсон и М. Д. Львов читали сверх назначенных часов дополнительные лекции бесплатно.[23] В 1896/97 году министерством народного просвещения было разрешено профессору университета В. В. Докучаеву прочесть бесплатно курс лекций по почвоведению слушательницам III—IV курсов физико-математического отделения. На тех же условиях, т. е. безвозмездно, открыт был в этом же году на историко-филологическом отделении новый курс профессора А. И. Введенского «Теория эмпирического познания» —

---

[22] С.-Петербургские ВЖК за 25 лет, стр. 204, 252—253.

[23] Отчет о состоянии С.-Петербургских Высших женских курсов за 1892/93 учебный год. СПб., 1894, стр. 15.

как существенное дополнение к читаемому тем же преподавателем курсу логики.[24] Совет Горного института пожертвовал курсам ценные коллекции. Генерал-лейтенант А. А. Боголюбов подарил собранную им во время путешествия коллекцию по минералогии и геологии. Глубокой благодарности заслуживает многолетний и внимательный труд врачей, оказывавших слушательницам бесплатную медицинскую помощь.

Приток денежных средств дал возможность расширить в 1895 году учебные помещения ВЖК. Рядом с курсами Общество строит дом под общежитие. В прессе появляются статьи, освещающие деятельность комитета. «Мало распространены в нашем обществе точные сведения даже о таких учреждениях, которые имеют особое право на общественное внимание. Таковы, например, Высшие женские курсы в Петербурге — единственное образовательное заведение этого рода, уцелевшее после мероприятий 1886 года. Часто приходится слышать мнение, что они существуют исключительно за счет правительственной субсидии и платы, вносимой самими слушательницами за слушание лекций, а Общество доставления средств Высшим женским курсам дает им только помещение с обстановкой, да еще стипендии для небольшого числа слушательниц.

На самом деле роль Общества, заботящегося о Высших женских курсах гораздо шире и важнее. За первые три года существования курсов в настоящем виде субсидия министерства народного просвещения (3000 рублей в год) и плата слушательниц составили только 65 580 рублей, или 58% всех расходов на курсы, простирающихся до 109 тыс. рублей; вся разница покрыта Обществом, доходы которого слагаются из членских взносов, пожертвований, субсидий городской думы, сборов с вечеров, базаров и т. п. Необходимо прибавить к этому, что Общество, через членов своего комитета, безвозмездно ведет все хозяйство курсов и устроенного при них общежития... Высшие женские курсы и в настоящем своем виде представляются учреждением чрезвычайно полезным. Общество, их основавшее, поддержавшее в трудную минуту и поддерживающее до сих пор, заслуживает благодарности всех тех, кому дорого русское просвещение. Необходимо распространять правильные представления о его деятельности, чтобы обеспечить за ним сочувствие и содействие образованной публики».[25]

За первые 25 лет существования Обществу удалось приобрести земельные участки и построить 4 дома, общая стоимость которых превышала 700 тыс. рублей. Библиотека, лаборатории, астрономическая вышка и все учебное оборудование были оценены в 200 тыс. рублей. Капитал Общества, хранившийся в процентных бумагах, составлял

---

[24] Отчет о состоянии С.-Петербургских Высших женских курсов за 1896/97 академический год. СПб., 1898, стр. 6.

[25] «Вестник Европы», 1893, январь, стр. 466.

88 100 рублей. Таким образом, к концу 25-летия (к 1903 году) материальный актив Общества равнялся 1 005 100 рублям. Годовой бюджет составлял в среднем 100 000 рублей. Число членов Общества к 1903 году возросло до 1500 человек.

Высшее женское образование развивалось, укреплялась научная и материальная база. В адресе совета Петербургского университета, преподнесенном ВЖК в день 25-летия, говорится: «Россия может гордиться тем, что Общество само, своим почином, нашло возможность создать первое высшее учебное заведение для женщин и могло не только поддержать, но и материально обеспечить курсы, требующие больших затрат на свое содержание».[26]

Число слушательниц, несмотря на многие трудности, увеличивается с каждым годом. Уже в 1894 году было принято сверх комплекта 76 человек, а в 1895 году последовало разрешение министерства народного просвещения довести число слушательниц до 600. К 25-летнему юбилею ВЖК в 1902/03 учебном году на курсах было 1154 слушательницы. В. П. Кулин дал следующую оценку положения курсов: «Среди всех учебных заведений, существующих в России, наши курсы составляют исключительное явление. Представляя единственное в России высшее женское общеобразовательное учреждение с университетскими профессорами и университетскими программами, они никакими особыми правами не пользуются; с какими правами слушательница поступает на курсы, с такими же, после 4-летних занятий, она и оставит курсы...

Казалось бы, существовать при таких условиях нельзя. Но наши курсы существуют... Значит, должна же быть в этом, так сказать, бесправном и безнадежном учреждении какая-нибудь притягательная сила, которая привлекает сюда ежегодно сотни молодых образованных женщин из близких и далеких мест, со всей России... Полагаю, нельзя отрицать, что эта сила кроется в науке и, с другой стороны, в сознательном стремлении русской женщины возвысить уровень своего образования».[27]

Если в 80-х годах количество русских студенток в заграничных университетах было значительно (в 1882 году в Швейцарии — 42, в Париже — 5, в 1883 году в Швейцарии — 34), то в 90-х годах отъезд русских студенток за границу сократился. С первого года существования курсов среди слушательниц появляются иностранки. А в 1901 году количество иностранок достигает 25 человек.[28]

Совет профессоров выделяет среди окончивших слушательниц наиболее одаренных и оставляет их на курсах для подготовки к преподавательской деятельности на ВЖК и получения ученой степени. За 1896—

---

[26] Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.
[27] Отчет о состоянии ВЖК за 1891/92 учебный год. СПб., 1893, стр. 13.
[28] С.-Петербургские ВЖК за 25 лет, стр. 252—253.

1898 годы оставлены были на курсах по всем факультетам 30 человек. Часть из них была командирована за границу для завершения образования и получения ученой степени. Но воспользоваться неоплачиваемой командировкой могли только материально обеспеченные слушательницы.

В 1904 году министерством народного просвещения было разрешено окончившим курсы преподавать в старших классах женских гимназий, а в 1906 году министерство предоставляет бестужевкам право преподавать в 4-х классах мужских учебных заведений.[29]

25-летняя борьба за высшее женское образование завершилась победой, но пока еще неполной. Женщина постепенно отвоевывала право на образование и труд в некоторых областях наравне с мужчиной.

В предреволюционные годы курсы не раз были на грани закрытия из-за участия слушательниц в студенческих забастовках, вызванных различными событиями (история Ветровой, отдача студентов в солдаты и др.). Многие из слушательниц занимались подпольной работой, подвергались ссылке и заключению в тюрьмы.[30]

Яркой чертой бестужевок была бескорыстная любовь к знанию и горячее желание передать его народу. Многие из них, еще учась сами, работали в вечерних и воскресных школах для рабочих. Деятельно в этом направлении проявили себя в годы пребывания на ВЖК Н. К. Крупская, А. И. Ульянова и другие революционно настроенные слушательницы: они, наряду с обучением рабочих в воскресных школах, вели и революционную пропаганду.

Революционное движение, охватившее страну, нарастало, вовлекая в борьбу студенчество. Мирный ход учебных занятий во время революции 1905 года был нарушен. Все высшие учебные заведения, в том числе и ВЖК, были по распоряжению правительства временно закрыты. Только с осени 1906 года были возобновлены занятия на курсах.

Все высшие учебные заведения получили автономию, что дало возможность произвести на ВЖК коренную реорганизацию преподавания и фактически превратить их в первый в мире женский университет, однако без права держать государственные экзамены. Совету профессоров разрешено было избирать из своей среды директора.

Первым выборным директором становится профессор зоологии В. А. Фаусек, блестящий администратор и видный общественный деятель. В заседаниях совета профессоров наравне с профессорами стали принимать участие младшие преподаватели и ассистенты. Были упразднены должности инспектрис. Богословие перестало быть обязательным предметом. Отменена была и старая норма числа слушательниц (600

[29] С.-Петербургские ВЖК за 25 лет, стр. 236—237. Журн. Мин-ства народного просвещения, 1907 — VI, стр. 12.

[30] См. статью С. И. Стриевской, стр. 22.

человек), и сразу количество заявлений возросло. В 1906 году подали заявления с просьбой зачислить на курсы 3593 человека. Принято было 1480 человек; всего в 1906/07 учебном году на ВЖК обучалось уже 2396 человек.[31] Было восстановлено преподавание биологических наук. 13 мая 1906 года открылся юридический факультет. На заседании Совета профессоров ежегодно обсуждался список слушательниц, достойных командировки за границу за счет комитета и частично министерства народного просвещения. Этот вопрос решался закрытой баллотировкой. Изменилась система отметок, и вместо 5-балльной были введены 3 оценки: весьма удовлетворительно, удовлетворительно и неудовлетворительно.

Но наиболее важным достижением полученной автономии явилось введение в учебный процесс предметной системы, сменившей курсовую. Разработанная группой профессоров ВЖК во главе с В. А. Фаусеком и И. М. Гревсом предметная система была принята в 1906/07 учебном году всем профессорским составом на историко-филологическом и физико-математическом факультетах. Эта система значительно расширяла свободу преподавания. Она заменила обязательное прохождение прежних четырех курсов в неизменной последовательности с неподвижными в конце каждого года экзаменами и однотипными дипломами после окончания курса.

Основные положения о предметной системе, принятые Советом профессоров на заседании 11 апреля 1906 года, сводятся к следующим пунктам:

«1) ныне существующее деление на курсы с переходными экзаменами упраздняется;

2) слушательницам предоставляется право посещать лекции по каким угодно предметам и подвергаться испытаниям из этих предметов, в чем и получать удостоверения;

3) каждый факультет устанавливает группы наук и планы практических работ, занятия и испытания по которым обязательны для лиц, желающих получить свидетельство об окончании курсов по избранной группе наук; это свидетельство не может быть выдано ранее 3 лет пребывания на курсах;

4) допущение слушательниц к экзаменам и практическим занятиям производится на основании правил, устанавливаемых факультетом;

5) экзамены могут происходить в течение всего учебного года, причем каждый профессор назначает для экзамена не менее одного дня в месяц;

6) экзамен может быть сдан лишь после того, как слушательница имела возможность прослушать лекции по данному предмету;

[31] Отчет о состоянии С.-Петербургских высших женских курсов за 1906/07 уч. год, стр. 49.

7) профессор имеет право произвести экзамены вне очереди, если он убедился, что слушательница достаточно подготовлена для усвоения данного предмета;

8) слушательница не может более оставаться на факультете, если в продолжение 2 лет она не сдала ни одного экзамена и в продолжение 6 лет не окончила всех экзаменов по одной группе наук».[32]

Предметная система была особенно благоприятна для историко-филологического факультета. Лекции открывали путь в науку, а центр тяжести передвигался на практические занятия — просеминарии и семинарии.

В связи с новой организацией учебного процесса на ВЖК увеличилось число слушательниц, оставленных в качестве ассистентов преподавателей или руководителей практических занятий при кафедрах всех отделений факультетов. Некоторые из оставленных получают магистерские и докторские степени и становятся профессорами. Должность секретаря учебной части ВЖК занимает также бывшая бестужевка Н. А. Ветвеницкая. Заведует фундаментальной библиотекой Е. В. Балабанова — бестужевка, окончившая Гейдельбергский университет и отделение библиотековедения при Геттингенском университете. Она поставила библиотеку курсов на уровень современных западноевропейских научных библиотек. Трудами Е. В. Балабановой и ее помощницы Н. Ф. Петрушевской был составлен 3-томный каталог библиотеки ВЖК, облегчивший пользование ее книжными фондами. С 1902 года курсы, наравне с университетом, пользовались правом получать из-за границы печатные издания, рукописи и учебные пособия без цензуры. Библиотека выписывала ежегодно 170 журналов и 20 журналов получала бесплатно от различных научных учреждений.[33]

Большой исторической библиотекой заведовала окончившая ВЖК по историческому отделению Ольга Павловна Захарьина. Она оставалась на этой работе до момента слияния ВЖК с Петроградским государственным университетом в 1919 году, когда перешла в Публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В 1911/12 учебном году по всем факультетам и отделениям были устроены читальни, в организации которых также приняли деятельное участие бестужевки.

На курсах с 1906 года создаются всевозможные кружки: справочно-педагогический, по изучению украинского языка и литературы и другие.

Вводится свободное расписание без контроля посещаемости. Это приводит к тому, что слушательницы различных факультетов и отделений посещали лекции наиболее популярных профессоров, таких, как

[32] Отчет за 1906/07 уч. год, стр. 63—65 (приведены только основные пункты).
[33] Отчет о состоянии Петроградских ВЖК за 1914/15 уч. год, Пг., 1916.

Д. Н. Овсянико-Куликовский, Д. В. Айналов, М. М. Ковалевский, Н. А. Котляревский и другие.

Свободное расписание показало, что лекции профессоров менее содержательные, не вносившие ничего нового, собирали малочисленную аудиторию.

Очень важным дополнением в учебном процессе стали экскурсии, которые проходили в каникулярное время. Профессора И. А. Шляпкин, Д. В. Айналов, С. Ф. Платонов и преподаватель Б. Д. Греков со своими слушательницами ездили в древнерусские города, знакомили с историческими памятниками, народным творчеством, живописью и памятниками русского зодчества. Профессор Ф. Ф. Зелинский с бестужевками ездил в Грецию, профессор И. М. Гревс со своими слушательницами — в Италию. Специальных средств на экскурсии у комитета не было, и профессора, как правило, проводили их бесплатно.

Число слушательниц постоянно увеличивается и к 1912 году достигает почти 6000 человек. Иностранок на ВЖК насчитывается уже 39 человек.[34] Опасения Совета профессоров, что открытие для женщин дверей университетов в Саратове и Томске отразится на числе слушательниц Петербургских ВЖК, оказались напрасными.

Меняется сословный состав курсисток. Если раньше здесь преобладали дочери дворян, военных и гражданских чинов, то в 1912 году на их долю приходится только 36%.[35]

30 мая 1910 года Государственный Совет признал Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы высшим учебным заведением с объемом преподавания, равным университету. Свидетельства об окончании ВЖК были приравнены к выпускным свидетельствам университета.[36]

Существование ВЖК явилось громадным шагом на пути прогресса. Высшее образование стало доступно для женщин. Но обучение требовало немалых средств. Число же неимущих слушательниц было очень велико.

С самого основания на курсах существовали такие студенческие организации, как касса взаимопомощи, землячества, бюро труда. Они поддерживали слушательниц, выдавая им краткосрочные и долгосрочные ссуды.

Общество вспомоществования и Комитет также приходят на помощь, учреждая стипендии. Первая стипендия имени А. Н. Бекетова

---

[34] Отчет Совета профессоров за 1911/12 год, стр. 26—27. В кн.: Отчет Общества для доставления средств ВЖК. СПб., 1913.

[35] Там же, стр. 29.

[36] Отчет о состоянии Петроградских ВЖК за 1914/1915 ак. г. Пг., 1916, стр. 280—281.

была учреждена комитетом в 1885 году,[37] затем и другие: имени Н. В. Стасовой, С. В. Ковалевской, А. П. Философовой и др. Городская дума внесла капитал для 12 стипендий имени К. Д. Ушинского, Я. К. Грота, М. М. Стасюлевича и А. С. Пушкина. Слушательницы внесли 1000 рублей для стипендии имени В. А. Фаусека. В 1910 году Совет профессоров выделил средства для 50 стипендий имени Л. Н. Толстого. Многие из сочувствующих высшему женскому образованию жертвовали крупные суммы в Комитет для уплаты за слушание лекций. Но эта помощь все же была недостаточной, стипендий хватало, чтобы обеспечить только 9% нуждающихся. Если в 1909 году из среднего бюджета слушательницы в 25 рублей на питание и жилище затрачивалось 62%, то в 1915 году эти же статьи расхода поглощали 80%. Так отразилось на бюджете слушательниц вздорожание жизни в связи с началом первой мировой войны. Заработок казался счастливым выходом из нужды, но получить работу было трудно. В 1909 году около 12,5% слушательниц не имели ежедневного обеда, а в 1915 году их число возросло более чем вдвое. Не имея сил бороться с нуждой, выбывают разновременно, не окончив курсы, 1479 слушательниц.[38]

Но, несмотря ни на какие препятствия, трудности и репрессии, борьба за полную победу высшего женского образования не затихала с момента возникновения курсов.

Перед министром народного просвещения был поставлен вопрос о допущении окончивших слушательниц к сдаче государственных экзаменов. С 1911 года каждый раз с особого разрешения министра окончившие слушательницы допускались, после предварительной сдачи дополнительных экзаменов по программе мужских гимназий, к сдаче государственных экзаменов при Петербургском университете по всем обязательным предметам, входившим в программу факультета за годы обучения на курсах.

Отношение некоторых членов приемной комиссии к слушательницам, допущенным к государственным экзаменам, было явно скептическим. Но экзамены показали полную подготовленность бестужевок. В 1914 году экзамены на аттестат зрелости были отменены. С осени 1916 года ВЖК было предоставлено право принимать государственные экзамены самостоятельно.

Большинство слушательниц, окончивших курсы, посвящало себя педагогической работе: по условиям царского времени другие виды интеллигентного труда были ограничены предубежденным отношением к женщине.

---

37 С.-Петербургские ВЖК за 25 лет, стр. 228.

38 Данные об экономическом положении курсисток взяты из материалов переписи слушательниц, проведенной в 1909 и 1915 гг. статистическим семинарием ВЖК.

Женщины все же постепенно пробивали себе дорогу. Окончившие ВЖК принимались на службу в химические лаборатории военного ведомства, а также лаборатории Обуховского завода и многие другие предприятия. Часть окончивших становилась ассистентами и преподавателями курсов. С большим трудом, преодолевая предубежденность общества и запреты царского правительства, женщины все прочнее и прочнее утверждались на различных поприщах, наглядно доказывая свое право на равенство с мужчинами во всех областях жизни.

Увеличение числа слушательниц на физико-математическом факультете вызвало необходимость предоставить факультету самостоятельное помещение с более обширными аудиториями и лабораториями. В 1913 году комитет начал строительство нового дома (№ 43 по Среднему проспекту). Во главе стала В. П. Тарновская, бессменный казначей комитета.

В 1914 году новое помещение было готово к переходу факультета, но первая мировая война изменила всё. Только что отстроенное здание комитет отдает под лазарет на 1000 коек для тяжелораненых и организует обслуживание их в основном силами слушательниц. «Персонал химической лаборатории готовил лекарство; в рентгеновском кабинете работали курсовые физики, причем для кабинета были предоставлены имевшиеся на курсах аппараты.[39] Слушательницы принимают живое участие в разных просветительных начинаниях патроната курсового лазарета. Для раненых читаются лекции, устраиваются школьные и ремесленные занятия, концерты и литературные вечера; библиотека снабжает раненых книгами. В то же время на ВЖК не прекращались сходки с антивоенными призывами и как следствие — правительственные репрессии.

Великая Октябрьская революция открывает новые и последние страницы в истории Высших женских (Бестужевских) курсов.

В 1918 году комитет курсов посылает в Москву делегацию в составе директора С. К. Булича, профессора А. А. Иванова и ассистента В. И. Егоровой. При содействии Н. К. Крупской, бывшей слушательницы ВЖК, курсы преобразуются в III Петроградский университет.

13 сентября 1919 года Наркомпрос влил в состав Петроградского университета бывшие Высшие женские (Бестужевские) курсы.[40]

Советская власть открыла женщине все пути, и бывшие слушательницы ВЖК приняли активное участие в общем деле строительства социализма.

---

[39] Отчет о деятельности комитета Общества для доставления средств ВЖК за 1914—1915 г. Пг., 1916, стр. 20.

[40] Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947. Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1919. № 41, ст. 397. Л., 1948, стр. 11.

С. И. Стриевская[1]

УЧАСТИЕ БЕСТУЖЕВОК В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ[2]

> «Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины».[3]

Первые годы существования Бестужевских курсов совпали с периодом нарастания революционного движения в стране, с началом распространения марксистских идей в русских революционных кругах и в первую очередь среди революционного студенчества.

Уже сам факт открытия первого университета для женщин был крупной победой прогрессивной общественности в борьбе с самодержавно-бюрократическим строем. Для молодых девушек поступление на курсы означало не только возможность получения знаний, получения высшего образования — для подавляющего большинства оно означало также выход из узкой сферы семейно-бытовой обстановки, приобщение к общественным интересам, а зачастую и возможность прямого участия в революционном движении.

Надо учесть, что поступление на курсы было связано с большими трудностями, оговорено рядом ограничений, а между тем курсы не давали абсолютно никаких прав. Поступающим приходилось преодолевать сопротивление окружающей среды, бороться против мещанских предрассудков. Не одной только Дьяконовой, оставившей нам дневник «На Высших женских курсах», пришлось годами добиваться разрешения матери, без которого на курсы упорно не принимали.[4] Нужда и голод ждали многих поступающих...

Все это обусловливало особый состав слушательниц, бескорыстие их стремлений, во многих случаях революционное настроение, готовность к борьбе. Поступали на ВЖК в большинстве случаев девушки наиболее одаренные и волевые. Вот почему, попав в среду революционного студенчества, бестужевки быстро заняли в ней видное место. Лучшим свидетельством этого служат отзывы царских чиновников и реакционной прессы, для которых слово «курсистка» стало синонимом слова «революционерка». Аресты, обыски, высылки были обычным яв-

---

[1] Член КПСС с 1915 года.

[2] В настоящей работе использованы архивные материалы курсов, хранящиеся в Ленинградском государственном историческом архиве, материалы полиции и охранки Центрального государственного архива Октябрьской революции в Москве, а также библиографические материалы и воспоминания. В сборе материала для статьи принимали участие Е. Н. Яковлева, З. А. Евтеева, Ф. М. Тагер.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 186.

[4] См.: Дневник Елизаветы Дьяконовой, 1886—1902 гг. М., 1912, стр. 175—193.

лением на курсах. В годы массовых студенческих волнений до 50% слушательниц исключались с курсов.

Недаром заместитель министра народного просвещения Н. Зверев в докладной записке, представленной царю в связи со студенческими волнениями 1899 года, писал: «Необходимо пресечь дальнейшее скопление в больших городах молодых приезжих девиц, ищущих не столько знаний, сколько превратно понимаемой ими свободы».[5]

Генерал-адъютант П. С. Ванновский, специально назначенный царем для расследования причин «беспорядков» 1899 года, узнав, что к 300 слушательницам, исключенным с курсов, примкнуло еще 150 человек, подавших добровольно заявление об уходе, запросил директора ВЖК Н. П. Раева, «чем объяснить такое единодушие слушательниц», а профессор А. И. Введенский, излагая свое мнение о мерах предупреждения беспорядков на курсах, отмечал: «Дело доходит до того, что слушательницы целыми массами идут на добровольное увольнение только из-за того, чтобы не остаться в стороне, когда страдают их товарищи».[6]

История массовых революционных выступлений на курсах неотделима от всей истории студенческих волнений. Особо надо отметить несколько случаев, когда бестужевки были инициаторами массовых выступлений или выступали самостоятельно, как это имело место во время демонстрации протеста против самодержавного режима в связи с самоубийством бестужевки М. Ветровой в 1897 году, или в 1904 году, когда бестужевки выступили с протестом против верноподданнического адреса, поданного царю группой профессоров по инициативе назначенного правительством директора Н. П. Раева (так называемое «порицание профессорам»).

В процессе борьбы выковывались кадры революционеров, и Бестужевские курсы, наряду с большим количеством выдающихся женщин-ученых, писателей, деятелей искусства, педагогов и пр., дали стране много общественных деятельниц и революционерок.

* * *

Участие бестужевок в народовольческих организациях и в первых марксистских кружках. В 70-х годах XIX века в революционном движении России еще господствовали народники. Традиции революционного народничества имели неотразимое влияние на умы интеллигенции и в первую очередь учащейся молодежи. После раскола «Земли и воли» многие бестужевки примкнули к «Народной воле». Имена бестужевок,

---

[5] Ленинградский государственный исторический архив (в дальнейшем: ЛГИА), ф. 113, оп. 1, ед. хр. 1207, лл. 266—267.

[6] ЛГИА, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 1207, л. 341.

арестованных, сосланных на каторгу и замученных царским правительством за принадлежность к организациям, часто встречаются в литературе о народовольцах.[7] Сестры Мария и Аполлинария Юшины были арестованы по делу о покушении народовольца Соловьева на Александра II. По делу об убийстве шефа жандармов Мезенцева были привлечены бестужевки М. Н. Федорова и А. Н. Малиновская. Последняя при аресте оказала сопротивление, была зверски избита в доме предварительного заключения и сошла с ума.

В первый же 1878/79 учебный год на ВЖК была арестована за принадлежность к «Народной воле» целая группа курсисток. Бестужевские курсы становятся постоянным объектом внимания полиции. В «Литературе партии „Народная воля"» говорится, что в конце 1879 года «особенно много обысков выпало на долю слушательниц Высших женских курсов, у которых они происходили десятками чуть не каждую ночь».[8]

На Бестужевских курсах учились две сестры Веры Николаевны Фигнер. После ареста Евгении Николаевны другая сестра, Ольга, продолжала нелегальную работу. Об организованном ею на курсах народовольческом кружке рассказывает в своих воспоминаниях А. Д. Копылова-Орочко: «Я познакомилась с О. Н. (Фигнер-Флоровская) на Бестужевских курсах в 1881 году. Приехав осенью в Петербург, я вошла в готовый уже курсовой кружок „Народной воли".

...Наш кружок вел пропаганду, агитацию в духе „Народной воли", распространял литературу, заведовал сбором денег, оказывая и другие услуги партии».[9]

К группе «Черный передел» примыкал так называемый «Кружок Решко», одним из организаторов которого была бестужевка О. Б. Карпова. С «чернопередельцами» была связана и бестужевка Г. Н. Добрускина. После эмиграции Г. В. Плеханова и других руководителей организации она была арестована в 1884 году и сидела до суда 3 года. В 1887 году состоялся суд по делу Германа Лопатина, и она была приговорена к смертной казни, но потом смертная казнь была заменена 8 годами каторги.[10] После революции Добрускина была членом Одесского Совета рабочих депутатов.

---

[7] Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Под ред. Вл. Виленского-Сибирякова. М., «Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев», 1927—1934, «Литература партии „Народная воля"». СПб., 1907 и др.

[8] Там же, стр. 110.

[9] А. Д. Копылова-Орочко. Воспоминания об Ольге Николаевне Фигнер-Флоровской .«Каторга и ссылка», 1930, № 1 (62), стр. 171—172.

[10] Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь, т. III, вып. 2, Восьмидесятые годы. М., 1934, стлб. 1196—1197.

В 80-х годах многие бестужевки принимают участие в первых русских социал-демократических организациях. Среди них В. А. Жулковская (Флорова), участница кружка Точисского («Товарищество санкт-петербургских мастеровых»), впоследствии — активный член РСДРП, в 1912 году высланная в Сибирь под гласный надзор полиции на два года.[11]

В кружке Точисского состояла Р. А. Абрамович. При разгроме организации в 1887 году она бежала за границу, и после возвращения в 1897 году сразу же была арестована. Р. А. Абрамович — активная участница первой русской революции 1905—1907 годов и Великой Октябрьской социалистической революции.[12]

Кроме названных курсисток, в кружке Точисского принимали участие и другие бестужевки, в том числе А. Амбарова, высланная в 1886 году, сестры Екатерина и Елизавета Даниловы и некоторые другие.

На историко-филологическом факультете ВЖК училась (1882—1884 годы) болгарка Вела Афанасьевна Живкова — первая марксистка-революционерка в Болгарии. Она была женою Дмитрия Благоева — основателя и вождя Болгарской коммунистической партии.

Вела Живкова-Благоева, писательница и журналистка, редактировала первый орган социалистов — журнал «Современный показатель», журналы «Дело» и «Женский труд» в Софии, сотрудничала в органе болгарской партии «Новое время», была основательницей в Болгарии женского социалистического движения.

В воспоминаниях ее дочери Стеллы Благоевой отмечается работа Велы Афанасьевны в бытность ее слушательницей ВЖК в нелегальном кружке помощи ссыльным (Красном Кресте).

В первой половине 90-х годов, по словам участника одного из кружков группы Благоева—Федорова, бестужевка З. П. Невзорова (Кржижановская) привлекла целую группу бестужевок к работе по собиранию книг для кружков Благоева.[13] После разгрома этой группы они продолжали работу по организации книжных складов, сбору денег и рассылке нелегальной литературы для вновь организуемых кружков, которые потом вошли в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Такая работа была тогда тем более необходима, что количество кружков и их участников все увеличивалось и спрос на марксистскую литературу был очень велик.[14]

---

[11] Там же, вып. 3, стлб. 1434—1435.

[12] Там же, т. V, вып. 1. Социал-демократы. 1880—1894, стлб. 5.

[13] Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России. Сб. материалов под ред. Е. Д. Стасовой. М., 1955, стр. 53.

[14] Н. Трущенко. Сестры Невзоровы. Горький, 1961, стр. 24—25.

* *
*

Участие бестужевок в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». К началу 90-х годов среди бестужевок была уже большая группа марксистски настроенных слушательниц. Перелом намечался даже в кругах народовольцев, еще не порвавших со своей организацией, таких, как П. Ф. Куделли, Е. А. Дьяконова, А. Л. Катанская, которые работали в народовольческой подпольной Лахтинской типографии. Из молодых слушательниц, первокурсниц и второкурсниц, многие примыкали к марксизму.

С появлением «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» десятки слушательниц курсов приняли участие в подпольной революционной работе. Сюда относится как выполнение отдельных поручений, так и постоянное участие в кружках «Союза борьбы», пропаганда, агитация среди рабочих. Этим могли заниматься наиболее подготовленные курсистки.

Активными участницами «Союза борьбы» являлись бывшие бестужевки Н. К. Крупская, А. А. Якубова, Д. В. Ванеева-Труховская, М. Г. Сущинская, Е. А. Изотова-Виноградова и др.

Надежда Константиновна Крупская рассказывала: «Помню, как собирался, например, материал о фабрике Торнтона. Решено было, что я вызову к себе своего ученика по Смоленской вечерне-воскресной школе, браковщика фабрики Торнтона, Кроликова, уже высылавшегося раньше из Петербурга, и соберу у него по плану, намеченному Владимиром Ильичем, все сведения... Потом мы с Аполлинарией Александровной Якубовой, повязавшись платочками и придав себе вид работниц, сами ходили еще в общежитие фабрики Торнтона, побывали и на холостой половине, и на семейной... Только на основании так собранного материала писал Владимир Ильич корреспонденции и листки».[15]

М. Г. Сущинская вела пропагандистскую работу в кружке, собиравшемся в квартире рабочего фабрики Штокмана—Царева. Она приносила туда издания «Союза борьбы», «Петербургский рабочий листок». Иногда кружок собирался в пустой избе за Большой Охтой.[16]

Окончившая ВЖК Е. А. Изотова-Виноградова проводила беседы с рабочими на квартирах бестужевок М. М. Соколовой и Н. П. Ушаковой, а также своей бывшей сокурсницы М. И. Ивановой. Все они были арестованы и привлечены в качестве обвиняемых по делу «Союза борьбы».[17]

---

[15] Н. К. Крупская. Из воспоминаний о В. И. Ленине. В сб.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, М., 1956, стр. 78—79.

[16] Дознания по делу «Союза борьбы». Центральный государственный архив Октябрьской революции, отдел исторических фондов (в дальнейшем: ЦГАОР СССР—И), ф. Д7, ед. хр. 96, ч. 2, 1897, л. 261.

[17] Там же, л. 27—28.

Появление рабочих листков и распространение их по фабрикам и заводам было тогда еще новым делом. Листовок было мало, так как переписывали их от руки печатными буквами. Н. К. Крупская рассказывает, что на фабрике «Лаферм» А. А. Якубова и З. П. Невзорова (Кржижановская) прибегли к такому методу распространения листовок, написанных для работниц этой фабрики: «Свернув листки в трубочки так, чтобы их можно было удобно брать по одной, и пристроив соответственным образом передники, они, как только раздался гудок, пошли быстрым шагом навстречу валившим гурьбой с фабрики работницам и почти пробежали мимо, рассовывая недоумевающим работницам в руки листки».[18]

В комнате у слушательниц ВЖК сестер Невзоровых состоялось собрание основной группы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», на котором Владимир Ильич читал свои замечания к статье Красина «О рынках».

В своих воспоминаниях Невзорова-Шестернина пишет:

«Как сейчас помню нашу небольшую в одно окно длинную комнату с зеленым диваном и двумя кроватями. На этом диване за столом сидит этот новый интересный человек. Владимиру Ильичу было тогда всего 23 года... Свои возражения по поводу статьи Германа Красина он читает по тетрадке. Напротив него на кровати, напряженный как стрела, сидит Глеб Кржижановский, дальше кругом на стульях разместились остальные. Всегда на вид спокойный, но горячий в спорах Старков, высокий красивый П. Запорожец, коренастый белокурый Ванеев, нервный и подвижный Сильвин. На кровати сидят Зина и Аполлинария (З. П. Невзорова и А. А. Якубова), а у печки стоит, заложив руки за спину, высокий с большим лбом Герман Красин... Хозяйничаю я».[19]

Для свидания с политическими заключенными в качестве «невест» чаще всего выбирались бестужевки. Так было и во времена «Союза». И. Х. Лалаянц, встречавшийся с Лениным в 1893—1900 годах, рассказывает, что в 1894 году, отбывая заключение в Петербурге, в «Крестах», он неожиданно был вызван на свидание с «невестой». Ею оказалась курсистка Высших женских курсов О. И. Чачина, которую разыскал Владимир Ильич и живо приспособил в качестве «невесты».[20]

Чачина была тесно связана с социал-демократами, занималась распространением марксистской литературы и состояла в группе Бруснева.

---

[18] Н. К. Крупская. Из воспоминаний о В. И. Ленине. В сб.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, стр. 78.

[19] С. П. Невзорова-Шестернина. Страницы воспоминаний. В сб.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, стр. 141—145.

[20] И. Х. Лалаянц. Из воспоминаний о моих встречах с В. И. Лениным за время 1893—1900 годов. В сб.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, стр. 108.

Она оказалась подходящей «невестой». Установив через нее связь с волей, Лалаянц получил возможность по выходе из тюрьмы до выезда на место высылки в Пензу повидаться с Лениным. Свидание устроила та же Чачина у себя на квартире.

К дознанию по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» были привлечены также Д. В. Труховская (по мужу Ванеева), Д. Васильева, М. Н. Белокопытова, О. Неустроева, Е. В. Пазухина и многие другие. Почти все они были отправлены в ссылку, отданы под надзор полиции.

Глубоко трагична судьба бестужевки Е. Н. Демьяненко. В 1897 году за революционную агитацию среди студентов и рабочих она была арестована и посажена в петербургские «Кресты». В тюрьме она заболела тяжелым душевным расстройством. В 1898 году брату Е. Н. Демьяненко, врачу, удалось взять ее на поруки, а потом тайно переправить за границу. В Швейцарии, оправившись от болезни, Е. Н. Демьяненко поступила в Лозаннский университет и в 1902 году окончила его. Вернулась на родину, два года работала врачом в Саратовской губернии. В 1904 году была опять арестована и покончила жизнь самоубийством.[21]

В 1899 году в ответ на кредо экономистов В. И. Ленин написал «Протест российских социал-демократов». Под этим важнейшим документом, сыгравшим огромную роль в борьбе за создание революционной марксистской партии, было 17 подписей сибирских политических ссыльных, среди них подписи трех бывших бестужевок: Н. К. Крупской, З. П. Невзоровой и Д. В. Ванеевой-Труховской — участниц ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

* *
*

Участие бестужевок в Лахтинской народовольческой типографии. В Лахтинской нелегальной народовольческой типографии в первой половине 90-х годов работала группа слушательниц ВЖК: П. Ф. Куделли, А.Л. Катанская, А. М. Шулятикова (впоследствии казненная вместе с Л. А. Стуре за покушение на министра юстиции Щегловитова), Е. А. Прейс, М. Ф. Ветрова, М. Ф. Николева, несколько позднее Е. А. Дьяконова.

Распространение марксизма в кругах революционно-демократической молодежи неизбежно должно было коснуться и этой группы курсисток, хотя они все еще причисляли себя к народовольцам. С захватывающим интересом слушали они дискуссии марксистов с народниками, все больше интересовались марксистской литературой, рабочим движе-

---

[21] Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК. Из воспоминаний В. А. Фесенко.

нием и бытом рабочих. «В результате начавшейся переоценки ценностей, — пишет П. Ф. Куделли, — меня со всей силой потянуло заниматься с рабочими». П. Ф. Куделли, А. Л. Катанская, М. Ф. Николева начали преподавать в вечерне-воскресной рабочей школе за Невской заставой, где уже работали Н. К. Крупская, Д. В. Труховская, Л. М. Книппович и другие участники «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Постепенно установилась связь Лахтинской типографии с «Союзом борьбы», и вскоре возникла мысль об использовании типографии для печатания марксистской литературы. Для переговоров о напечатании в типографии брошюры В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» от «Союза борьбы» была выделена А. А. Якубова, от типографии — А. Л. Катанская.[22]

Взгляды обеих групп к этому времени настолько сблизились, что рукопись была принята к печатанию почти без изменений, и только провал типографии помешал осуществлению этого соглашения. Возможность печатать свои материалы в типографии была так заманчива, что по указанию В. И. Ленина «Союз» начал готовить выпуск газеты «Рабочее дело», для которой основные статьи написал В. И. Ленин. В статьях Владимира Ильича были использованы материалы, собранные Н. К. Крупской, А. А. Якубовой, З. П. Невзоровой-Кржижановской и другими участниками группы. Газета эта не увидела света в связи с арестом В. И. Ленина.

Сближение участников Лахтинской народовольческой типографии с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» продолжалось и после ареста А. Л. Катанской, М. Ф. Ветровой и др. Через несколько месяцев была арестована Е. А. Дьяконова, взявшая на себя связь с «Союзом борьбы», и у нее при аресте был обнаружен документ — соглашение о слиянии обеих групп.

С провалом Лахтинской типографии связано самоубийство курсистки-бестужевки Марии Федосеевны Ветровой — одно из тягчайших преступлений царизма, на которое студенчество по призыву бестужевок ответило массовой политической демонстрацией в революционном центре страны — Петербурге.

М. Ф. Ветрова была арестована 23 декабря 1896 года. По сведениям охранки, «она находилась в близких сношениях с арестованной по делу тайной народовольческой типографии Е. А. Прейс и после ареста ее вместе с Л. Ергиной приняла на себя связи оставшихся на свободе членов кружка».[23] Месяц пробыла М. Ф. Ветрова в доме предварительного заключения, где находились и другие политические заключенные — женщины. 23 января 1897 года ее перевели в самый мрачный застенок

[22] ЦГАОР СССР — И, ф. Д7, ед. хр. 96, ч. 2, 1897, лл. 432—433.
[23] ЦГАОР СССР—И, ф. Д7, ед. хр. 6, т. IV Б, 1897.

Петропавловской крепости. Охрану в коридоре несли жандармские унтер-офицеры, они же «обслуживали» камеры. Надзирательниц-женщин, как в других тюрьмах, не было. М. Ф. Ветрова оказалась целиком во власти жандармских палачей и подверглась издевательствам и насилию. Через две недели, 8 февраля 1897 года, М. Ф. Ветрова покончила жизнь самоубийством: она облила себя керосином из горящей лампы. Несмотря на страшные ожоги, она прожила еще несколько дней.

Полиция и охранка всячески старались окружить дело М. Ф. Ветровой строжайшей тайной. Матери сообщили, что ее дочь погибла от случайно полученных сильных ожогов. В переписке полиции и градоначальства с комендатурой крепости о самоубийстве М. Ф. Ветровой буквально в каждой бумаге повторялась просьба хранить имя умершей арестантки в тайне. Тщательно скрывалось и место погребения.[24] Но скрыть происшедшее было невозможно. Весть о самоубийстве прошла сквозь стены крепости и дошла до «воли», в первую очередь до подруг Ветровой по курсам.

Вот как описывает начальник С.-Петербургского охранного отделения полковник Пирамидов первую реакцию бестужевок на известие о самоубийстве М. Ф. Ветровой: «1-го сего марта (1897 г. — *С. С.*) слушательницы Высших женских курсов обратились к директору с просьбой разрешить им отслужить панихиду по Ветровой в помещении курсов, и хотя 3 марта желаемая ими панихида и была отслужена, тем не менее слушательницы не успокоились и в тот же час после панихиды собрались в IV аудитории и, заперев дверь на ключ, в продолжение часа обсуждали вопрос о форме публичной демонстрации на следующий день у Казанского собора».[25]

По-видимому, в те времена агентура охранки на курсах была еще плохо поставлена, потому что полковник Пирамидов так и не узнал, что одним из самых горячих ораторов сходки, предложившим организовать демонстрацию и призвать к участию в ней все студенчество, была первокурсница К. Н. Громова, впоследствии славная большевичка, деятель женского рабочего движения К. Н. Самойлова. Это было ее первое выступление на курсах, и оно увлекло даже колеблющихся.

На другой день к Казанскому собору, где предполагалась панихида по М. Ф. Ветровой, собрались огромные толпы студенчества. Участница демонстрации, бывшая бестужевка С. В. Медведева-Петросян [внучка В. В. Стасова, а впоследствии жена выдающегося большевика С. А. Тер-Петросяна (Камо)] вспоминает: «Как сейчас помню волнующуюся толпу перед Казанским собором. Главным образом пришла учащаяся молодежь, но виднелись небольшие группы рабочих. Верховые казаки,

[24] Там же.

[25] Самоубийство М. Ф. Ветровой и студенческие беспорядки 1897 г. «Каторга и ссылка», 1926, № 2, стр. 61—62.

постегивая нагайками, погнали участников демонстрации по Невскому... Я с небольшой группой товарищей, — рассказывает далее С. В. Медведева-Петросян, — попали на Казанскую улицу и через полуоткрытые ворота успели ускользнуть и тем избежать ареста».[26]

Таким же путем рассеялась большая часть демонстрации, так что, когда полиция оцепила все прилегающие улицы, ей удалось задержать всего несколько сот человек. Избежала в этот раз ареста и К. Н. Громова-Самойлова. Среди задержанных было 167 бестужевок. Правда, бестужевок освободили в тот же день вечером, а остальных арестованных на следующий день утром. Всех задержанных полиция переписала.

21 марта директор курсов Н. П. Раев получил от попечителя учебного округа следующее отношение: «21 марта 1897 г. г. директору С.-Петербургских Высших женских курсов.

Господин министр народного просвещения в предложении от 15 марта за № 6843 уведомил меня для надлежащего с моей стороны распоряжения, что Особое Совещание по вопросу о наложении взысканий на записанных полицией участников уличной демонстрации 4 сего марта из числа учащейся молодежи постановило:

Слушательницам женских курсов: Высших женских курсов — 167 чел. и курсов физического развития профессора Лесгафта — 22 чел. — объявить строгий выговор...

В случае же повторения подобного явления все участники, подвергнутые ныне дисциплинарным взысканиям, будут безусловно исключены из заведений и высланы из столицы».[27]

Вот что пишет участница демонстрации О. Б. Лепешинская: «Мы просидели несколько часов под замком, ожидая расправы. К утру нас освободили. Оказывается, ходатайствовали о нас директора учебных заведений Петербурга, опасаясь большого скандала, так как почти все студенчество участвовало в демонстрации».[28]

После демонстрации и поднятого в связи с нею шума правительство поторопилось освободить до суда всех женщин, арестованных по политическим делам. Среди освобожденных была и Н. К. Крупская, арестованная в августе 1896 года по делу «Союза борьбы».

Революционизирующее влияние «ветровской» демонстрации и последовавших за ней ежегодных волнений и демонстраций в день годовщины смерти Ветровой, к которым постепенно присоединяется все больше рабочих, сказалось на массовых студенческих волнениях 1899—1902 годов. Среди бестужевок, принявших участие в этих волнениях, выделяются участницы демонстрации 1897 года. Многие из них впоследствии были исключены с курсов и арестованы, некоторые, как

[26] Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК. Из воспоминаний С. В. Медведевой-Петросян.
[27] ЛГИА, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 1176, лл. 227—239.
[28] О. Б. Лепешинская. Мои воспоминания. Абакан, 1967, стр. 25.

С. М. Познер, К. Н. Самойлова, П. Ф. Куделли, тесно связали свою судьбу с Коммунистической партией.

* *
*

1899 год. Распространение марксистских идей среди передовых рабочих и радикальной интеллигенции, подъем революционного движения, массовые рабочие стачки и студенческие волнения побудили правительство усилить репрессии. Начинается наступление и на студенчество.

В июле 1899 года правительством разрабатываются «временные правила... — эта, — по выражению В. И. Ленина, — угроза студенчеству и обществу...».[29] Не решаясь сразу «ввести их в обращение», правительство, как пробный камень, запрещает празднование 8 февраля — традиционного праздника годовщины открытия С.-Петербургского университета. Под угрозой увольнения и высылки из столицы запрещается «нарушение порядка на улицах и в публичных местах».

После опубликования «Временных правил» студенты Петербургского университета начали студенческую забастовку, которая, все разрастаясь, охватила в дальнейшем все высшие учебные заведения России (в волнениях участвовало до 30 000 студентов).

В истории волнений 1899 года на Бестужевских курсах с необыкновенной четкостью запечатлелись и академический (особенно в первое время) характер их, с требованиями, не переходящими за пределы узкостуденческих интересов, и необычайная массовость, отразившая те сдвиги, которые произошли в студенчестве под влиянием роста рабочего движения, и резкие переходы в политике правительства: от «политики кнута» к «политике пряника» — исключения и обратный прием, новые исключения и новые «милости». Наконец, еще одна черта, особенно характерная для всех массовых выступлений на курсах: товарищеская спайка слушательниц впервые проявилась именно в это время и, как сказано выше, поразила даже таких ко всему привыкших реакционеров, как генерал-адъютант П. С. Ванновский и директор курсов Н. П. Раев.

Бестужевки одни из первых примкнули к забастовке. На сходке 12 февраля резолюция о забастовке была принята 566 голосами. Голосовавших против было так мало, что их число даже не упоминается в донесениях директора, но Е. А. Дьяконова, очень точно записавшая в своем дневнике события этих дней и примыкавшая сперва к противникам забастовки, отмечала, что это была «небольшая партия человек в 50».[30]

---

[29] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 391.
[30] Дневник Елизаветы Дьяконовой, стр. 384.

14 или 15 февраля для расследования причин «беспорядков» и принятия мер борьбы с ними на курсах министерством создается временное правление, куда вошли три назначенных правительством профессора—директор курсов Н. П. Раев и два декана М. Я. Сонин и С. Ф. Платонов. Дальнейший ход событий восстанавливается легко по ежедневным докладам временного правления попечителю учебного округа.

Поскольку требования, выдвинутые студенчеством, особенно на первых порах, были чисто академическими (автономия, личная неприкосновенность), они встречали сочувствие не только почти всей массы учащихся, но и значительной части либеральной профессуры. Поэтому с первых же дней забастовки многие профессора под различными предлогами не являлись на лекции. Так, 15 февраля временное правление докладывает, что лекции не читались: 1) «по неизвестным причинам» — профессорами А. С. Фаминцыным, С. И. Каржинским, И. В. Мушкетовым и Н. А. Котляревским; 2) по болезни — В. И. Шифф и И. И. Ивановым; 3) вследствие вызова в Совет университета — О. Д. Хвольсоном, Г. В. Форстеном и А. М. Ждановым; 4) по отсутствию слушательниц в аудиториях — Ф. Д. Батюшковым и И. И. Холодняком».[31] Более определенную позицию заняли И. М. Гревс и М. И. Ростовцев, не читавшие лекций «по причинам, изложенным в особых письмах». Позднее к их позиции присоединился и Н. И. Кареев.

Немногие профессора, исполнявшие указания временного правления и пытавшиеся читать лекции при любом количестве собравшихся, как, например, Н. И. Билибин и С. М. Середонин, вступали в конфликт со слушательницами, требовавшими прекращения лекций.[32]

16 февраля на курсах было вывешено объявление:

«Временное правление С.-Петербургских Высших женских курсов приглашает слушательниц приступить к обычным учебным занятиям. Слушательницы, которые будут препятствовать ходу преподавания, будут уволены из числа слушательниц.

Директор Раев,
Платонов,
Сонин».

Как бы ответом на это объявление является короткое донесение от 18 февраля о ходе забастовки:

«18 февраля на Высших женских курсах лекции не состоялись по отсутствию слушательниц в аудитории».[33]

В тот же день началось следствие по делу о забастовке. Это было настоящее следствие с допросами и запугиванием курсисток. Временное правление послало каждой слушательнице следующие вопросы:

---

[31] ЛГИА, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 1207, л. 48.
[32] Там же, л. 66.
[33] Там же, л. 71.

1. Принадлежит ли она к числу тех, которые желают прекращения лекций?

2. Принимала ли участие в насильственном прекращении лекций?

3. Сожалеет ли о происшедшем?

4. Не она ли входила в аудиторию проф. Билибина и Середонина с целью прекращения начатой лекции?

5. Как намерена поступать в будущем?

6. Слагает ли с себя нравственную ответственность за происшедшее?

7. Не желает что-либо добавить по этому делу?[34]

Курсистки были предупреждены, что неявка на допрос повлечет за собой дисциплинарные взыскания.

Как правило, все отвечали одинаково: «Принадлежу к партии (т. е. группе слушательниц), стоящей за прекращение лекций. Остальные вопросы знаю, но отвечать на них не буду».[35] Многие курсистки прислали свои ответы письменно, ссылаясь на невозможность лично явиться на допрос.

Следуя указаниям министерства, требующего увольнения тех слушательниц, «пребывание коих на курсах правление признает по их дурному направлению и влиянию на сотоварок не желательным», и строжайших взысканий для остальных, временное правление постановило: за беспорядки, произведенные в здании курсов, признать уволенными по прошениям 21 человека. 105 слушательниц получили строгий выговор с предупреждением «о немедленном увольнении в случае повторения проступков» и 305 — получили выговоры. Таким образом, в первые же дни забастовки из 900 слушательниц получил взыскание 431 человек.[36]

Такая строгость на курсах, как и во многих других высших учебных заведениях, имела обратное действие. В этом отношении чрезвычайно характерно заявление Е. Дьяконовой во временное правление.

Как известно из дневника Е. А. Дьяконовой, она пришла на курсы, придерживаясь самых умеренных взглядов, и политические выступления на курсах считала вредными и неуместными. С первых дней забастовки она примкнула к группе противниц забастовки. На сходке она не присутствовала, а на первый вопрос ответила: «Я не сочувствую форме протеста, избранной товарищами, так как опасаюсь вредных для курсов последствий». Через несколько дней, 22 февраля, когда стало известно о готовящихся репрессиях, она подала в правление заявление, в котором писала: «Придя к убеждению, что в движении за общечеловеческое право частные соображения должны отступить, я присоеди-

---

[34] Там же, л. 148.

[35] Там же, лл. 176—185.

[36] Там же, лл. 122—126.

няюсь к протестующей партии и прошу заменить высказанное мною мнение „за чтение лекций" словами „против чтения лекций"».[37]

Помимо репрессий в отношении слушательниц, временное правление сочло также нужным принять репрессивные меры и в отношении инспектрисы В. П. Веселовской, отказавшейся наблюдать за курсистками с целью выявления «замеченных в беспорядках», что, по ее мнению, «не входит в круг ее обязанностей». Временное правление рапортом сообщило об этом министерству, и В. П. Веселовскую уволили с курсов.[38]

Надо отметить, что в отношении профессоров, отказавшихся читать лекции по принципиальным соображениям, — И. М. Гревса и Н. И. Кареева — меры были приняты значительно позже, когда волнения 1899 года были ликвидированы и слушательницы разъехались на каникулы. 24 июля 1899 года министерство народного просвещения извещает И. М. Гревса, что ему предлагается подать прошение об увольнении, в противном случае он будет уволен без прошения.[39] Увольняется и Н. И. Кареев.[40] Оба профессора вернулись на курсы после предоставления последним в 1905 году автономии.

Осуждение общественными кругами мер правительства, сурово расправившегося со студентами, заставило его «бить отбой». В ряде высших учебных заведений, особенно петербургских и московских, репрессии были смягчены, часть исключенных принята обратно. На некоторое время это вызвало колебания в студенческой среде, многие начали посещать лекции.

На Бестужевских курсах в это время волнения не прекращались. Временное правление все еще не решалось восстановить исключенных, пока 4 марта от управления с.-петербургскими учебными заведениями министерства народного просвещения не поступило тревожное письмо, адресованное директору ВЖК. В письме управляющий учебным округом просил директора известить его о положении дел на курсах ввиду «неблагоприятных известий как по делу об уволенных слушательницах (в числе 21), так и беспокойном настроении умов большинства других».[41]

6 марта временное правление вывесило объявление: «Уведомляю слушательниц, что вследствие ходатайства временного правления г-н министр народного просвещения 6-го марта разрешил принять обратно всех тех из 21 слушательниц, уволенных по прошениям, которые вновь пожелают подать прошение о принятии их на курсы. Директор Раев».[42]

[37] Там же, л. 174. Заявление найдено в архиве курсов. В «Дневнике Елизаветы Дьяконовой» текста заявления нет.

[38] Там же, лл. 66, 194.

[39] Там же, л. 378.

[40] Там же, лл. 391, 392.

[41] Там же, л. 201.

[42] Там же, л. 205.

Все казалось улаженным, и Раев рапортовал в министерство о возобновлении занятий. Однако через 10 дней после этого стало известно, что во многих городах исключенных студентов обратно не принимают и забастовка там продолжается. В связи с этим студенты университетов Киева, Харькова и других городов обратились с призывом ко всему студенчеству продолжать забастовку. Студенты Петербургского университета подхватили этот призыв.

18 марта на Бестужевских курсах состоялась сходка, на которой обсуждался вопрос о продолжении забастовки. 500 человек участников сходки были переписаны администрацией, однако и в последующие дни волнения на курсах не ослабевают, расформированное было временное правление снова восстанавливается и выносит решение: исключить на разные сроки 227 человек (почти $^{1}/_{3}$ всех слушательниц), в том числе:

совсем исключить	— 36 человек
исключить на два года	— 46 человек
» на один год	— 94 человека
» до осени	— 51 человека.[43]

В последующие дни за попытки срыва экзаменов были исключены еще около 100 человек: 24 марта — 21 человек, 26 марта — 2 человека, 29 марта — 2 человека и т. д. 31 марта у здания курсов на улице произошла демонстрация. Полиция переписала 60 человек, среди которых были действительные и исключенные слушательницы.[44]

Всего с 24 по 31 марта было уволено более 300 слушательниц и 150 человек подали заявления о добровольном уходе.

Среди других подала заявление об увольнении окончившая курсы и оставленная в качестве ассистентки О. М. Поппер, написавшая директору Н. П. Раеву: «Не желая оставаться на курсах после всего происшедшего, покорнейше прошу, ваше превосходительство, уволить меня от службы».[45]

Более всего беспокоили правительство растущие в движении элементы протеста против царского режима в целом и непонятная чиновникам солидарность учащихся. «Есть ли близкие точки соприкосновения между слушательницами и другими высшими учебными заведениями и где они возможны? — запрашивал Ванновский директора курсов. — Нет ли в беспорядках политической окраски и связи с каким-либо политическим движением? Какие вообще причины возникновения подобных беспорядков? Чем объяснить такое единодушие среди слушательниц?»[46]

---

43 Там же, лл. 296—297.
44 Там же, лл. 305, 310.
45 Там же, л. 303.
46 «Правительственный вестник», 1899, 24 мая.

24 мая 1899 года появилось правительственное сообщение, где от имени царя рекомендовалось министрам, в ведении которых находились высшие учебные заведения, отнестись с возможной снисходительностью «к тем студентам и слушателям, кои не были изобличены в действиях и стремлениях, имеющих политические цели, а только в руководстве и участии в беспорядках».

Во время студенческих волнений 1899 года во главе забастовки встали академические организации — кассы взаимопомощи и связанные с ними организационные комитеты, появившиеся в ходе событий. От них исходили листовки и бюллетени очень расплывчатого содержания. Впрочем, вопреки приведенному решению, правительство позднее трижды арестовывало предполагаемых участников организационных комитетов, которые в летописях охранки носят название «организационные комитеты 1, 2 и 3 смены».[47]

Такое положение в Петербурге, вероятно, в значительной мере объяснялось кризисом петербургского «Союза борьбы», где в связи с арестом руководящего состава с В. И. Лениным во главе преобладали «экономисты». Они не пытались взять руководство движением в свои руки и придать ему определенный политический характер, несмотря на то, что в высших учебных заведениях было немало сторонников социал-демократии. Из арестованных позже (в 1900 году) участниц студенческих беспорядков 1899 года многие были привлечены к дознанию по делу «Союза борьбы».

* *
*

Годы 1901—1902. События 1899 года ясно показали бесполезность узкоакадемической борьбы студенчества. Наиболее передовая и революционная часть учащейся молодежи начала понимать значение борьбы политической. В июне 1900 года в Одессе собирается I съезд представителей высших учебных заведений для выработки программы дальнейших действий и создания центральной организации по руководству студенческим движением. Однако эта попытка не удалась: 16 июня все делегаты съезда были арестованы, документы отобраны.

С первых же дней нового 1900/01 учебного года начинаются волнения студенчества почти во всех университетах, иногда по самым незначительным поводам. В частности, поводом для волнений в Петербургском университете и на Бестужевских курсах в октябре 1900 года послужило исключение, а потом высылка бестужевки Ф. Ф. Гусевой. 13 октября попечитель учебного округа ходатайствует о высылке ее из Петербурга ввиду непрекращающихся сходок протеста против ее уволь-

---

[47] «О группе студентов, присвоивших себе название организационного комитета». ЦГАОР СССР — И, ф. Д7, ед. хр. 120, т. 1 и 2.

нения. По данным охранки, Ф. Ф. Гусева была связана с бестужевкой Н. Синевой, арестованной за участие в движении 1899 года и привлеченной впоследствии по делу «Союза борьбы», и с кружками, занимавшимися пропагандой среди рабочих.

По донесениям охранного отделения, «Гусеву при ее высылке провожали 20 курсисток, но вели себя корректно. Поднесли ей букет и спокойно разошлись. Того же числа (т. е. 18 октября 1900 года — *С. С.*) около 1 часа дня в университете состоялась сходка студентов, человек около 500, для обсуждения высылки Гусевой».

На Бестужевских курсах, несмотря на «корректные», по выражению агентов охранки, проводы Гусевой, волнения не утихли и готовились аресты. Шпики доносят, что «главные агитаторши по делу Гусевой взяли отпуск и уехали: Ситянская — в Казань, Александрова — в Москву, Овчинникова — в Симбирск».[48]

В январе 1901 года постановлением особого совещания за протест против наказания карцером и увольнения 4 студентов в Киеве 183 студента Киевского университета были отданы в солдаты. Это была первая попытка применения «Временных правил» 1899 года.

С негодующей статьей «Отдача в солдаты 183-х студентов» выступил в «Искре» В. И. Ленин. «Это — пощечина русскому общественному мнению, симпатии которого к студенчеству очень хорошо известны правительству, — писал В. И. Ленин. — И единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29-го июля 1899 года».[49]

Далее В. И. Ленин пишет: «Но ответить правительству обязано не одно студенчество... все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных, молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации... Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен прийти на помощь студенту».[50]

Гневный отклик на это событие мы находим в письме А. М. Горького к В. Я. Брюсову: «Отдавать студентов в солдаты — мерзость, наглое преступление против свободы личности, идиотская мера обожравшихся властью прохвостов. У меня кипит сердце; и я был бы рад плюнуть им в нахальные рожи человеконенавистников».[51]

---

[48] ЦГАОР СССР — ДПОО, 1902, ед. хр. 917, лл. 3—4.
[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 394.
[50] Там же, стр. 395.
[51] М. Горький. Собр. соч., т. 28, стр. 153.

В ответ на отдачу студентов в солдаты действительно поднялись учащиеся всех высших учебных заведений страны и сознательные рабочие, руководимые социал-демократической организацией.

На Бестужевских курсах первая массовая сходка состоялась 3 февраля 1901 года. Об этом собрании директор Раев докладывал попечителю учебного округа: «После двукратных, не имевших успеха предупреждений инспекции, директор в сопровождении двух деканов пришел к слушательницам и потребовал немедленного очищения зала, на что было дано 10 минут времени, предупредив, что после этих 10 минут оставшиеся на сходке будут переписаны. После этого предупреждения большинство слушательниц разошлось, осталась только небольшая группа в 30 человек, которые были замечены инспекцией и переписаны пом. инспектрисы Вощинской».[52]

На 19 февраля 1901 года в Петербурге была назначена общестуденческая демонстрация. На этой демонстрации было арестовано 19 бестужевок. Среди арестованных бестужевок была и Громова-Самойлова. Ее судьба характерна для многих бестужевок. Еще первокурсницей она активно участвовала в Ветровской демонстрации. Во время волнений 1899 года дважды подвергалась репрессиям и исключению с курсов. Арестованная 19 февраля 1901 г. как одна из руководительниц массовой рабочей и студенческой демонстрации, К. Н. Самойлова уже не вернулась на курсы. Она окончательно связала свою судьбу с партией большевиков и вскоре стала видной деятельницей партии и одной из руководительниц женского коммунистического движения. В 1914 году Самойлова была одним из организаторов журнала «Работница». Имя ее впоследствии было присвоено трем фабрикам Ленинграда.

28 февраля сходка Высших женских (Бестужевских) курсов принимает решение о забастовке. К профессорам, читающим лекции, решено применять обструкции.[53]

Вскоре после демонстрации 19 февраля вновь была назначена студенческая демонстрация на 4 марта 1901 года. Студенческий организационный комитет выпустил к этому дню листовку, в которой призывал все русское общество протестовать против отдачи студентов в солдаты и требовать:

1) отмены «Временных правил» 29 июля 1899 года;

2) обеспечения личной неприкосновенности с правом обжалования действий администрации суду присяжных.

Листовка эта отражает еще настроения 1899 года, но во многих городах студенческие сходки проходят совместно с рабочими под лозунгом, «Долой самодержавие!».

[52] ЛГИА: ф. 113, оп. 1, ед. хр. 1208, л. 5—8.
[53] Там же, л. 56.

Можно было ожидать, что петербургское студенчество не отстанет от харьковских и киевских товарищей, поэтому полиция обрушивается на демонстрантов со всей силой, действует шашками городовых, нагайками казаков, кулаками. Многотысячная демонстрация превратилась в побоище.

В рапортах полиции отмечается большое количество на демонстрации «посторонних лиц», как обычно полиция именовала рабочих — участников студенческих демонстраций. На демонстрации арестовано 700 человек, в том числе 111 слушательниц ВЖК.[54] В числе арестованных — Л. А. Фотиева (впоследствии секретарь В. И. Ленина), член РСДРП с 1904 года Л. Р. Шустова (Шаповалова), член РСДРП с 1902 года С. В. Медведева (Петросян).

С арестованными расправились круто. Почти все они были или отправлены в ссылку в Сибирь, или высланы из Петербурга без права жительства в университетских городах и отданы под надзор полиции. Из 111 арестованных бестужевок только 10 человек были освобождены за прекращением дела. Все арестованные 19 февраля и 4 марта были исключены с курсов.

Царская цензура, запрещавшая даже умеренно либеральной прессе всякое упоминание о студенческих делах, не препятствовала, впрочем, реакционной прессе обливать потоками грязи и клеветы учащуюся молодежь и особенно девушек.

1901/02 учебный год на Бестужевских курсах начался с протеста против клеветнической и циничной статьи князя Мещерского, редактора черносотенной газеты «Гражданин». Грязная инсинуация вызвала взрыв негодования. Протестовали профессора, родители, адвокаты. Во всех высших учебных заведениях, в том числе и на ВЖК, прошли сходки. Это было выражение накопившегося недовольства царским режимом, недовольства, готового вспыхнуть от малейшей искры.

1 декабря 1901 года на курсах состоялась сходка, посвященная вопросу о допущении женщин в университеты. Даже эта сходка вызвала со стороны начальства угрозу переписать всех присутствующих, если они не разойдутся.

Настроение петербургского студенчества, в том числе и слушательниц ВЖК, очень живо характеризует переписка министра народного просвещения П. С. Ванновского с министром внутренних дел Д. С. Сипягиным и градоначальником Д. С. Клейнмихелем о запрещении студенческих вечеринок. «...Вечера, особенно устраиваемые в Дворянском собрании, — пишет Клейнмихель, — приводят к беспорядкам, которые переносятся на центральные улицы (Невский проспект, Александровский сад)». Эти беспорядки, по донесению охранки, «выражались в

[54] Там же, лл. 89, 90.

резкой форме, особенно после концерта, устроенного в Дворянском собрании в пользу слушательниц Высших женских курсов и в пользу общества взаимопомощи студентам императорского С.-Петербургского университета».[55]

О вечере в пользу Бестужевских курсов в «Особой записке» охранки, представленной Клейнмихелю, рассказывается так: «...7 ноября артисту императорских театров Самойлову, с письменного согласия директора С.-Петербургских Высших женских курсов, было разрешено устроить в Дворянском собрании литературно-художественный вечер в пользу недостаточных слушательниц означенных курсов. Между тем, в действительности участие Самойлова в этом вечере ограничилось подписанием прошения и исполнением одного номера в литературном отделении, после чего в первом часу ночи он уехал, предоставив дальнейшее наблюдение самим курсисткам.

По окончании концертного отделения толпа студентов всех видов высших учебных заведений, преимущественно университета и Технологического института, заняв эстраду, стала петь хором песни: „Дубинушка", „Нагаечка", „Становой" и т. д.

По требованию заведующего хозяйством Собрания молодежь вскоре очистила эстраду, понадобившуюся для оркестра, и, перейдя на хоры большого зала, продолжала пение.

Находившиеся в наряде полицейские офицеры отправились на хоры для прекращения беспорядка, но были встречены криками: „Вон!" с обещанием, что если они удалятся, то студенты, быть может, и прекратят пение. Полицейские офицеры сочли возможным сделать уступку и удалились с хоров. Когда, несмотря на это, пение продолжалось, то в Собрание был вызван по телефону участковый пристав. Невзирая на убеждения последнего, молодежь продолжала шум, угрожая приставу, что его вмешательство окончится скандалом. По окончании вечера находившаяся на хорах толпа спустилась с лестницы с пением „Вечная память полковнику Пирамидову",[56] а по выходе из Собрания, следуя по Михайловской улице к Невскому проспекту, продолжала петь до тех пор, пока все участники беспорядка не разошлись по домам».[57]

В этом документе любопытна каждая деталь: и превращение обычного студенческого вечера в политическую демонстрацию с пением революционных песен на улицах Петербурга; и поведение полиции, не решающейся применить обычные средства воздействия и примирившейся с пением революционных песен из боязни скандала. Характерен даже самый перечень песен: это уже не обычные студенческие, как

---

[55] ЦГАОР СССР—И, ф. ДПОО, 1900, ед. хр. 1100, лл. 60—61. Письмо Клейнмихеля Ванновскому.

[56] Тогдашний начальник охранного отделения.

[57] ЦГАОР СССР—И, ф. ДПОО, 1900, ед. хр. 1100, лл. 63—65.

«Gaudeamus» и «Там, где Крюков канал», а излюбленные рабочие революционные песни «Дубинушка», «Нагаечка», «Становой» (на университетской вечеринке пели также «Марсельезу»). Более того, в донесениях охранки по поводу студенческих вечеров прямо говорилось, что они в 1901 году утратили свой академический характер и на них идут дебаты партий и выступают учащиеся разных высших учебных заведений.

«Опыт прошлого года не прошел для студентов даром, — писал В. И. Ленин в «Искре» в декабре 1901 года. — Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за *свободу всего народа,* за *политическую свободу*».[58]

В конце 1901 года правительство стало вводить в высшей школе «Временные правила» внутреннего распорядка. Под предлогом предоставления студентам бóльших прав правительство ввело ряд новых ограничений в давно уже завоеванные явочным порядком права создания кружков, общестуденческих организаций, сходок.

20 января 1902 года петербургский «Союз борьбы» выпустил прокламацию, призывающую студентов идти нога в ногу с рабочим движением и требовать не только отмены «Временных правил», но и политических свобод.

В феврале 1902 года началась забастовка студентов Петербургского университета. 9 февраля 1902 года состоялась сходка слушательниц Бестужевских курсов. Участницам сходки 9 февраля 1902 года по распоряжению попечителя учебного округа был объявлен выговор с предупреждением об увольнении в случае нового участия в незаконной сходке.

В тот же день собравшиеся в Народном доме учащиеся высшей школы, среди которых полиция отмечает большое количество курсисток Высших женских курсов, пытались устроить митинг и массовую демонстрацию. Разбрасывались листовки. Заранее приготовленные наряды полиции рассеяли собравшуюся толпу и арестовали несколько десятков человек, в том числе пять бестужевок.

3 марта 1902 года состоялась огромная демонстрация, в которой участвовало около 30 000 студентов и рабочих. Весь Невский проспект и площадь у Казанского собора были запружены народом. Отряды полицейских по обе стороны улицы прогоняли демонстрантов как бы сквозь строй, но арестовано было всего 100 человек. Зато многих арестовали в последующие за демонстрацией ночи.

На этот раз демонстрация, руководимая социал-демократами, шла

[58] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 370.

уже под политическими лозунгами. В студенческом бюллетене, выпущенном накануне демонстрации, говорилось: «Товарищи! Демонстрация состоится 3 марта, в 12 часов дня, на Невском, мы требуем: гарантии личной неприкосновенности, свободы собраний и союзов, свободы слова и печати, свободы совести, равноправия женщин, автономии высших учебных заведений, отмены „Временных правил", возвращения товарищей.

Да здравствует политическая свобода!».

В архиве курсов сохранилось письмо бестужевок, арестованных на демонстрации 3 марта 1902 года: «Сидит нас 45 человек в двух больших камерах, — говорится в нем — ...Если желаете кого-нибудь из нас видеть, хлопочите о свидании в охранном отделении под видом тетушек, дядюшек, двоюродных братьев и сестер...».[59]

Забота о заключенных и ссыльных составляла одну из задач революционной работы бестужевок. Почти одновременно с арестом участниц демонстрации 3 марта полиция арестовала группу слушательниц курсов по обвинению в том, что они принимали участие в работе политического Красного Креста. Полиция захватила письмо бестужевки М. А. Милюковой и установила ее связь с организацией Красного Креста. По этим следам были арестованы слушательницы ВЖК Е. А. Орлова, А. Н. Титова, Т. Н. Ряднова и другие. Все они ранее подвергались репрессиям за участие в движениях 1899 и 1901/02 годов. Полиция установила связь этой организации с В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной).[60]

Протесты против введения «Временных правил» продолжались и в следующем 1902/03 учебном году.

На Бестужевских курсах обсуждение новых правил внутреннего распорядка в сентябре—декабре 1902 года проходило так бурно, что привело к ряду резких столкновений с администрацией. Когда 19 сентября инспектриса попыталась по обыкновению переписать участниц сходки, они вырвали списки из ее рук и уничтожили их. Лекция профессора А. Е. Фаворского была сорвана, так как слушательницы отказались прервать сходку и перейти в другую аудиторию. Однако эти эпизоды, еще недавно служившие поводом для массовых увольнений с курсов, на этот раз вызвали совсем иные последствия.

10 июня 1902 года был опубликован высочайший рескрипт на имя министра народного просвещения, предписывавший мягкость и осторожность в отношении учащейся молодежи: «Я ожидаю от учебной администрации и профессоров сердечного и предусмотрительного участия к духовному миру вверенной их попечениям молодежи», — говорится в рескрипте. А попечитель С.-Петербургского учебного округа в «со-

[59] ЛГИА, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 1209, лл. 193, 194.
[60] ЦГАОР СССР—И, АО, ед. хр. 1477, лл. 17, 26.

вершенно секретном» отношении директору Бестужевских курсов намекнул, что во время студенческих волнений «необходима крайняя осмотрительность, ибо, как показывает опыт прежних лет, преждевременное принятие полицейских мер... усиливает волнения и препятствует принятию домашних мер к восстановлению порядка».[61]

Страх перед нарастающей революцией заставляет правительство идти по пути уступок. Вместо назначенной правительством дисциплинарной комиссии, действовавшей на курсах ранее, создается дисциплинарный суд, избираемый советом профессоров тайным голосованием. Членами суда были избраны профессора Н. И. Билибин, И. И. Боргман и С. М. Середонин, кандидатами — О. Д. Хвольсон, Д. Д. Гримм и Б. М. Коялович.

Мотивируя свое решение тем, что слушательницы якобы не знали, что сходки запрещены, а «частные совещания курсисток по группам возникают часто и самопроизвольно», дисциплинарный суд признал слушательниц, участвовавших в сходке 19 сентября, виновными только в том, что они не сразу разошлись. Суд ограничился объявлением замечания слушательницам I курса и выговором остальным (без перечисления фамилий).

Созданная Лениным «Искра» поставила перед социал-демократическими организациями в России задачу: «идти во все классы населения», возглавить любой протест против самодержавия.

В эти годы некоторые бестужевки были уже тесно связаны с социал-демократическими организациями и с ленинской «Искрой». Член РСДРП с 1898 года бестужевка Е. Ф. Пономарева-Шиллер (активная участница Великой Октябрьской революции) переправляла в «Искру» корреспонденции рабочих. Е. Г. Смиттен — слушательница Бестужевских курсов — уже с 1902 года исполняла отдельные партийные поручения, участвовала в организации вечеров и докладов в пользу партии. В 1904 году она вступает в партию большевиков.[62] В ночь с 3 на 4 марта 1902 года была арестована Е. И. Гусева. Ей было предъявлено обвинение в том, что она была связана с заграничной «Искрой».

Следуя призыву «Искры», социал-демократические организации уделяли много внимания работе среди учащихся высших учебных заведений. Именно в этот период в высших учебных заведениях начали создаваться социал-демократические группы. В феврале 1902 года Всероссийский студенческий съезд призвал студенческие организации теснее примкнуть к партии рабочего класса.

---

[61] ЛГИА, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 1209, л. 32.

[62] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Архив об-ва старых большевиков, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1803 (каждая автобиография является отдельной единицей хранения).

В мае 1904 года в Петербурге был организован большевистский «Объединенный комитет социал-демократической фракции высших учебных заведений», объединивший все большевистские группы высших учебных заведений в Петербурге. Этот комитет, работавший на правах районного комитета под непосредственным руководством Петербургского городского комитета РСДРП(б), просуществовал, несмотря на многочисленные аресты и так называемые «ликвидации», до Февральской революции 1917 года.

Студенческие волнения предреволюционных лет возникали под влиянием роста рабочего движения. Выступления студенчества перерастали постепенно из чисто академических в революционные, с требованием политических свобод. Студенчество заимствовало у пролетариата и новые формы борьбы, характерные для эпохи назревающей буржуазно-демократической революции; студенческие сходки и обструкции сменились массовыми уличными демонстрациями и забастовками.

* *
*

Волнения на Бестужевских курсах в связи с протестом 1904 года. Массовый протест на Бестужевских курсах под названием «порицание профессорам» является значительной страницей в истории революционного движения слушательниц ВЖК.

В связи с началом русско-японской войны по инициативе директора курсов Н. П. Раева небольшая группа профессоров представила от имени профессоров и слушательниц курсов верноподданнический адрес царю. Адрес был опубликован в правых газетах.

3 февраля 1904 года на курсах узнали об адресе. Собранная немедленно сходка постановила «объявить порицание профессорам».

Надо сказать, что в этот протест слушательницы вкладывали разное содержание. В первые дни войны, под влиянием псевдопатриотической шумихи, поднятой прессой, «патриотически» настроенные курсистки были и среди бестужевок; протест этой части слушательниц был направлен скорее против нарушения профессорами этики — посылки адреса от имени курсисток без их ведома.

Возмущали и форма адреса: «повергнуть к стопам царя верноподданнические чувства» — это шло вразрез со всеми традициями бестужевок, не отделявших борьбы за права женщин от общедемократической борьбы с самодержавием.

Но в оценке событий того времени, в отношении к войне, в вопросе об усилении революционного движения слушательницы курсов были, особенно в первое время, далеко не единодушны.

Однако массовый протест курсисток был воспринят как революционное выступление. Испуганные профессора поторопились вывесить

заявление, в котором говорилось: «...Совет профессоров не имел в виду говорить от лица слушательниц без их ведома... Заявляя об этом, совет в интересах дорогого нам всем учреждения убедительно просит слушательниц спокойно продолжать их обычные занятия...».[63]

9 февраля на курсах состоялась бурная сходка, которая длилась с 10 утра до 10 вечера. Выступившие на сходке «академистки» заявили, что они не желают подчиняться решениям большинства, после чего их попросили уйти, и сходка приняла решение «не вступать с ними ни в какие отношения». Открытых «академисток» оказалось около 40 человек. Оставшиеся участницы сходки подавляющим большинством (1006 против 20) приняли решение «считать себя принципиально не удовлетворенными заявлением профессоров». Сплоченность и солидарность бестужевок особенно сказалась в принятом сходкой следующем постановлении: «Сходка единогласно признала себя ответственной за председательницу, выборных депутаток, а также всех за каждую».[64]

По мере того, как развертывались события в стране и на фронте, по мере усиления репрессий против участников протеста формальный протест против адреса профессоров все больше становился в глазах многих бестужевок актом революционного протеста против самодержавного режима.

О дальнейшем ходе событий лучше всего говорят материалы охранного отделения. Записка отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице от 2 апреля 1904 года гласила: «В дополнение к предыдущим представлениям имею честь доложить Вашему Превосходительству, что 31 минувшего марта группа слушательниц Высших женских курсов выразила своим профессорам порицание за то, что верноподданнейший адрес с выражением верноподданнических чувств был поднесен без опроса всех слушательниц...».

На донесение об этом управляющий министерством народного просвещения распорядился о немедленном исключении на два года двадцати слушательниц за письменное порицание и за выраженное ими сочувствие порицанию. И далее следует: «К изложенному имею честь присовокупить, что, по полученным сейчас агентурным сведениям, завтра, 3 апреля, слушательницы названных курсов предполагают демонстративно возвратить свои входные билеты и прекратить посещение курсов.

За нач. отделения
помощник его ротмистр
Модль».[65]

---

63 ЛГИА, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 1210, л. 4.
64 Там же, л. 7.
65 ЦГАОР СССР—И, ф. ДПОО, 1904, ед. хр. 3, ч. 10, т. 1, лл. 10, 11.

В дополнение к этому донесению особой запиской сообщалось об исключении, кроме поименованных ранее двадцати слушательниц, Лидии Фридриховны Вебер, «известной отделению по участию в демонстрации 4 марта 1901 года, за что она была подчинена гласному надзору полиции на один год».[66]

7 апреля 1904 года — новая записка: «...несмотря на столь энергичную меру курсового начальства, выражение порицания профессорам продолжалось 1 и 2 апреля, причем в течение этих двух дней всего было выражено порицаний семи профессорам и директору.

3 апреля 8 слушательниц возвратили свои входные билеты с надписью: «Будучи принципиально солидарны с исключенными товарищами, проводившими только решение нашей общей сходки 9 февраля 1904 года, я требую возвращения их обратно на курсы, в противном случае разделяю их участь». Затем в течение дня прислали свои входные билеты с такой же надписью еще 109 слушательниц. Слушательницы, вернувшие свои входные билеты, предназначены к исключению».[67]

Приведем также отрывки из перехваченного охранкой письма слушательницы Бестужевских курсов Н. Н. Богоявленской к брату, студенту Н. Н. Богоявленскому, в Москву от 3 марта 1904 года: «Любезнейший братец, позволь пожать твою руку в знак сочувствия моему собрату по несчастью. Разумеется, мы не изволим делать честь курсам своим присутствием... но так как мы вообще люди самостоятельные, а по мнению „Общества", даже отпетые, то мы не намерены идти как овцы на заклание, куда соблаговолит нам указать в своем отеческом о нас попечении начальство, а посему, упорно решив не отступать от постановления сходки, мы деятельно разрабатываем дальнейший план нашей кампании... Стало нам известно, что Плеве[68] очень желательно сократить штат наших курсисток и довести его до нормы (500—600 человек). ...В заключение, чтобы ты составил себе более ясное понятие о том состоянии, в котором находится наш богоспасаемый Васильевский остров, довольно того, что в течение двух дней здесь было произведено у курсисток 200 обысков и арестов».[69]

Обыски и аресты, о которых пишет Н. Н. Богоявленская, были, видимо, только первой ласточкой. По свидетельству участниц события Е. Я. Чайковской-Бухановской и А. В. Надеждиной-Фогельман, было арестовано и выслано из Петербурга более 300 слушательниц ВЖК. Все они были исключены с курсов без права поступления в высшее учебное заведение, но в 1905/06 году это запрещение потеряло

---

66 Там же, л. 6.
67 Там же, л. 12.
68 Министр внутренних дел.
69 ЦГАОР СССР—И, ф. ДПОО, 1904, ед. хр. 3, ч. 10, т. 1, стр. 5.

свою силу, и многие из исключенных, в том числе А. В. Надеждина-Фогельман, Е. Я. Чайковская-Бухановская, Е. Г. Смиттен и другие, вновь поступили на курсы. Некоторые поступили в другие высшие учебные заведения.

Движение на курсах, репрессии правительства, спаянность коллектива вызвали сочувственный отклик всего петербургского студенчества.

> «Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и идти в ряды социалистов».
>
> *В. И. Ленин.*[70]

Годы первой русской революции. На события 9 января 1905 года учебные заведения Петербурга откликнулись бурным протестом. Объединенный комитет с.-д. фракций высших учебных заведений Петербурга руководил митингами. 7 февраля на общестуденческой сходке большинством в 2378 голосов против 66 была принята резолюция: «Бастовать до тех пор, пока не будет изменен самодержавный строй». На этот призыв откликнулись все высшие учебные заведения, в том числе и Бестужевские курсы. Занятия были прерваны до конца учебного года.

Перед началом нового 1905—1906 учебного года партия большевиков, чтобы использовать университеты для проведения митингов и собраний, призвала студентов к прекращению забастовки. В газете «Пролетарий»[71] появилось обращение ЦК РСДРП(б) «Ко всей учащейся молодежи», где предлагалось «обратить университеты в штаб-квартиры, а аудитории — в трибуны революции».

По этому вопросу в студенческой среде не было единодушия. «Академисты» по-прежнему требовали изгнания из университетов всякой политики. Другая часть студенчества предлагала ограничиться борьбой за академическую свободу, создать централизованную студенческую организацию («Студенческое бюро» или «Союз союзов») для защиты только что опубликованной якобы «автономии» университетов и прав студенчества. Были и сторонники продолжения забастовки.

По указанию партийных организаций большевистские фракции высших учебных заведений начали подготовку к Всероссийскому студенческому съезду. Одним из его организаторов был Николай Ильич

---

70 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 395.

71 «Пролетарий» — центральный орган РСДРП (Женева, 1905, № 20, 10 октября). М.—Л., Госиздат, 1925, вып. V, стр. 114—115.

Подвойский, руководивший большевистской организацией Ярославского Демидовского юридического лицея, где он в то время учился.

Несмотря на трудные условия подготовки съезда в летнее время, инициаторам все же удалось объехать большинство университетских городов и провести собрания для выборов делегатов. Съезд, намеченный сперва в Москве, из конспиративных соображений был перенесен в Финляндию. Чтобы выиграть время, руководители подготовки настаивают и добиваются некоторой отсрочки начала занятий.

В середине сентября охранные отделения Москвы, Петербурга, Ярославля и др. с опозданием сообщают о прошедшем на Иматре студенческом съезде. По сведениям наиболее осведомленной ярославской охранки, съезд, «ввиду большого разнообразия элементов его участников», признал себя конференцией с решениями чисто совещательными. Съезд отверг предложение о создании «Студенческого бюро», признав, что студенты в политической борьбе должны присоединяться к существующим политическим партиям с.-д и с.-р.

Съезд высказался за прекращение забастовки с тем, чтобы решение вопроса в каждом учебном заведении было предоставлено общей сходке учащихся.

Состав съезда, видимо, остался неизвестным охранке. Особо сообщается только об участии Подвойского, за которым уже ранее была установлена слежка.[72]

В. И. Ленин в статье «Уроки московских событий» писал: «Завязкой московских событий были происшествия чисто академического, на первый взгляд, характера. Правительство даровало частичную „автономию", или якобы автономию, университетам. Гг. профессора получили самоуправление. Студенты получили право сходок. В общей системе самодержавно-крепостнического гнета была пробита, таким образом, маленькая брешь. И в эту брешь сейчас же устремились с неожиданной силой новые революционные потоки... На студенческие сходки повалили рабочие. Стали получаться революционные народные митинги, на которых преобладал передовой класс в борьбе за свободу — пролетариат. ...В хорошие тиски попали Треповы и Романов вместе с предательствующими либеральными буржуа. Откроешь университет — дашь трибуну для народных революционных собраний, окажешь неоценимую услугу социал-демократии. Закроешь университет— откроешь уличную борьбу».[73]

Как и в других высших учебных заведениях, после введения автономии двери Бестужевских курсов открылись для рабочих. Здесь происходили постоянные диспуты, митинги и собрания, на которых, в числе других, часто выступали А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай и

---

[72] ЦГАОР СССР—И, ДПОО, 1905, ед. хр. 325, лл. 15—17.

[73] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 376—378.

студент Н. В. Крыленко, известный тогда учащейся молодежи под именем «Абрам». И если события протекали здесь менее остро и дело обошлось на этот раз без открытых схваток с полицией в здании курсов, то курсы обязаны этим главным образом своему первому выборному директору профессору В. А. Фаусеку.

Профессор В. А. Фаусек отнюдь не был революционером. Сам о себе он говорил: «Я не политик, я только профессор и только ученый». По своим личным взглядам он ближе всего примыкал к прогрессивно настроенной профессуре.

Но в октябре 1905 года, когда напуганные ростом революционного движения либералы, по выражению Ленина, «воспользовались самоуправлением, чтобы править дела народных палачей, чтобы закрыть университет, это чистое святилище разрешенной нагаечниками „науки", которое осквернили студенты, допустив в него „подлую чернь" для обсуждения „не разрешенных" самодержавной шайкой вопросов»,[74] Фаусек не последовал примеру своих коллег. Он, как всегда, обсудил вопрос с курсовыми организациями и отказался выполнить приказ о закрытии ВЖК. Слушательницы и «посторонние лица» продолжали приходить туда, несмотря на неоднократные требования полиции закрыть курсы, пока, наконец, к дверям курсов не был приставлен полицейский наряд... «Двери были закрыты буквально рукой полицейского пристава, — пишет в книге «Памяти В. А. Фаусека» слушательница, скрывшаяся под инициалами Е. Б.-З. — Был приставлен наряд, не пропускавший одно время даже профессоров, даже живущих в доме. И мы потом могли с глубоким удовлетворением заявить, что курсы закрыты действительно посторонней силой, а не нашим директором».[75]

С приходом В. А. Фаусека в документах курсов совершенно исчезают донесения о волнениях на ВЖК, ранее посылавшиеся чуть ли не ежедневно. Более того, когда с наступлением реакции в 1908 году попечитель счел нужным напомнить В. А. Фаусеку о циркуляре, предписывающем директорам высших учебных заведений сообщать сведения об образе мыслей и политической деятельности профессоров, преподавателей и всего учебного персонала курсов, В. А. Фаусек ответил негодующим письмом: «...Между членами совета я являюсь товарищем, избранным ими для исполнения обязанностей директора, — пишет он. — Следить за образом мыслей и политической деятельностью своих товарищей по совету ни в коем случае не может входить в круг обязанностей выбранного ими лица... Если предположить, что кто-либо из служебного персонала курсов занимается на стороне тайной преступной деятельностью, то собирание об этом секретных сведений

---

[74] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 377.

[75] Е. Б.-З. Из воспоминаний делегатки. В сб.: Памяти В. А. Фаусека. СПб., 1911.

с целью сообщения их правительству не достойно профессора, как ученого и учителя молодежи...».[76]

В. А. Фаусек считал своим долгом оберегать курсы и слушательниц от возможных столкновений с полицией. Понимая, что этого нельзя добиться путем запрета митингов и собраний, ибо такой запрет только озлобил бы курсисток, Фаусек стал ежедневно сам дежурить на курсах до позднего вечера, чтобы в случае надобности своим вмешательством не допустить конфликта или смягчить его.

Уважая заботу любимого всеми директора, курсовые организации заключили с ним своеобразное соглашение, по которому обязались ставить его в известность о всех намечаемых на курсах собраниях. И хотя всякие митинги, заседания и собрания рабочих по профессиям происходили почти ежедневно и зачастую вопреки формальному запрещению Фаусека, он, несмотря на усталость, до конца оставался на своем добровольном дежурстве, никогда не пытаясь своим вмешательством или появлением помешать происходящему. Ученый-зоолог, он вынужден был в эти годы почти совсем забросить научную работу, оторваться от любимого дела и только иногда позволял себе грустно шутить: «Ну вот, сегодня вдруг приходят мне сказать, что прачки просят аудиторию для собрания, и вот я опять должен здесь дежурить, что ж, и прачкам надо поговорить — но при чем же зоология?!»[77]

После открытия курсов, когда был снят полицейский наряд, в аудиториях вновь закипела жизнь. Правда, устройство больших митингов и народных собраний стало уже невозможным, но сходки и диспуты с приглашением представителей партий продолжались.

Вот почему в конце учебного года, когда встал вопрос о плате «за право учения» и студенчество начало борьбу против оплаты за то время, когда учебных занятий не было, на общекурсовой сходке Бестужевских курсов было принято решение внести плату за второе полугодие ввиду того, что «слушательницы не прерывали своей связи с курсами и пользовались их помещением». Кстати сказать, В. А. Фаусек и группа профессоров, как это уже бывало и раньше в тяжелые для ВЖК времена, отказались на время от получения причитающегося им вознаграждения.

Во всем этом снова сказалась преданная любовь учащихся и учащих к своим курсам — первому женскому университету, завоеванному в упорной борьбе общества с самодержавием.

Занятия в высших учебных заведениях возобновились только в сентябре 1906 года. Правительство рассчитывало, что спад революционной волны, начавшийся после подавления декабрьского вооруженного

---

[76] ЛГИА, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 15, л. 606.
[77] Памяти В. А. Фаусека, стр. 71.

восстания, «утихомирит» студенчество. Об этом как будто свидетельствовала большая тяга к учебе, наплыв молодежи в высшие учебные заведения. Ожидалось, что начало занятий пройдет спокойно.

Ожидания эти не сбылись. С первого сентября во всех высших учебных заведениях страны начались митинги и сходки. Почти везде были приняты резолюции, предлагаемые большевистскими организациями, смысл которых сводился к тому, что, следуя революционным традициям, студенчество должно организоваться и быть готовым вновь предоставить помещения учебных заведений для народных митингов и собраний. В резолюции Петербургского университета говорилось, что в интересах революционной борьбы студенчество должно быть сконцентрировано в больших городах для мобилизации сил, как один из отрядов революционной демократии. Поэтому учебные занятия в настоящее время желательно возобновить.[78]

На Бестужевских курсах первый же месяц нового учебного года был омрачен тяжелым известием о казни двух бестужевок — Венедиктовой и Мамаевой, членов объединенной боевой группы при военной организации Кронштадтского комитета РСДРП — участниц Кронштадтского вооруженного восстания 1906 года. Эта казнь надолго оставила след в общественной жизни курсов.

На боевой, агитационной работе под руководством большевиков было много бестужевок. Ленин придавал особое значение привлечению молодежи, в том числе и беспартийной, в боевые дружины.

«Идите к молодежи...— так писал В. И. Ленин в письме «В боевой Комитет при Санкт-Петербургском комитете». — Основывайте *тотчас* боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и *у рабочих особенно,* и т. д. и т. д. ...Не требуйте обязательного вхождения в РСДРП — это было бы абсурдным требованием для вооруженного восстания».[79]

19 октября 1906 года на экстренной общекурсовой сходке были оглашены письма приговоренных к смертной казни двух курсисток, вызвавшие глубокое волнение участников сходки.

«Не хочется уходить, — писала А. М. Мамаева, — слишком мало, я это чувствую, сделала я для жизни... Прощайте же, и если мне не пришлось, то вам желаю поскорее увидеть день победы, день освобождения народа от рабства... Теперь жду смерти, и я счастлива отдать свою жизнь за святое дело освобождения народа».

А. К. Венедиктова писала: «Не знаю, долго ли вы будете помнить меня — я ведь такая маленькая величина в революционном мире... Товарищи, поддержите мою мать, моя последняя просьба — не мате-

---

[78] ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1906, ед. хр. 3, ц. 1.
[79] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 336—337.

риально, а нравственно, ведь я у нее единственная цель жизни. Помогите ей перенести этот удар. Она совсем одна, зайдите к ней».[80]

Письма Венедиктовой и Мамаевой стали достоянием широкой общественности. Их цитировали в газетах и в журнале «Студенчество». Стало известно, что Венедиктова готовится стать матерью и суд знал об этом, приговаривая ее к расстрелу. Из письма Мамаевой было также известно, что Мамаева, которую осудили за то, что она якобы была «захвачена на месте преступления», когда вместе с Венедиктовой перевозила бомбу в Кронштадт, на самом деле в тот же день была арестована на улице в Петербурге и осуждена по доносу провокатора.

В 1905 году правительство под давлением революционного накала вынуждено было отменить предварительную цензуру. Благодаря этому все сведения просачивались в печать, помешать чему не могли никакие последующие конфискации и репрессии. Журналист В. Д. Кузьмин-Караваев, привлеченный к суду за упоминание о беременности Венедиктовой, заявил, что он лишь повторил то, что уже неоднократно печаталось в газетах. Газеты поместили также письмо отца Мамаевой, в котором он пишет, что приговор над его дочерью «поражает своей жестокостью, ибо произнесен он над несовершеннолетней девушкой, без всякой с ее стороны защиты, по одному лишь оговору».[81]

Очевидно, поэтому полиция поторопилась объявить, что приговор приведен в исполнение. Матери Мамаевой, тщетно добивавшейся свидания, сообщили об этом 19, а 20 октября повторили то же директору курсов Фаусеку, хлопотавшему о смягчении участи курсисток.

В течение многих лет 20 октября (предполагаемая дата казни) считалось на курсах траурным днем. Только теперь, работая над материалами по истории ВЖК, нам удалось восстановить точную дату и место казни. В материалах охранного отделения за 1906 год имеется следующий документ.

«Именной список лиц гражданского состояния, казненных в пределах Кронштадтского военного генерал-губернаторства по приговорам военно-полевых судов:

Тубелевич Вячеслав — дворянин
Мамаева Анастасия — мещанка
Венедиктова Анна — слушательница ВЖК
Ипатов Алексей — рядовой Кроншт. крепостного пехотного батальона
Власов Константин — рядовой того же батальона»[82]

Казнены 14 ноября 1906 года на форте № 6 по приговору Кронштадтского военно-полевого суда.

---

[80] «Студенчество», 1906, № 3, стлб. 4—5.
[81] ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1906, ед. хр. 10593, л. 140.
[82] ЦГАОР СССР—И, Д 7, 1906, ед. хр. 8, т. IV, Л. А., л. 135.

Муж Венедиктовой, арестованный раньше ее, узнал о казни в тюрьме и сошел с ума.[83]

8 марта 1911 года товарищ министра внутренних дел запросил — для сообщения члену Государственной думы Замысловскому — седьмое делопроизводство Особого отдела: «Какие у Вас сведения по делу о Кронштадтском восстании (поведение курсисток)?». Трудно сказать, зачем понадобились такие сведения через четыре года после Кронштадтского вооруженного восстания правому депутату Думы, соратнику Пуришкевича и Маркова — Замысловскому. Можно, однако, предположить, что сведения эти понадобились в связи с подготавливавшимся в это время запросом в Государственной думе относительно Бестужевских курсов.

Отвечая на этот вопрос, охранка собрала всевозможные сведения и подготовила две справки:

«1. О поведении курсисток по делу о Кронштадтском восстании в делах делопроизводства сведений не имеется, а имеется лишь сообщение начальника Кронштадтского жандармского управления от 19 июля 1906 года за № 1018 о том, что 19 июля 1906 года в город Кронштадт прибыли из г. Петербурга 4 курсистки и 7 частных лиц и начали требовать среди собравшихся войск и рабочих немедленного вооруженного восстания, ввиду того что это общее решение для всей России, указывали на полный, якобы, успех такого в Свеаборге и, главное, уверяли, что к 12 часам ночи подойдут четыре больших военных судна из состава эскадры и окажут полное содействие выполнению плана захвата в свои руки Кронштадта.

Сведения об именах и фамилиях курсисток, а также о роли, которую именно они играли в указанной преступной пропаганде, по 7-му делопроизводству не имеется.

Ст. помощник делопроизводителя (подпись)».[84]

Письмо это было передано в Особый отдел для доклада и дополнения, и оттуда сообщили, что сведений в Особом отделе нет, а потом, порывшись, дали наконец такую справку: «2. Об участии курсисток в Кронштадтском военном бунте в Особом отделе имеется лишь указание, что 20 октября 1906 года в г. Кронштадте произведена ликвидация местной военной организации и боевой при ней дружины; в числе арестованных значатся две слушательницы Высших женскух курсов — Анастасия Михайловна Мамаева и Анна Константиновна Венедиктова. . .».[85]

---

83 «Студенчество», 1906, № 3, стлб. 5.
84 ЦГАОР СССР—И, Д 7, 1911, ед. хр. 8, ч. 73, т. 11, лл. 311—313.
85 Там же, л. 315.

Ежегодно 20 октября собирались сходки бестужевок, посылались телеграммы матери Венедиктовой. Бланк одной из таких телеграмм, посланной 16 октября 1910 года и переданной отделением телеграфа в охранку, находится в историческом архиве: «Борисоглебск Петербургга 390104 23 16 4 16д приняла 16 октября

№ 72

№ 96

Борисоглебск Верхняя Площадная 13 Венедиктовой сходка бестужевок пер № 116841

В тяжелую годовщину смерти Венедиктовой и Мамаевой чтим светлые образы их и скорбим вместе с вами.

Пометки на телеграмме:

Телеграмма для сведения департамента полиции

Особый отдел
10 октября 1910 года
вход. № 25095

По поводу сходки на Бестужевских курсах 16 октября
отделение четвертое
Выяснить это же на 20 октября».[86]

Память о товарищах, погибших в борьбе с самодержавием, долгие годы жила на ВЖК, воспитывая новое поколение бестужевок. Товарищи по курсам исполнили последнюю просьбу Венедиктовой. По постановлению сходки был введен небольшой «налог» на дорогие блюда в столовой. И собранные таким образом деньги посылались ее матери.[87]

Среди участников боевых организаций были и другие бестужевки. В боевой группе при ЦК РСДРП(б) работала бестужевка О. Канина, в военной организации Нарвского райкома — М. Маргелашвили (Маро), член РСДРП с 1904 года, и С. М. Морозова, член РСДРП с 1905 года. Активное участие в революции 1905 года принимали Е. П. Херсонская и Е. Г. Смиттен, за год до этого исключенные с курсов за участие в курсовых волнениях 1904 года, и Л. А. Фотиева, исключённая с ВЖК за участие в студенческих волнениях 1901 года и вернувшаяся в 1905 году нелегально в Петербург. Как активные участницы революции 1905—1907 годов награждены орденом Ленина бестужевки Е. Н. Лосева-Ванеева, Ф. М. Кнуниянц-Ризель и многие другие.

В годы первой русской революции на курсах почти открыто действовали организации различных партий — от «академического союза» до революционной социал-демократии.

---

86 Там же, ф. ДПОО, 1910, ед. хр. 124, л. 49.

87 В сентябре 1969 г. в Борисоглебске торжественно были открыты две мемориальные доски: на здании школы, где училась А. Венедиктова, и на доме, где она жила.

Совершенно изолированными на курсах были «академистки». Каждая их попытка выступить на собрании встречалась в штыки. В октябре 1905 года на сходке вновь, как и в 1904 году, было принято решение исключить «академисток из товарищеского круга».

Влиянием пользовались на курсах социалисты-революционеры и, отчасти, меньшевики. Однако в практической работе решающее слово всегда оставалось за большевиками. Это объясняется систематической организационной и пропагандистской работой, которую вели среди студенчества большевики, и наличием такой постоянной централизованной студенческой большевистской организации, как «Объединенный комитет с-д фракций высших учебных заведений».

Революция 1905—1907 годов была подавлена царизмом, но она подняла к революционной борьбе под руководством пролетариата огромные массы народа.

В эти годы на ВЖК открылся юридический факультет. Годы революции наглядно показали, что борьба учащихся женщин за свои права неотрывно связана с революционной борьбой всего народа и в первую очередь рабочего класса. В первой русской революции студенчество сыграло значительную роль. «Соединение пролетариата с революционной демократией... становится фактом, — писал В. И. Ленин в конце 1905 года. — Радикальное студенчество, принявшее и в Петербурге и в Москве лозунги революционной социал-демократии, является авангардом всех демократических сил...».[88]

* *
*

ВЖК в годы реакции. (1908—1909). Спад революционной волны после подавления вооруженных восстаний в Москве, Свеаборге, Кронштадте и других городах сопровождался разгромом революционных организаций, в том числе и студенческих, и отходом от революции неустойчивых слоев демократической интеллигенции.

В университеты пришло новое поколение студенческой молодежи, о котором Ленин писал: «...учащаяся молодежь, вошедшая в университеты в течение последних двух лет, жила почти всецело жизнью, оторванной от политики, и воспитывалась в духе узкого академического автономизма...»[89]

Эта первая смена молодежи, уже привыкшая, по выражению Ленина, «к узенькой автономии», не подготовленная к политическим выступлениям, однако остро реагировала на поход против последних остатков этой «автономии», предпринятый министром просвещения

[88] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 351.
[89] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 217.

Шварцем. В октябре 1908 года в Петербурге, а затем в Москве начались студенческие забастовки.

Это движение, начавшееся в условиях поражения революции, не было правильно понято и оценено руководящими социал-демократическими группами студенчества. В коалиционном комитете Петербургского университета социал-демократы не сумели четко отмежеваться от установок большинства, подчеркнувшего в своем обращении «к студенчеству и обществу» чисто академический характер забастовки.

В Москве левая часть социал-демократических групп студенчества, наоборот, заявила о своем нежелании поддерживать забастовку, как чисто академическую.

Придавая этому движению, в обстановке отсутствия других форм массовой борьбы, большое значение, В. И. Ленин выступил со статьей «Студенческое движение и современное политическое положение», в которой писал: «При таких условиях социал-демократия сделала бы глубокую ошибку, если бы она высказалась „против академического выступления". Нет, группы студентов, принадлежащих к нашей партии, должны направить все усилия на поддержку, использование и расширение данного движения».[90]

Поход Шварца против студенческих «вольностей» особенно сильно ударил по женским учебным заведениям и, в частности, по Бестужевским курсам. В конце 1907 года Сенат и Государственный Совет снова поставили вопрос о том, имеют ли Бестужевские курсы право называться высшими. Этот вопрос в течение 8—10 лет вставал каждый раз, когда реакция в стране поднимала голову. Но в 1907—1908 годах особенно возмутительным было выступление на заседании Сената представителя министерства народного просвещения, отрицавшего за курсами право называться высшим учебным заведением. Все это возбуждало чувство протеста.

Об участии бестужевок в забастовке осенью 1908 года имеются сведения только из газет. Как известно, В. А. Фаусек не писал никаких донесений в министерство народного просвещения и нигде не оглашал материалов о курсовых волнениях. Газеты же сообщили, что на Бестужевских курсах забастовка началась 23 сентября. Решение было принято большинством 1500 голосов против 700. В газете «Речь» от 5 октября помещена заметка такого содержания: «...4 октября на Бестужевских курсах не было прочитано ни одной лекции за отсутствием слушательниц. На вывешенном листе для записи желающих экзаменоваться нет ни одной подписи».

Огромное значение в деле революционизирования нового поколения бестужевок сыграл протест против казни бестужевки Л. А. Стуре.

---

90 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 217.

7 февраля 1908 года члены «летучего боевого отряда северной организации» эсеров были арестованы по обвинению в подготовке покушения на жизнь министра юстиции Щегловитова. Среди арестованных были слушательница ВЖК Л. А. Стуре и бывшая бестужевка, исключенная в связи с арестом по делу Лахтинской типографии, А. М. Шулятикова. Им было также предъявлено обвинение в подготовке покушения на великого князя Николая Николаевича, но последнее, видимо, было придумано Щегловитовым, чтобы придать обвинению более «солидный» характер, так как никаких доказательств в ходе следствия это обвинение не получило.

Подготавливая этот процесс, царское правительство, должно быть, решило взять первый реванш за годы революции, за вынужденные уступки и «проявления мягкости». В целях запугивания общественности дело это не замалчивалось, а, наоборот, раздувалось реакционной печатью.

Судебное следствие длилось всего лишь несколько дней, и 15 февраля (через 8 дней после ареста) состоялся суд. Семь человек были приговорены к смертной казни. Троим, в том числе 17-летней гимназистке Вере Янчевской, казнь была заменена многолетней каторгой.

Приговор над осужденными, среди которых были Л. А. Стуре и А. М. Шулятикова, был приведен в исполнение через два дня — 17 февраля. Родителям Стуре, приехавшим 15 февраля, было разрешено свидание с дочерью накануне казни.

Судебные власти даже не позаботились об установлении личности двух подсудимых, назвавшихся вымышленными именами, они были казнены еще до опознания.

Один из участников процесса был арестован под именем итальянца Мариуса Кальвино. Арест его даже вызвал протест итальянского посольства, которое, ссылалось на то, что по законам Италии смертной казни не существует и казнь итальянского подданного в России может вызвать волнение в Италии. Царское правительство поторопилось повесить Кальвино, а уже после казни выяснилось, что итальянец Кальвино, сочувствовавший русской революции, передал свой паспорт молодому русскому журналисту во время пребывания последнего в Италии. Впоследствии правительство объявило, что казнен был В. В. Лебединцев, сын чиновника из Одессы.

Вторая неопознанная участница процесса, носившая клички Казанская и Кися, по предположению правительства была Лебедевой. В архивах охранки сохранилось письмо Лидии Стуре, написанное накануне суда, и неподписанное письмо Казанской (Лебедевой?). Письма эти не дошли до адресатов.

Другое письмо было, по-видимому, отправлено нелегальным путем и перехвачено охранкой. Приводим с небольшими сокращениями письмо Стуре.

«Дорогие мои, сейчас будет суд. Я вполне спокойна, если будет смерть, встречу ее бодро. На всякий случай — прощайте. Мне жаль только тебя, ма́мочка, но исполни мою просьбу, будь сильной и не падай духом. Папа, если хочешь и можешь, посылай в Общество вспомоществования слушательницам ВЖК каждый месяц в продолжение трех лет по 10 рублей. В моих тетрадях в Петербурге найдут две тетради Косицкой, а также тетради и лекции по кинематике Риман и одну или две с задачами Рибоецкой, отправь их, мамочка, на курсы на имя Риман от меня. Извиняюсь, что так долго удержала их. Целую вас всех много раз. Бабушка и мама, не плачьте. Папа, милый, поддержки их, покажи, как надо принимать удары жизни. Мишута, деточка дорогая, ты скоро забудешь свою Лидочку. Целую твою курчавую головку. Не поймешь ты общего горя, будут еще в твоей жизни свои радости и горести, а теперь пока спи спокойно. Лида».[91]

Приводим выдержки из письма Казанской, которая просила переслать письмо родным, если когда-нибудь узнают ее имя.

«Петропавловская крепость, 11/II-1908 года.

Родителям

Дорогие, милые старички, не огорчайтесь, если узнаете, что я покончила свое земное существование. Ведь рано или поздно мы все умрем. Что из того, что молода? Разве мало умирает молодых? Я не боюсь смерти, дорогие. Одно мучит меня, что на земле так много, много горя и совсем ненужных страданий и уничтожить их трудно.

Прощайте, я не подписываюсь; надеюсь, что вы не узнаете о моей смерти и не получите письма...

Прощайте, дорогие, прощайте, поймите меня и не вините за те муки, что я доставила вам».[92]

В письме Стуре поражает не только самообладание и мужество, с которыми эта юная девушка, почти девочка, готовится к неизбежной и страшной смерти. Ни слова сожаления о себе. В эти последние минуты она беспокоится о других: о матери и бабушке, которым ее смерть принесет много горя. Она просит отца позаботиться о нуждающихся курсистках, беспокоится о том, что задержала взятые у подруг тетради.

Забота о товарищах, самозабвенная доброта Лидии Стуре особенно сказалась в таком эпизоде. В момент ареста Стуре выстрелом из револьвера ранила полицейского. Ее обвинили в покушении на его жизнь. И Стуре, отказавшаяся от всех других показаний, на допросе и на суде отвергла только это обвинение, объяснив, что она хотела дать сигнальный выстрел, чтобы предупредить товарищей. Завязалась борьба, и рука ее отклонилась. Пуля прошла через рукав ее кофточки и ранила полицейского.

Какая нужна была стойкость и доброта, чтобы в такой момент, забыв о себе, пытаться спасти товарищей?!

---

91 ЦГАОР СССР—И, ф. Д7, 1908, ед. хр. 931, лл. 178, 179.

92 Там же, лл. 114—116.

Ожидания правительства не сбылись. Цинизм, с которым правительство произвело инсценировку суда, наглость распоясавшейся желтой прессы, обливавшей подсудимых грязью, вызвали, даже в условиях реакции, горячий протест. Леонид Андреев написал свой «Рассказ о семи повешенных», произведший огромное впечатление. В одной из героинь писатель вывел светлый облик Лидии Стуре.

На ВЖК дело не дошло до забастовки. Совет профессоров заблаговременно объявил день 18 февраля нерабочим и закрыл курсы. Однако казнь Стуре потрясла всех курсисток. Ежегодно в день казни проводились сходки, отправлялись сочувственные телеграммы родителям Стуре, а ответные письма ее отца иногда вывешивались как революционные листовки.

В те годы на курсах были и отдельные массовые выступления политического характера. Таким, например, был протест против казни испанского революционера Фернандо Ферраро в 1909 году. Резолюция сходки бестужевок была переслана в Париж Жану Жоресу.

Из революционных выступлений надо отметить подготовку по заданию Петербургского комитета партии большевиков бывшей бестужевкой П. Ф. Куделли работниц для участия в Первом женском съезде, состоявшемся в декабре 1908 года. Съезд этот был организован группой феминисток, в том числе Комитетом по доставлению средств Бестужевским курсам. Это был удобный случай использовать легальную возможность для социал-демократической пропаганды среди женщин-работниц. Куделли провела ряд собраний работниц на предприятиях, где были выбраны на съезд 50 делегаток-работниц. Из них были выделены четыре докладчицы. Выступления работниц, хотя и не отразились на резолюциях съезда, произвели, однако, большое впечатление на делегаток.

На ВЖК борьба против наступления на курсовую автономию дополнялась борьбой за право женщины участвовать в общественной жизни страны. Бестужевки-юристки создают свою организацию — общество женщин-юристок. Масса бестужевок откликается на жестокие расправы царизма горячим сочувствием к пострадавшим.

«Кризис продолжается, — писал В. И. Ленин в октябре 1910 года, — но его конец уже ясно виден теперь, дорога к выходу вполне намечена и испробована партией...».[93]

* *
*

Годы нового подъема революционного движения. В октябре 1908 года в статье «Студенческое движение и современное политическое положение» Ленин писал: «...маленькое начало маленьких академиче-

[93] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 409.

ских конфликтов есть большое начало, ибо за ним — не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра — последуют большие продолжения».[94]

Прошло два года, и начинается новый подъем революционного движения. Один из симптомов этого подъема — массовые студенческие волнения, связанные со смертью Л. Н. Толстого.

Известие о смерти Л. Н. Толстого всколыхнуло всю страну. У революционной части студенчества еще живо было впечатление от статьи Л. Н. Толстого «Не могу молчать», в которой он страстно протестовал против смертной казни, и первое стихийное движение студентов выражается в сходках и демонстрациях протеста против смертной казни. На Бестужевских курсах 8 и 9 ноября были объявлены траурными днями.

Избиение молодежи казаками на демонстрации 11 ноября для многих бестужевок было первым боевым крещением и наглядным уроком для усвоения новым поколением учащихся лозунга «низвержение самодержавия».

Вскоре известие о зарентуйских истязаниях, об избиениях политических в Вологодской тюрьме вновь всколыхнуло студенческую массу. 4 декабря 1910 года была созвана сходка.

Новый директор курсов С. К. Булич разрешил эту сходку якобы по поводу неподходящей программы вечера, устроенного в Дворянском собрании в пользу курсов. Однако полиция оказалась проницательнее. Директору было заявлено, что если собрание не разойдется, то на курсы будет введена полиция. «...Появление полиции (2 полицейских офицера. — *Ред.*),— пишет С. К. Булич,— вызвало волнение, тем более естественное, что полиция никогда еще не переступала порога курсов... Затем в залу были введены новые наряды городовых, вооруженных ружьями с примкнутыми штыками, которые принялись очищать (зал.— *С. С.*) силой, оттесняя слушательниц к обоим выходам из зала».[95]

Полиция произвела много арестов. Семь курсисток, арестованных на сходке, были высланы из Петербурга.

В январе 1911 года началась забастовка в высших учебных заведениях Петербурга. В обращении, выпущенном общегородским коалиционным комитетом высших учебных заведений, говорилось: «...бастуйте, товарищи... требуем неприкосновенности личности, свободы слова, собраний, союзов.

Требуем возвращения товарищей, уволенных, арестованных и высланных. Требуем автономии высшей школы».

Общегородской коалиционный комитет предлагает студенчеству следующую резолюцию: «Протестуя против ликвидации автономии

[94] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 220.
[95] ЛГИА, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 63, л. 2.

высшей школы, против арестов и высылки товарищей, протестуя против всей политики правительства, студенчество объявляет демонстративную забастовку на семестр».

Петербургский градоначальник сообщает министру внутренних дел:

«Сегодня, (26 января 1911 г.), ввиду полученных сведений о готовящейся на Высших женских курсах сходке для решения вопроса о забастовке, со стороны местной полиции было установлено наблюдение как внутри здания, так и вне его. В 2 часа 30 минут в коридорах курсов появилось объявление с сообщением, что по постановлению коалиционного совета назначенная на сегодняшний день сходка отменяется... Вскоре между слушательницами стали ходить по рукам какие-то клочки бумаг... Спустя некоторое время слушательницы прекратили занятия во всех аудиториях и стали расходиться. На вопрос пристава Васильева, директор курсов проф. Булич подтвердил состоявшееся решение об объявлении забастовки (на весь семестр) и добавил, что решение состоялось без сходки, путем передачи по рукам написанной на клочках бумаги резолюции».[96]

Полиция, сообщая правым депутатам Государственной думы сведения о волнениях в высшей школе, пишет:

«На этот раз впереди идут дамы. Передают, что сегодня бастовали бестужевки с введением полиции».[97]

В тот же день комиссия Совета курсов от имени «всей профессорской корпорации» обратилась к слушательницам с воззванием: «Комиссия совета считает долгом предупредить слушательниц, что особенно в настоящий момент дальнейшее нарушение учебного порядка может, по имеющимся сведениям, повести к немедленному совершенному закрытию курсов и притом надолго. Пусть знают слушательницы, что от их ближайшего образа действий зависит самое существование того учреждения, которое давало духовный приют многим поколениям русских учащихся женщин».[98]

Это был старый прием. Еще в 1904 году группа слушательниц, отвечая на такое же обращение профессоров, писала в своем заявлении: «Нам говорят, что мы не дорожим наукой, не дорожим своим учреждением. Нет, наука дорога всем нам, но мы находим, что наука и жизнь должны идти рука об руку...

Ценой сохранения курсов купить наши убеждения, воспитать на курсах людей дряблых, беспринципных, неспособных иметь мужество выработать в себе взгляд на совершающиеся события? Если мы дорожим своим убеждением, как таким, в котором воспитывались целые

[96] ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1911, ед. хр. 59, ч. 57, т. 1, ЛА, л. 105.
[97] Там же, л. 74.
[98] Там же, л. 11.

поколения, мы не можем допустить, чтобы корпорация учащихся пошла на сделку с совестью».[99]

Нельзя сказать, чтобы опасения комиссии курсов не имели на этот раз под собой никакой почвы. Правительство усиленно муссировало слухи о предстоящем, в случае продолжения забастовки, закрытии курсов.

Можно было не сомневаться, что министр просвещения Кассо, сменивший Шварца, еще более реакционный, чем его предшественник, искренне желал закрытия курсов. Но закрыть ВЖК, завоевавшие себе широкую популярность в стране, было уже не так просто.

На курсах полиция становится частым гостем. Так, газета «Речь» в номере от 10 февраля 1911 года сообщала, что «9 февраля на ВЖК был введен наряд городовых. У дверей каждой аудитории было поставлено по два городовых, слушательниц на лекциях было очень мало... Около четырех часов полиция была выведена из здания курсов». Посещения полиции повторялись в течение всего февраля, так что С. К. Булич в одном из своих донесений попечителю учебного округа вынужден был указать, что, «к сожалению, присутствие полиции продолжает оказывать неблагоприятное влияние на численность посещающих лекции».[100]

Газеты неоднократно сообщают об исключении слушательниц курсов по приказу министра Кассо, а также об арестах и высылках. Так, «Речь» 7 января 1911 года писала о высылке бестужевки Бородиной, 16 января — о высылке Неуйминой и Катанской, 9 марта — об исключении слушательниц Кузьминой и Изотовой, 13 и 14 марта — об аресте Богдановой, Ладыженской и Черевниной. В газете «Новое время» от 3 марта сообщалось об исключении с курсов приказом Кассо слушательницы Гладковой.

Ходатайство перед министерством народного просвещения директора С. К. Булича и Совета профессоров о пересмотре обвинения и о смягчении участи исключенных (среди них А. Г. Ауэ, Н. Н. Неуймина, Э. Х. Митлинская и оставленная при курсах А. Г. Айзенштадт), высылаемых в Олонецкую и Архангельскую губернии под надзор полиции на время от 2 до 3 лет, не имело успеха.[101]

Весной 1911 года на курсах из-за забастовки экзамены фактически не состоялись, и администрация вынуждена была объявить, что второй семестр 1910/11 года слушательницам не засчитывается.

1911/12 учебный год прошел относительно спокойно, сказывалась усталость студентов после затянувшейся забастовки.

---

99 Там же, ед. хр. 1210, л. 9.
100 Там же, ф. 113, ед. хр. 63, оп. 1, л. 28.
101 Отчет ВЖК за 1910/11 год.

Проповедь изгнания из университета политики находила благодарную почву среди студенческой молодежи, выросшей в годы реакции. Необходимо было дать бой таким настроениям, вырвать студенчество из-под влияния явных и скрытых академистов. С этой целью в 1913 году создается Организационная комиссия по созыву Всероссийского студенческого съезда, в которой участвовали представители студенческих экономических организаций: касс взаимопомощи, столовых комиссий, бюро труда, землячеств. Работой Организационной комиссии фактически руководили большевики, пославшие туда товарищей С. И. Сырцова, Б. Неймана, Павлова и других. От Бестужевских курсов в Организационную комиссию входили большевички Г. Крейзберг и Ф. Н. Якобсон, а также группа беспартийных: Л. П. Богословская, Е. Баранова, С. И. Рабинович-Стриевская и другие. Горячие споры с академистами, которые велись на заседаниях комиссии, быстро переносились в широкие круги студенческой молодежи и имели большое воспитательное значение, готовя студенчество к назревающим новым боям. Для участников оргкомиссии это было хорошей школой борьбы с идеологическими противниками.

1912—1914 годы, до начала империалистической войны, на курсах, как и везде, характерны большим количеством революционных выступлений. На ВЖК входят в обычай летучие сходки, которые заканчиваются раньше, чем полиция успевает узнать о них, однодневные и двухдневные забастовки протеста. Теперь уже, помимо донесений попечителю учебного округа, директора обязывают сообщать и полиции о всех сколько-нибудь заметных инцидентах.

31 октября 1912 года на летучей сходке была принята резолюция протеста против смертного приговора, вынесенного 17 матросам Черноморского флота.

6 ноября того же года была вывешена листовка, призывающая к забастовке 7 ноября в связи с годовщиной смерти Толстого. 7 ноября Булич сообщал, что в этот день многие лекции и занятия не состоялись вследствие почти полного отсутствия слушательниц.[102]

9 марта 1913 года в связи с событиями в Военно-медицинской академии состоялась сходка, принявшая решение об однодневной забастовке 11 марта.

4 апреля снова происходит однодневная забастовка в связи с годовщиной Ленского расстрела.

К началу 1913/14 учебного года из охранного отделения в департамент полиции поступило донесение, в котором говорилось, что «новый академический год начался совершенно спокойно — не только без эксцессов, но и без порывов к ним...

---

[102] ЛГИА, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 63, лл. 64—65.

На Высших женских курсах... особых разговоров по вопросам политическим и внутренней жизни курсов пока не слышно, только отдельные группы старых слушательниц живо интересуются положением рабочей прессы по случаю частых конфискаций газет и последних закрытий рабочих газет». Как видно из донесения, охранка возлагала особые надежды на новое пополнение учащейся молодежи, выросшей тогда, «когда заглохли воспоминания» о былых советах старост. Эти учащиеся «чужды былым студенческим традициям».[103]

Вскоре, однако, выяснилось, что охранка ошиблась. Начиная с сентября 1913 года, на курсах, как и в других учебных заведениях, не прекращаются сходки и забастовки. Вот их краткий перечень.

30 сентября — 30 октября 1913 года — сходки и однодневная забастовка в связи с делом Бейлиса (обвинение еврея в ритуальном убийстве с целью вызвать еврейские погромы).

7 ноября — полулегальный вечер, посвященный памяти Л. Н. Толстого.

24 февраля 1914 года — митинг протеста против запрещения празднования юбилея Шевченко и произведенных в связи с этим арестов и обысков.

15 и 17 марта того же года — сходка и двухдневная забастовка по случаю годовщины Ленского расстрела.

26 апреля сходка протеста против осуждения профессора И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, приговоренного Судебной палатой к двум годам заключения в крепости.

Все выступления этого периода идут под знаком острой политической борьбы с самодержавным режимом, отражая растущий под мощным натиском пролетариата подъем революционного движения в стране.

В апреле 1914 года в столовой Горного института полицией была обнаружена нелегальная типография. Начались многочисленные аресты во всех учебных заведениях. Среди арестованных были бестужевки Г. Крейзберг и Ф. Н. Якобсон.

* *
*

Бестужевки в годы мировой войны и Великой Октябрьской революции. С началом мировой войны настроения в высших учебных заведениях резко изменились. Революционные лозунги сменяются «патриотическими», оборонческими. И только небольшая группа студентов-большевиков, уцелевших в условиях непрекращавшихся репрессий, одна шла против течения и старалась мобилизовать лучшую часть сту-

---

[103] ЦГАОР СССР—И, ф. Д IV, 1913, ед. хр. 126, л. 1.

денчества на борьбу против империалистической войны, за превращение ее в войну гражданскую.

Хорошо осведомленная охранка, получавшая в этот период информацию от группы провокаторов-студентов, среди которых были З. Н. Лущик, Н. А. Витко и другие, в постановлении от 27 марта 1915 года записала: «Жизнедеятельность партийных центров социал-революционных широких организаций города Петрограда в последнее время была сравнительно ослаблена, студенческие социал-революционные фракции директив к работе от них не получали, и таковая, можно сказать, была почти совсем аннулирована.

Социал-демократическое течение, как констатировала агентура, наоборот, захватило широкие слои студенчества, создав среди него в ряде высших учебных заведений партийные фракции большевистского и меньшевистского толка. Первые (большевики) выделили из своей среды видных представителей, организовали свой руководящий центр, наименовав его Объединенный комитет с.-д. фракций высших учебных заведений.[104] На протяжении истекшего промежутка времени означенные организации, тесно соприкасаясь между собой в работе и координируя свои действия руководством объединенного к-та, можно сказать заняли командное начало в политическом движении высшей школы».[105]

На Бестужевских курсах существовала в начале войны так называемая объединенная социал-демократическая группа, состоявшая из социал-демократов разных течений (кроме прямых оборонцев) и сочувствующих. Такая группа сложилась на ВЖК по необходимости, когда после арестов в апреле—августе 1914 года почти не осталось действительных членов партии. В конце 1914 года в группе состояло всего 8—9 человек, и из них: две большевички, три тяготеющих к меньшевикам-мартовцам и 2—3 человека, еще не вошедших в партию. Кроме того, на курсах училась член РСДРП (большевиков) с 1914 года В. Ф. Алексеева, но по предложению Объединенного комитета с.-д. фракций высших учебных заведений Петрограда из-за конспиративных соображений она в группу не входила. Обсудив положение на курсах, Объединенный комитет решил временно оставить все без изменения, обязав членов партии вести с другими членами группы и беспартийными работу по разъяснению и пропаганде политики партии, а также по возможности использовать их для выполнения партийных поручений.

В помощь молодым большевичкам Объединенный комитет направил слушательницу курсов Лесгафта С. Д. Маркус, члена РСДРП(б)

---

104 Объединенный комитет, организованный еще в 1904 году, существовал на правах районного комитета до Февральской революции.

105 ЦГАОР СССР—И, ф. Д 7, 1915, ед. хр. 1278, лл. 47—55.

с 1905 года, которая провела в легальном кружке, носившем название «Философско-экономический кружок», диспут по вопросу о войне.

По заданию Объединенного комитета при курсах был создан совместный нелегальный кружок студентов Горного института и бестужевок.

Постепенно обрастая беспартийным активом, группа в дальнейшем развернула довольно большую работу, которая была прервана лишь арестом всех ее членов. В документах охранного отделения записано следующее: «...разновременно поступающими агентурными сведениями к 20 марта (1915 г.) представилась возможность установить лишь... что члены с.-д. фракции Бестужевских курсов, так равно и Лесгафта, помимо деятельности своей в стенах своего заведения, приняли на себя функции по работе в женских рабочих кружках, являясь там пропагандистками, и по организации дела издания подпольного женского журнала, намечаемого к выпуску 4 апреля, обслуживая последний литературным материалом и техникой (гектограф), причем во главе этого дела стали большевички Ф. Н. Якобсон и С. И. Рабинович (Стриевская)».[106]

Серьезные выступления удалось организовать 12 ноября 1915 года в связи с арестом большевиков — членов Государственной думы. На курсах состоялась летучая сходка и была принята резолюция об однодневной забастовке протеста. Арест депутатов большевистской фракции послужил началом важной разъяснительной работы об отношении большевиков к войне. Именно это и дало группе возможность 10 февраля в связи с судом над членами Думы организовать на курсах самую многолюдную с начала войны сходку (по приблизительным подсчетам, не менее 1600 человек) и провести резолюцию даже не об однодневной, а о двухдневной забастовке протеста.

К этому времени вокруг группы большевиков уже сложился некоторый актив из молодых курсисток, очень помогавший в работе.

Большое впечатление произвела распространявшаяся на курсах в Международный женский день в 1915 году листовка, выпущенная Петербургским комитетом партии за подписью «Организация женщин-работниц РСДРП». Листовка заканчивалась словами: «Довольно крови, долой войну, на всенародный суд преступное самодержавное правительство». Эта листовка была вывешена на видных местах, и вокруг нее разгорелась острая борьба между сторонниками большевиков и их противниками. Последние много раз срывали и рвали листовку, но через несколько минут она снова появлялась.

Выпуск к Международному женскому дню нелегального гектографированного журнала, который был поручен первым городским рай-

---

[106] Там же.

комом партии бестужевкам-большевичкам Ф. Н. Якобсон и С. И. Рабинович-Стриевской, не удалось осуществить, так как 27 марта, во время массовых арестов студентов-большевиков, была арестована и вся объединенная группа Бестужевских курсов.

Арест большой группы студентов и курсисток — большевиков, арест, который особый отдел характеризует как «ликвидацию объединенного комитета и местных партийных групп, лишивший их главных сил»,[107] на время приостановил антивоенную работу. Меньшевики, по данным особого отдела, «стояли на позициях оборонцев — нигде кроме университета и психоневрологического института оформленных групп не имели, ...концентрировались в легальных научных кружках».[108]

«На Бестужевских курсах, — сообщает особый отдел товарищу министра внутренних дел в марте 1916 года, — где нет меньшевистских групп, а имеются отдельные меньшевики, организуются подготовительные кружки».

Но с начала нового учебного года особый отдел отмечает, что среди студенчества «чувствуется возбуждение, увеличение молодых революционных сил». Это становится особенно заметным с восстановлением Объединенного комитета с.-д. фракций высших учебных заведений.

«Гораздо большей (по сравнению с соц.-революционерами. — *С. С.*) известностью в студенческой среде пользуется „Объединенный комитет с.-д. фракций высших учебных заведений", — говорится в докладе особого отдела от 23 марта 1916 года. Ставя главной своей задачей руководство в рабочей среде, Объединенный комитет, однако, немалое внимание уделяет таковому же в студенчестве.[109]

Деятельность Комитета проявилась в выпуске целого ряда воззваний к студенчеству, проведении сходок и забастовок 5 марта, и наконец, в выпуске своих „Бюллетеней". Объединенный комитет и фракции, в него входящие, по своему составу большевистские».[110]

На Бестужевских курсах большевистская фракция возникла в апреле 1916 года. В нее вошли: В. Ф. Алексеева, С. И. Соколовская (Елена), В. Н. Лапина, А. П. Добрякова, сестры Толмачевы, А. Лихачева, Т. Боголепова.

Оживление активной работы, выпуск воззваний и бюллетеней Объединенного комитета оказал влияние и на часть молодежи, примыкавшей к социалистам-революционерам. На Бестужевских курсах, по данным охранного отделения, группа курсисток с.-р., в которую входили

---

107 ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1915, ед. хр. 59, ч. 57, л. 30.

108 Там же, лл. 5—7.

109 Там же.

110 Там же, лл. 6—7.

Н. Т. Кононова, И. И. Юревич и другие, распространяли резолюции Циммервальдской конференции, бюллетени объединенного комитета и воззвание к бестужевкам с призывом отказаться от работы в правительственных учреждениях, имеющих отношение к войне.[111]

В течение 1916 года полиция дважды, в апреле и в декабре, провела так называемую «ликвидацию» Объединенного комитета с.-д. фракций высших учебных заведений.

Несмотря, однако, на многочисленные аресты, число противников войны постепенно росло. 14 февраля 1916 года на сходке обсуждался вопрос о политическом положении в стране. Предложенная фракцией резолюция против войны была принята 385 голосами. Правда, на следующий день, по настоянию значительной группы слушательниц, была вновь назначена сходка, и 1000 человек голосовали за резолюцию «солидарности с союзниками» и войну до победного конца.[112]

25 февраля 1917 года на курсах были распространены листовки с призывом: «Все на улицы! Поможем бастующим рабочим!». Многие бестужевки участвовали в демонстрациях и уличных стычках 25—27 февраля. В. Ф. Алексеева вспоминает, как, пробравшись в Таврический дворец, где кадеты и октябристы договаривались о «спасении престола» и обсуждали кандидатуру на царский престол великого князя Михаила, она и бестужевка Н. Москвина выступили перед огромными толпами солдат, матросов и рабочих, заполнившими Таврический дворец, разъясняя смысл этого заговора. Через два месяца обе они стали работать в секретариате VII (Апрельской) конференции РСДРП(б).

После Февральской революции работа большевиков была перенесена на улицы, на предприятия, в казармы, в партийные комитеты. Все силы большевистских организаций высших учебных заведений были брошены на подготовку пролетарской социалистической революции.

В высших учебных заведениях поднимают голову контрреволюционные элементы. В дни Октября и в первые недели Советской власти они пытались по всякому поводу создавать конфликты, провокационные выступления, которые потом усиленно раздувались и использовались контрреволюционными газетами для клеветы на большевиков. Один из таких инцидентов произошел в стенах Бестужевских курсов.

19 декабря 1917 года по договоренности хозяйственной комиссии курсов с недавно созданной студенческой организацией в здании курсов была назначена публичная лекция А. В. Луначарского. Группа курсисток решила воспрепятствовать «захвату» здания большевиками, лекции был объявлен бойкот. Но провокация не удалась, и лекция, несмотря на обструкцию, состоялась при огромном количестве заполнивших зал слушателей — рабочих, студентов и курсисток. По распоряжению А. В. Лу-

[111] ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1916, ед. хр. 64, ч. 57, лл. 2—3.
[112] ЛГИА, ф. 113, оп. 1, ед. хр. 63, л. 100.

начарского виновники обструкции, задержанные красногвардейцами, были освобождены.[113]

Пассивность и колебания значительной части слушательниц, не оказавших активного противодействия контрреволюционным элементам, объясняются отчасти и отсутствием разъяснительной работы на курсах. Все члены большевистской фракции 1915—1916 годов, вернувшись из тюрем и ссылок, ушли работать туда, куда их направила партия. Так, В. Ф. Алексеева и Н. М. Москвина работали в дни Октября в Петербургском комитете партии. С. И. Соколовская и В. Н. Лапина — в Черниговском губкоме и Совете рабочих депутатов, С. И. Стриевская — в Секретариате послеоктябрьского ВЦИКа, сестры Т. Г. и Н. Г. Толмачевы и Т. Боголепова— в редакции газеты «Правда», секретарем которой была в то время бывшая бестужевка А. И. Елизарова-Ульянова. Бестужевка Р. Е. Орлова была секретарем Московского военно-революционного комитета, Е. Ф. Шиллер-Пономарева, член РСДРП с 1898 года, работала в штабе Баумановского военно-революционного комитета в Москве, Е. А. Гилярова под руководством В. К. Слуцкой работала в Василеостровском райкоме РСДРП(б), где организовала отделение партийного издательства «Прибой».

Одной из славных участниц гражданской войны была бестужевка Н. М. Москвина, принимавшая участие в защите Петрограда во время наступления Юденича. Ее именем назван б. Троицкий проспект в Ленинграде.

Бестужевка С. И. Соколовская (Елена) была секретарем Одесского подпольного губкома партии в дни интервенции.

Участницей партизанской борьбы на Дальнем Востоке была З. И. Секретарева (Зоя большая), которая вместе со своей подругой спасла от преследований интервентов американского журналиста Вильямса.

В гражданскую войну погибли зверски замученные белыми юные бестужевки Шура Лихачева и Таня Боголепова.

На ответственных постах работали П. Ф. Куделли, К. Н. Самойлова и многие другие большевички, начинавшие свой революционный путь на Бестужевских курсах.

Всем известна огромная, многообразная работа бестужевки Надежды Константиновны Крупской — верного друга и соратника Владимира Ильича Ленина.

Великая Октябрьская революция смела все старые законы, в том числе и законы, отрицавшие равноправие женщин.

Бестужевки, пройдя суровый путь борьбы за право женщин на образование, встали в ряды активных участниц революции и строителей нового, социалистического общества.

---

113 «Известия рабочих и солдатских депутатов», 1917, 21 декабря.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА БЕСТУЖЕВОК[1]

Бестужевские курсы с первых дней своего существования были демократическим учебным заведением, тесно связанным с передовой частью русского общества.

На курсах была широко развитая сеть различных общественных организаций, иногда полулегального и даже нелегального характера, так что сплошь и рядом участие в них было связано с известным риском, но это никого не останавливало и не пугало. Первые организации были в основном экономического характера. Значительная часть слушательниц не имела никакой материальной поддержки, им на помощь приходило не только общество вспомоществования нуждающимся слушательницам, которое распределяло стипендии, выдавало бесплатные талоны в столовую, снабжало больных лекарствами и т. д., но и такие студенческие организации, как землячества, касса взаимопомощи, бюро труда и с 1906 года столовая комиссия. В этих организациях молодые курсистки учились у более опытных старших товарищей умению ориентироваться в сложных, поставленных жизнью вопросах, развивали свои организаторские способности, приобретали навыки общественной дисциплины, выполняя поручения, требующие не только сил и времени, но и любви и преданности делу.

В курсовых организациях, помимо рядовых курсисток, работали члены подпольной революционной организации, и это способствовало росту гражданского сознания других. Здесь крепло чувство товарищества и воспитывалось высокое представление о гражданском долге. В основе этих организаций лежали демократические начала: добровольное членство, правление из выборных на общих собраниях лиц — с председателем, секретарем, казначеем — и ревизионная комиссия. И каждый шел работать туда, где, как ему казалось, он мог быть более полезен.

Первыми объединениями бестужевок были землячества, созданные по территориальному признаку. Их поддерживали профессор А. Н. Бекетов и распорядительница курсов Н. В. Стасова. Они содействовали созданию первых объединений курсисток — землячеств, считая их экономическими организациями. Однако нередки были случаи ареста членов землячеств. Так, в 1880 году были произведены аресты среди членов варшавского землячества.

Подробно описывает, например, работу в симбирском землячестве Анна Ильинична Ульянова. Анна Ильинична приехала в Петербург в 1883 году вместе с братом Александром Ильичем, поступившим в Петербургский университет. В первый год жизни в Петербурге Анна Ильинична и Александр Ильич вступили в симбирское землячество, где

[1] По материалам архива музея ЛГУ, ф. ВЖК.

Александр Ильич организовал кружок по изучению экономического положения крестьян.

«В складчину стали мы — члены симбирского и части самарского землячества, — говорит А. И. Ульянова, — выписывать новые журналы, которыми менялись по очереди. Затем мы доставали не разрешенные тогда книги, как сочинения Герцена, как нелегально выходившие „Сказки" Щедрина и сочинения Л. Н. Толстого: „Исповедь", „В чем моя вера?", „Деньги"».[2] А. И. Ульянова утверждает, что землячества за время ее пребывания на ВЖК (1883—1887) были неразрешенными организациями.

О деятельности землячества в 90-е годы рассказывает в своих воспоминаниях Н. П. Вревская.

«Молодежь, приехавшая учиться из провинции в Петербург, обычно чувствовала себя как бы потерянной в большом, чужом городе. Невольно влекло к своим землякам, уроженцам родного города. Так образовались небольшие кружки — землячества, которые назывались по губерниям, областям: полтавское, смоленское и т. д. — и объединяли студентов всех высших учебных заведений Петербурга.

Тверское землячество славилось сплоченностью своих членов, хорошей библиотекой, кассой взаимопомощи и вообще живой работой. Так как собрания свыше 3—4 человек преследовались полицией, то их надо было устраивать с большой осмотрительностью, в благонадежных квартирах, собираться и уходить не гурьбой, а поодиночке. На собрании назначался день, час и место следующего через 3—4 недели собрания, в зависимости от количества дел.

Самым неотложным был вопрос о привлечении средств в кассу взаимопомощи. По уставу землячества студент получал ссуду из кассы на известный срок — с отдачей. В исключительных случаях — безвозвратно.

Второй серьезный вопрос — помещение библиотек в надежное место. Специальная экономическая библиотека была хорошо подобрана. В ней были запрещенные тогда книги: сочинения Плеханова, Маркса, Бебеля, Каутского, Чернышевского, Шелгунова и др. Выписывался один толстый журнал. Все на студенческие гроши.

Для добывания средств землячества устраивали платные товарищеские вечеринки — „чаепития", которые разрешались градоначальником под ответственность двух главных распорядителей.

Снимался зал столовой Дервиза на углу Среднего пр. и 12-й линии Васильевского острова или кухмистерская Вишнякова — угол Литейного пр. и Бассейной (ныне ул. Некрасова).

Обычно на вечеринку приглашались профессора — любимцы сту-

[2] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об А. И. Ульянове. М.—Л., 1931, стр. 8, 9.

дентов и писатели: Н. И. Кареев, В. И. Семевский, Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, а также всеми любимый П. Ф. Лесгафт.

Теснота, шум, споры, крик; с трудом водворяется тишина. Оратор взбирается на стол, говорит на особо волнующие темы: о служении народу, о науке, о социально-политических вопросах. Хлопки, одобрения, недовольный шум... опять спор, вечный спор между народниками и социал-демократами. Где-то в уголке запевают песню — хор подтягивает, и пение неумолчно льется, то стихая, то вновь разгораясь.

В другой комнате собралась группа желающих веселиться и танцевать.

С трудом протаскивается огромный бурлящий самовар к столу, где закуски и чай. Ни пива, ни вина нет.

Продаются билеты беспроигрышной лотереи, все веселы, возбуждены.... слегка взволнованы, как бы полиция не нагрянула (хоть разрешение и взято, но...). В 3-м часу ночи расходимся.

Конец вечеринки, — я, как кассир землячества, вожусь с деньгами, быстро привожу в порядок кредитки; выручку надо отвезти домой.

Все слышанное, такое понятное, пока слушаешь, при выходе на улицу — в темную, холодную ночь — рождается сомнение. Реальное — некоторая сумма денег: можно будет помочь землякам внести деньги за право ученья и за обеды. Но до следующего дня всегда было тревожно. А вдруг был „шпик", подслушал чье-либо неосторожное слово, и, может быть, кто-нибудь уже арестован.

Совет всех землячеств Петербурга организовал кружки самообразования по различной тематике: политической экономии, истории революционных движений, программам партий и т. д., вообще, по так называемым запрещенным темам.

Статьи А. В. Пешехонова, Н. К. Михайловского, речи профессоров и адвокатов на студенческих вечерах давали пищу для постоянных горячих споров.

Всюду, везде и во всем искали и ловили намеки на протест. Брожение глухое, тайное было велико.

Нам хотелось завязать сношения с рабочими, но старшие товарищи, члены нашего землячества, не допускали нас к подпольной пропаганде и использовали лишь в качестве передатчиков (почтальонов) поручений нелегального характера, связующего звена. Мы собирали деньги в пользу Красного Креста, распространяли листовки».[3]

Правительство, относившееся подозрительно ко всяким собраниям студентов, зорко следило за землячествами, которые, особенно в предреволюционные годы, играли важную роль, как бы являясь объединяющими звеньями всех высших учебных заведений.

---

[3] Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

С самого основания курсов была организована и касса взаимопомощи, которая в то время была единственной легальной организацией на курсах (Е. Я. Чайковская-Бухановская).

Внимание к нуждам товарищей, помощь и поддержка — вот основа деятельности кассы взаимопомощи. Членом правления кассы, а затем заместителем председателя долго была Е. Н. Яковлева. Находясь в центре курсовых организаций с 1911 года до ареста с другими бестужевками в 1915 году, Е. Н. Яковлева, человек отзывчивый и добрый, проводила большую работу по оказанию помощи нуждающимся курсисткам. Средства кассы складывались из личных пожертвований и доходов от концертов и вечеров. В них принимали участие писатели, общественные деятели, артисты: Ф. М. Достоевский, А. Ф. Кони, П. А. Стрепетова, В. Ф. Комиссаржевская, М. Г. Савина, Л. В. Собинов, Н. Н. Фигнер, И. В. Тартаков и др. В пользу нуждающихся слушательниц устраивались спектакли. Так, Н. Н. Ходотов, который всегда охотно выступал перед молодежью, писал в своих воспоминаниях о спектакле «Чайка», поставленном им в зале Павловой в пользу курсов. В сезон 1912/13 года Московский Художественный театр дал в пользу ВЖК инсценировку романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», которая шла два вечера.

Нередкими гостями на ВЖК были М. Горький, который читал «Песнь о Соколе», «Песнь о Буревестнике» и другие произведения (1902—1907), К. Д. Бальмонт, И. В. Северянин, В. В. Маяковский.

Ф. М. Достоевский 14 декабря 1878 года по приглашению В. П. Тарновской прочел рассказ Нелли из романа «Униженные и оскорбленные» (о чем вспоминает Анна Григорьевна[4]), А. А. Блок читал 18 февраля 1909 года «Песню Судьбы»,[5] выступала А. А. Ахматова. Спектакли, концерты, встречи с отдельными писателями и поэтами, организованные кассой взаимопомощи, давали возможность слушательницам быть в курсе культурной жизни города.

В 1908 году касса взаимопомощи благодаря содействию выборного директора В. А. Фаусека получила устав, в котором четко были сформулированы цель кассы взаимопомощи, состав, обязанности правления, порядок распределения ссуд, установление степени нуждаемости и т. д.

Основной фонд кассы составляли вступительные взносы в размере одного рубля (в 1914—1916 годах он составлял 2600 рублей). Членами кассы были не только те, кто нуждался в материальной поддержке, многие делали взносы из чувства товарищеской солидарности.

---

[4] Л. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.—Л., 1935, стр. 276.

[5] «Поэт не только сам несколько раз выступал на Бестужевских курсах, — он помогал З. В. Зверевой (курсистке. — *Ред.*) договариваться с другими деятелями литературы. . .». «Литературная газета», 1971, 28 июля.

Оборотный капитал составляли ежемесячные членские взносы в размере 25 копеек, проценты от основного фонда, возвращенные ссуды, доходы с предприятий кассы и от вечеров. Одним из источников средств кассы были и доходы от двух киосков — книжного и канцелярских принадлежностей, открытых в стенах курсов.

Заведующие этими киосками изыскивали возможность приобретать товар с большой скидкой. Так, например, Русский музей делал 40% скидки на открытки, магазины канцелярских принадлежностей давали 25% скидки. И, несмотря на то, что в киосках товары продавали с 10-процентной наценкой, цены на товары были ниже городских. Книжный киоск получал большую выгоду от продажи печатных трудов, которые профессора, как правило, отдавали безвозмездно или с большой скидкой.

Кроме киосков, касса взаимопомощи получала доходы от организованной ею библиотеки. На самых льготных условиях — одна копейка за день, за просроченный день — 5 копеек — можно было прочесть книжную новинку, получив ее у библиотечного столика в зале. У этих же столиков можно было воспользоваться такими дорогостоящими справочными изданиями, как «Словарь» Даля, и др.

Помощь нуждающимся слушательницам оказывал и совет профессоров. По представлению кассы взаимопомощи совет освобождал от платы за обучение, распределял стипендии (например, 50 стипендий имени Л. Н. Толстого). Когда в кассе не было денег, а товарищу надо было помочь, председатель правления обращался в общество вспомоществования к члену комитета О. К. Нечаевой. И здесь отказа не было. Кроме того, касса взаимопомощи выдавала ссуды — краткосрочные (на два месяца), долгосрочные (свыше двух месяцев), в исключительных случаях — бессрочные. Бессрочными ссудами назывались денежные отчисления в основном на политические нужды. На выданную сумму в кассе всегда лежала расписка кого-либо из товарищей — это было необходимо на случай полицейского контроля.

Правление кассы взаимопомощи ежегодно отчитывалось перед общим собранием слушательниц и свой отчет представляло совету профессоров.

В первые же годы существования ВЖК комитетом общества доставления средств ВЖК была открыта для слушательниц столовая, которой ведал член комитета. А. И. Ульянова вспоминает, что ее сближению с бестужевками помогло «общее участие в студенческой столовой и дежурства на кухне». В январе 1906 года, когда было упразднено общежитие, перестала функционировать и столовая. Тогда курсистки обратились к комитету с просьбой разрешить самим открыть столовую под их личную ответственность и помочь им в этом начинании. Комитет просьбу удовлетворил. С 1906 года столовая вместе с буфетом и кухня с пол-

ным оборудованием перешли в ведение столовой комиссии, состоявшей из председателя и постоянного состава дежурных, работавших систематически и самоотверженно. Для проверки денежной стороны дела регулярно собиралась ревизионная комиссия, выбранная общим собранием слушательниц. Например, по данным обследования, проведенного в 1915 году слушательницами статистического семинария профессора А. А. Кауфмана, столовой пользовались 44% всех курсисток. Когда началась первая мировая война, при столовой открылся пункт питания для детей беженцев и призванных на военную службу. Пункт также обслуживали бестужевки.[6]

Не менее значительную роль в жизни курсов играло бюро труда, организованное кассой взаимопомощи. Оно было создано в 1893 году по инициативе Н. В. Стасовой и утверждено министерством в 1897 году как легальная экономическая организация курсов. В петербургских газетах печатались объявления (бесплатно) от имени бюро труда ВЖК. Задачей бюро было приискание работы для оканчивающих курсы, главным образом в отъезд. Остальная масса слушательниц, нуждающаяся в работе, должна была самостоятельно изыскивать средства существования. Бюро труда получило свой устав одновременно с кассой взаимопомощи в 1908 году. Работа распределялась правлением в порядке степени нуждаемости. Каждый получивший работу вносил в пользу бюро труда комиссионные. В приемной слушательниц всегда находились люди, пришедшие в бюро труда с предложением работы: уроки, переписка, корректура, переводы, счетная работа, чертежи и даже уход за больными.

С началом мировой войны от Союза городов и от Земского союза в бюро труда стали поступать требования на работу на фронте — в открытые ими госпитали, пункты питания в прифронтовой полосе. Желающие работать всегда находились. У многих слушательниц учебная жизнь отодвинулась на второй план.

Кроме организаций экономического характера, большую роль на курсах играла товарищеская читальня. Заведовали читальней сами курсистки. Администрация сюда не заглядывала. В читальню поступали периодические издания, журналы, газеты. Здесь происходили собрания курсовых организаций.

В читальне можно было достать нелегальную литературу, узнать, что делается в других высших учебных заведениях, о событиях партийной жизни. В 1902 году департамент полиции указал директору курсов, что в читальне при ВЖК совершенно свободно распространяются среди посетительниц и остаются разложенными на столах революционные издания. Это заявление полиции соответствовало действительности. Биб-

---

[6] Подробности см. в ст. Л. П. Богословской. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

лиотекари и читатели стали осторожнее, осмотрительнее, и ни библиотека, ни читальня закрыты не были.

Для обсуждения отдельных событий студенческой жизни, созыва курсовых собраний и руководства ими собирались курсовые депутатки. Из собраний курсовых депутаток постепенно создался совет старост. Значение этого совета особенно возросло во время студенческих волнений. После массовых арестов и высылки многих бестужевок совет старост возглавил все дело помощи пострадавшим. Это, естественно, выдвинуло совет на первое место.

Одна из старейших бестужевок — выпуска юбилейного 1903 года — В. В. Мухина вспоминает: «...Не знаю почему, но я была выбрана кассиром (по-нынешнему старостой) курса и бессменно работала им во все время обучения на курсах... Общекурсовые дела решал совет кассиров. Обязанности старосты были разнообразны. ...Что же делали старосты? Устраивали балы, вечера, успеху которых способствовало участие знаменитых артистов и писателей. Кроме того, старосты устраивали платные лекции, вели переговоры с администрацией курсов, с комитетом оказания помощи курсам, разрешали внутренние спорные вопросы, поддерживали связи со студенческими организациями других высших учебных заведений, главным образом с университетом и Горным институтом, своими соседями по Васильевскому острову. Вообще совет старост являлся идейным, культурным и политическим ядром всех курсов».[7]

Особенно большое значение совет старост приобретает в 1905 году. Первый выборный директор В. А. Фаусек проявлял большое внимание к общественным организациям курсов, которые в тревожное время 1905—1907 годов осуществляли руководство общественной жизнью курсов. Но время подъема и расцвета студенческих организаций длилось недолго. В самом начале 1908/09 учебного года министр народного просвещения Шварц рядом циркуляров упразднил студенческие организации и совет старост.[8] Попытки Совета профессоров ВЖК и директора В. А. Фаусека отстоять существование совета старост были безуспешны.

И, наконец, 26 сентября 1910 года министр народного просвещения Кассо запрещает все студенческие союзы и собрания.[9]

Но без руководящего органа студенческая жизнь была невозможна. И в 1910 году идейное руководство взяла на себя нелегальная общестуденческая общественная организация — коалиционный комитет, «от имени которого до 1915 года созывались политические сходки» (Стриевская). На ВЖК на месте упраздненного совета старост в сентябре 1911 года был образован центральный орган (тоже нелегальная организа-

---

[7] Из воспоминаний В. В. Мухиной. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.
[8] «Русское богатство», 1908, № 9, стр. 157, 163; № 10, стр. 125—126.
[9] БСЭ, т. 31, стр. 70.

ция), не представлявший собой в политическом смысле однородной группы. Он «состоял из представителей экономических организаций курсов, и политическая агитация в его функции не входила» (Стриевская).[10]

Деятельность Центрального органа распространялась на различные сферы общественной жизни: организация работы на Смоленских рабочих курсах, постановление об участии слушательниц в юбилее профессоров Д. Н. Овсянико-Куликовского и С. К. Булича, в 1913 году организация вечера памяти Л. Н. Толстого. Весной 1914 года Ц. О. принял участие в организации комитета по созыву общестуденческого съезда. Важной работой Центрального органа являлась связь с Красным Крестом.

«Правительственные репрессии после 1 марта 1881 г. вызвали появление политической организации „Красный Крест" — помощь политическим заключенным. С 1882 г. начинаются сборы денег в „Красный Крест". Сначала сборы проводит курсовой кружок „Народной воли" под руководством Ольги Фигнер, сестры Веры Фигнер, заключенной в Петропавловскую крепость. Затем в Красный Крест идут отчисления от общественных организаций курсов, которые объединяла центральная организация — совет старост до 1910 г. и центральный орган до 1917 г.».[11] Жертвовались деньги и частными лицами, 10% отчислялось от публичных лекций, концертов, лотерей и т. д. Иногда по аудитории пускался подписной лист для сбора денег в фонд Красного Креста. Все это делалось очень осторожно.

«Я лично не была партийной, — пишет В. В. Мухина, — . . .но я и большая группа слушательниц всех факультетов вели большую, опасную и ответственную работу в нелегальном „Красном Кресте" помощи политическим ссыльным и заключенным. Особенно много было труда получить списки арестованных, время их высылки и с подыскиванием „невест" для получения свидания с ними, передачи продуктов, белья, книг: разрешали свидания только матерям, женам и невестам. Самое трудное и опасное было — установить связь (за деньги, конечно) с тюремным надзирателем и найти безопасную квартиру для встречи с ним».

Общественные организации ВЖК постоянно находились под полицейским надзором и контролем, правительственные циркуляры и предписания запрещали и тормозили деятельность организаций. В этой годами длившейся борьбе бестужевки проявили высокую принципиальность и беззаветную преданность делу. И всегда, как бы ни было трудно и опасно, находились добровольные исполнители.

Еще в восьмидесятых годах бестужевки начали добровольно работать во внешкольных учреждениях и являлись активными организаторами помощи во время стихийных бедствий: в 1903 году — во время

[10] Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.
[11] Ст. Л. П. Богословской. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

наводнения в Петербурге, в 1906 году — в организации помощи голодающим Поволжья и т. д.

Несмотря на преследования, ссылки и аресты, бестужевки работали на полулегальных и нелегальных курсах для рабочих. Общества содействия образованию рабочих открывали на окраинах города за Невской и Московской заставами, на Выборгской стороне, в Лиговском народном доме и других рабочих районах вечерние курсы.

В воспоминаниях В. В. Мухиной читаем: «Я работала до курсов народной учительницей, а во время обучения на курсах — в школе для взрослых рабочих села Смоленского по Шлиссельбургскому тракту. Там работало много бестужевок, и мы часто подвергались преследованиям, допросам и неприятным появлениям на уроках жандармских офицеров».[12]

Среди учителей этих курсов, безвозмездно отдававших свой труд, было много бестужевок. Еще в девяностых годах в Смоленских вечерних классах, открытых Русским техническим обществом для рабочих (за Невской заставой), обучали Н. К. Крупская, А. А. Якубова, Л. М. Книпович, П. Ф. Куделли, А. М. Калмыкова. «Владимир Ильич приходил на занятия вечерней воскресной школы. Однажды, зимой 1894/95 учебного года, он посетил урок учительницы П. Ф. Куделли по истории французской революции XVIII века».[13] Работали бестужевки и во 2-м обществе рабочего образования за Нарвской заставой. На оплату преподавателей у общества не было средств, и преподавание вели бесплатно учителя и многие учащиеся разных высших учебных заведений. В течение ряда лет учебной частью заведовали бестужевки. Полиция временами обследовала состав учителей. И обществу ставилось на вид наличие среди преподавателей студенческой молодежи. Полиция неусыпно следила за занятиями, проводимыми с рабочими. Часто помещения, в которых должны были проходить уроки, оказывались занятыми полицией. И учеба прерывалась.

В январе 1911 года занятия на курсах прекратились, и большая группа бестужевок начала заниматься с рабочими в Лиговском народном доме. Некоторые вели занятия в народном доме «Порт-Артур» и в воскресных школах.

Когда началась перепись населения Петербурга в 1911 году, бестужевкам была поручена трудная работа: переписать население 34-го участка, где процветали ночлежки. «Перепись была там проведена безукоризненно».[14]

---

[12] Воспоминания В. В. Мухиной. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

[13] Е. В. Муштуков и П. В. Никитин. Здесь жил и работал Ленин. Л., 1961, стр. 49.

[14] Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК. Из отчета слушательниц статистического семинария профессора А. А. Кауфмана.

Нельзя не упомянуть еще об одной форме работы бестужевок вне стен курсов — об устройстве елок для детей беднейшего населения окраин Васильевского острова. До 5000 ребят в возрасте от 5 до 8 лет ежегодно бывали на этих елках. Елочная комиссия проводила большую подготовительную работу: курсистки посещали семьи бедняков, которые были на учете, выясняли, в чем нуждаются дети, и дарили им подарки. Средства для этого складывались из пожертвований, сласти и игрушки, очевидно, ради рекламы, давали крупные петербургские коммерсанты Елисеев, Дойников и др.

Большое удовлетворение от устройства ежегодных елок получали организаторы-курсистки, и неизгладимый след часто оставлял этот детский праздник в душе тех, ради кого он устраивался.[15]

В годы мировой войны в городских попечительствах о бедных в рядах добровольцев-общественников было много бестужевок. Работа была трудная и большая: проверка документов, обследование условий жизни, организация детских садов и яслей, устройство женщин на работу и т. д.; днем — приемы членов семей мобилизованных, вечером — доклады обследователей и назначение пособий; два дня в конце месяца — выдача казенного пайка. Некоторые курсистки работали от Союза городов в комиссии ликвидации неграмотности среди раненых солдат. Другие — в детских садах, организованных для детей рабочих, ушедших на фронт, на курсах для увечных воинов при Вольно-экономическом обществе. Третьи вели обследование для распределения пособий среди гражданского населения.

Многообразна и богата содержанием была общественная жизнь и работа слушательниц Бестужевских курсов, этого поистине демократического учебного заведения. О ней с чувством глубокого удовлетворения вспоминают многие бывшие курсистки.

Это была прекрасная школа, подготовившая бестужевок к широкой общественной деятельности по окончании курсов, которая развернулась в полной мере на разных участках социалистического строительства после Великого Октября.[16]

---

[15] См. подробности в воспоминаниях В. В. Мухиной. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

[16] В фондах ВЖК хранится много воспоминаний активных участниц общественно-революционной работы, в том числе воспоминания Л. В. Бианки-Преображенской.

Т. А. Быкова

ИСТОРИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ НА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

В истории ВЖК именно на примере историко-филологического факультета лучше всего можно проследить эволюцию преподавания за 40 лет существования курсов. Если на физико-математическом факультете с самого начала лабораторные занятия органически входили в учебный план, то введение практических занятий на историко-филологическом факультете, постепенный перенос центра тяжести в преподавании с лекций на семинарские занятия и, в конце концов, замена курсовой системы предметной показывают большую творческую педагогическую работу Совета профессоров.

Историю преподавания на историко-филологическом факультете можно разделить на два периода: с основания курсов до введения предметной системы и с 1906 года, т. е. со времени ее введения.

Первые 24 года историко-филологический факультет представлял собой единое целое без отделений. Преподавание шло по традиционной курсовой системе с обязательным посещением лекций исторических и филологических дисциплин, с обязательной сдачей переходных с курса на курс экзаменов. Срок обучения был четырехгодичный. В 1902/03 учебном году с третьего курса произошло разделение факультета на два отделения — словесное и историческое.

В 1881 году было признано необходимым ввести в преподавание практические занятия, которые побуждали бы слушательниц к самостоятельному труду, давали бы возможность ближе знакомиться с методами научной работы. В этом отношении ВЖК, основанные по инициативе общественности, получавшие только небольшую дотацию (3000 рублей) от министерства народного просвещения, были значительно свободнее в построении учебного плана, чем университет.

Занятия шли с незначительными изменениями до введения предметной системы, принятой на заседании Совета профессоров 11 апреля 1906 года.

Введение предметной системы на факультете не обошлось без борьбы. Среди членов Совета профессоров был целый ряд лиц, поддерживавших мнение, что гуманитарному факультету не нужны лабораторные занятия; внутри самого факультета были лица, считавшие, что предметная система ориентируется на сильных слушательниц и непригодна для большинства. Победу одержали приверженцы новой системы преподавания. О трудности ее проведения говорил декан факультета

И. М. Гревс, ежегодные отчеты которого были полны всестороннего анализа новой системы преподавания.

«Несомненно, всестороннее развитие принципов, положенных в основу предметной системы, и полное, глубокое проведение их через все факультетское преподавание требует многолетнего труда, особенно сильно ощущается это в стране, где отсутствует всякий опыт ее применения; особенно замечается это в учебном заведении, хотя и давно стремящемся усилиями работающих в нем профессоров одухотворить светом истинно научного знания содержание и метод учения, но где приходится бороться с большими трудностями, связанными с недостатком материальных средств и преподавательских сил, ибо оно опирается исключительно на инициативу общества и поддержку самих слушательниц».[1]

Первые годы положение осложнялось тем, что для слушательниц, поступивших раньше, надо было сохранять старую систему преподавания.

Предметная система вводила принцип свободы обучения вместо правил строгой регламентации. Она обеспечивала как свободу в выборе объектов изучения, так и в последовательности выполнения учебного плана и сдачи экзаменов. Отмена обязательного посещения лекций, ограничение числа предметов, обязательных для окончания курсов, давали возможность избегнуть многопредметности. Предметная система не допускала в преподавании раз и навсегда установленных шаблонов, позволяла ежегодно варьировать темы специальных курсов и семинариев.

Отказ от экзаменационных сессий, разрешение сдавать экзамены по прослушанному курсу на протяжении всего года освободили отводившееся под сессии время для чтения лекций и семинарских занятий и тем самым удлинили учебный год.

Факультет был разделен на шесть групп: философии, русской филологии, романской филологии, германской филологии, всеобщей истории и русской истории. Группа русской филологии делилась на подгруппы языка и литературы. В дальнейшем в делении на группы произошли изменения — образовалась единая группа романо-германской филологии, была создана группа искусства.

Обязательным для слушательниц всего факультета, независимо от группы, была сдача латинского языка и одного из новых языков. Не выдержавшие этих экзаменов не могли приступать к испытаниям по избранному ими предмету. Этим подчеркивалось мнение профессоров факультета, что знакомство с указанными языками необходимо для заня-

---

[1] Отчет за 1907/08 учебный год, стр. 29. Архив Музея ЛГУ, ф. ВЖК.

тий по специальным дисциплинам.[2] Недостаточное знание иностранных языков и раньше тревожило факультет, еще в 1903/04 учебном году вместо факультативного было введено обязательное занятие немецким или французским языком. Помимо языков, были обязательны для всего факультета испытания по логике, психологии и одному из отделов истории философии (древней или новой).

В отдельных случаях по просьбе слушательниц читались специальные курсы, как это имело место, например, с курсом украинского языка и литературы, введенным на основании ходатайства 179 слушательниц. Для чтения такого курса был приглашен П. П. Ефименко. Также факультативно читался курс древнееврейского языка.

Помимо сдачи экзаменов, слушательница должна была пройти не менее двух семинариев и сдать испытания по трем отделам (детально разработанной определенной темы со специальным вопросом), из которых один считался главным.

В каждой группе были свои предметы — основные и вспомогательные. Практические занятия сводились к годовым просеминариям для слушательниц первого года и к семинариям для старшекурсниц. Нельзя было работать одновременно больше чем в двух семинариях. В дальнейшем для того, чтобы разрядить наплыв учащихся в просеминарии, было разрешено для поступления в семинарий заменять просеминарские занятия коллоквиумом или письменной работой. О наплыве слушательниц можно судить по тому, что в декабре 1906 года в просеминарии по русской истории М. В. Клочкова записалось 150 человек вместо предполагавшихся 80. Между тем переполнение просеминариев и семинариев слушательницами повело бы к формальному ходу занятий, не давало бы возможности углубить работу. В 1908/09 учебном году на всем факультете функционировало 60 семинариев и просеминариев.

Введение предметной системы, увеличение числа занятий и читаемых специальных курсов потребовало и увеличения профессорско-преподавательского состава. Состав совета факультета из 32 профессоров очень усложнял работу: трудно было собрать кворум и осведомлять каждого члена. После длительных обсуждений пришли к выводу, что состав полноправных профессоров должен быть ограничен 20 лицами и что поэтому впредь необходимо отказаться от обычая возводить баллотировкой в профессора всех преподавателей, получивших магистерское звание.

Невольно пришлось видоизменить план преподавания в связи с законом министерства народного просвещения о допущении окончивших

---

[2] Для слушательниц — специалистов по всеобщей истории и иностранной филологии считалось само собой разумеющимся свободное чтение на нескольких западноевропейских языках, для специалистов по средним векам — чтение памятников на латинском языке, а. для специалистов по древней истории — и на греческом.

ВЖК к государственным экзаменам в университете. В университете было значительно больше, чем на ВЖК, экзаменов, сдача которых была обязательна для допущения к государственным экзаменам. Слушательницам, желавшим, помимо свидетельства об окончании ВЖК, получить диплом университета, было предоставлено право факультативно сдавать эти предметы на курсах.

Предметная система просуществовала на курсах 13 лет, с 1906 года до слияния ВЖК с университетом. За этот срок организация преподавания не оставалась неизменной, выискивались более правильные пути обучения для каждой из существующих на факультете групп.

Работа слушательниц в связи с переходом на предметную систему преподавания приобрела значительно более серьезный, а во многих случаях вполне научный характер, так как учебные планы были направлены на более углубленную специализацию.

Т. А. Быкова

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ (БЕСТУЖЕВСКИХ) КУРСОВ

В предлагаемом очерке об историческом отделении ВЖК сделана попытка проследить новые для того времени методы преподавания в высшей школе.

Эволюция преподавания на историко-филологическом факультете отчетливее всего выявилась в жизни исторического отделения, особенно со времени введения предметной системы. Вероятно, это объясняется тем, что один из главных инициаторов ее введения И. М. Гревс был историком и деканом факультета, сумевшим заразить своим энтузиазмом ближайших товарищей по работе.

Преподавание истории на курсах с момента их основания вели крупные ученые, принадлежавшие к прогрессивной части интеллигенции, понимавшие необходимость высшего образования для женщин. Большинство из них преподавало и в университете.

В течение первых 15 лет состав профессоров на кафедре русской истории был постоянен. С 1878 по 1882 год русскую историю читал К. Н. Бестужев-Рюмин, придерживаясь учебного плана университета. В 1882 году он покинул курсы, и в течение двух лет его заменяли различные лекторы, а в 1884 году на кафедру был приглашен С. Ф. Платонов. Крупный ученый, автор многих научных работ, он отдал много сил преподавательской деятельности на ВЖК. С 1885 по 1889 год С. Ф. Платонов был деканом факультета. В 1889 году на ВЖК был приглашен

С. М. Середонин, который преподавал на курсах до своей смерти летом 1914 года.

На кафедре всеобщей истории обстановка была иной, и состав профессоров в течение первых 20 лет был непостоянным. Кафедру занимали большей частью профессора университета. Среди них надо отметить известного византиниста академика В. Г. Васильевского (преподавал на ВЖК с 1879 по 1889 год). Он один из первых проводил практические занятия как в университете, так и на курсах и оказал большое влияние на своих учеников — С. Ф. Платонова и И. М. Гревса. Недолгое время (1882—1885) вел занятия на ВЖК известный филолог и археолог академик В. В. Латышев.

В 1886 году на курсах начал читать Н. И. Кареев, историк большой эрудиции, интересовавшийся и вопросами философии истории, основатель русской школы истории французской революции. Он преподавал в ряде высших учебных заведений сначала Москвы, потом Петербурга. За долгие годы преподавания на ВЖК он вел самые разнообразные курсы и практические занятия. С небольшим перерывом Н. И. Кареев проработал на ВЖК до 1899 года, когда после студенческих волнений был отстранен министром народного просвещения от преподавания как в университете, так и на курсах. Вернулся Н. И. Кареев на ВЖК в 1906 году.

В 90-х годах на курсы пришли профессора И. М. Гревс (в 1892 году), М. И. Ростовцев (в 1898 году), Э. Д. Гримм (в 1899 году), остававшиеся на ВЖК до самого слияния их с университетом и вложившие много энергии и сил в постановку преподавания на курсах.

По первоначальному плану, выработанному при основании ВЖК, первые два года читались общие курсы, на третьем и четвертом — специальные, которые должны были знакомить слушательниц с приемами и методами исторической науки, поощрять их к самостоятельным научным работам. План работы не был установлен раз и навсегда и изменялся в зависимости от развития исторической науки. Курс древней истории пришлось разделить на два курса — историю Греции и историю Рима. Еще у В. Г. Васильевского слушательницы по своему выбору, на одобренную профессором тему, представляли сочинения; лучшие из них читались и разбирались под руководством профессора. В 90-х годах больше внимания стало уделяться практическим занятиям. Они становятся более разнообразными, не ограничиваются чтением рефератов. В 1893/94 учебном году И. М. Гревс занимался с желающими изучением исторических монографий, помогая недостаточно подготовленным работать над научной литературой. Под руководством М. И. Ростовцева слушательницы I и II курсов перевели «Очерк римской истории и источниковедения» Б. Низе (СПб., 1899). Книга эта в дальнейшем служила пособием при сдаче экзамена. Для профессоров не было обязательным

вести практические занятия; в 1896/97 учебном году профессор Г. В. Форстен только иногда заменял свои лекции чтением рефератов слушательниц.

В эти же годы завязывается связь с рукописным отделом Публичной библиотеки, где в 1897/98 учебном году профессор И. И. Холодняк вел занятия по латинской палеографии. В последующие годы русской палеографией занимались в библиотеке слушательницы группы языкознания, а с 1913 года велись занятия и по латинской палеографии. О. А. Добиаш-Рождественская занималась там же с курсистками по истории средних веков. Связь студентов Ленинградского университета с Публичной библиотекой существует и до настоящего времени.

Постепенно вокруг профессоров создавались устойчивые по составу кружки, участницы которых занимались любимым предметом в течение нескольких лет, углубленно изучая отдельные вопросы. Профессора И. М. Гревс, М. И. Ростовцев и другие безвозмездно вели дополнительные занятия.

Анализируя в своем отчете за 1896/97 учебный год трехлетний опыт ведения практических занятий, И. М. Гревс пришел к выводу, что основную задачу практических занятий следует связывать с содержанием читаемого в том же году теоретического курса.

Практические занятия давали возможность выявить наиболее способных, талантливых курсисток. В 90-х годах выделялись своими работами Н. И. Бокий (Лихарева) и вольнослушательница О. П. Казакевич (Юрьева), имевшие ряд печатных статей, О. А. Добиаш[1] и Л. Н. Кремлева,[2] занимавшиеся историей средних веков.

Преподавание дисциплин на историческом отделении историко-филологического факультета оживилось и коренным образом изменилось со времени введения в 1906 году предметной системы. Главными ее инициаторами были директор ВЖК В. А. Фаусек и декан историко-филологического факультета И. М. Гревс.[3]

Совет факультета считал, что все преимущества предметной системы, когда основой преподавания являлись практические занятия, благоприятнее всего осуществлялись именно внутри историко-филологического факультета. Было по возможности расширено теоретическое преподавание и введены практические занятия. Нельзя было надеяться сразу достигнуть выполнения поставленной задачи по всем группам факультета. На первую очередь было выдвинуто наиболее в те годы многолюдное отделение истории; для пополнения преподавания в его рамках уда-

---

1 См. статью Е. Н. Чеховой в настоящем сборнике.

2 Рано скончавшаяся Л. Н. Кремлева была талантливым педагогом, о ней и сейчас с любовью вспоминают ее ученицы по Вологодской и Петербургской гимназиям, в которых она преподавала.

3 См. статьи о В. А. Фаусеке и И. М. Гревсе в настоящем сборнике.

лось привлечь наибольшее количество профессорских сил. Именно на историческом отделении было в первую очередь реализовано преподавание по предметной системе; группа философии и отделение славяно-русской филологии были поставлены на очередь следующего года.

Совет факультета не закрывал глаза на многие трудности, связанные с предметной системой. Одной из них была недостаточная подготовка, даваемая большинством женских гимназий. Факультет неоднократно отмечал необходимость реформы средней школы. Для вновь поступивших устраивались разъяснительные беседы, занятия, которые помогали слушательницам войти в работу, организовывались элементарные просеминарии, увеличивалось число вводных курсов.

Первоначально план преподавания на историческом отделении предусматривал большую дифференциацию занятий для специалистов по русской и всеобщей истории. Но уже через год для всего отделения была введена обязательная сдача всех общих курсов как по русской, так и по всеобщей истории, а для специалистов по русской истории необходимо было участие хотя бы в одном семинарии по всеобщей истории. В последующие годы на заседаниях факультета неоднократно обсуждались детали плана преподавания с целью его улучшения. Например, на заседании совета факультета 5 апреля 1908 года обсуждался вопрос о постановке практических занятий и сравнительных достоинствах системы рефератов и изучения текстов. Большинство считало, что второй метод изучения памятников более целесообразен, чем метод рефератов, для углубленного изучения предмета.

В отчете за 1912/13 учебный год указывалось, что с каждым годом все ярче и отчетливее обнаруживается среди слушательниц численный и качественный рост такого «квалифицированного меньшинства», которое, сосредоточиваясь около семинариев, проходит их не два, а двойное, часто и тройное количество, вырабатывая в себе по данной науке, составляющей главный фокус их трудов, прекрасную научную подготовку.

После одной из сессий декан с радостью отмечал, что заключительные экзамены по специальным отделам обнаруживают превосходную подготовку и понимание, самостоятельность мысли и более напоминают магистерский, чем студенческий, экзамен.

В связи с введением предметной системы встал вопрос об организации семинарских библиотек, фонды которых имели бы фундаментальные труды по специальностям, основные справочники, а также книги или издания памятников, которые были необходимы для занятий.

Помещения семинарских библиотек были средоточием всех научных работ слушательниц: там проходили семинарские занятия и шла подготовка к ним, там же совместными усилиями нескольких человек

разбирался трудный латинский текст исторического памятника или читались палеографические таблицы.

Экскурсии являлись своеобразным продолжением и развитием практических занятий. Они совершались под руководством профессоров, но оплачивались самими участницами. В 1895/96 учебном году состоялась экскурсия в Новгород[4] под руководством директора курсов Н. П. Раева, декана историко-филологического факультета С. Ф. Платонова и профессора И. А. Шляпкина для ознакомления с архитектурными и художественными памятниками старины, а также с подлинниками древней русской письменности. В 1909 году С. Ф. Платонов организовал экскурсию в Соловецкий монастырь. В более поздние годы Б. Д. Греков, в будущем действительный член АН СССР, трижды лауреат Государственных премий, ежегодно ездил со своими слушательницами в Новгород.

В 1907 году группа курсисток, руководимая Гревсом, совершила поездку в Италию, продолжавшуюся более 2 месяцев.[5] Задачи этой экскурсии вытекали из содержания общего и специальных курсов и семинариев последних лет — средневековый итальянский город и ранний Ренессанс. Осмотры и изучение городов, главным образом Флоренции, велись с этих позиций, не затрагивая других сторон и объектов осматриваемых городов. Позднее И. М. Гревс отмечал, что экскурсия была недостаточно подготовлена. Недочеты подготовки он постарался исправить перед второй поездкой в Италию весной 1912 года.[6]

Весной 1910 года была проведена экскурсия профессором Ф. Ф. Зелинским в Грецию, продолжавшаяся с 31 мая по 5 июля. Состав экскурсии был смешанный: слушательницы ВЖК, курсов Раева и студенты университета. По дороге экскурсанты посетили Константинополь и Смирну, 20 дней провели в Греции. Принимали в ней участие лица, занимавшиеся изучением античной Греции — историей языка, литературы, религии и искусства. Еще весной все будущие участники собирались дома у Ф. Ф. Зелинского и читали в подлиннике Павсания. Во время экскурсии участники ее знакомились с Грецией, начиная со II тысячелетия и кончая IV веком до н. э. В пути Ф. Ф. Зелинский читал лекции и продолжал совместное с экскурсантами чтение Павсания.[7] Следует отметить, что совершаемые курсистками экскурсии стали важным дополнением в учебном процессе.

На курсах и раньше были отдельные случаи, когда окончивших ВЖК привлекали к ведению практических занятий. В первое десятилетие XX века осуществилась надежда, высказанная И. М. Гревсом еще

---

4 Отчет за 1895/96 учебный год, стр. 18.

5 Сведения об этой экскурсии можно почерпнуть из статьи И. М. Гревса «К теории и практике экскурсий» (ЖМНП, 1910, июль).

6 См. статью Ж. А. Мацулевич в настоящем сборнике.

7 Отчет за 1909/10 учебный год, стр. 146—151.

в 1895 году, — бестужевки получили возможность преподавания на ВЖК. Совет факультета избирал из числа окончивших слушательниц преподавателей — сначала для ведения просеминариев и семинариев, а затем и для чтения самостоятельных курсов.

Уже в 90-х годах некоторые слушательницы оставлялись при курсах, иногда со стипендией. В 1907/08 учебном году вела занятия воспитанница ВЖК Н. С. Враская, к этому времени доктор Гейдельбергского университета; ее монография, посвященная прогрессивному деятелю XVIII века Ребманну, представляет интерес и сейчас.[8]

В 1911 году была оставлена при курсах И. В. Берман-Гитис, впоследствии доцент Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена. Преподавали на ВЖК М. А. Островская, А. М. Петрункевич, М. Н. Оберучева и С. Ф. Айнберг, последняя много лет занималась научной и педагогической работой в Москве, вела курс археографии в Историко-архивном институте.

* *
*

В составе историко-филологического факультета была группа философии. Число слушательниц в ней было невелико. С начала основания ВЖК курс психологии читал В. И. Владиславлев, а в следующем году Э. Л. Радлов начал курс логики. В 1880 году философию религии и историю философии преподавал В. С. Соловьев. В 1889 году на курсы был приглашен А. И. Введенский, который для первых двух курсов читал логику и психологию, а для старших — историю философии. С 1896 года вновь введенный курс истории педагогики был поручен И. И. Лапшину.

В 1906/07 учебном году встал вопрос об увеличении количества лекций по философии и для чтения их был приглашен профессор Н. О. Лосский. Временный уход с курсов (1907—1910) А. И. Введенского, большой наплыв экзаменующихся (сдача ряда философских дисциплин была обязательной для всего факультета) принудили совет в 1907 году пригласить для приема экзаменов и ведения просеминарских занятий С. Л. Франка (в дальнейшем он вел семинарии и читал лекции).

К преподаванию на философском отделении также привлекались бывшие бестужевки. Так, среди оставленных на кафедре психологии была В. А. Волкович, в дальнейшем преподаватель Петербургского педагогического института (впоследствии она преподавала в Московском педагогическом институте имени В. И. Ленина). В 1908—1912 годах она принимала участие в четырех международных конгрессах по психологии.

Когда вышел циркуляр министерства народного образования о до-

[8] A. G. F. Rebmann. Leben und Werke eines Publicisten zur Zeit der grossen Französischen Revolution. Heidelberg, 1908.

пущении бестужевок к государственным экзаменам при университете, для философской группы не было установлено специальных экзаменов: слушательницам приходилось сдавать по какой-либо другой группе факультета — истории, русской или классической филологии.

* *
*

Свобода, предоставленная предметной системой, несомненно имела большие преимущества. Она давала возможность слушать лекции любого профессора, что расширяло кругозор слушательниц; можно было совсем не посещать лекций, работать только в семинариях. С другой стороны, профессора должны были строить свои лекции интересно, чтобы не оказаться перед пустой аудиторией.

Возможность слушать лекции любого профессора, работать в интересующих семинариях сближала слушательниц с профессорами. Некоторые семинарии продолжались несколько лет, даже дома у профессора. Создавалось личное общение, у профессоров собирались за чашкой чая, когда разговор не ограничивался только научными темами; так было у И. М. Гревса, О. А. Добиаш-Рождественской, А. И. Заозерского и др.

Профессора следили за судьбой своих учениц. Приезжая в Петербург, бестужевки навещали своих учителей. А. И. Заозерский, бывая в Москве, приглашал к себе бывших участниц своего семинария.

Многие лекции, занятия, разговор «за чашкой чая» вспоминаются так, точно это было вчера, а не полстолетия назад. Яркие образы наших профессоров и сейчас не потускнели, что видно по мемуарам, написанным спустя много лет после слияния ВЖК с университетом.

Профессор С. Ф. Платонов буквально воскрешал перед слушательницами прошлое. Он не нуждался ни в конспектах, ни в пособиях, а воспроизводил старинные грамоты, документы наизусть. Курсистки говорили, что он о каждой эпохе читал языком того времени, вплетая в свое повествование цитаты и ссылки на летописи, дипломатические акты, высказывания самих героев рассказа.

С. М. Середонин, занимавшийся исторической географией, много лет читал на ВЖК и вел практические занятия. После введения предметной системы С. М. Середонин вел двухгодичный общий курс истории, рассчитанный на слабо подготовленных слушательниц. В процессе чтения лекций он заставлял прорабатывать дома прослушанные отделы и постепенно приучал к самостоятельной работе. Зимой 1910 года был приглашен А. И. Заозерский для ведения просеминария. В постановке работы как в просеминарии, так и в дальнейшем в семинариях он проявил себя убежденным сторонником предметной системы.[9]

[9] См. статью о А. И. Заозерском в настоящем сборнике.

В 1907 году совет факультета счел возможным для чтения курса и ведения практических занятий пригласить известную своими трудами по русской истории А. Я. Ефименко,[10] имевшую только среднее образование; в отчете она так и названа „домашняя учительница" (эти права давало окончание гимназии). В 1910 году, когда А. Я. Ефименко получила honoris causae степень почетного доктора истории Харьковского университета, совет факультета единодушно возвел ее в звание профессора ВЖК. А. Я. Ефименко была первой женщиной — доктором истории.

Справедливость требует сказать, что преподавание не всех дисциплин было поставлено на должную высоту. В то время не уделялось достаточно внимания истории западных и южных славян, не было хороших учебных пособий, существовавшие учебники были набором фактов без широких обобщений, и лекции не всех профессоров могли удовлетворить слушательниц.

Многочисленную аудиторию собирали блестящие по форме, полные темперамента и эрудиции лекции по новой истории Э. Д. Гримма. В семинарии у него была определенная из года в год занимавшаяся группа слушательниц, она так и называлась «гриммовской»; в занятиях принимали активное участие уже оставленные при курсах М. А. Боголепова и О. К. Недзведская. Семинарий происходил на дому у профессора и продолжался несколько часов. Обычно читался реферат, который часто являлся готовой научной работой. После обсуждения Э. Д. Гримм давал подробный и блестящий анализ затронутого в работе материала.

С 1908 года преподавал на ВЖК член-корреспондент Академии наук профессор И. В. Лучицкий, хорошо знавший нравы Испании и Франции. По выражению французских историков, он «обновил, или, вернее, создал, историю поземельной собственности во Франции в XVIII веке».[11] В период преподавания на курсах он интересовался французской предреволюционной аграрной историей и вел занятия по этой теме. Его преподавание было созвучно с предметной системой, он видел в слушательницах будущих историков-исследователей, любил читать только специальные курсы и привлекал участниц своих семинариев к изучению архивных источников, иногда даже еще не опубликованных, а полученных им из иностранных архивов. Некоторые из обработанных на семинарских занятиях материалов отсылались во Францию.

Нельзя забыть блестящую характеристику императора Августа, данную М. И. Ростовцевым. Как сейчас вижу характерный жест правой руки, слышу, как он, немного картавя, говорит: «Новые историки люди богатые, а мы люди бедные, мы должны тщательно собирать наш мате-

---

[10] См. статью Е. Н. Чеховой в настоящем сборнике.
[11] «Научный исторический журнал», 1914, № 4, стр. 23.

риал». Небольшого роста, совсем неприметной внешности, М. И. Ростовцев умел так увлечь слушателей своим предметом, что обычно читал в самой большой аудитории, всегда переполненной, и было у него столько энтузиазма, столько знаний, что рисуемые им картины Рима и римской культуры вставали перед глазами как живые. Мы, завороженные, забывали о том, что живем в XX веке, а не в римскую эпоху. В его семинариях принимали участие хорошо подготовленные слушательницы; среди них я помню Е. В. Ернштедт, А. И. Корсакову, М. М. Левину, В. М. Михайлову, М. Е. Сергеенко, Т. С. Стахович, некоторые из них были оставлены при курсах. Иногда большая тема разрабатывалась совместно несколькими слушательницами. У профессора были определенные часы приема на дому для необходимых консультаций.

В 1911 году был приглашен на курсы молодой (ему было 36 лет) профессор, впоследствии академик, Е. В. Тарле. Он блестяще читал лекции; интересно вел семинарии. «Увлекательны были занятия у профессора Е. В. Тарле. Его живая речь, полная остроумия и верных сопоставлений и аналогий, воспринималась аудиторией с колоссальным интересом. . .», — вспоминает бывшая бестужевка М. И. Шарашидзе-Андронникова.[12] Слушательницы любили у него экзаменоваться. Е. В. Тарле экзаменовал спокойно, серьезно, умея интересно ставить вопросы. Е. В. Тарле был героем в глазах молодежи. На студенческой демонстрации у Технологического института он был ранен казаками, студенты в университете устроили ему овацию.

Воспоминание о курсах неразрывно связано с замечательными именами И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рождественской. В настоящем очерке приведены немногочисленные воспоминания только о некоторых профессорах. К сожалению, не обо всех удалось собрать материал: к восьмидесятилетию со дня основания курсов, когда был задуман сборник, многие слушательницы ушли из жизни, и некому было с благодарностью вспомнить своих наставников. Лучшим памятником и курсам, и нашим профессорам, и преподавателям является многолетняя плодотворная деятельность бестужевок.

---

[12] Из воспоминаний М. И. Шарашидзе-Андронниковой. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

Ж. А. Мацулевич

ПОДГРУППА ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ИСКУССТВА

В учебный план ВЖК преподавание истории искусства включено было не сразу. Лишь по настоянию Надежды Васильевны Стасовой, интересовавшейся искусством и привлекавшей к активному участию в этом деле своего брата — знаменитого художественного критика Владимира Васильевича Стасова, курс истории изящных искусств был внесен как обязательный для слушательниц III и IV курсов в учебный план историко-филологического факультета.

Первым преподавателем истории изящных искусств в 1883/84 учебном году на ВЖК был известный в то время в Петербурге деятель в области искусства А. И. Сомов. Хотя он и не имел специального образования (он окончил университет по физико-математическому факультету), но был тем, кого тогда называли любителем-автодидактом, т. е. человеком, самостоятельно приобретшим большие знания в области горячо любимого им изобразительного искусства. Упорная работа над изучением истории мирового искусства, возможность пользоваться зарубежной литературой благодаря знанию иностранных языков, а также неоднократные поездки за границу для изучения подлинных художественных памятников сделали его одним из самых крупных знатоков искусства в Петербурге. Он читал на ВЖК историю античного и средневекового искусства, сосредоточивая внимание главным образом на истории развития архитектуры. Лекции его пользовались успехом благодаря строго научному изложению и обширному фактическому материалу, с которым он знакомил аудиторию. Стараясь ввести слушательниц в непосредственное соприкосновение с художественными произведениями, А. И. Сомов параллельно с лекциями знакомил их с музеем Академии художеств, где он сам работал по приведению в порядок картинной галереи и составлению ее каталога, за который был удостоен Уваровской премии еще в 1872 году. В 1886 году А. И. Сомов был приглашен на должность главного хранителя Эрмитажа и, отдавшись целиком этой ответственной и любимой им работе, в 1889 году прекратил чтение лекций на ВЖК.

В этом же году кафедру истории искусства занял виднейший исследователь византийского и древнерусского искусства и археолог профессор Н. П. Кондаков, ученый с европейским именем, оставивший после себя целую школу учеников и продолжателей. Как раз в 1889 году вышли в свет I и II выпуски его капитального труда (написанного вместе с И. И. Толстым) «Русские древности в памятниках искусства», сохраняющего до сих пор свое значение. Однако расстроенное здоровье не позволило профессору Кондакову продолжать преподавание в двух

учебных заведениях (он с 1888 года читал и в Петербургском университете), и в 1890 году он покинул ВЖК.

После него на Бестужевских курсах чтение истории искусства было поручено крупнейшему специалисту, хранителю Эрмитажа Я. И. Смирнову. Это был ученый с большим диапазоном, знаток не только европейского, но и восточного искусства.

Одновременно с ним курс античного искусства стал читать молодой талантливый филолог-эллинист А. Н. Щукарев, магистр всеобщей истории и доцент университета. Он специально занимался античной культурой и особенно античным искусством, обладал большой эрудицией и был блестящим лектором. Его курс охватывал античность, средневековье и Возрождение и сопровождался занятиями в кабинете изящных искусств, созданном его стараниями при кафедре истории искусства.

Мысль о необходимости создания такого вспомогательного учреждения давно уже назревала. Так, например, когда некоторые слушательницы обратились к А. Н. Щукареву за советом, как построить маршрут их поездки за границу на время каникул, он отправился вместе с ними в музей древностей и искусства при Петербургском университете, где были просмотрены многочисленные издания памятников искусства и намечена программа обзора главных объектов, подлежавших изучению.

Правда, на ВЖК также имелось небольшое количество наглядных пособий, собранных еще А. И. Сомовым для иллюстрирования читавшихся здесь курсов. Однако подбор этих пособий — таблиц, альбомов и других изданий — был настолько незначителен, что приходилось постоянно прибегать к помощи учебных музеев университета и Академии художеств. Все это затрудняло сопровождение лекций и семинариев наглядными материалами и тормозило должную подготовку слушательниц к экзаменам по истории искусства.

В 1895 году по инициативе А. Н. Щукарева создание при кафедре истории и теории искусства кабинета изящных искусств, организованного аналогично музею древностей университета, было одобрено советом историко-филологического факультета. Тогда же попечительский совет ВЖК начал вносить в смету ежегодных расходов сумму в 300 рублей на систематическое приобретение пособий и книг. В кабинете искусств быстро стала создаваться специальная библиотека. Книги и издания серий альбомов и стенных таблиц покупались в нескольких экземплярах, чтобы во время лекций ими могли пользоваться все слушательницы. Приобретались также наборы хороших фотографий известных итальянских фирм Алинари и Броджи, сделанных непосредственно с оригиналов, что имеет особенно большое значение при съемке объемных памятников архитектуры и скульптуры.

После смерти профессора А. Н. Щукарева в 1900 году курс истории искусства на ВЖК стал читать доктор истории искусства и археолог А. В. Прахов. После него были приглашены новые лекторы: профессор Петербургского университета, продолжатель школы Н. П. Кондакова, доктор истории искусства Д. В. Айналов — талантливый ученый, широко известный как историк византийского и русского искусства, и доцент университета А. М. Полиевктов, читавший специально (факультативно) искусство итальянского Возрождения.

Особая подгруппа истории и теории искусства была выделена на историко-филологическом факультете ВЖК только в 1909 году, но уже с момента введения предметной системы преподавания (в 1906 году) [1] история и теория искусства как факультативный курс стала занимать значительное место среди дисциплин факультета. Для слушательниц-искусствоведов, занимавшихся на историческом и филологическом отделениях, при окончании ВЖК обязательной была сдача экзаменов по историческим или филологическим дисциплинам, и таким образом, изучение истории искусства велось на твердой основе исторических и филологических знаний.

Отсутствие обязательного посещения лекций и возможность работать в семинариях по индивидуальному выбору, выдвигая свои темы, позволяли сосредоточиваться на данной дисциплине. При сдаче так называемого углубленного вопроса на выпускных экзаменах слушательницы выступали с результатами своего исследования исторических документов и художественных памятников. Это способствовало свободному проявлению их интересов и приучало к самостоятельности. На занятиях они приобретали навыки научно-исследовательской работы и, что самое важное для искусствоведа, умение анализировать художественное произведение. Здесь формировались будущие ученые, пропагандисты искусства.

Курсы по истории и теории искусства на ВЖК читали крупные ученые, известные не только в России, но и за рубежом. Их лекции были богаты историческими фактами, но в то же время они учили понимать и любить искусство, постигать его значение как общественного фактора, как выразителя неувядаемых человеческих ценностей, источника высокого эстетического наслаждения.

Все это содействовало популярности искусствоведческих лекций, читавшихся в самой большой 10-й аудитории Бестужевских курсов. Лекции таких профессоров, как Д. В. Айналов, Б. В. Фармаковский, сопровождавшиеся показом прекрасных диапозитивов, строились на историче-

---

[1] О введении предметной системы преподавания — см. статьи В. П. Вревской и Т. А. Быковой.

ской основе, излагались ясно и убедительно. Эти лекции посещали не только слушательницы всех отделений историко-филологического, но и физико-математического и юридического факультетов. История искусства стала все больше включаться в чтение курсов исторических и филологических дисциплин. И если на лекциях по искусству профессора широко привлекали памятники древнерусской и античной литературы, то и историки и филологи все шире освещали связи истории и литературы с явлениями искусства. Д. В. Айналов и И. А. Шляпкин совместно устраивали экскурсии для слушательниц по древним русским городам; Б. В. Фармаковский и Ф. Ф. Зелинский — в Грецию, для изучения памятников классического искусства; Д. В. Айналов и Б. Д. Греков — в Киев, для исследования древнейшего памятника русского зодчества — собора св. Софии; Д. В. Айналов и И. М. Гревс — в Италию, для изучения великих произведений искусства эпохи Возрождения.

Стремясь дать будущим искусствоведам соприкоснуться с подлинными памятниками, Д. В. Айналов устраивал каждой весной специализированные экскурсии. Поездки эти с группой слушательниц, углубленно занимавшихся избранным предметом, предварительно тщательно подготавливались. Совместно с группой профессор разрабатывал маршрут экскурсии. Отдельные темы распределялись заранее между участниками, и они делали доклады на месте, непосредственно перед памятниками. В помощь слушательницам профессор Айналов присоединял к группе кого-нибудь из своих университетских аспирантов: В. К. Мясоедова, Л. А. Мацулевича, Н. П. Сычева. Так, в 1912 году были направлены две группы в Новгород и в Старую Ладогу; в 1913 году — по древнерусским городам Владимиро-Суздальской области.

В течение лета 1912 года кафедры истории искусства и истории средних веков и эпохи Возрождения направили большую экскурсию в Италию на 2 месяца под руководством замечательного исследователя итальянской культуры профессора И. М. Гревса. Слушательницы целый год занимались в специальном семинарии на дому у Гревса, изучая историю итальянских городов, читая в подлиннике Данте, поэзию Франциска Ассизского и исторические документы. С другой стороны, они изучали у Айналова и Константиновой искусство Италии времени Ренессанса. В качестве помощников И. М. Гревса ехали: знаток раннесредневекового и византийского искусства А. И. Анисимов и специалист по искусству Возрождения В. А. Головань. В подготовительных семинариях участницы и участники (так как с нами были и студенты Гревса из университета) разрабатывали отдельные темы по художественным памятникам, которые предстояло увидеть. В своем годовом отчете И. М. Гревс писал, что задачей этой экскурсии было «дать опыт монументального семинария на местах по теме итальянского города в средние века и в эпоху Возрождения. . .». Как участница этой экскурсии, я могу сказать,

что ее познавательное и воспитательное значение было огромно и оставило в умах и сердцах слушательниц неизгладимое впечатление.

Кабинет искусств на ВЖК был преобразован в музей изящных искусств под непосредственным руководством профессора Д. В. Айналова, стремившегося оборудовать музей как научно-исследовательскую лабораторию. Он поручил группе слушательниц заняться серьезной научной систематизацией и каталогизацией книг и специальных учебных пособий. Айналов считал, что длительное и внимательное вглядывание в репродукции и ознакомление с художественными изданиями при составлении систематических каталогов очень обогащает и расширяет знания, упражняет глаз и приучает к умению пользоваться книгой и справочниками. Выделение справочников и составление систематических указателей библиотеки и фототеки сделало весь наличный материал удобным для занятий и доступным даже для вновь поступающих слушательниц. В кабинете были установлены ежедневные дежурства для того, чтобы у курсисток была возможность работать с большими таблицами и изданиями, не выдававшимися на дом из-за их размера.

Музей искусств значительно разросся после 1906 года. В нем была создана обширная фототека и диатека, специально для семинарских занятий был приобретен второй проекционный фонарь. Вскоре в музей поступил дар от Е. Э. Картавцева в память его покойной жены — артистки и писательницы М. В. Крестовской. Это было замечательное собрание, состоящее из более чем трех тысяч фотографий произведений мирового искусства.

С осени 1909 года состав кафедры истории искусств увеличился. Специально для чтения курса по итальянскому искусству была приглашена А. А. Константинова, незадолго перед тем возвратившаяся из-за границы. В Цюрихском университете она защитила диссертацию на тему «Развитие типа мадонны у Леонардо да Винчи», за которую ей единогласно была присуждена степень доктора философии.

В течение 1909/10 учебного года на историко-филологическом факультете слушательницы, участвовавшие в семинарских занятиях Д. В. Айналова и А. А. Константиновой, выразили желание специализироваться по историческому отделению в группе истории и теории искусств. Профессор Айналов вынес этот вопрос на заседание совета факультета, где встретил сочувствие его членов, и к имеющимся группам была добавлена подгруппа для интересующихся этой дисциплиной.

Профессор Б. Ф. Фармаковский читал лекции на ВЖК с весны 1910 по 1916 год. Деятельный член Археологической комиссии, он обладал не только эрудицией, но и блестяще владел археологическим материалом, так как постоянно принимал участие в раскопках на юге России, изучая подлинные античные памятники. Вскоре его имя стало широко известно в связи с раскопками античной Ольвии — города, основанного

в начале VI века до н. э. на берегу Бугского лимана выходцами из Греции.

Руководя семинарскими и просеминарскими занятиями, Б. В. Фармаковский привлекал слушательниц к исследовательской работе и включал их в ежегодные археологические экспедиции в Причерноморье. Таким путем он открывал перед ними возможность строить свои доклады на самостоятельном изучении памятников, притом еще никем не определенных, только что добытых при раскопках. Конечно, такая система была значительно сложнее и требовала серьезной подготовки, знания иностранных и древних языков и знакомства с научной литературой, она учила методике историко-художественного и археологического исследования и давала практические навыки самостоятельной исследовательской работы.

Из семинариев Фармаковского вышло много серьезных советских ученых, исследователей искусства и археологов. Например, старший научный сотрудник Института археологии АН СССР доктор исторических наук К. В. Тревер — член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Эрмитажа, где она работала более 40 лет, являясь крупным специалистом по истории культуры и искусства Востока. Научные сотрудники Эрмитажа Е. О. Прушевская, Е. В. Ернштедт, О. В. Лаврова-Воинова. Последняя свыше 30 лет была старшим библиотекарем и руководила созданием систематического каталога библиотеки Эрмитажа. Доклады, написанные ими еще во время пребывания на ВЖК, нередко печатались в «Известиях Археологической комиссии» и других журналах.

Лекции и семинарские занятия Д. В. Айналова привлекали большую аудиторию мастерством художественного анализа. Он умел простыми и ясными словами говорить о сложных проблемах в то время молодой еще науки об искусстве. Айналов не боялся касаться самых трудных вопросов содержания искусства, существа его воздействия на человека, он учил понимать искусство как социальное явление. Для того времени, времени всеобщего господства идей «мира искусства», это были очень смелые обобщения, свидетельствовавшие о прогрессивном направлении его исследований. Айналов вскрывал перед слушателями самую сущность художественного произведения. Оно оживало и становилось неподкупным свидетелем идей, чувств и мечтаний своей эпохи, заговорившим в полный голос.

Особенно изумляло это открытие нового мира молодых, неискушенных школьниц, с трепетом вступавших в храм науки и на первом же просеминарском занятии профессора Айналова встречавшихся с возможностью вот этими неопытными руками взять любой предмет: скульптуру, картину, вазу или архитектурную модель — и как бы раскрыть ее, т. е. проникнуть в ее глубину и постичь замыслы человека, создавшего ее многие сотни, а иногда и тысячи лет тому назад.

Профессор Айналов долго засиживался в музее после лекций, вел беседы, давал консультации, одним словом, с любовью выращивал свою смену. Своей методикой преподавания и научного исследования он создал то, что называется школой. Под его руководством выросло и сложилось немало искусствоведов, применявших полученные на его занятиях знания и правильные методы исследования художественных памятников в разных областях практической работы.

Многие из учениц Д. В. Айналова пошли работать по специальности — в музеи. Так, М. Л. Егорова-Котлубай была свыше 20 лет старшим научным сотрудником Русского музея. Ею был сделан обстоятельный каталог русского фарфора. С 1944 года она активно участвовала в жизни Ленинградского союза художников. Сорок лет своей жизни отдала Эрмитажу профессор М. И. Щербачева-Изюмова, кандидат исторических наук и главный хранитель отделения итальянского искусства, о котором ею напечатано немало трудов. Оставленные в 1916 году при кафедре истории искусства ВЖК А. Ф. Королькова-Капустина и Ж. А. Мацулевич-Ирениус работали в других областях. Королькова провела 25 лет в стенах Академического театра драмы имени А. С. Пушкина, будучи главным консультантом в постановочной части. Мацулевич, профессор, кандидат исторических наук, проработала 30 лет в Эрмитаже, в то же время преподавая в художественных вузах Ленинграда. Кроме того, она тридцать лет участвует в деятельности Союза художников, где являлась членом правления. Из школы Д. В. Айналова вышла также кандидат искусствоведения А. Г. Николаева-Генкель, бывшая старшим научным сотрудником Эрмитажа и преподавателем ЛГУ. Она погибла во время ленинградской блокады. В Эрмитаже работала около 50 лет профессор Т. Д. Каменская, кандидат исторических наук, крупный специалист в области графического искусства.

Из числа старейших бестужевок нельзя не упомянуть профессора М. И. Максимову, доктора исторических наук и доктора философии Берлинского университета. Она была 40 лет хранителем Эрмитажа и свыше 25 лет работает в Институте археологии АН СССР. Являясь видным специалистом по античному искусству и археологии, она издала много серьезных трудов в этой области. Профессор Н. Д. Флитнер, доктор исторических наук, известный педагог с 50-летним стажем. Оставленная при ВЖК в 1904 году, она 30 лет проработала в Эрмитаже, имеет много печатных трудов по египтологии и целую школу учеников. К их числу принадлежит слушательница последних лет существования ВЖК профессор М. Э. Матье, доктор искусствоведения, заслуженный деятель науки. 30 лет она была сотрудником, затем заведующей отделением Египта в Эрмитаже; она имеет много печатных трудов. В области педагогики выделяется бестужевка К. В. Ползикова-Рубец, заслуженная учительница РСФСР, страстный пропагандист искусства в

школе. Старший научный сотрудник Эрмитажа, она 10 лет руководила школьным кружком музея, напечатала ряд книг и статей по эстетическому воспитанию.

В подгруппе истории искусства преподавание велось на высоком уровне прекрасными педагогами. Несмотря на отсутствие в то время студенческой практики по чтению лекций, слушательницы кафедры искусствоведения ВЖК вошли в современную жизнь как преподаватели и активные пропагандисты искусства. Они оказались вполне подготовленными как к научно-исследовательской, так и к научно-популяризаторской работе и взяли на себя выполнение многогранных задач, поставленных перед ними советской действительностью. Помимо искусствоведческой работы и создания трудов по истории всех областей прошлого и советского искусства, бывшие бестужевки включились в политико-просветительную работу, отвечая нуждам сегодняшнего дня. С первых дней Советской власти они участвовали в организованном, по указанию В. И. Ленина, Отделе охраны и учета памятников искусства и старины. Их серьезная подготовка как по истории искусства, так и по анализу и умению определять ценность художественного произведения сыграла здесь важную роль. Предметы, подлежавшие ведению Отдела охраны, в подавляющем большинстве были анонимными, недатированными и зачастую неподлинными. Их правильный отбор и взятие под охрану являлись ответственным государственным заданием.

Наконец, бестужевки работали как опытные инструкторы в политпросветотделах, как художественные критики — в периодической печати и в Союзе советских художников, творчески участвуя, таким образом, в жизни современного советского искусства и его борьбе с враждебной буржуазной идеологией.

М. М. Ивлева и *М. С. Цветова*

ПРЕПОДАВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

Лекции по литературе на Бестужевских курсах читались с момента открытия курсов. До 1889 года преподавание литературы на историко-филологическом факультете велось на двух кафедрах: русской и всеобщей литературы.

Первым руководителем кафедры русской литературы был профессор О. Ф. Миллер, который читал историю русской литературы XVIII и XIX веков и фольклор. О нем профессор С. А. Венгеров писал: «В своих лекциях он сумел соединить содержательность и стремление провести

в сознание слушателей начала истинного человеколюбия. Его курсы не были шаблонны. Лектор Миллер был блестящий».[1] Лекции его слушались с большим интересом.

О. Ф. Миллер давал слушательницам темы для самостоятельных работ. Его высокую оценку получили работы О. М. Петерсон («О Феодосии Печерском») и О. А. Крестьяновой («Свод былин об Илье Муромце»). Работа О. А. Крестьяновой издавалась дважды.

Человек редкой отзывчивости, О. Ф. Миллер читал часть лекций безвозмездно. «Лучшая часть духовного наследия Миллера — память о нем как о профессоре и друге молодежи», — писал С. А. Венгеров.[2] Он был замечательным пропагандистом демократических идей своего времени. После покушения на Александра III (1 марта 1887 г.) начались студенческие волнения, вызванные репрессиями правительства и его реакционной политикой. О. Ф. Миллер в одной из лекций показал позорную роль, которую в то время играл редактор «Московских ведомостей» Катков во всероссийской реакции. Аудитория проводила профессора громом восторженных аплодисментов. Речь-лекция прозвучала как смелый протест против реакционного режима. Впоследствии О. Ф. Миллер был уволен из университета.

В 1890 году на кафедру русской литературы был приглашен приват-доцент Петербургского университета И. А. Шляпкин, привлекший внимание слушательниц глубоким содержанием лекций, научной постановкой практических занятий, многогранностью своей научно-педагогической деятельности. В 1892—1893 годах он приступил к чтению своего любимого курса — истории древнерусской литературы. Выдающийся знаток древнего периода русской словесности, он свои лекции иллюстрировал демонстрацией старинных рукописей и книг. В 1893 году он начал чтение курса по различным периодам русской литературы.

Обладая неиссякаемой энергией и инициативой, он отдал много сил на организацию и оживление практических занятий, которые он вел с 1893 года. На этих занятиях И. А. Шляпкин учил курсисток методам научной работы над первоисточниками; под его руководством обсуждались рефераты слушательниц по древнерусской литературе. И. А. Шляпкин ввел для желающих практические занятия по русской палеографии. Он читал (безвозмездно) вечерние лекции для ознакомления слушательниц с различными направлениями русской критики, комментировал «Слово о полку Игореве» и «Поэтику» Аристотеля в русском переводе. Под его руководством слушательницы перевели ряд литературно-критических произведений (Петухова, Постникова и Ни-

---

[1] Энциклопедической словарь, т. XIX. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1896, стр. 302.

[2] Там же, стр. 304.

колаева перевели работу Тен-Брика «Задачи изучения истории литературы»).

Профессор Шляпкин был страстным любителем старинной книги. В его богатейшей библиотеке были собраны редкие экземпляры рукописей XII—XIII и более поздних веков. Он знакомил со своей уникальной библиотекой слушательниц, которых любил приглашать к себе для дружеских бесед.

В своих воспоминаниях А. М. Воронковская пишет: «Провожая нас, профессор как-то сказал: „Книги — друзья, которые никогда не изменят. Они — голос предков к потомкам"».[3]

В 1902 году лекции на курсах начал читать магистр русской словесности В. В. Сиповский. Он вел курс русской словесности от фольклора до начала XIX века, читал и отдельные курсы, например «Историю русской лирики, драмы, романа, критики, журнала», «Гоголь и русский реалистический роман до и после него» и др. В 1902 году он организовал на IV курсе практические занятия, в которых принимали участие даже слушательницы физико-математического факультета, обсуждались рефераты на темы по новейшей литературе: «Драмы Чехова», «Творчество Горького» и ряд других. В последующие годы профессор предлагал темы как по литературе XIX века, так и по новейшей литературе: «Белинский и его эпоха», «История русского романа», «Индивидуализм в сочинениях Л. Андреева», «Лирика Апухтина» и др. Под его руководством слушательницы работали с большим интересом. Таким образом, и И. А. Шляпкин, и В. В. Сиповский вели практические занятия еще до введения предметной системы, а впоследствии эти занятия (в форме семинариев) получили еще более широкое развитие.

С введением предметной системы потребовался приток новых научных сил на кафедры русской филологии. И в 1907 году был приглашен академик Д. Н. Овсянико-Куликовский, ученый, труды которого были известны и в Европе.

Глубокий исследователь литературы, он был и лингвистом, и большим знатоком истории культуры. Представитель психологического метода в филологии, Д. Н. Овсянико-Куликовский занимался глубоким исследованием творчества русских поэтов и писателей (Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Тургенева и других). Диапазон его лекций был очень широк: он читал о творчестве русских классиков от Пушкина до Достоевского, психологию художественного творчества, психологию мифа и религиозных верований и др. Основной чертой мировоззрения Овсянико-Куликовского был гуманизм в высоком значении этого слова. От его лекций веяло жизнеутверждающей силой. В них он проводил гуманистические идеи, заражая ими свою аудиторию. Лекции профессора были подлинным творчеством, он увлекал слушательниц глубиной

[3] Из воспоминаний А. М. Воронковской. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

своих мыслей. Все слушательницы давали высокую оценку его лекциям: «Глубина, с которой он раскрывал в своем проникновенном слове творчество писателя и его эпоху, заставляла прислушиваться к каждому его слову».[4]

Д. Н. Овсянико-Куликовский руководил и семинарскими занятиями. Он советовал писать рефераты, не обращаясь ни к каким критическим источникам, и приветствовал такие опыты, вводил в практику устные рефераты и ценил их выше письменных.

Д. Н. Овсянико-Куликовский пользовался любовью слушательниц всех факультетов, что ярко проявилось в день празднования 35-летия его деятельности в 1913 году. Умер он в 1920 году в Одессе, там ему поставлен памятник.[5]

---

[4] Из воспоминаний М. М. Ивановой. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

[5] Письмо К. Г. Паустовского — ответ на письмо председателя Комитета бестужевок К. П. Язевой о том, что Комитет располагает иными сведениями о последних днях жизни Д. Н. Овсянико-Куликовского, чем те, которые приводит К. Г. Паустовский в «Повести о жизни» (Собр. соч., т. III, М., 1957, стр. 782):

Москва
2 сентября 1960 г.

Глубокоуважаемая Ксения Петровна!

Простите, что отвечаю с таким опозданием. Почти полгода я не был в Москве и только сейчас разобрался в корреспонденции.

Я сейчас не помню, как называлась та газета, которую редактировал Овсянико-Куликовский в Одессе при белых.

Кажется, «Современное слово». Я работал в этой газете репортером, но Овсянико-Куликовского видел всего два-три раза. За несколько дней до бегства белых из Одессы газета перестала выходить, нас всех, сотрудников, уволили, а по городу распространился слух об отъезде Овсянико-Куликовского в Константинополь.

Мне сообщил об отъезде Овсянико-Куликовского мой непосредственный «начальник» по газете, заведующий отделом информации, крупный петербургский журналист Яков Борисович Лившиц, впоследствии он был директором издательства «Петрополис» в Ленинграде (в 1924—25 гг.).

В Одессе мы жили с Лившицем вместе в пустом заброшенном санатории доктора Ландесмана.

Об отъезде Овсянико-Куликовского говорили многие одесские газетчики, и у меня, очевидно, не было оснований не верить им и Лившицу, тем более, что со времени закрытия газеты я Овсянико-Куликовского больше не видел. Время было смутное, тревожное, события налетали шквалами, и разобраться в них было трудно, подчас невозможно. Сейчас из письма дочери Овсянико-Куликовского и из Вашего письма я узнал, что в книге была допущена весьма печальная ошибка и что Овсянико-Куликовский умер на родной земле советским гражданином.

В 1961 году Гослитиздат выпускает переиздание моих первых четырех автобиографических повестей, в том числе и повести «Начало неведомого века», где говорится об Овсянико-Куликовском. В это издание, как и во все последующие, я внесу исправления и приму возможные меры к реабилитации этого крупнейшего русского ученого.

Если нужно, то Вы можете опубликовать это мое письмо в той истории Бестужевских курсов, над которой Вы работаете. Поверьте, что мне чрезвычайно тяжела вся эта история. Примите мой сердечный привет.

В 1909 году на кафедру русской литературы был приглашен приват-доцент Петербургского университета, в дальнейшем член-корреспондент АН СССР Н. К. Пиксанов. Он читал курсы: «Историография русской литературы нового периода», «История русской критики». Как руководитель семинариев он в первый же год своей деятельности привлек слушательниц научным подходом к работе. Выдающийся литературовед, историограф, талантливый организатор, Н. К. Пиксанов ставил работу своих семинариев на строго научную основу. Продуманная во всех деталях организация занятий — характерная черта его семинариев. В конце учебного года он давал список тем и указывал литературу, необходимую для рефератов и коллоквиума на следующий учебный год. Сдача коллоквиума — это условие, без которого нельзя было поступить в его семинарий. С целью глубокого и всестороннего освещения темы рефераты на одну тему писали три человека; кроме того, Н. К. Пиксанов не только назначал оппонентов, но и всем участницам семинария рекомендовал статьи и книги, чтобы оживленнее шло обсуждение реферата. Работали у него с большим интересом, о чем пишут бывшие слушательницы в своих воспоминаниях (М. Ф. Щербакова и др.) и свидетельствуют годовые отчеты курсов. Некоторые рефераты получили высокую оценку и были напечатаны, как, например, реферат Дьяченко о Белинском или работа С. М. Кавелиной о Никитине.

Желающих работать у Пиксанова было всегда так много, что в академическом году он вел не один, а три семинария. Участницы его семинария сотрудничали в одном из энциклопедических словарей, а также в комиссии по составлению пособия «Указания книг по истории русской литературы» в литературно-издательском отделе подвижного музея учебных пособий Русского технического общества. Первым опубликованным итогом работы Н. К. Пиксанова в семинариях по литературе на ВЖК была брошюра «Три эпохи» (1912 год).

Идя навстречу стремлениям слушательниц к самостоятельной научной работе, Н. К. Пиксанов организовал Тургеневский кружок. Личность и творчество И. С. Тургенева тогда еще были мало освещены в литературе. Участницы кружка с увлечением занимались исследовательской работой, причем они пользовались и иностранными источниками. В их получении кружку оказали помощь профессор Ф. А. Браун и лектор И. А. Ляронд, составившие письмо, напечатанное во многих периодических изданиях Германии и Франции и вызвавшее живой отклик. Плодом научной работы кружка явился «Тургеневский сборник» (новооткрытые страницы Тургенева, неизданная переписка, воспоминания, библиография), опубликованный в книгоиздательстве «Огни» (1915). В него вошло шесть работ четырех авторов. Руководитель кружка Н. К. Пиксанов поместил обстоятельное вступление, в котором заявил, что «участницы кружка стремятся сделать свой труд скромным

орудием при выполнении по отношению к Тургеневу национального научного долга», что «настоящий сборник представляет лишь первый выпуск задуманных кружком публикаций».

Декан историко-филологического факультета И. М. Гревс отметил, что «Тургеневский сборник» — замечательный факт, который «является реальным доказательством жизнедеятельности семинарской работы».[6]

Большим успехом пользовался кружок Н. К. Пиксанова по новейшей русской литературе. Он существовал с 1909 по 1913 год. Собрания кружка были открытыми и привлекали большое число слушательниц. Темы намечались самими участницами, например: «Чехов и его творчество». «„Черные маски" Л. Андреева», «Поэзия Надсона», «Творчество Гаршина», «Судьба в произведениях Метерлинка» и др. На собрании, посвященном творчеству В. Гофмана, присутствовала сестра поэта М. В. Гофман; реферат о поэзии Надсона читался в присутствии его сестры А. Я. Моисеевой. В работе кружка принимали участие профессора и преподаватели: В. В. Сиповский выступил с речью о Л. Н. Толстом, Т. М. Глаголева сделала доклад на тему «Любовь в произведениях Бальмонта, Брюсова, Блока, Белого»; постоянно выступал сам Пиксанов. Заседания завершались художественным отделением: читались стихи поэтов, исполнялись музыкальные произведения на их слова, часто выступал директор курсов С. К. Булич в роли чтеца, декламатора, пианиста. Кружок устраивал литературные вечера, посвященные памяти Пушкина, Некрасова, Толстого; на них приглашались артисты Тартаков, Шишмарева и другие. Вечера эти были всегда многолюдны (так, на толстовском вечере присутствовало около 1500 человек).

Кружок имел свою библиотеку по отделам художественной литературы, критики и истории новейшей литературы. С благодарностью отзываются о Н. К. Пиксанове слушательницы, называя его строгим учителем, прививавшим навыки научного анализа произведений художественной и критической литературы.

Большой популярностью на курсах пользовался приглашенный в 1909/10 академическом году профессор Семен Афанасьевич Венгеров, критик, историк литературы, библиограф. Он издавал Пушкина, Белинского, Байрона, Шиллера, Шекспира и других, «Словарь русских писателей и ученых». Он организовал пушкинский семинарий, многие участники которого стали видными советскими пушкинистами, читал курсы «История новейшей русской литературы», «История литературы 50—60-х годов», лекции, посвященные отдельным писателям XIX века, и всегда он проводил идею мирового значения русской литературы, служившей идеалом добра и справедливости. Его излюбленной темой была

[6] Отчет за 1914/15 год, стр. 114—115.

тема об «учительной» (его термин) роли русской литературы и ее героическом характере. За свои передовые убеждения С. А. Венгеров еще задолго до прихода на курсы, в 1899 году, был отстранен от преподавания в высших учебных заведениях, куда он смог вернуться только в 1905 году. С. А. Венгеров проявлял глубокий итерес к судьбам русской литературы. Он говорил, что литература «модернистских, декадентских и всякого рода эстетских божков» не имеет будущего, что, «к счастью, литература творится не только в столице, но и в самой гуще жизни». Он называл ряд еще малоизвестных талантливых поэтов и прозаиков, проводивших высокие социальные идеи, и утверждал, что такие авторы «пойдут по пути, указанному А. М. Горьким».[7] Самая большая аудитория, где он обычно читал, с трудом вмещала всех желающих. К занятиям слушательниц в его семинариях он относился требовательно, учил работать над усовершенствованием стиля, для чего советовал вести дневники. Анна Караваева, участница его семинария, вспоминает, что, работая над дневником, она открыла в себе творческий дар, который привел ее в литературу.[8]

В 1907/08 академическом году на кафедру русской литературы был приглашен академик Н. А. Котляревский — один из крупнейших историков русской литературы, представитель передовой критической мысли, которому принадлежит много работ по русской и западноевропейской литературе. Это был блестящий лектор, подлинный художник слова, читавший свои лекции вдохновенно и вместе с тем просто. Он читал и о творчестве отдельных писателей (Лермонтова, Тургенева и др.), и о различных периодах русской и западноевропейской литературы (литературных течениях на Западе в первой половине XIX века, истории русской изящной словесности и др.). Его мастерство лектора и прогрессивность идей, провозглашаемых с кафедры, привлекали многочисленную аудиторию. На лекции, которые он читал в актовом зале, стекались слушательницы со всех факультетов. На I съезде словесников в декабре 1916—январе 1917 года вдохновенное слово академика Н. А. Котляревского прозвучало как призыв к боевому, прогрессивному преподаванию литературы.

В 1909 году была приглашена на кафедру русской литературы Т. М. Глаголева, окончившая курсы в 1907 году и оставленная при кафедре по предложению профессора Сиповского. Т. М. Глаголева прошла путь серьезной научной подготовки. Еще будучи на III курсе, она написала исследовательскую работу по найденным ею неизданным рукописям А. Кантемира; эта работа была опубликована в печати. Ею были собраны материалы, касающиеся судьбы сказок о Бове и Еруслане. Работая в архивах московских музеев, она нашла много неизвест-

[7] Воспоминания А. А. Караваевой. «Сибирские огни», 1947, № 1.
[8] А. А. Караваева. Собр. соч., т. 1. М., 1957, стр. 12—14.

ных ранее древнерусских повестей. На курсах Т. М. Глаголева руководила просеминариями и семинариями по новой русской литературе. В просеминариях работа велась по преимуществу над письмами и мемуарами поэтов и писателей XIX века (Пушкина, Батюшкова, Жуковского, Герцена и др.). В семинариях изучали поэтов XIX века, уделяя большое внимание художественной форме. В 1912/13 году участницы семинария с большим увлечением работали над изучением творчества А. Н. Островского и современных ему русских драматургов.

В семинариях Д. И. Абрамовича, впоследствии профессора, изучали памятники древнерусской литературы и произведения народной словесности (профессор И. А. Шляпкин с 1913 года занятий на курсах не вел).

Первым профессором кафедры всеобщей литературы был А. Н. Веселовский, начавший чтение лекций в год открытия курсов. Знаменитый ученый, академик, он был сторонником историко-сравнительного метода изучения фольклора и литературы. В отчете курсов за 1906/07 год отмечается, что Веселовский «оставил целый ряд учеников и учениц, основав русскую школу романо-германской филологии».[9] Лекции А. Н. Веселовского увлекали глубиной содержания и новизной метода. Слушательница Е. В. Балабанова писала: «Это Вергилий! Он вел филологические науки по новому пути сравнительного метода и открыл дверь в незнакомый до него мир народного творчества».[10] А. Н. Веселовский читал различные курсы: историю западноевропейских литератур, творчества отдельных поэтов и писателей, введение в историческую поэтику, историю поэтических жанров. Под его руководством некоторые слушательницы занимались специальными предлагаемыми им темами. Ряд их работ был опубликован в журналах и отдельными монографиями («Оссиан и его влияние на западноевропейскую литературу» Е. В. Балабановой, работы по различным вопросам западноевропейской литературы О. М. Петерсон).

В 1889 году место ушедшего А. Н. Веселовского занял профессор Ф. Д. Батюшков, в 1890 году начал читать лекции Н. А. Котляревский, в 1893 году — Ф. А. Браун. На кафедру были приглашены профессора А. И. Кирпичников, Д. К. Петров и другие. Частые перемены в составе кафедры неблагоприятно отражались на плане преподавания.

В конце 90-х годов были введены практические занятия по всеобщей литературе. Темы рефератов всегда находились в соответствии с читаемым курсом (это был анализ драм Шекспира, произведений Гете и др.).

С введением предметной системы, когда была выделена романо-германская группа (1907), широко развернулись теоретические курсы и семинарские занятия по романо-германской филологии. Кафедры в эти

[9] Отчет ВЖК за 1906/07 год, стр. 15.
[10] «Библиотечное обозрение», кн. 2, 1927.

годы были представлены следующими профессорами и преподавателями: Ф. А. Брауном, Д. К. Петровым, В. Ф. Шишмаревым, А. А. Смирновым.

В семинариях Ф. А. Брауна, немногочисленных по своему составу, работа была поставлена очень серьезно. Некоторые семинарии велись на иностранных языках, например занятия, посвященные Винкельману, — на немецком языке. Ф. А. Браун привлекал слушательниц своих семинариев к участию в заседаниях неофилологического общества при Петербургском университете.

Один из крупнейших ученых на романо-германском отделении В. Ф. Шишмарев, в будущем действительный член Академии наук и лауреат Ленинской премии, начал свою деятельность на курсах в 1907 году молодым доцентом. Все занимавшиеся французской литературой, конечно, помнят молчаливого экзаменатора. Когда экзаменующаяся сообщала свой отдел, В. Ф. Шишмарев называл имя того или другого деятеля или автора и замолкал, предоставляя отвечающей полную свободу. Ее план изложения, освещение темы уже позволяли судить о ее знаниях. Шишмарев спокойно слушал, пока экзаменующаяся не замолкала. Если ответ вызывал у него интерес, он вступал с отвечающей в оживленную беседу, давал ценные дополнения, подвергая критике мнения тех исследователей, с которыми был не согласен. Словом, экзамен становился не только проверкой знаний, но и серьезным занятием, обогащавшим знания слушательницы.[11]

В состав кафедр классической филологии входили профессора и преподаватели: И. И. Холодняк, окончившие Бестужевские курсы М. А. Веселовская (Холодняк), В. В. Петухова и С. В. Меликова; Ф. Ф. Зелинский, А. И. Вольдемар, К. В. Гибель, П. К. Гельвих, М. Р. Фасмер, Г. Ф. Церетели. Профессора Холодняк, Зелинский, Церетели читали курсы древних языков и классической литературы и вели практические занятия. У профессора Холодняка был еще курс итальянского языка. «Во время увлечения „прямым методом" он вел практические занятия по итальянскому языку своим собственным научным методом, который вводил слушательниц не только в строй итальянского языка, но и способствовал пониманию общих вопросов языкознания».[12]

И. И. Холодняк был выдающимся ученым. Приглашенный на курсы в 1889 году, он широко развернул свою научно-педагогическую деятельность. «Его богатая научная подготовка, вынесенная из университета и из двухгодичной командировки за границу (в Бонне он был любимейшим учеником знаменитого специалиста Бюхелера), доставили ему весьма редкий почет в летописи нашей высшей науки».[13]

---

11 Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК. Из воспоминаний В. П. Андреевой-Георг.
12 Там же.
13 Отчет за 1913/14 год.

Печатью яркого таланта были отмечены его лекции и практические занятия. Он в высшей степени владел искусством будить интерес к языкам и к истории литературы и культуры древнего мира. По словам слушательниц, этот мир, ушедший в далекое прошлое, становился близким и живым. В отчетах курсов говорится, что И. И. Холодняк пользовался уважением и любовью слушательниц не только как талантливейший профессор, но и как человек высокого долга. Пропущенные им по болезни лекции он всегда возмещал. Похоронив в конце апреля 1913 года единственного трагически погибшего сына, он в этот день экзаменовал слушательниц.

Большой интерес вызывали лекции и семинарии профессора Ф. Ф. Зелинского, приглашенного на курсы в 1906/07 академическом году. Выдающийся знаток древних языков, он читал лекции ярко, образно, эмоционально — была ли то история античной литературы или анализ произведений отдельных авторов (например, Катулла, Еврипида и др.), или история античных нравов и нравственности. В его семинариях слушательницы работали по два и по три года. В 1909 году у Ф. Ф. Зелинского зародилась мысль об экскурсии в Грецию, и слушательницы стали готовиться к ней под его руководством. Экскурсия состоялась в 1910 году; для слушательниц, принявших в ней участие, она имела большое образовательное значение. Его ученица М. Е. Сергеенко специализировалась по классической филологии, позже защитила кандидатскую и докторскую диссертации и в дальнейшем работала в этой области в Ленинградском отделении Института истории АН СССР.

Серьезная научная подготовка, полученная под руководством крупнейших передовых ученых, дала возможность слушательницам проявить себя на разных участках строительства социализма.

С историко-филологического факультета вышли выдающиеся ученые, преподаватели вузов, литературоведы, критики, писатели, квалифицированные библиотекари, деятели сцены, экскурсоводы. Во всей полноте они развернули свои творческие силы после Октября.

В большинстве же своем окончившие историко-филологический факультет отдали свою жизнь почетному труду учителя в школах различного типа (вечерних и воскресных школах для рабочих, начальных и средних школах, рабфаках, совпартшколах и др.).

Истинные просветители, учителя отдавали свой богатый запас знаний учащимся, приобщая их к освободительно-революционному движению в царской России, внося ценный вклад в строительство советской культуры.[14]

---

[14] См. «Бестужевские курсы» — библиографич. указатель и «Участие бестужевок в социалистическом строительстве».

М. Л. Тронская

РОМАНО-ГЕРМАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Заметное место в системе научного преподавания на историко-филологическом факультете ВЖК занимало романо-германское отделение. В университете оно было организовано академиком А. Н. Веселовским — основателем русской школы романо-германистики. В день открытия курсов, 20 сентября 1878 года, он начал читать там курс всеобщей литературы, но еще в 1903 году в отчете кафедры истории всеобщей литературы указывалось, что изучение романской и германской филологии — «необходимое условие научной постановки дела»[1] — на курсах пока отсутствует. В этот период читались лишь краткие обзорные курсы по западноевропейским литературам либо освещались отдельные литературные течения.

Много усилий понадобилось, чтобы организовать в 1906/07 году группы романской и германской филологии, которые вскоре слились, образовав единое романо-германское отделение.

Маленькая аудитория на третьем этаже была центром научных занятий по романо-германской филологии; наш небольшой, но очень сплоченный коллектив работал чрезвычайно интенсивно. Согласно традициям школы романо-германистики мы получали комплексное, т. е. одновременно литературоведческое и лингвистическое, образование; специализация по литературе или языку проводилась лишь на последнем курсе. Предметная система, введенная почти одновременно с организацией отделения, осуществлялась очень успешно. Центр тяжести был перенесен на практические занятия, и обязательным было активное участие курсисток в 3—4 семинариях, связанных с обоими аспектами нашей науки.

Для всех романо-германисток — слушательниц ВЖК годы, проведенные на курсах, неразрывно связаны с именем профессора Ф. А. Брауна, который преподавал на ВЖК с 1893 года вплоть до их слияния с университетом. В своей юбилейной речи 1913 года в честь 25-летия научной и педагогической деятельности Ф. А. Брауна декан историко-филологического факультета ВЖК профессор И. М. Гревс, назвав Ф. А. Брауна «поборником высшего образования для женщин», подробно осветил его роль в борьбе за автономию ВЖК и за создание романо-германского отделения. Лингвист и литературовед, человек широких научных интересов, прекрасный организатор учебной работы, первый выборный декан историко-филологического факультета в университете, Ф. А. Браун, несмотря на огромную административную и общественную

[1] С.-Петербургские ВЖК за 25 лет, стр. 48.

работу, уделял курсам чрезвычайно много времени, сил и внимания. Мы работали у него в семинариях по готскому, древневерхненемецкому, средневерхненемецкому языку, по германским древностям, по Шекспиру, Гете и Шиллеру. Незабываемым для всех его участниц был семинарий по немецкому романтизму, который Ф. А. Браун вел у себя на дому совместно для студентов старших курсов университета и слушательниц ВЖК.

Из обязательных общих курсов особенным успехом пользовался курс Ф. А. Брауна по западноевропейской литературе, читавшейся для всего факультета. Его лекции, яркие по содержанию и очень увлекательные по форме, привлекали, кроме основной аудитории, большое число курсисток и вольнослушательниц других факультетов.

В 1915 году выступил со своими первыми блестящими лекциями по средневековой литературе А. А. Смирнов.

Романистику на курсах возглавлял профессор Д. К. Петров. Основоположник русской научной испанистики, он вел семинарии по испанской драме XVI—XVII веков, по Сервантесу и по провансальскому языку.

В 1898 году, будучи тогда еще совсем молодым, начал преподавать на курсах выдающийся ученый-исследователь, будущий академик В. Ф. Шишмарев. Как и Ф. А. Браун, он активно участвовал в борьбе за право женщин на высшее образование и с 1912 года был членом Общества содействия техническому образованию женщин. Бестужевским курсам он посвящал очень много времени; важное место в системе нашего преподавания занимали его лекции и семинарии по старофранцузскому языку, по введению в романскую филологию, по поэтике, по изучению «Божественной комедии» Данте и по рыцарской лирике. Наряду с этим углубленные занятия под руководством В. Ф. Шишмарева велись в научном кружке.

Такой блестящий состав преподавателей обеспечивал серьезный характер и высокий уровень семинарских занятий, которые стимулировали научную инициативу и служили прекрасной подготовкой для тех, кто стал впоследствии научным работником.

В условиях предметной системы в семинариях на равных правах принимали участие слушательницы разных курсов, и первокурсницам не всегда было легко включаться в текущую работу, но они сразу попадали в ту атмосферу активного научного исследования, какая царила в нашем скромном романо-германском кабинете. Наши руководители неизменно сочетали высокую научную требовательность с необыкновенной доброжелательностью и огромным вниманием к личным интересам каждой из нас.

Очень важным фактором нашего образования было посещение заседаний неофилологического общества при университете, куда нас при-

влек Ф. А. Браун, ставший после смерти А. Н. Веселовского его председателем. Руководителем лингвистической секции был С. К. Булич.

Многообразная тематика докладов, постановка литературоведческих и языковых проблем в их сравнительно-исторической связи, острая полемика, нередко разгоравшаяся по ряду вопросов, была для нас великолепной школой подлинно исследовательской работы.

Необходимо упомянуть о том, что на курсах было прекрасно поставлено преподавание иностранных языков, в отношении совершенствования методов которого очень много сделал Ф. А. Браун. Для романо-германисток считалось обязательным активное владение двумя тремя языками; живо и интересно протекало изучение итальянского языка у Р. В. Лоренцони, английского — у Р. Х. Бернеса, немецкого — у Э. К. Клейненберга, французского — у А. А. Ляронда.

С огромной теплотой и благодарностью вспоминаются годы, проведенные на курсах. Наши учителя — филологи-романо-германисты не только сообщали нам научные сведения, они учили нас «знать» и «учить», готовили к той работе, которая для многих из нас стала делом всей жизни. Они воспитали поколения бестужевок, которые после того, как Октябрьская революция широко раздвинула рамки высшего образования и изучения иностранных языков, в качестве научных работников и преподавателей средней и высшей школы трудились и продолжают трудиться во всех уголках Советской страны.

М. П. Якубович

О ПРЕПОДАВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Преподавание лингвистических дисциплин было широко поставлено на историко-филологическом факультете, но варьировалось в зависимости от разных специальностей: в исторических и искусствоведческих группах читались только вводные курсы по языкознанию, зато в группах филологических профилирующими дисциплинами были как лингвистические, так и литературоведческие. Наибольшее внимание уделялось языковедческим дисциплинам, естественно, в группе лингвистов.

Читали лекции и руководили семинариями и просеминариями виднейшие профессора-лингвисты, известные не только в России, но и далеко за ее пределами.

Профессор Н. П. Некрасов был первым профессором-языковедом на С.-Петербургских Высших женских курсах. Он проработал всего три года, заболел и ушел в отставку. На смену ему был приглашен

академик И. В. Ягич, который преподавал на ВЖК пять лет.[1] Оба они читали историческую грамматику русского языка. В 1886/87 учебном году не было ни одного лектора по русскому языку, а с осени 1887 до 1889 года курс читал А. Л. Петров, потом его сменил профессор А. И. Соболевский (впоследствии академик), читавший курс русского языка до 1891 года. Профессор С. К. Булич в 1891 году взял на себя чтение лингвистических курсов, в том числе и введение в языкознание.[2]

Слушательниц Бестужевских курсов поражала своим диапазоном эрудиция С. К. Булича: это был ученый-историограф русского языкознания, экспериментатор-фонетист, и синтаксист в области русского языка, санскритолог и славист, историограф-музыковед и замечательный пианист,[3] чтец-импровизатор художественных произведений. Таким мы знали С. К. Булича, ставшего в последние годы существования ВЖК их директором.

Его лекции по русскому языку, читанные на ВЖК в течение трех десятилетий,[4] представляют не только историческую ценность: они могут служить пособием по фонетике, так как построены на широком фундаменте сравнительного языкознания и написаны ясным, лаконичным языком. На Бестужевских курсах С. К. Булич читал разные отделы языкознания — фонетику русского и древнецерковнославянского языков, сравнительную грамматику индоевропейских языков и другие дисциплины. Помимо лекций, он вел разнообразные семинарии, также увлекавшие курсисток; многие из них в течение ряда лет записывались к нему в просеминарии и семинарии по диалектологии и древнецерковнославянскому языку, по древнерусскому языку и санскриту. «На занятиях в семинарии, — пишет одна из слушательниц М. Ф. Щербакова, — мы анализировали образцы народных говоров, тексты древних письменных памятников, затем самостоятельно работали дома над рефератами, читали и обсуждали их на занятиях совместно. С. К. Булич открыл перед нами новую область, для многих неизвестную, — языкознание — и заинтересовал ею».[5] Конечно, заинтересовать грамматиками языков не так-то просто. В одной из своих вводных лекций профессор говорил: «С самого детства грамматика представляется нам чем-то деревянным, скучным, снотворным, схоластическим предметом, трудным для понимания, безынтересным. Мы и не подозреваем, что в таком впечатлении виновата не сама грамматика, а та система (или, вернее ска-

[1] В 1886 году И. В. Ягич переехал в Вену, так как был приглашен на кафедру в Венский университет.

[2] С. К. Булич вышел из так называемой «Казанской школы» профессора И. А. Бодуэна-де-Куртенэ.

[3] С. К. Булич написал также библиографические очерки о русских композиторах XVIII и 1-й половины XIX века.

[4] Высшие женские курсы в 1891—1892 гг. Лекции. Изд. С.-Петербурга.

[5] Из воспоминаний М. Ф. Щербаковой. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

зать, отсутствие всякой системы), по которой в школе мы знакомились с этой областью природных явлений. Между тем язык может быть предметом науки живой, точной, реальной, открывающей уму человеческому такие широкие перспективы, какие и не могли представиться детскому воображению. Это — наука о языке — языкознание, или лингвистика».

В капитальном труде «Очерк истории языкознания в России» С. К. Булич выступает не как бесстрастный летописец, а, напротив, заостряет внимание на ряде явлений, характерных для разных периодов в развитии русского языкознания, и отдельных корифеях, дает свою оценку и свое понимание интерпретируемых им фактов.

И сейчас специалисты-языковеды пользуются «Очерками...» С. К. Булича. Подтверждением этому служит множество ссылок на данный труд в обширных статьях и книгах академика В. В. Виноградова и других советских ученых.

В 1913 году торжественно отмечался 30-летний юбилей научно-педагогической деятельности С. К. Булича. Это событие получило большой отклик далеко за пределами ВЖК.

В лице С. К. Булича мы, бестужевки, чтим память выдающегося учителя, ученого-языковеда, умевшего быть Человеком на высоком посту директора Петербургских (в дальнейшем — Петроградских) Высших женских курсов: директор С. К. Булич не боялся в тяжелые царские времена критиковать распоряжения попечителя учебного округа. Забота о высшем женском образовании всегда была у него одной из главных: ему принадлежит также честь ходатайства о присвоении Петроградским Высшим женским курсам наименования III Петроградского университета (в конце 1918 года) и о соответствующей реорганизации ВЖК.

В 1900 году на ВЖК начал преподавать И. А. Бодуэн-де-Куртенэ — ученый с мировым именем, искренний друг бестужевок. Бодуэн оставил заметный след в истории русской и мировой лингвистики, создал две лингвистические школы — так называемую Казанскую (профессора Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, С. К. Булич и др.) и Петербургскую — Петроградскую (академики Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, действительный член Литовской академии наук Б. А. Ларин, профессор С. И. Бернштейн и др.).[6] Бодуэн состоял почетным членом Казанского университета и Финно-угорского общества в Гельсингфорсе, был избран действительным членом Краковской академии наук в 1887 году и членом-корреспондентом Российской академии наук в 1897 году, «выдвигался ее историко-филологическим отделением и в действительные члены, но был отклонен по политическим соображениям, как слишком

---

[6] Л. В. Щерба. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ и его значение в науке о языке. «Русский язык в школе», 1940, № 4, стр. 85.

большой радикал для тех времен».[7] А в 1913 году он подвергся судебно-политическим преследованиям царских властей за напечатание брошюры «Национальный и территориальный признак в автономии», был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения он продолжал преподавать на ВЖК.

Поляк по национальности (он родился в местечке Родзымин, близ Варшавы) и француз по происхождению (его предки по мужской линии были французами, переселившимися в Польшу еще в начале XVIII века), Бодуэн писал на славянских и балтийских языках, на немецком, французском, итальянском и знаком был также с санскритом, древнееврейским и др.

Как ученый-новатор Бодуэн на семинарских занятиях отстаивал, например, в отличие от большинства своих современников, законность и научность описательного, синхронического подхода к явлениям языка. В то же время синхронизм И. А. Бодуэна резко отличается от чересчур статистического, механического синхронизма Соссюра своей «диалектичностью» (как называет бодуэновский синхронизм Л. В. Щерба): Бодуэн «настаивал на возможности научного изучения живого настоящего, различая в этом настоящем также пережитки прошлого и зародыши будущего».[8] Курсистки глубоко уважали А. И. Бодуэна-де-Куртенэ как оригинального, смелого мыслителя, не боявшегося пренебречь традициями: вспомним хотя бы его книгу «Об отношении русского письма к русскому языку», в которой он подчеркивает недочеты русской графики (неуместность употребления буквы ѣ во всех случаях или ъ в конце слов). Впоследствии съезд словесников в 1917 году обратил внимание на все важные замечания Бодуэна, содержащиеся в упомянутой нами книге.

И. А. Бодуэн-де-Куртенэ внес лепту и в русскую лексикографию, отредактировав 3-е издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

Личное обаяние Бодуэна было исключительно велико: он не жалел ни времени, ни труда, если видел в ком-либо из слушательниц желание углубить свои познания. Академик Л. В. Щерба справедливо отмечал, что в Бодуэне уживались «большая отзывчивость и бесконечная доброта его сердца, скрывавшиеся под якобы суровой внешностью, и величайшее уважение к человеческой личности, и широчайшая терпимость к чужому мнению».[9]

Особенно интересны и плодотворны для нас были беседы с профессором на семинарских занятиях или в его домашнем кабинете. Его

---

[7] Там же, стр. 84.
[8] Там же, стр. 85—86.
[9] Там же, стр. 85.

«неугомонный ум» (слова Л. В. Щербы) никогда не останавливался на установленных им положениях, но вечно метался в поисках новых открытий... У нас, учениц И. А. Бодуэна, участниц его семинариев по сравнительной грамматике славянских языков и по сравнительной грамматике индоевропейских языков, навсегда остался в памяти наш учитель, блестящий ученый, рыцарь правды и замечательный человек.

Оригинальный подход к научным вопросам у Бодуэна-де-Куртенэ увлек и молодого ученого Л. В. Щербу. Ему удалось уже на первых порах своей педагогической деятельности проводить «новые идеи в области лингвистики, отчасти усвоенные им у Бодуэна-де-Куртенэ, а отчасти уже являющиеся плодом самостоятельных наблюдений и размышлений».[10] Так из «зерна» бодуэновского учения о фонеме, с которым впервые знакомились слушательницы историко-филологического факультета Высших женских курсов, выросла экспериментальная фонетическая школа Л. В. Щербы.

Л. В. Щерба учил курсисток вдумываться в факты языка и на своих лекциях (иногда делал неожиданные паузы, в течение которых как бы проверял себя или размышлял вместе с аудиторией), и на семинариях (особенно в просеминариях), и на экзаменах. «...Если мы хотим изучать жизнь — а язык есть кусочек жизни людей, — говорил неоднократно Лев Владимирович, — то это не может быть просто и схематично. Всякое упрощение, схематизация... перестает учить наблюдать жизнь... перестает учить вдумываться в ее факты».[11] На экзаменах Л. В. Щерба выступал как импровизатор и экспериментатор. Ни одна курсистка не могла формально подготовиться к экзамену — надо было уметь лингвистически мыслить, быть готовой к любой неожиданности (такой неожиданностью были и для самого экзаменатора его собственные импровизированные примеры, которые он придумывал здесь же, в присутствии экзаменующегося). Л. В. Щерба сам живо интересовался только что предложенной им фразой, так как и экзаменатор, и курсистка — оба должны были стать свидетелями своего нового эксперимента, разыгрываемого как словесный поединок. Конечно, нельзя отрицать того, что подготовка у экзаменующейся должна была быть солидной и не механической, а непременно творческой: на экзамене следовало проявить себя изобретателем, первооткрывателем в данном контексте тех явлений языка, которые излагаются в курсах фонетики, морфологии, лексики, но применительно к другим словам, другим речевым оборотам, — так что конфигурация фактов каждый раз была новая, еще никем не наблюдавшаяся.

---

[10] Д. Л. Щерба. Лев Владимирович Щерба. В сб.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1961, стр. 7.

[11] О частях речи в русском языке. В сб.: Русская речь, под ред. Л. В. Щербы. Л., 1928, стр. 26.

Педагогическая направленность мысли ощущалась курсистками при знакомстве с профессором. В своих первых беседах со слушательницами на семинарских занятиях Щерба подчеркивал, что не существует науки, оторванной от педагогической практики. Поэтому даже в учебниках для средней школы под его редакцией всюду содержатся тончайшие наблюдения над фактами языка, отражающими подлинные научные исследования.

Особенно поражал нас, постоянных слушательниц Льва Владимировича, его научный скепсис: Щерба подвергал пересмотру многие кардинальные положения в языкознании (традиционную классификацию частей речи в русском языке, аспекты в изучении синтаксиса и др.). Но это не мешало Льву Владимировичу внимательно и чутко относиться к новым, может быть, не всегда зрелым мыслям начинающих ученых или курсисток. Вообще, доброжелательное и терпеливое отношение к чужому мнению было характерной чертой профессора, как молодого, каким его знали бестужевки, так и пожилого.

Помимо изучения основных языковедческих дисциплин, на историко-филологическом факультете можно было углубить, расширить и пополнить свое специальное лингвистическое образование в разного рода семинариях и кружках, где тоже происходило «вкрапливание» элементов языкознания. Преподаватель С. П. Обнорский (позднее — академик) вел семинарий по изучению древнерусского памятника («Слово о полку Игореве»); профессор А. Е. Пресняков руководил семинарием по изучению древнерусских летописных сводов; приват-доцент М. Г. Долобко читал курс и вел практические занятия по русской палеографии.[12]

Спустя семь лет после открытия С.-Петербургских ВЖК преподавание классических языков было передано бестужевкам, окончившим историко-филологический факультет и сдавшим соответствующие дополнительные экзамены. К этому времени значительно повысились требования по латинскому языку, который ранее (до 1889 года) не был обязательным. Первой преподавательницей латинского языка в 1885/86 учебном году стала М. А. Веселовская (по мужу — Холодняк), бестужевка первого выпуска. В последующие годы ей была поручена большая научно-педагогическая работа: ведение семинария по латинской палеографии, руководство практическими занятиями по литературе средних веков, а также подготовка комментария к латинским рукописным текстам и др. М. А. Веселовская (Холодняк) работала на ВЖК до 1906 года, а затем перешла в Петербургский археологический институт.[13]

---

[12] Список преподавателей, ведших дополнительные семинарии и кружки, мог бы быть продолжен.

[13] До нас не дошли воспоминания слушательниц о М. А. Веселовской-Холодняк, по-видимому, потому, что к настоящему времени не осталось в живых ее учениц.

В 1901 году приступила к чтению лекций и ведению практических занятий по латинскому языку В. В. Петухова, окончившая ВЖК и удостоенная С.-Петербургским университетом звания преподавателя латинского языка. «В. В. Петухова,—вспоминает ее слушательница М. М. Ивлева, — увлекала своими лекциями, пробуждала любовь к своей дисциплине, и курсистки уносили с собой прочные знания».

Высоко ценили слушательницы талантливого преподавателя классических языков С. В. Меликову.

Для подготовки к научной деятельности по славянскому языкознанию и по балтийским языкам были оставлены при ВЖК наиболее одаренные и эрудированные бестужевки: у Л. В. Щербы — А. П. Абель, работавшая над темой «Латышская акцентология»;[14] у С. К. Булича — З. К. Плотникова, подготовившая 7 статей по диалектологии и приглашенная читать лекции по диалектологии в III Петроградский университет; у И. А. Бодуэна-де-Куртенэ — А. П. Хвалынская. Она была оставлена по кафедре сравнительного языкознания и славянской филологии и выполнила три научные работы: «Рыг-Веда и Панчатантра — классический и ведийский санскрит», «Редукционные явления в гласной системе словянского языка» и «История звука ѣ в наречиях русского языка». А. П. Хвалынская состояла членом неофилологического общества, председателем которого был Л. В. Щерба.

Из числа бестужевок, окончивших славяно-русское отделение историко-филологического факультета, научными работниками после Великой Октябрьской социалистической революции стали член-корреспондент АН СССР Е. С. Истрина (посмертно — лауреат Ленинской премии 1970 года), доценты Э. А. Якубинская, Н. В. Попова, М. П. Якубович и другие.

---

[14] Указания о работе А. П. Абель взяты из отчетов по ВЖК. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Е. П. Баранова

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Физико-математический факультет был открыт на ВЖК с первого года их существования и имел два отделения: физико-математическое и специально математическое.

На физико-математическом отделении ВЖК читались следующие курсы: богословие, элементарная математика, элементарная механика, физическая география, физика, космография, астрономия, минералогия, геология, ботаника, систематика растений, зоология позвоночных и беспозвоночных, анатомия человека, гистология, физиология животных,

неорганическая, аналитическая, органическая химия, химия в приложении к сельскому хозяйству, агрономия. На специально математическом отделении — высшая алгебра, тригонометрия, аналитическая геометрия, дифференциальное и интегральное исчисления, механика, теория чисел.

Из приведенного перечня предметов видно, что так называемое физико-математическое отделение по существу было естественным отделением. По такому плану велось преподавание с 1878 по 1889 год.

Наплыв слушательниц в первый год был очень большой — на курсы записалось 814 человек, и большая часть поступила на физико-математическое отделение.

В первом выпуске (1882) успешно окончили курс наук на ВЖК 214 человек, из них: на физико-математическом отделении — 94, на специально математическом — 15.

С осени 1889 года, когда был возобновлен прием на I курс,[1] были разрешены только два отделения: историко-филологическое и физико-математическое, причем без права преподавания естественных наук. Это отразилось как на числе слушательниц, поступивших на I курс, так и на распределении их по отделениям: из 144 человек, поступивших в 1889 году, на физико-математическое отделение поступило лишь 37.

Но в таком виде это отделение просуществовало недолго. Необходимость снова вернуть естественные науки в цикл преподаваемых дисциплин была так очевидна, что пришлось постепенно вводить те предметы, которые были изъяты из учебных планов первых лет. Очень скоро началось расширение программ физико-математического отделения: вводились новые предметы по естествознанию и углублялось преподавание химии, расширялся объем читаемых курсов по математике, механике, физике, астрономии. В результате слушательницы оказались сильно перегруженными, кроме того, не у всех были одинаковые научные интересы — одних больше интересовали математические науки, других — естественные и химия. Поэтому физико-математическое отделение постепенно стало разделяться на два разряда — математический и химический со специальными программами и планами преподавания.

По постановлению Совета профессоров слушательницам было предоставлено право, начиная со II курса, избирать любую из двух специальностей: изучать группу математических предметов или же химию и естественные науки.

С 1906 года физико-математическое отделение в годовых отчетах ВЖК именуется уже факультетом.

С введением в 1906 году предметной системы на физико-математическом факультете вместо двух разрядов было образовано 7 групп

---

[1] Прием был прекращен в 1886 году. См. стр. 11 настоящего сборника.

предметов: математика, механика, астрономия, физика, химия, минералогия и геология, биология.

В 1915/16 году была введена сессионная система сдачи экзаменов. Для слушательниц I курса был установлен определенный минимум сдачи экзаменов и зачетов по практическим занятиям.

А. Г. Кроткевич и *А. И. Любимова*

МАТЕМАТИКА И МЕХАНИКА[1]

Учебный план преподавания математики на ВЖК за время их существования изменялся несколько раз.

При открытии физико-математического отделения в 1878 году на I курсе было введено преподавание алгебры и геометрии. Предполагалось сообщить слушательницам дополнения по этим предметам с тем, чтобы при переходе на второй курс учащиеся имели сведения, одинаковые с окончившими мужские гимназии, и могли бы начать ознакомление с высшей математикой.

На I курсе занятия велись совместно для физико-математического и специально математического отделения.

Но уже с осени 1879 года педагогический совет ВЖК постановил с первого же года обучения проводить занятия на естественном отделении (общий разряд) и на математическом (специальном) раздельно. На общем разряде занятия ограничить элементарной алгеброй, геометрией и тригонометрией в объеме программ мужских гимназий. Для слушательниц специального разряда первый курс считать подготовительным, при переходе на второй — требовать сдачу экзамена по курсу математики мужских гимназий с тем, чтобы со второго курса они могли приступить к слушанию лекций по высшей математике.

С 1879 по 1882 год читались лекции по аналитической геометрии, дифференциальному и интегральному исчислениям с приложением к геометрии, высшей алгебре и теории чисел (в сжатом виде) и по теоретической механике. Слушательницы специального разряда с третьего курса освобождались от экзаменов по описательным естественным наукам, но должны были слушать физику, астрономию и химию.

Весной 1882 года состоялся первый выпуск слушательниц ВЖК. Этот выпуск состоял из лиц, имевших основательную математическую подготовку до поступления на курсы, поэтому они приобрели хорошие знания и отлично выдержали выпускной экзамен.

---

[1] О преподавании математики и механики до 1903 г. см. статью И. В. Мещерского в приложении к книге «С.-Петербургские ВЖК за 25 лет», стр. 53—101.

Поступившие же в следующие годы (1879, 1880 и 1881) были слабо подготовлены к слушанию лекций по высшей математике, предлагаемый материал был им недоступен, и число желающих заниматься математикой резко уменьшилось.

Неудовлетворительные результаты преподавания были следствием слабой подготовки курсисток и несовершенства учебного плана.

С осени 1882 года был введен новый учебный план, в основу которого был положен проект, разработанный педагогическим составом математического разряда. По этому плану было уменьшено число читаемых дисциплин, за счет чего увеличено число часов по отдельным предметам. В дальнейшем этот план изменялся и уточнялся сообразно условиям времени.

Этот план сохранился до 1889 года.

В период с 1878 по 1886 год приват-доценты университета К. А. Поссе и Н. И. Билибин читали лекции по высшей математике, приват-доцент П. И. Сомов — механику. Оставленный при Петербургском университете кандидат Н. А. Артемьев преподавал элементарный курс математики на I курсе сначала только общего, а впоследствии и специального разряда, он же вел и практические занятия. С 1883/84 учебного года в состав преподавателей вошли профессор В. В. Преображенский и академик В. Г. Имшенецкий. В том же году в качестве руководительницы практических занятий приступила к работе на ВЖК В. И. Шифф, окончившая курсы в 1882 году.

Практические занятия на математическом отделении в 1885/86 учебном году вели трое: на отделении естественных наук — М. В. Величко (окончила ВЖК в 1882 году), на первых трех курсах специально математического отделения — В. И. Шифф; на четвертом — В. И. Варгунина (окончила ВЖК в 1883 году), получившая степень Licenciée des sciences mathématiques в Париже.

После возобновления приема на курсы в 1889 году были изменены как учебный план по математике и механике, так и программы. Утвержденный министерством народного просвещения учебный план в жизнь фактически не был проведен. Академик В. Г. Имшенецкий при содействии преподавателей курсов разработал новый план, который постепенно и вводился в жизнь. Этот план действовал с 1889/90 по 1892/93 год.

Из преподавателей, бывших до преобразования курсов, оставались только В. Г. Имшенецкий, Н. И. Билибин и В. И. Шифф, которая руководила всеми практическими занятиями по математике до 1901 года.

Академиком В. Г. Имшенецким много сделано для математического образования женщин не только в области преподавания, но и самой организации дела и всем отношением к нему. Совет ВЖК высоко ценил его деятельность, и он заслужил глубочайшую благодарность всех

лиц, причастных к делу женского образования (В. Г. Имшенецкий скончался в 1902 году).

С1889 года профессорско-преподавательский состав постепенно пополнялся. Были приглашены Д. Ф. Селиванов, Д. А. Граве, П. А. Шифф, И. В. Мещерский, И. И. Иванов, Б. М. Коялович и Н. Я. Сонин (в 1894 году), который был назначен первым деканом физико-математического отделения. При нем окончательно был выработан план преподавания математики, действовавший с небольшими изменениями до последних лет существования ВЖК.

В 1900 году снова вернулся преподавателем на ВЖК профессор К. А. Поссе, а в 1901 году были приглашены С. Е. Савич и В. И. Станевич, в 1902 году — Н. М. Гюнтер. В 1891/92 году механику читал И. В. Мещерский. За отсутствием на курсах кабинета по механике слушательницы под руководством профессора И. В. Мещерского посещали кабинет практической механики Университета и Политехнического института.

С 1901 года число часов практических занятий на ВЖК было значительно увеличено и постепенно увеличивалось число руководителей этими занятиями. В 1901/02 учебном году в этой работе, кроме В. И. Шифф, принимают участие Н. Н. Гернет и Ю. А. Смирнова, окончившие ВЖК.

В последующие годы происходили изменения как в педагогическом составе ВЖК, так и в выполняемых поручениях.

О. А. Полосухина, окончившая курсы в 1906 году, в 1907 году была командирована за границу, где получила в 1910 году степень доктора математики Цюрихского университета, а в 1912/13 учебном году сдала магистерский экзамен при Петербургском университете. Педагогическую деятельность на ВЖК она начала в 1910 году, с 1913 года стала постоянным преподавателем математики, а с 1919 года до конца жизни была доцентом ЛГУ.

Ю. А. Смирнова с 1911 года читала лекции по высшей математике для группы биологии, химии, минералогии и геологии, В. И. Шифф — лекции по тригонометрии и аналитической геометрии. Н. Н. Гернет — лекции по вариационному исчислению, теории вероятности, исчислению конечных разностей.

С 1907 по 1911 год читал лекции В. А. Стеклов, в 1911/12 году были приглашены А. В. Васильев и Я. В. Успенский. В 1917 году на заседании ученого совета был единогласно избран в профессорско-преподавательский состав В. И. Смирнов. Это были последние выборы на физико-математическом факультете ВЖК перед их преобразованием в III Государственный Петроградский университет.

Но работа слушательниц не ограничивалась посещением лекций и участием в практических занятиях. Некоторые слушательницы зани-

мались самостоятельно, изучая по указанию профессора и под его руководством тот или иной вопрос. Лучшие из рефератов отмечались в годовых отчетах с указанием фамилий авторов.

Так, в 1896/97 учебном году под руководством профессора Д. А. Граве, который читал дифференциальное и интегральное исчисления, слушательницами были прочтены рефераты по вопросам, выходящим за пределы программ.

В 1897/98 и 1899—1900 годы под руководством Б. М. Кояловича разрабатывались темы по дифференциальным уравнениям и некоторые вопросы исчисления бесконечно малых.

С 1901 года под руководством В. И. Шифф и Н. Н. Гернет работали кружки по аналитической геометрии, теории рядов и др.

Руководство индивидуальными работами слушательниц и математическими кружками носило добровольный характер и не оплачивалось.

С развитием преподавания на факультете росло число прекрасно оборудованных кабинетов и лабораторий. Особенно широко были поставлены практические работы после введения предметной системы. В 1907 году было положено начало организации семинарских занятий, которые велись по поручению факультета в обязательном порядке виднейшими профессорами кафедр математики.

В 1911/12 учебном году профессор К. А. Поссе вел семинарий по приложению дифференциального исчисления к геометрии, а в 1913/14 году — по различным вопросам математического анализа, не входящим в программу.

В 1914/15 учебном году профессор Я. В. Успенский вел семинарий по теории рядов, имевший своей целью углубление сведений по рядам.

В следующем 1915/16 учебном году семинарий по аналитической теории дифференциальных уравнений вел профессор Н. М. Гюнтер.

Здесь в хронологическом порядке разбирались классические мемуары по математике. Профессор требовал, чтобы слушательницы не только излагали содержание мемуаров, но вносили те изменения и упрощения, которые появились позже.

В 1916/17 учебном году семинарий по высшей алгебре вел профессор А. В. Васильев. После заслушания реферата он дополнял его новейшими научными данными и тут же указывал дополнительную литературу для заинтересовавшихся темой.

Наиболее талантливых слушательниц после окончания курсов оставляли при кафедре для продолжения занятий и подготовки к научной и преподавательской деятельности. Некоторые слушательницы после окончания ВЖК для завершения математического образования уезжали за границу.

Кроме названных выше лиц, учились в Германии и защитили диссертации на степень доктора Л. Н. Запольская в 1902 году и В. Е. Лебедева-Миллер в 1906 году.

Л. Н. Запольская после получения ученой степени за границей защитила, с особого разрешения, магистерскую диссертацию в Московском государственном университете в 1906 году и получила звание магистра математики. В. Е. Лебедева-Миллер с 1911 по 1912 год читала курс высшей алгебры и вела практические занятия со студентами университета города Яссы.[2]

В последние годы Бестужевские курсы дали двух талантливых математиков — Е. А. Нарышкину и П. Я. Кочину-Полубаринову, научная деятельность которых протекала уже после Великой Октябрьской революции.

Е. А. Нарышкина окончила ВЖК в 1917 году и была оставлена для подготовки к научной деятельности. Первая же работа, выполненная ею, представляла значительный научный интерес.

Работая в Институте сейсмологии АН СССР, она занималась изучением теоретической сейсмологии. Исследования Е. А. Нарышкиной по динамической теории упругости, связанные с сейсмологией, были опубликованы при ее жизни. Основные результаты этих исследований включены академиком С. А. Соболевым в «Курс уравнений математической физики» Франка и Мизеса, переведенный на русский язык с добавлениями С. А. Соболева. В 1939 году Е. А. Нарышкина защитила диссертацию и получила степень доктора физико-математических наук. В 1940 году Е. А. Нарышкина скончалась. «Свой творческий путь Екатерина Алексеевна прошла с честью, держа знамя советского ученого».[3]

Советский ученый в области гидродинамики П. Я. Кочина (Полубаринова) поступила на ВЖК в 1916 году и училась на курсах до слияния их с университетом в 1919 году, когда перешла в Петроградский государственный университет, в котором окончила физико-математический факультет по группам математики и гидродинамики в 1921 году. По окончании университета преподавала в ряде высших учебных заведений Петрограда и работала в научно-исследовательских институтах: в Главной геофизической обсерватории, в Математическом институте и затем в Институте механики АН СССР.

Ряд работ П. Я. Кочиной посвящен проблемам динамической метеорологии и другим вопросам, но основная ее работа по теории фильтрации. Ею решены многие важные вопросы, связанные с движением грунтовых вод и нефти в пористой среде. В 1952 году П. Я. Кочиной написана монография «Теория движения грунтовых вод», в которой

---

[2] О Н. Н. Гернет см. стр. 194.

[3] Из речи академика С. А. Соболева.

впервые обобщены достижения советских ученых в области фильтрации.

В 1946 году П. Я. Кочина была избрана членом-корреспондентом, а в 1958 году — действительным членом АН СССР; награждена орденами, удостоена звания лауреата Государственной премии.

* *
*

В начале 1903 года среди профессоров и слушательниц физико-математического отделения возникла мысль об устройстве математической читальни на общественных началах, где слушательницы могли бы находить необходимые пособия по предметам своей специальности.

Комиссия по устройству читальни собрала денежные средства среди слушательниц и профессоров. Комитет Общества для доставления средств ВЖК дал для читальни необходимую обстановку. Профессора пожертвовали для читальни книги и книжные шкафы. В ответ на призыв комиссии к ученым и профессорам высших учебных заведений России поступали книги, брошюры. К концу года читальня насчитывала 395 томов (353 названия) книг и 459 брошюр. Обслуживалась читальня слушательницами, избиравшимися в числе 10—12 человек.

Математическая читальня всегда была полна народу, слушательницы здесь получали необходимые для работы книги, а частенько и товарищескую помощь, в которой особенно нуждались первокурсницы.

В октябре 1918 года на заседании физико-математического факультета было внесено предложение о желательности оплаты заведующей математической читальней. Ею была назначена слушательница П. Я. Полубаринова, впоследствии действительный член АН СССР.

В 1892 году слушательницами факультета был организован издательский комитет. Он состоял из трех постоянных членов, избираемых на групповых или факультетских собраниях, и временных членов.

Работа издательского комитета заключалась в издании литографским способом лекций и распределении их между слушательницами по предварительной подписке. Лекции для печатания издательский комитет получал по некоторым дисциплинам от самих профессоров, в других случаях лекции составлялись слушательницами.

Для обеспечения качества издаваемых лекций издательский комитет согласовывал с профессорами подбор составительниц лекций — без подписи профессора лекции не печатались. Профессор Н. М. Гюнтер, отличавшийся большой требовательностью, рекомендовал студентам университета в качестве пособия лекции своего курса, изданные издательским комитетом ВЖК. Издательский комитет оказывал большую помощь слушательницам математического отделения на протяжении всех учебных лет.

М. Н. Неуймина

ГРУППА АСТРОНОМИИ

В первые годы существования курсов астрономия читалась как один из предметов физико-математического отделения. Слушательниц было немного, поэтому профессора чаще общались с ними, имели возможность ознакомиться с подготовкой каждой, могли помочь им выбрать будущую специальность. С 1880 года общий курс астрономии и космографии читал профессор С. П. Глазенап; в 1888/89 учебном году его сменил профессор А. М. Жданов, а с 1890 года начал чтение лекций по астрономии академик О. А. Баклунд совместно с профессором А. М. Ждановым. С 1895 года до введения предметной системы вел астрономию профессор А. М. Жданов.

Первые годы занятия по астрономии на ВЖК ограничивались слушанием лекций, так как на курсах не было ни обсерватории, ни собственного инструментария. С 1892 года под руководством академика О. А. Баклунда слушательницы получили возможность вести практические занятия в малой обсерватории Академии наук. Постепенно приобреталось оборудование и для собственной учебной обсерватории и вычислительного кабинета: астрономические календари, ежегодники, таблицы, учебники, специальные журналы; но приборы и инструменты все же приходилось брать во временное пользование в обсерваториях и институтах.

С годами курсы различных отделов астрономии стали приближаться к университетским. Под руководством профессоров слушательницы готовили рефераты, совершали экскурсии в специальные институты и обсерватории. Для практики по наблюдательной астрономии слушательницы старших курсов во время каникул занимались у известных астрономов в Пулковской обсерватории, работали в вычислительном бюро. Но, даже пройдя учебный курс астрономии, большинство курсисток уходило на педагогическую работу. Первой из слушательниц, избравшей своей специальностью астрономию, была окончившая ВЖК в 1896 году М. В. Жилова, которая начала работать в Пулковской обсерватории, где оставалась в течение 34 лет.

Необходимо отметить, что нелегко было работать первым женщинам-астрономам. Многие пулковские ученые скептически относились к подготовке курсисток, считали их лишь техническими сотрудниками, не допускали к самостоятельным наблюдениям на инструментах. Поэтому в обсерватории оставались лишь те, кто имел мужество мириться с ограничениями, незаслуженными и зачастую даже обидными, твердо решив во что бы то ни стало посвятить себя астрономии, проторить дорогу будущим поколениям женщин-астрономов.

Прошло несколько лет напряженного труда, прежде чем были оценены по достоинству добросовестная работа и хорошая подготовка бестужевок. В отчете за 1898/99 год директор Пулковской обсерватории О. А. Баклунд писал: «Я с особым удовольствием констатирую, что польза, которую принесли обсерватории г-жи Жилова и Максимова, не только оправдала, но и превзошла мои ожидания. Их усердие и научное понимание способствовали ходу обработки наблюдений. К этому нужно прибавить, что они производили и самостоятельные научные исследования».

Желая обеспечить слушательницам возможность постоянного наблюдения небесных светил, академик О. А. Баклунд и профессор А. М. Жданов в 1895 году внесли на обсуждение совета курсов вопрос о приобретении телескопа и постройке для него специальной башни. Совет выделил необходимые средства, строительство было начато. В 1896 году состоялось открытие астрономической обсерватории курсов. Это была единственная обсерватория, где наблюдения велись исключительно женщинами.

В башне был установлен пассажный инструмент фирмы Репсольда,[1] а на балконе, окружавшем купол, поставили переносную зрительную трубу для изучения звездного неба. Слушательницы занялись установкой и исследованием инструмента, а затем начали наблюдения.

В занятиях по практической астрономии профессору А. М. Жданову помогали оставленные при курсах В. С. Стахевич, С. М. Домбровская-Варзар и Н. Н. Попова, которая готовилась к определению астрономических пунктов для экспедиции на Кольский полуостров.

В 1900 году обсерватория увеличилась на одну башню, построенную на крыше здания курсов. В ней был установлен универсальный инструмент Бамберга. Слушательницы знакомились с его устройством, проводили на нем программу наблюдений. Для измерения спектрограмм и точных расстояний звезд на фотопластинках астрономический кабинет приобрел измерительный прибор Репсольда. Программы курса астрономии все расширяются. С 1903 года занятия по сферической, практической и теоретической астрономии стала вести утвержденная в должности ассистента Л. И. Терентьева.

Учебный 1906/07 год начался уже по новой программе только что введенной предметной системы. Это был план, в котором астрономия заняла свое место среди других семи групп физико-математического факультета. Курс астрономии уже вполне тождествен университетскому.

Работа в группе принимает все более научный характер. Некоторые слушательницы участвуют в обработке Пулковских звездных ка-

---

[1] Предоставленный Пулковской обсерваторией, так же, как и труба Мерца.

талогов, изучают астрофотографию. С 1910 года работа курсовой обсерватории получает признание: ей, как и другим астрономическим учреждениям, центральная (астрономическая) станция в Киле посылает срочные извещения о всех астрономических открытиях для наблюдения и обработки полученных данных о новых небесных объектах.

Для постановки наблюдений по астрофизике необходимо было иметь рефрактор. Комитет курсов ассигновал 2000 рублей; на них в Германии был заказан 6-дюймовый рефрактор и новый пассажный инструмент Бамберга. Для рефрактора пришлось построить большую башню с вращающимся куполом. Летом 1908 года башня была готова, и в ней установлен новый телескоп. Каждую ясную ночь слушательницы вели наблюдения на всех инструментах (так, например, они определили широту курсовой обсерватории). В вычислительном кабинете обрабатывали наблюдения, решали все более сложные задачи по теоретической астрономии и небесной механике. Вычислительной практикой слушательниц руководили уже две ассистентки — Л. И. Терентьева и Е. С. Мартьянова-Иванова.

С 1907 года все астрономические лекции (от сферической тригонометрии до небесной механики) переходят к профессору А. А. Иванову. Астрофизику ведет крупнейший русский ученый академик А. А. Белопольский; в практических занятиях ему помогает оставленная при курсах доктор Геттингенского университета И. Н. Леман-Балановская.[2]

Все возрастает интерес к астрономии среди молодежи. С годами увеличивается число слушательниц астрономической группы.

В 1910 году в широкой печати были опубликованы статьи о комете Галлея, через хвост которой должна была пройти Земля. Много слушательниц других факультетов заинтересовались астрономией, приходили в астрономический кабинет и на лекции профессора А. А. Иванова с вопросами о комете. Слушательницы старших курсов С. В. Ворошилова-Романская, Н. А. Белоусова, А. Г. Клячман приняли участие в вычислении возмущений этой кометы. Для контроля их данные были повторно вычислены Е. С. Ангеницкой-Березанской и Е. В. Шалауровой, оставленными при курсах. Вольнослушательница Н. М. Субботина написала и издала книжку «История кометы Галлея», получившую премию Русского астрономического общества.

Организованный в 1909/10 году астрономический кружок немало способствовал популяризации астрономии, расширению научного кругозора слушательниц, помогая им готовиться к будущей научной деятельности. (Председателями кружка были Н. Н. Неуймина, Н. М. Штауде и Е. Плющ).

[2] После ухода в Пулково ее сменила Н. Н. Войткевич-Полякова.

Под руководством профессора А. А. Иванова курсистки группы астрономии занимались со слушательницами других факультетов (изучали звездное небо, наблюдали метеоры), делали на собраниях сообщения об открытиях, докладывали о новом в астрономии, готовились к наблюдению солнечного затмения.

В апреле 1912 года профессор А. А. Иванов организовал экспедицию для наблюдения кольцевого солнечного затмения. Программа наблюдений была выполнена успешно. Многочисленные наблюдатели смогли увидеть это редкое явление. Отчет об экспедиции был напечатан в «Известиях Русского общества любителей мироведения» за 1914 год.

Зима 1913/14 года как в группе, так и в кружке прошла в подготовке к наблюдению предстоящего в августе полного солнечного затмения. Создали специальную комиссию по организации экспедиций; усиленно тренировались в наблюдениях, учились зарисовывать и фотографировать корону солнца, готовили инструмент; сконструировали небольшой коронограф,[3] зеркало для которого было предоставлено членом-корреспондентом Академии наук Г. А. Тиховым.

Хочется отметить, что, не имея официального отношения к курсам, Г. А. Тихов всегда шел навстречу курсисткам, помогал советами, предоставлял возможность работать в своей лаборатории, давал астрономическому кружку необходимые приборы. Его увлекательные лекции — «Зеленый луч», «Жизнь на Марсе» и другие, — прочитанные на ВЖК, привлекали всегда массу слушательниц всех факультетов.

Вследствие начавшейся в 1914 году войны почти все экспедиции были отменены. Успешно провели наблюдения лишь в Крыму Н. М. Штауде, Н. М. Субботина и М. Н. Абрамова-Неуймина и в Киеве Е. А. Кракау. Доклады об экспедициях читались на собраниях астрономического кружка и в Русском астрономическом обществе и напечатаны в «Известиях Русского общества любителей мироведения» за 1914 год.

Во всех начинаниях кружковцев принимал деятельное участие профессор (потом член-корреспондент Академии наук) А. А. Иванов. Он делал доклады, был членом различных комиссий, редактировал переводы астрономических статей, сделанные курсистками, устраивал многочисленные экскурсии в обсерватории. В астрономической группе А. А. Иванов читал лекции до последнего дня существования курсов. Курсистки записывали почти дословно лекции А. А. Иванова, и это дало возможность профессору издать учебники по всем курсам астрономии. Много поколений учащихся пользовались этими учебниками, даже начав самостоятельную работу.

---

[3] Описание коронографа М. Н. Абрамовой напечатано в «Известиях» Русского общества любителей мироведения за 1920 год.

Много помогала в вычислительной и наблюдательной практике ассистент Л. И. Терентьева, всегда благожелательно и терпеливо исправлявшая ошибки и промахи новичков. Всю свою жизнь, посвященную курсам (позже университету), она была ходатаем за молодежь.

Академические занятия слушательниц так переплетались с работой астрономического кружка, что порой трудно было определить, где кончались курсовые программы и начинались общественные занятия кружковцев. Впоследствии многие бестужевки с признательностью вспоминали деятельность кружка, который помог им выбрать жизненный путь.

Немало научных работников подготовила кафедра астрономии. В редком астрономическом учреждении не работали бестужевки.

В Институте теоретической астрономии в Ленинграде успешно ведет большую международную работу («Эфемериды малых планет») профессор Н. С. Яхонтова-Самойлова, именем которой в 1967 году названа одна из малых планет.

Там же работали кандидаты физико-математических наук С. М. Варзар, В. А. Россовская, А. Н. Струйская и другие бестужевки.

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте метрологии имени Д. И. Менделеева «по службе времени» много лет астрономические наблюдения вели кандидаты физико-математических наук С. М. Терешкова и В. А. Россовская.

Кандидат физико-математических наук Н. М. Штауде работала в Московской обсерватории имени Штернберга, а кандидат наук П. Ф. Санникова-Штайн — в Симеизской обсерватории, П. Ф. Штайн — первая женщина в России, открывшая новую комету.

Старший научный сотрудник Т. Н. Кладо плодотворно трудится над переводами астрономических и математических рукописей в Институте истории естествознания и техники Академии наук СССР.

Автор многих учебников доцент Е. С. Березанская-Ангеницкая ведет большую педагогическую работу в Москве.

Более 15 бестужевок работали в Пулковской обсерватории. 51 год там вела наблюдения на зенит-телескопе кандидат физико-математических наук С. В. Романовская, переменными звездами много лет занималась кандидат физико-математических наук доктор Геттингенского университета И. Н. Леман-Балановская.

В Монголии по организации обсерватории работала доцент Л. С. Барановская.

Многочисленные исследования астрономов-бестужевок печатались в специальных журналах и изданиях АН СССР.

Е. П. Баранова

КАФЕДРА ФИЗИКИ

Преподавание курса физики, читавшегося на ВЖК в течение 40 лет, с 1878 по 1918 год, можно подразделить на три периода. Первый период — с 1878 по 1889 год, т. е. с момента открытия курсов до выпуска после прекращения приема слушательниц на первый курс в 1886 году. Второй период — с 1889 по 1906 год — с года возобновления приема на первый курс и до введения предметной системы преподавания. И третий период — с 1906 по 1918 год — с введения предметной системы до преобразования ВЖК в III Петроградский государственный университет.

По учебному плану первых лет на лекции по физике было отведено 7 часов в неделю и в программу включены два отдела: механический отдел физики и общий курс экспериментальной физики, соответствовавший курсу, который читался на первых двух курсах математических факультетов университетов. На механический отдел физики был отведен 1 час в неделю, и читался этот отдел на первом курсе. На общий курс экспериментальной физики было отведено 6 часов, и распределены они были на три курса следующим образом: на первом курсе 2 часа в неделю читалась «Физика трех состояний и теплота», на втором 2 часа в неделю — «Оптика» и на третьем 2 часа — «Учение об электрических и магнитных явлениях».

С начала 1882/83 учебного года программа по курсу «Учение об электрических и магнитных явлениях» была расширена, но число часов по учебному плану осталось прежнее — две лекции в неделю. Поэтому курс был разделен на 2 части и читался в продолжение двух лет для III и IV курсов совместно, причем один год преподавали «Электростатику и внутреннее действие тока», а в следующем году — «Магнетизм и внешнее действие тока». Все первые 11 лет лекции по физике читали И. И. Боргман (общий курс экспериментальной физики) и Н. А. Гезехус (механический отдел физики). Ассистентами в это время были сначала Ф. Я. Капустин, а затем Н. Н. Хамантов. С 1882/83 учебного года к работе на кафедре физики была привлечена А. Е. Сердобинская, окончившая ВЖК по математическому отделению.

В 1879/80 учебном году для слушательниц II, III и IV курсов были введены практические занятия в физическом кабинете, в устройстве которого деятельное участие принимали Ф. Я. Капустин и Н. Н. Хамантов.

Количество практических занятий особенно увеличилось с того времени, когда в сентябре 1885 года ВЖК были переведены в собственное здание на 10-й линии Васильевского острова, в котором физи-

ческий кабинет получил значительно большее помещение. Практические занятия в этот период не были обязательными, но, несмотря на это, число слушательниц, работавших в физическом кабинете, было значительно. Так, в первый же год открытия физической лаборатории в ней работало 150 человек, а в последующие годы число слушательниц возросло до 194 (надо принять во внимание, что общее число слушательниц на физико-математическом отделении было в те годы невелико).

До начала 1882/83 учебного года практическими занятиями по физике руководили профессор И. И. Боргман и ассистенты — сначала Ф. Я. Капустин, потом Н. Н. Хамантов.

Подводя итоги работы кафедры физики за первые 11 лет, можно отметить следующее: 1) число лекционных часов (7) в неделю оставалось неизменным; 2) содержание лекций по отделу электричества было расширено сравнительно с первоначальным курсом; 3) состав кафедры был невелик (сначала 3, потом 4 человека — 2 профессора, ассистент, руководитель практических занятий) и постоянен; 4) практические занятия в физической лаборатории не были обязательными.

Второй период — с 1889 по 1906 год — был периодом постепенного развития и расширения учебной деятельности курсов, развития и углубления учебных программ.

Курс физики за это время подвергся значительным изменениям как по числу лекционных часов, так и по содержанию лекций. Первоначально предполагалось отвести на физику 8 часов в неделю, по две лекции на каждом из четырех курсов, причем характер их должен был соответствовать общему курсу физики, читавшемуся в университетах. Но уже в 1894/95 учебном году число лекций по общему курсу физики было увеличено до 10 на первых трех курсах, а на четвертом впервые начали читаться лекции по одному из специальных отделов теоретической физики.

С 1900 года общий курс физики заканчивался на первых двух курсах и был обязателен для слушательниц обоих разрядов физико-математического отделения — математического и химического.

Для слушательниц математического разряда, кроме общего курса физики, читались еще 4 лекции по специальным отделам теоретической физики для III и IV курсов совместно. Эти 4 часа распределены были следующим образом: 2 лекции были отведены на двухгодичный специальный курс «Учение о магнетизме и электричестве», а 2 — на курс «Термодинамика и учение о свете». Лекции по термодинамике были обязательные также и для слушательниц химического разряда III и IV курсов. Кроме того, с 1891 года для слушательниц I курса было отведено 2 часа в неделю для повторения элементарного курса физики.

С 1900 года эти занятия были заменены новым предметом — измерительными приборами. Этот предмет преподавался для ознакомления слушательниц с методом физических измерений как подготовка к практическим занятиям в лаборатории. Таким образом, слушательницы математического отделения имели всего 16 годовых лекций.

Практические занятия по физике за это время были значительно расширены, было приобретено много новых физических приборов для лабораторного оборудования.

Новое помещение и увеличение лабораторного оборудования дали возможность слушательницам старших курсов и оставленным при курсах производить различные более специальные и сложные работы.

В течение второго периода, начиная с 1889 года, происходили многократные изменения в преподавательском составе кафедры физики.

В 1890 году для чтения лекций был приглашен профессор О. Д. Хвольсон, который оставался на ВЖК до 1905 года. Но преподаватели на I курсе часто менялись. Текучесть прекратилась только в 1894 году, когда был приглашен С. Я. Терешин. В 1900 году снова вернулся И. И. Боргман и был приглашен Н. А. Булгаков.

К 1897 году, уже через 9 лет после возобновления приема слушательниц, С.-Петербургские ВЖК были вполне организованным высшим учебным заведением общеобразовательного академического характера. В годовом отчете Совета профессоров О. Д. Хвольсон писал, что факультетские программы преподавания издавна являлись своего рода идеалом для наших ВЖК, и в настоящее время (1897 год), особенно по предметам физико-математического отделения, идеалы эти можно считать достигнутыми в значительной степени, а по некоторым отделам — вполне.

Слова профессора Хвольсона указывают на то, что программы по физическим дисциплинам в значительной степени соответствовали факультетским программам университета. Это соответствие было облегчено еще и тем, что профессора О. Д. Хвольсон и И. И. Боргман одновременно читали и в университете.

Третий период — с 1906 по 1918 год — был наиболее плодотворным в жизни ВЖК в целом и физико-математического факультета в частности. Отмена ограничительных правил позволила значительно увеличить прием, и общее число слушательниц в 1906 году достигло 2396 человек. Введение предметной системы расширило свободу преподавания. На физико-математическом факультете были организованы 7 групп предметов.

В состав групп вошли физические предметы: «Общий курс физики», или, иначе, «Опытная физика», «Термодинамика», специальные курсы электричества и оптики.

Например, в учебный план группы «физика» вошли 7 предметов по физическим дисциплинам, 11 — по математическим, 3 — по механике, 2 — по астрономии и 1 предмет по химии — курс неорганической химии. Кроме того, были обязательные практические занятия по математике и практические работы в физических лабораториях.

Программы по физическим дисциплинам к этому времени были уже почти установлены, круг предметов и их содержание были достаточно стабилизированы. За последние годы происходили только некоторые перегруппировки и расширение специальных курсов теоретической физики, которые пополнялись сообщениями о новых научных достижениях в физике, а с 1911/12 учебного года был прибавлен еще один предмет — геофизика.

По плану 1913/14 учебного года на физические дисциплины в среднем было отведено 19,5 годовых часов. Вот учебный план 1913/14 года по физическим дисциплинам:

Дисциплина	Количество годовых часов	Семестр
Измерительные приборы (для 7 групп)	2	I—II
Опытная физика (для 7 групп)	6	I, II, III, IV
Геофизика (для 6 групп, кроме химии)	3	V
Термодинамика (для групп физики, химии, минералогии)	3	V, VI, VII
Оптика высшая (для групп физики, астрономии)	2	V, VI
Теория электричества (для группы физики)	3	V, VI
Спецкурс (для группы физики)	2	VII, VIII

В составе кафедры физики за это время произошли значительные изменения. Профессор О. Д. Хвольсон еще в сентябре 1905 года отказался от чтения лекций по оптике и термодинамике, с сентября же 1909 года он вынужден был по болезни совсем оставить ВЖК. Профессор И. И. Боргман в 1907 году прекратил чтение лекций по теории электричества и электромагнитной теории света. Его сменил профессор Н. А. Булгаков, а лекции по оптике и термодинамике стал читать профессор Б. П. Вейнберг. Осенью 1909 года были приглашены два новых профессора: действительный член Академии наук, профессор Б. Б. Голицын и профессор Ф. Я. Капустин. В феврале 1910 года на заседании Совета профессоров был избран профессор геофизики А. В. Клоссовский.

Вследствие большого числа слушательниц, поступивших на физико-математическое отделение, их пришлось на I и II курсах разделить на два потока, что вызвало необходимость в дополнительных лекционных часах. Поэтому в смете кафедры физики было прибавлено 5 лек-

ционных и 3 ассистентских часа. Было увеличено число платных часов и за руководство практическими занятиями в физических лабораториях (с 18 до 35).

Практические занятия уже были налажены в предыдущие годы, и после введения предметной системы только увеличивалось количество поставленных работ, уточнялось их содержание, и лаборатории пополнялись вновь приобретенными приборами. Имелись лаборатории по измерительным приборам для I курса, общей физики для старших курсов, по специальным курсам физики (электричеству, оптике и теплоте) и после введения курса геофизики — лаборатория для практических работ по этому предмету. Заведование физическим кабинетом в 1910 году было поручено Ф. Я. Капустину, а заведование хозяйством кабинета — А. Е. Сердобинской.

Помимо обязательных лекций и практических занятий, кафедра физики вела большую дополнительную работу. Под руководством профессоров Хвольсона, Терешина, Булгакова слушательницы готовили и читали рефераты по различным вопросам физики. Почти все рефераты сопровождались экспериментами, которые проводили сами курсистки. Некоторые слушательницы занимались переводами научной литературы по физике с иностранных языков. Так, в 1893/94 году были переведены слушательницами (под редакцией О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина) «Популярные речи» Гельмгольца, изданные фирмой Риккера. Вышло 2 издания этих лекций, и фирма выплатила за перевод около 1000 рублей. На эти деньги были закуплены для курсов книги по физике.

В связи с тем, что многие курсистки после окончания ВЖК занимались педагогической работой в средних школах, кафедра физики организовала для слушательниц старших курсов дополнительные занятия по изучению постановки физических опытов применительно к программе средней школы. Эти занятия проводились сначала под руководством профессора С. Я. Терешина, которому помогали А. Е. Сердобинская и А. Г. Емельянова, затем Б. П. Вейнберга, который также читал лекции по методике физики.

Время от времени профессора физики организовывали массовые экскурсии для слушательниц: в Павловск — для осмотра магнитной и аэрологической обсерваторий, в Кронштадт — для осмотра лаборатории А. С. Попова, в воздухоплавательный парк и ряд других.

В последние годы существования курсов под руководством профессора С. Я. Терешина группа слушательниц и окончивших ВЖК вела научно-исследовательскую экспериментальную работу по вопросам люминесценции.

Практиковалось на кафедре «оставление при курсах для усовершенствования в науках». Из оставленных при кафедре физики (их

было немного) большинство осталось работать на курсах, остальные были преподавателями, а позднее доцентами и профессорами в различных высших учебных заведениях. Весь женский преподавательский персонал кафедры состоял из бывших слушательниц ВЖК. Все они, за исключением В. А. Кашерининовой, работали на ВЖК до последних лет их существования, а А. Г. Емельянова и В. А. Шапошникова перешли в Петроградский государственный университет.

Из состава профессоров кафедры физики следует отметить многолетнюю и плодотворную работу О. Д. Хвольсона и И. И. Боргмана. При их активном участии были выработаны программы курсов физики и созданы физические лаборатории.

И. И. Боргман был основателем кафедры физики на ВЖК, он начал свою работу с первого года существования курсов и непрерывно работал до 1889 года, когда был выпущен последний IV курс после закрытия приема слушательниц на ВЖК. После некоторого перерыва он снова включился в работу кафедры физики и оставался на ВЖК до последнего года своей жизни (1914).

Н. П. Вревская

КАФЕДРЫ ХИМИИ

Преподавание химии велось на физико-математическом отделении с первого года существования ВЖК.

Д. И. Менделеев — убежденный сторонник высшего женского образования — принимал самое живое и деятельное участие в создании и организации Бестужевских курсов. Еще в ноябре 1869 года, когда по требованию министерства народного просвещения курсы носили характер университетских публичных лекций (для лиц обоего пола), Дмитрий Иванович в числе пяти первых профессоров университета с выдающимся успехом прочел курс неорганической химии.

В 1879/80 году Д. И. Менделеев вел на ВЖК неорганическую химию, а на следующий год прочел полугодовой курс под названием «Химия в приложении к сельскому хозяйству». В 1886 году он безвозмездно читал в течение года лекции «О законах химии и теоретических о ней представлениях».

Неорганическая и аналитическая химия. В связи с командировкой Д. И. Менделеева за границу систематический курс неорганической химии на I курсе в 1878/79 году читал профессор А. Л. Потылицын, автор распространенного в то время «Начального курса химии». Лекции сопровождались демонстрацией опытов. В следующем учебном го-

ду неорганическую химию I курсу читал Д. И. Менделеев, А. Л. Потылицын же в первом семестре заканчивал чтение лекций по неорганической химии II курсу. Во втором семестре А. М. Бутлеров читал этим же слушательницам сокращенный курс органической химии. Но в 1880/81 году Менделеев отказался от чтения неорганической химии, этот курс стал вести А. М. Бутлеров, читавший его до 1886 года, т. е. до своей смерти.

Всей душой преданный делу высшего женского образования, со свойственными ему увлечением и энергией А. М. Бутлеров взялся также за организацию химической лаборатории. Он устроил временную лабораторию в подвальном этаже наемного дома Боткиной (Сергиевская, 7, ныне ул. Чайковского). Большая плита послужила подножием для вытяжного шкафа, в одной из духовых печей были установлены сероводородные приборы, на месте одного из котлов поставлен маленький перегонный куб для воды. Приборы, посуда и реактивы частично были пожертвованы, частью приобретены новые. Все помещение имело около 110 кв. *м* и высоту всего 3 *м* 30 *см*. Вначале в лаборатории было 17 мест, а через год их стало 25.

Занятия по аналитической химии начались на ВЖК в октябре 1880 года с III курсом, на котором было 130 человек. Ввиду ограниченности мест в химическую лабораторию допускались в первую очередь слушательницы с высшими оценками по неорганической и органической химии. Занятиями руководили А. А. Кракау и И. В. Богомолец. Вместо ушедшего А. А. Кракау был приглашен В. Ф. Рицца, и некоторое время вела занятия О. А. Давыдова. Несмотря на самые неблагоприятные условия (теснота, плохая вентиляция и т. п.), в лаборатории ежегодно занимались от 70 до 80 человек. Время, проведенное там, слушательницы всегда вспоминали с большой теплотой.

В 1885 году, с переходом курсов в свой дом на 10-й линии Васильевского острова, по проекту и личным чертежам А. М. Бутлерова была устроена новая химическая лаборатория (деньги на эту лабораторию пожертвовала член комитета О. Н. Рукавишникова). Надзор за организацией лаборатории А. А. Бутлеров поручил И. В. Богомольцу.

Помещение лаборатории (245 кв. *м* и 5 *м* в высоту) вполне соответствовало своему назначению.

В первом этаже была устроена лаборатория количественного анализа на 22 места, кабинет-лаборатория профессора и отдельная комната со шкафами химической аппаратуры. Винтовая лестница соединяла это помещение со вторым этажом, где в большом зале с отличными вытяжными шкафами и в препараторской комнате располагалась лаборатория качественного анализа.

Одна из больших аудиторий — амфитеатр на 300 человек — была приспособлена для чтения лекций по химии. К лекционному столу бы-

ли подведены вода и газ, на нем был установлен стеклянный вытяжной шкаф. При аудитории имелась препараторская комната для подготовки лекционных опытов.

Занятия по аналитической химии стали начинаться теперь со II курса и проводились под руководством И. В. Богомольца.

Летом 1886 года скончался А. М. Бутлеров. В отчете ВЖК за 1885/86 год отмечалось: «Александр Михайлович Бутлеров 7 лет своей жизни посвятил курсам и был не только профессором, но и человеком, которому близка и дорога была вся жизнь учебного заведения».[1]

Органическая химия. Курс органической химии с 1881 по 1891 год читал ученик А. М. Бутлерова М. Д. Львов. Это был хороший преподаватель, очень внимательный к учащейся молодежи. Помимо основного курса, он читал в течение ряда лет специальный курс органической химии для IV курса. В трудные для ВЖК годы (с 1886 по 1889 год) он читал его бесплатно.

Академик Н. Н. Бекетов писал о Львове: «Главное его дело — руководство молодыми начинающими химиками важнее, чем собственные исследования».[2]

С 1892 года курс органической химии был поручен профессору Г. Г. Густавсону. М. Д. Львов стал вести неорганическую химию, освободив от этого предмета Н. Н. Бекетова, который стал читать курс физической химии. Г. Г. Густавсон, начав свою работу по химии ассистентом у Д. И. Менделеева, а затем у А. М. Бутлерова, впоследствии много лет был профессором Петровской сельскохозяйственной академии и считался там лучшим лектором. Чтению курса сопутствовали практические занятия по органической химии, а также по агрохимии, которые состояли в изучении методов исследования сельскохозяйственных продуктов, почвы удобрений. В руководстве лабораторными занятиями принимали участие ассистенты С. П. Миклашевский, А. А. Якубова и О. М. Поппер. Учебными пособиями служили «Двадцать лекций по органической химии» и «Руководство к практическим занятиям», написанные самим Г. Г. Густавсоном. Работы проводились в лаборатории количественного анализа. Он умел возбудить такой интерес к химии у своих слушательниц, что многие из них посвящали себя серьезному изучению органической химии и вели под его руководством научные исследования. Профессор весь день проводил в рабочем кабинете, отделенном стеклянной дверью от студенческого зала. Сам проводил опыты, беседовал со своими сотрудницами. Первыми ученицами Г. Г. Густавсона были окончившие ВЖК в 1894 году

---

[1] Отчет за 1885/86 учебный год, стр. 5.

[2] Журнал Русского физико-химического общества (ЖРФХО), 1899, т. 32, стр. 395.

Л. Э. Кауфман (Соловейчик) и О. М. Поппер. Их работы «О влиянии солей на скорость бромирования ароматических углеводородов» (Л. Кауфман) и «О диметилтриметилене» (О. Поппер и Г. Густавсон) были доложены на X съезде естествоиспытателей и врачей в Киеве.

В 1892 году, одновременно с Г. Г. Густавсоном, на курсах появилась В. Е. Богдановская, окончившая ВЖК в 1887 году и уехавшая учиться в Женеву. Она работала у профессора Гребе, защитила там докторскую диссертацию на тему «Изучение реакции восстановления дибензилкетона». Она заняла на курсах скромное место ассистента по неорганической химии у профессора М. Д. Львова. Но ее познания и желание быть полезной расширили сферу ее деятельности. Начались неофициальные репетиции, вернее, беседы по неорганической химии. Затем она блестяще прочла курс стереохимии, нового в то время отдела органической химии. Она преподавала на курсах 3 года. В 1885 году уехала с мужем на Ижевский завод, где работала в лаборатории над получением аналога синильной кислоты, в котором азот был бы замещен фосфором. Во время опытов произошел сильный взрыв, стоивший ей жизни. Г. Г. Густавсон с уважением отзывался о Вере Евстафьевне: он говорил, что деятельность В. Е. Богдановской-Поповой прекратилась, но имя ее не забудется. Оно осталось в науке. Ее деятельность всегда будет служить доказательством правоспособности русской женщины и светлым примером для будущих поколений.

Чтобы кратко охарактеризовать объем научно-исследовательской работы, проведенной кафедрой химии за описанный период, можно привести красноречивые данные: с 1884 по 1903 год было опубликовано 17 работ слушательниц в журнале «Русское физико-химическое общество» и в других изданиях.

Чтение курса органической химии в 1901/02 году начал ученик А. М. Бутлерова, профессор Петербургского университета А. Е. Фаворский. Учебным пособием служил литографированный курс его лекций, изданный на основании тщательных записей лекций слушательницы Т. Д. Величковской. А. Е. Фаворский обратил особое внимание на организацию лаборатории органической химии как необходимой основы для подготовки курсисток к научной работе. Комитет пошел навстречу, отведя под лабораторию новую аудиторию.

Всю работу по организации лаборатории А. Е. Фаворский поручил своему первому ученику и многолетнему сотруднику в научных работах К. И. Дебу. Замечательный организатор и неутомимый труженик, он все силы, весь свой горячий темперамент отдал делу организации и развития преподавания органической химии на курсах. Через год была оборудована прекрасная лаборатория на 16 рабочих мест, со столами для органического сожжения и перегонки под уменьшенным давлением, со столом общего пользования при работе с особо сложными

приборами. Каждое рабочее место было снабжено богатейшим набором посуды и инструментов. Практикумом руководил К. И. Дебу, впоследствии, с расширением лаборатории, ему помогала ассистент В. И. Егорова, окончившая ВЖК. Весь рабочий день — с 9 утра до 8 часов вечера — К. И. Дебу проводил в лаборатории.

Параллельно велись работы по органической технологии, курс которой читал К. И. Дебу. По окончании практикума наиболее способные слушательницы приступали к разработке научной темы по заданию и под непосредственным руководством А. Е. Фаворского, который относился к курсам как к женскому университету и предъявлял слушательницам, работавшим в лаборатории курсов, столь же серьезные требования, как и к своим ученикам в университете. Тематика работ, выполненных в лаборатории курсов, не отличалась от университетской. Все они касались изучения изомерных превращений и механизмов реакций различных неустойчивых молекул: непредельных углеводородов, галогенопроизводных, гидроксильных и карбоксильных производных.

Ряд работ учениц А. Е. Фаворского был заслушан на заседаниях Русского физико-химического общества, часть напечатана в журнале РФХО. Три сотрудницы профессора Фаворского получили малую премию имени А. М. Бутлерова: А. А. Агеева,[3] В. И. Егорова,[4] А. И. Умнова.[5]

Введенная в 1906 году предметная система освободила слушательниц группы химии от многопредметности и дала возможность углубить свои знания более длительной работой в лабораториях. Число слушательниц, которым нужны были места в лаборатории, возросло почти в два раза. Созданная в 1902 году лаборатория уже не удовлетворяла всех, и понадобилось ее расширить, что и было произведено в 1906 году при участии неутомимого К. И. Дебу. На этот раз ему энергично помогала В. И. Егорова. Была создана лаборатория на 24 места для прохождения органического практикума.

В лаборатории А. Е. Фаворского на ВЖК с 1903 по 1918 год были выполнены и опубликованы 9 работ учениц Фаворского и 13 работ совместно с А. Е. Фаворским.

Физическая химия. Впервые курс физической химии на ВЖК стал читать академик Н. Н. Бекетов (с 1887 по 1889 год, а затем с 1892 по 1896 год). Содержание курса составлял главным образом отдел термохимии.

---

[3] ЖРФХО, 1905, т. 37.
[4] ЖРФХО, 1909, т. 41.
[5] ЖРФХО, 1911, т. 42.

Полный курс физической химии, начиная с 1897 года, читал профессор Технологического института А. А. Яковкин, глубоко сочувствовавший высшему женскому образованию. Он привлекал слушательниц к исследовательской работе. Сначала он отвоевал один из столов в лаборатории количественного анализа, а затем получил комнаты для устройства временной лаборатории. На скромные средства были приобретены некоторые приборы, необходимое оборудование и реактивы.

Расширение химических лабораторий, предпринятое в 1906 году, в связи с введением предметной системы преподавания, коснулось и лаборатории физической химии. Была оборудована лаборатория на 6 мест, и несколько маленьких комнат приспособлены под весовую, реактивную и пр. К этому времени вернулась из-за границы бывшая слушательница курсов А. Ф. Васильева (Синцова). Она была командирована в Германию (Гёттинген) для специального изучения физической химии и в течение 3 лет работала в физико-химическом институте у профессора Нернста. За этот период А. Ф. Васильева выполнила и напечатала 2 работы. Одна из них была ее докторской диссертацией, за которую она и получила степень доктора Гёттингенского университета. Осенью 1905 года А. Ф. Васильева вернулась на курсы, где занялась организацией лаборатории физической химии. В 1906 году ей был поручен курс физической химии, который она и читала до 1917 года, а также руководила лабораторными занятиями по этому курсу.[6]

В этой же лаборатории она вела свою научную работу, первая часть которой — фотохимические свойства вольфрамовой кислоты — была доложена на втором Менделеевском съезде.

При расширении химических лабораторий увеличилась площадь и лаборатории аналитической химии: была создана новая лаборатория количественного анализа на 30 мест, прежняя же передана лаборатории качественного анализа, в которой одновременно могли работать 134 слушательницы.

Увеличение числа работающих в аналитической лаборатории потребовало увеличения числа ассистентов. Магистрант И. В. Богомолец, бессменно руководивший лабораторией с 1879 года с помощью только одного служителя-препаратора, получил помощниц из числа окончивших курсы — сначала Л. И. Колотову, потом Е. К. Опель, Н. П. Сакара, В. З. Деменко. Вслед за ними включилась в работу окончившая ВЖК А. И. Умнова, сначала в качестве лекционного ассистента по неорганической химии, а с 1915 года — уже ассистента в лаборатории аналитической химии.

---

[6] А. Ф. Васильева составила литографированное руководство к лабораторным занятиям — «Методы физико-химических измерений» (издание 1912 и 1915 гг.) и литографированный «Курс физической химии» (изд. 1916 г.).

И. В. Богомолец, читавший с 1889 года курс аналитической химии, проработал на ВЖК много лет и ушел только тогда, когда здоровье не позволило больше вести работу.

Неорганическую технологию вел с 1907 года профессор Политехнического института А. А. Байков. Блестящий лектор, А. А. Байков необычайно живо, ясно и просто излагал самые трудные вопросы химии, и его лекции производили на слушателей неизгладимое впечатление. Профессор Лесного института Е. В. Бирон вел с 1913 по 1915 год курс неорганической химии для слушательниц групп математики и физики, профессор Технологического института Ю. С. Залькинд занимался с теми же группами неорганической химией с 1915 по 1919 год. С 1914 года начинает работать в аналитической лаборатории лекционным ассистентом окончившая ВЖК Э. Д. Венус-Данилова. В 1916/17 учебном году лекционным ассистентом на ВЖК состояла Н. И. Долгорукова-Матусевич.

Планомерная научно-преподавательская работа на кафедре продолжалась до слияния курсов с Петроградским университетом. Женский преподавательский персонал курсов продолжал работу в университете. В новом здании ВЖК по Среднему проспекту. д. 41/43, построенном в 1913 году, в настоящее время находятся лаборатории химического факультета университета.

В дальнейшем многие химики-бестужевки получили ученые степени докторов и кандидатов наук и ученые звания профессоров и доцентов. Многие являются старшими научными сотрудниками институтов Академии наук СССР и преподавателями вузов и втузов и работают на различных предприятиях нашей страны. Великая Октябрьская социалистическая революция широко открыла женщинам двери в науку, полностью разрешила вопрос о женском равноправии.

Е. Н. Дьяконова-Савельева

ГЕОЛОГИЯ НА ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ (БЕСТУЖЕВСКИХ) КУРСАХ

Геология как специальность появилась на Бестужевских курсах далеко не сразу. В конце прошлого столетия, когда открылись курсы, очень немногим женщинам удавалось получить высшее образование, хотя стремление к нему проявлялось весьма широко. Применять геологические знания в научной или производственной деятельности женщины в то время не могли. Это касается не только России, напротив— русские женщины одни из первых в Европе завоевали себе право на научную геологическую работу.

Одной из первых женщин-геологов в России была Евгения Викторовна Соломко, окончившая Бестужевские курсы в 1883 году. Чтобы специализироваться по геологии, ей пришлось по окончании курсов заниматься в С.-Петербургском университете у профессора А. А. Иностранцева и приват-доцента П. Н. Венюкова. Она первой применила свои знания в педагогической работе, руководя практическими занятиями по петрографии на курсах. Впоследствии Е. В. Соломко состояла членом Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей и Санкт-Петербургского минералогического общества. Ранняя смерть оборвала научную деятельность первой русской женщины-геолога, питомицы ВЖК.

Впервые в учебных планах курсов геологические дисциплины появились на физико-математическом факультете в качестве подсобных: магистр С. Ф. Глинка читал курс химической кристаллографии (при этом курсе были поставлены практические занятия). Позднее, уже имея степень доктора, С. Ф. Глинка вел курс минералогии и кристаллографии, а горный инженер И. В. Мушкетов читал курс физической географии с большим уклоном в геологию (курс этот отражен в известном учебнике И. В. Мушкетова «Физическая геология»).

По инициативе И. В. Мушкетова для слушательниц III и IV курсов физико-математического факультета были организованы экскурсии в музей Горного института для осмотра коллекций минералов и ознакомления с горнозаводскими машинами; следующая экскурсия на водопад Иматра, проведенная в начале мая 1898 года И. В. Мушкетовым, имела целью заинтересовать слушательниц геологией путем знакомства с нею в полевой обстановке. Возможно, что эта экскурсия предопределила для некоторых участниц их будущую специальность, так как уже в эти годы интерес к геологии явно возрастал, и некоторые из окончивших курсы по естественному отделению начинали самостоятельную работу в области геологии.

На торжественном акте на ВЖК в 1900 году И. В. Мушкетов произнес речь «Новейшие изменения земной поверхности и влияние их на жизнь человека». Это было уже в конце его жизни. В 1901/02 учебном году вместо Мушкетова курс физической географии читал профессор Юрьевского университета Ф. Ю. Левинсон-Лессинг.

В 1902 году И. В. Мушкетов умер. Но заложенное им среди слушательниц курсов влечение к геологии все росло и вскоре привело к необходимости выделить на физико-математическом факультете геологию с минералогией в качестве специальности.

Большая роль в создании геологической специальности на курсах принадлежит Ф. Ю. Левинсону-Лессингу, который весной 1902 года переехал из Юрьева в Петербург по приглашению Политехнического института.

После смерти И. В. Мушкетова Совет профессоров ВЖК привлек Ф. Ю. Левинсона-Лессинга к чтению курса и заведованию кафедрой физической географии. Уже с первых лет работы на курсах Ф. Ю. Левинсон-Лессинг проявил большую инициативу, добившись увеличения программ и организации кабинетов. С 1902/03 учебного года им были введены по курсу физической географии семинарские занятия и геологические экскурсии в окрестности Петербурга (в Тосно и Саблино). Практические занятия в первые годы он проводил сам, но с 1905/06 года у него появилась помощница — окончившая ВЖК Е. В. Еремина.

В 1906 году впервые появляется геолого-минералогическое отделение.

Первое время профессорско-преподавательский персонал по геологии представляли пять человек: С. Ф. Глинка, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, ассистенты Е. В. Еремина, В. Д. Шумова-Делане и лаборант университета С. М. Курбатов. Большим событием для кафедры было приобретение поляризационного микроскопа и введение практических занятий по кристаллооптике и микроскопическому изучению горных пород. При кафедре физической геологии была оставлена С. Н. Мотовилова.

Весной 1908 года Е. В. Еремина и три слушательницы приняли участие в студенческой экскурсии Политехнического института на Иматру и собрали большой материал для пополнения коллекции кабинета.

В эти же годы было положено начало научно-исследовательской работе на кафедре физической географии. Летом 1907 и 1908 годов Е. В. Еремина была командирована в Крым для изучения изверженных пород и сбора коллекций для кабинета. Ею же были обработаны петрографические сборы Ф. Ю. Левинсона-Лессинга в Мугоджарах и опубликована статья в «Трудах Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей». Позднее Е. В. Еремина дважды была командирована курсами за границу и в 1910 году в Лозаннском университете защитила докторскую диссертацию, за которую ей была присуждена золотая медаль Парижского университета.

Можно утверждать, что с первых лет своего существования геология на курсах завоевала прочное место. В последующие годы состав профессоров и ассистентов менялся мало. Кафедрой физической географии, которая стала теперь носить название физической геологии, заведовал до слияния курсов с Петроградским университетом Ф. Ю. Левинсон-Лессинг; его ассистенткой все время была Е. В. Еремина, и только с 1913/14 учебного года была приглашена еще В. С. Малышева, тоже окончившая ВЖК.

По инициативе Ф. Ю. Левинсона-Лессинга из курса физической геологии были выделены как самостоятельные дисциплины петрогра-

фия, которую читал сам Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, и палеонтология. Курс палеонтологии последовательно читали: с 1908 по 1912 год — магистрант К. К. Фохт, а с 1912 года — профессор Н. И. Андрусов, ранее работавший в Юрьевском университете. С появлением Н. И. Андрусова на кафедре был введен еще один новый курс — историческая геология, который читал сам Андрусов, передав курс палеонтологии в 1914 году магистранту М. В. Баярунусу. Постепенно программа геологических дисциплин на курсах была приравнена к университетской.

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг вел преподавание петрографии в контакте с К. Д. Глинкой, читавшим на ВЖК курс почвоведения, подчеркивая этим взаимосвязь между почвами и горными породами. С 1913 года К. Д. Глинка вошел в состав кафедры физической геологии. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг увязывал свой курс и с геофизикой, которую вел тогда А. В. Клоссовский.

Все сказанное дает представление о том, как глубоко понимал Ф. Ю. Левинсон-Лессинг значение геологического образования для русских женщин. Его заслуга в том, что русской женщине была открыта дорога не только к кабинетной работе по геологии, но и как полевому геологу, наравне с мужчинами.

Педагогический персонал кафедры кристаллографии и минералогии также мало менялся. В 1912 году заведование кафедрой, так же как и чтение курсов кристаллографии и минералогии, перешло к магистранту, впоследствии профессору, академику А. Е. Ферсману, остававшемуся на курсах до их слияния с университетом. Пребывание А. Е. Ферсмана на курсах было яркой страницей в истории геологического отделения.

В заключение отметим, что сами курсы дали очень немного специалистов по геологии. В первые годы существования геологического отделения мы видим в отчетах единичные указания на фамилии слушательниц, окончивших геолого-минералогическое отделение физико-математического факультета. Вот их список: Н. Б. Поленова, В. К. Ибах, О. Ф. Нейман, М. О. Окушко, Л. А. Стрекалова, А. Ф. Лесникова. Однако в отчетах о семинарских занятиях по курсам Ф. Ю. Левинсона-Лессинга и А. Е. Ферсмана их встречается больше: Е. Е. Костылева, М. И. Добрынина, Г. Ф. Вебер, О. А. Бринкен, В. В. Ернштедт, Стадниченко и др.

Видимо, интерес к геологии был широко распространен среди естественниц, но избирать геологию своей специальностью все-таки решались немногие в силу трудного для женщин в то время доступа к работе и, следовательно, ненадежности заработка в дальнейшем.

Только в предреволюционные годы, когда появилась возможность сдавать государственные экзамены по всему естественному отделению,

куда входила и геология, многие из окончивших другие отделения, главным образом биологи, брали геологию как вторую специальность.

Из них целая плеяда слушательниц последовала за своими учителями-геологами Ф. Ю. Левинсоном-Лессингом и А. Е. Ферсманом на геологическую работу (Е. Е. Костылева, Э. М. Бонштедт, М. Л. Степанова, М. И. Добрынина, М. В. Терпугова-Лихарева, М. И. Брик, Е. Н. Дьяконова-Савельева).

После слияния курсов с университетом и передачи ему имущества геологического кабинета А. Е. Ферсман перенес свою педагогическую деятельность во вновь открытый Географический институт. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг до конца своей жизни оставался одним из основных работников геолого-почвенного факультета университета, и им была создана новая специальность — геохимия.

Е. Р. Гюббенет

КАФЕДРЫ ГРУППЫ БИОЛОГИИ

Биологические науки — ботаника (морфология, систематика и физиология растений), зоология (беспозвоночных и позвоночных животных), анатомия, гистология и физиология человека — преподавались с первых дней существования курсов. Лекции сопровождались демонстрациями опытов и практическими занятиями, насколько позволяло скромное оборудование лабораторий.

Кафедра ботаники. Первым лектором на кафедре был Андрей Николаевич Бекетов (1825—1902). Он был видным общественным деятелем, поборником женского образования и одно время директором ВЖК. Выдающийся ученый (морфолог, систематик, ботанико-географ), он создал школу ботаников, из которой вышли такие выдающиеся исследователи, как К. А. Тимирязев, Н. И. Кузнецов, В. Л. Комаров и др. Вместе с Тимирязевым А. Н. Бекетов был ярким пропагандистом идей Дарвина. Среди его печатных трудов были учебники ботаники и географии растений для высших учебных заведений. В 1880 году лекции по физиологии растений начал читать один из известных ботаников-физиологов А. С. Фаминцын (1835—1918). Его перу принадлежит первый учебник по физиологии растений для студентов. Он создал петербургскую школу ботаников-физиологов, куда вошли И. П. Бородин, И. В. Баранецкий, Д. И. Ивановский и др. Только в 1881 году были приглашены ассистенты в помощь лекторам: систематик В. Н. Агеенко, ботаник и геолог Н. В. Кудрявцев, физиолог и анатом П. Я. Крутицкий.

В 1886 году, когда был прекращен прием слушательниц на ВЖК, А. С. Фаминцын оставил курсы. Его кафедру получил академик И. П. Бородин, который прочитал физиологию растений на IV курсе.

В 1895 году, когда чтение лекций по ботанике было вновь разрешено, лектором снова был приглашен академик А. С. Фаминцын, а его ассистентом А. А. Рихтер, выдающийся ученый, экспериментатор (впоследствии академик). Он поставил практические занятия по основным процессам, происходящим в растении: дыханию, фотосинтезу, брожению, по изучению свойств хлорофилла, по определению углеводов, белков и др.

В 1897 году А. С. Фаминцын и А. А. Рихтер оставили преподавание на курсах. Их сменил С. И. Коржинский — талантливый ботаник, флорист, систематик, ботанико-географ. Одним из известных его трудов является «Флора востока Европейской России».

В 1901 году в Петербург приехал уже известный в то время у нас и за рубежом молодой профессор В. И. Палладин — ботаник-физиолог, биохимик, ученик К. А. Тимирязева. Ему сразу после ранней смерти академика С. И. Коржинского была поручена кафедра физиологии растений в университете и кафедра ботаники на ВЖК. Лекции Палладина отличались ясностью, простотой и читались на высоком научном уровне. Он любил повторять: «Кто хочет быть хорошим мыслителем, должен лучше изучать мысли других ученых».

Окончившая Бестужевские курсы ассистентка А. Ф. Петрушевская проводила практические занятия по морфологии и определению цветковых и споровых растений на II курсе, по анатомии — на III. Слушательницы учились сами готовить тонкие срезы через корень, стебель, лист, под микроскопом изучать их строение и зарисовывать. Хотя этот практикум был необязателен, наплыв желающих был так велик, что занятия пришлось перенести из кабинета в аудиторию, а курсисток разделить на несколько групп. Кроме того, под руководством В. И. Палладина проводились исследования по дыханию и брожению растений, которые разрабатывали сам профессор, а также слушательницы IV курса, успешно сдавшие весь практикум по ботанике и аналитической химии и оставленные при кафедре.

При кабинете имелась небольшая читальня с методическими справочниками и физиологическими, биохимическими и биологическими русскими и иностранными журналами.

От желавших специализироваться по физиологии растений В. И. Палладин требовал хорошего знания двух-трех иностранных языков. Прежде чем предложить тему слушательнице, он наводил справку у профессора И. В. Богомольца об успехах курсистки в выполнении качественного и количественного анализа. Не щадя ни времени, ни сил, он испытывал новые приемы исследования и приучал к этому

своих учениц. Результаты законченных работ докладывались самими слушательницами или профессором в Петербургском филиале Общества естествоиспытателей природы и печатались в «Трудах» этого же Общества или в физиологических и биохимических журналах у нас и за границей. В 1909/10 году, кроме А. Ф. Петрушевской, практическими занятиями руководили оставленные при курсах Т. И. Громова и Т. А. Красносельская. В этом же году после 9 лет работы на курсах, чувствуя сильное переутомление от перегрузки лекциями и руководством двумя большими исследовательскими лабораториями, В. И. Палладин решил оставить курсы. «Чистый душой, широко терпимый к людям, отзывчивый, приветливый, В. И. Палладин был обаятельной личностью, располагающей к себе людей самых различных лагерей. С мягким характером уживалась непреклонная воля, неутомимая энергия».[1] Ученики любили и глубоко уважали В. И. Палладина, поэтому понятно было, какое огорчение вызвало его решение уйти с курсов.

В 1910 году курс морфологии и систематики растений был передан профессору Н. А. Бушу, а руководство оставленными при кафедре ассистентами Е. Р. Гюббенет, А. Д. Рихтер и А. М. Шелоумовой — профессору С. П. Костычеву. В 1911/12 году С. П. Костычев начал читать лекции по анатомии и физиологии растений. С этого же года кафедра ботаники разделилась на две: кафедру морфологии и систематики растений (зав. профессор Н. А. Буш) и кафедру анатомии и физиологии растений (зав. профессор С. П. Костычев).

Некоторые из учениц В. И. Палладина, этого замечательного человека и ученого, стали докторами и кандидатами биологических наук: М. П. Корсакова, Т. А. Красносельская, Е. Р. Гюббенет, А. М. Шелоумова, Т. И. Громова, М. В. Дорошенко, М. Ф. Штробиндер и другие.

Кафедра физиологии растений. С. П. Костычев — ботаник-физиолог, биохимик — был учеником и достойным преемником В. И. Палладина. В 1911 году, 34 лет, он получил степень доктора, защитив диссертацию на тему «Физиологические исследования над дыханием растений», и в том же году был утвержден профессором физиологии растений на ВЖК.

Выдающийся ученый, прекрасный организатор, талантливый руководитель и блестящий оратор, он увлекался сам и увлекал других на путь науки. Он возобновил практические занятия по физиологии растений для слушательниц IV курса. Вначале занятиями он руководил сам, а затем передал руководство оставленной при курсах ассистентке М. П. Корсаковой.

---

[1] С. П. Костычев. Из некролога, посвященного В. И. Палладину. «Журнал Русского ботанического общества», 1922, № 7, стр. 173—186.

Для оставленных при кафедре и для слушательниц IV курса С. П. Костычев организовал семинарий по различным вопросам физиологии, который всегда проходил оживленно.

Много времени и сил отдавал С. П. Костычев своим слушательницам: «Сергей Павлович был очень внимателен к материальному положению своих учениц, и, если узнавал о недостаточной обеспеченности, он сразу находил пути устроить ассистентом у себя же на курсах или в других учреждениях... Если Сергей Павлович видел, что сотрудник несмело приступает к новому прибору или установке, он любил повторять: „А вы будьте с ним запанибрата..." Сергей Павлович сказал как-то, что „в науке надо дерзать, однако... не без всякого основания"».[2]

Большая часть работ С. П. Костычева относится к биохимии дыхания растений и брожения. В этом отношении он шел по следам своего учителя В. И. Палладина, с которым совместно работал 7 лет по нормальному и анаэробному дыханию растений. Над этими темами работали и его ученицы. В дальнейшем у него стали появляться темы по фотосинтезу в различных условиях произрастания растений и др. У С. П. Костычева создалась своя школа учениц, как и у В. И. Палладина. Его первой и наиболее талантливой ученицей была В. А. Бриллиант, впоследствии доктор биологических наук. Хорошо известны среди физиологов растений ученицы С. П. Костычева доценты М. В. Афанасьева (ЛГУ), М. Ф. Тильман (Рижский университет), Е. С. Цветкова (Лесотехническая акдемия) и ряд других.

Кафедра систематики и морфологии растений. После защиты докторской диссертации по флоре Кавказа Н. А. Буш был избран в 1911 году профессором ботаники Бестужевских курсов, где читал морфологию и систематику растений вплоть до слияния курсов с университетом. Его товарищеское, чуткое отношение к слушательницам, энтузиазм и любовь к природе и науке привлекали молодежь.

Два раза в месяц устраивались семинарии. Слушательницы выступали с самыми разнообразными докладами на общебиологические темы по систематике и географии растений. Обсуждались наиболее интересные, спорные вопросы в ботанике. Критически освещалась новейшая литература. Профессор привлекал к участию в семинарии и других ученых-ботаников: профессоров В. И. Талиева и Г. Ф. Морозова, Т. А. Красносельскую и др. Бестужевки вспоминают, какие ценные указания для дальнейшей деятельности они получали на этих семинариях.

Вскоре выделилась группа курсисток, пожелавших работать в области ботаники. Н. А. Буш предложил им лекции по истории бота-

---

[2] Из воспоминаний М. Ф. Тильман. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

ники и о ботанических исследованиях в России. Он руководил также экскурсиями курсисток в оранжереи и музей главного Ботанического сада, в Дудергоф, Шуваловский торфяник, в Вырицу для ознакомления с разнообразной растительностью лугов, болот, сосновых, еловых, лиственных лесов и др.

Работа на кафедре кипела. Начал создаваться гербарий, к 1918 году он достиг 2500—3000 листов. Курсистки Е. И. Штейнберг и О. А. Ельяшевич стали усердно обрабатывать поступающие на ВЖК гербарии: определять растения, приводить в порядок кабинет. К ним вскоре присоединилась целая группа слушательниц.

Круглый год (зимой и летом) велись практические занятия по споровым и цветковым растениям. Н. А. Буш со своими ассистентами А. П. Ильинским и А. П. Шенниковым подготовили целую плеяду геоботаников, систематиков — будущих докторов наук М. А. Розанову, И. Д. Богдановскую-Гиенэф, старшего научного сотрудника Е. В. Шифферс, а также кандидатов наук, как, например, уже упоминавшаяся нами доцент Е. И. Штейнберг (ЛГУ), которая работала с Н. А. Бушем на Бестужевских курсах, затем в университете и в Ботаническом институте им. В. Л. Комарова АН СССР, М. М. Шенникова (Голубева), доцент ЛГУ, В. Н. Попова, геоботаник-луговед, З. А. Рудавская-Лукаш (доцент Кировского пединститута), В. В. Селезнева — геоботаник и др.

Все курсистки, специализировавшиеся по кафедре морфологии и систематики, с большой теплотой и благодарностью вспоминают Н. А. Буша и его помощников за те основательные знания и подготовку, которые помогали быстро ориентироваться в дальнейшей научной работе и педагогической деятельности в высшей и средней школе.

Кафедра зоологии. Профессор М. Н. Богданов, зоолог и путешественник, был первым лектором по зоологии позвоночных на ВЖК. Среди его крупных работ известны: «Птицы и звери Поволжья», «Птицы Кавказа», «Фауна Мурманского побережья».

Профессор Н. П. Вагнер, зоолог, писатель, читал курс зоологии беспозвоночных. Из-под его пера вышло много научных трудов, а также популярных книг и брошюр.

Ассистентами в этот первый период существования ВЖК (1878—1887) были окончившая курсы М. А. Российская, С. М. Герценштейн, а также Н. Е. Введенский.

По болезни профессор Богданов в 1885 году ушел с курсов. После него курс позвоночных читал профессор Н. А. Холодковский, крупный зоолог (энтомолог, паразитолог), талантливый переводчик. Им написан для студентов обширный «Общий курс зоологии».

Начало зоологическому кабинету было положено при его участии. Под его руководством приобретались различные коллекции. Были куплены два микротома, несколько микроскопов, инструменты.

После реформы 1889 года, когда из плана преподавания на ВЖК были полностью исключены биологические науки, Совет профессоров неустанно вел борьбу за возобновление их преподавания. Только в 1897 году было получено разрешение на открытие кафедры зоологии. Заведующим кафедрой единогласно был избран доцент Петербургского университета В. А. Фаусек, зоолог, физиолог-морфолог с широким биологическим кругозором. Впоследствии он стал первым выборным директором курсов.

В 1905—1906 годах В. А. Фаусек вместе с профессорами деятельно трудился над выработкой нового устава ВЖК и основ предметной системы. Не только ближайшие его сотрудницы, но и другие биологи и даже слушательницы других факультетов дают о нем восторженные отзывы как о лекторе, руководителе и человеке (А. В. Табунщикова, А. В. Тихомирова, В. И. Ревякина, Я. И. Ермоленко, К. А. Фермор, М. Н. Коравко, Е. К. Бернадская, Н. В. Котельникова и др.).

Бестужевка Я. И. Ермоленко, впоследствии прекрасный педагог, биолог-методист, под впечатлением его содержательной, интересной вступительной лекции подала заявление с просьбой перевести ее с математического на биологическое отделение.

В. А. Фаусек читал на I курсе введение в зоологию и анатомию, на II — зоологию позвоночных (начиная с рыб), на III — зоологию беспозвоночных (начиная с простейших). Его ассистенты магистры П. Ю. Шмидт и С. В. Аверинцев, а также окончившая курсы Я. Г. Зелецкая проводили практические занятия по позвоночным животным на II курсе и по беспозвоночным на III курсе.

В 1900 году В. А. Фаусек счел полезным ввести необязательный практикум по анатомии и гистологии насекомых под руководством энтомолога Н. Я. Кузнецова. Зоологи проходили также специальную практику, где они знакомились с методами изготовления макро- и микропрепаратов и с методами исследования. Специалистки в своих занятиях не были ограничены во времени. Среди них были будущие ассистенты курсов А. В. Табунщикова, К. А. Фермор, М. В. Сорокина и другие, которые впоследствии работали в различных высших учебных заведениях.

В зоологическом кабинете была еще одна замечательная личность — препаратор И. Ф. Бордзиа, о котором бестужевки вспоминают с большой теплотой. Находясь в постоянном тесном общении с В. А. Фаусеком и в кабинете, и в командировках на морских биологических станциях, И. Ф. Бордзиа стал знающим зоологом, горячо относившимся к нуждам лаборатории и внимательным к слушательницам.

С 1898 года помещение кафедры было расширено, зоологический кабинет преобразован в лабораторию. Инвентарь значительно пополнился: были приобретены микроскопы, инструменты, посуда, учебные

пособия, препараты животных. Я. И. Зелецкая изготовила много прекрасных препаратов морских животных (работая на морских станциях Севастопольской, Неаполитанской, в Триесте). После смерти специалистки по анатомии и гистологии насекомых М. И. Павловой родные, по ее завещанию, микроскоп и собранную ею коллекцию насекомых передали в лабораторию. М. Ф. Позен изготовляла безвозмездно рисунки и таблицы. Многие приборы и другие пособия были получены в дар от Шаффе, В. П. Тарновской, профессора Н. Я. Кузнецова и др.

После смерти В. А. Фаусека в 1910 году временно был избран заведующим кафедрой профессор Е. А. Шульц. Он взял на себя чтение курса позвоночных животных. Для чтения курса по беспозвоночным был избран магистр зоологии С. И. Метальников, а также ассистент магистр Е. Ф. Арнольд.

Начиная с 1911 года по инициативе профессора Шульца был организован семинарий, совместный с лабораторией анатомии, гистологии и эмбриологии, на зоологические и общебиологические темы. Доклады делали и слушательницы, и руководители, например: о прорастании нервного волокна вне организма; об осуществлении процесса наследования; о полиспермии; об определении пола; о питании инфузорий; о синхронизме деления клеток; о корреляции частей зародыша; о периодических колебаниях в скорости размножения инфузорий и др. Слушательницы и оставленные при кафедре докладывали результаты своих работ, которые печатались в русских и зарубежных журналах.

В последний период существования Бестужевских курсов на кафедре зоологии произошла еще одна перемена: профессор Е. А. Шульц в 1914 году был приглашен в Харьковский университет, а на его место был избран заведующим кафедрой зоологии магистр К. М. Дерюгин. В качестве ассистентов продолжали работать магистры С. В. Аверинцев, Е. Ф. Арнольд и были избраны оставленная при курсах К. А. Фермор и А. А. Любищев. А. В. Табунщикова, долгое время проработавшая на кафедре, вследствие болезненного состояния в 1917 году оставила курсы.

Слушательницы IV курса, проходя большой практикум под руководством К. А. Фермор и А. А. Любищева, были очень довольны их чутким и внимательным отношением. После слияния курсов с университетом в 1919 году К. А. Фермор стала работать в университете. В течение 12 лет преподавала в университете Т. В. Виноградова-Федорова (окончила ВЖК в 1912 году), впоследствии доктор биологических наук, профессор.

Кафедра физиологии. С 1879 года академик Ф. В. Овсянников начал читать на ВЖК курс физиологии, с 1881 года он оставил за собой только анатомию и гистологию, а для ведения курса нормальной физиологии был приглашен профессор университета И. М. Сеченов. Пре-

восходный лектор, знаменитый ученый, внимательный к слушательницам и преподавателям, И. М. Сеченов принимал близко к сердцу все дела Бестужевских курсов. Он положительно отзывался о серьезном отношении курсисток к занятиям, высоко ценил атмосферу доверия и уважения между профессорами и курсистками. В 1883 году по нездоровью И. М. Сеченов оставил за собой только IV курс, а на III пригласил приват-доцента университета Н. Е. Введенского. В 1886 году И. М. Сеченов ввел практические занятия по мышечной и нервной физиологии, которыми руководил ассистент В. Ф. Вериго. В таком плане преподавание шло до 1889 года, когда естественные науки были исключены из программы курсов.

Только после тринадцатилетнего перерыва, в 1902 году, было разрешено чтение лекций по физиологии животных. С осени 1902 года лекции снова были поручены теперь уже профессору университета Н. Е. Введенскому, крупнейшему физиологу, представителю материалистического направления в естествознании, который изучал закономерности раздражения и торможения возбудимых систем. Практические занятия вел Н. Я. Перна, окончивший Петербургский университет. Под его руководством слушательницы III и IV курсов в первом полугодии проделывали опыты по нервно-мышечной физиологии и физиологии нервных центров; во втором полугодии работали по физиологической химии, изучая реакции на белки, состав крови, молока, мяса, исследовали деятельность пищеварительных ферментов (слюны, желчи). С середины учебного года слушательницы могли выбрать по своему желанию специальные темы.

Кроме лекций по общему курсу физиологии, Н. Е. Введенский давал раз в неделю теоретические и практические указания к выполнению лабораторных занятий.

В 1909/10 году практические занятия велись уже двумя руководителями — Н. Я. Перна и окончившей курсы Е. Н. Гулиновой.

Над специальными темами работали А. С. Рукавишникова (IV курс), которая изучала физиологическое действие вератрина на нервно-мышечный аппарат и др. Н. Я. Перна составил краткое практическое руководство по физиологии и физиологической химии.

В 1911/12 году, кроме Перна и О. Н. Шишовой, ассистентом была утверждена А. С. Спасская-Рукавишникова.

В 1912/13 году Н. Я. Перна и А. С. Спасская провели практические занятия уже с четырьмя группами слушательниц по 25 человек в каждой (один раз в неделю по 3 часа). Они же изготовили 30 таблиц для лекционных демонстраций.

В 1914 году болезнь заставила А. С. Спасскую, талантливую ученицу Н. Е. Введенского, покинуть любимую лабораторию и уехать на

родину, в Вятскую губернию. Там она получила кафедру нормальной физиологии в Вятском педагогическом институте, в котором и проработала до выхода на пенсию. Параллельно с педагогической она успешно занималась и научной деятельностью в области физиологии труда рабочих на заводах.

О. Н. Шишова уехала в длительный отпуск. Между тем количество слушательниц, желавших участвовать в практических занятиях, росло. Поэтому в 1913 году на курсы был приглашен Д. С. Воронцов, окончивший университет.

Росло и имущество лаборатории. Если в 1903/04 году на одно рабочее место приходилось по 3 человека, то в последние годы существования курсов уже каждая слушательница имела свое место с необходимым набором посуды, инструментов и приборов.

Н. Е. Введенский оставался бессменным руководителем кафедры физиологии с 1902 года вплоть до слияния курсов с университетом.

Кафедра анатомии и гистологии. Анатомия и гистология составляли часть курса нормальной физиологии, которую читал академик Ф. В. Овсянников. С 1881 года специально для чтения лекций по физиологии был приглашен И. М. Сеченов. В 1883 году профессор Овсянников оставил себе только курс анатомии, а преподавание гистологии перешло к доценту Петербургского университета В. Н. Великому.

После исключения в 1889 году из плана ВЖК всех биологических наук лекции по анатомии и гистологии были разрешены лишь с 1906 года. Заведующим кафедрой был приглашен профессор А. Г. Гурвич, а ассистенткой — В. В. Половцева. Были приобретены микроскопы, микротомы, лупы, инструменты.

В 1909/10 году, кроме А. Г. Гурвича и В. В. Половцевой, в штат кафедры вошла окончившая Бестужевские курсы Я. И. Комаровская.

М. В. Сорокина и Ю. Н. Пономарева, оставленные при кафедре, работали над исследованием системы при метаморфозе и над связью между сарколемой и мышечным волокном.

Кроме общих практических занятий, желающие могли проходить специальный практикум по отдельным интересующим их вопросам гистологии и эмбриологии.

В 1911 году, когда после смерти В. А. Фаусека на кафедру зоологии избрали профессора Е. А. Шульца, было решено организовать семинарий, общий для кафедры зоологии и гистологии. На семинарии выступали слушательницы и их руководители с докладами на различные темы из области зоологии, гистологии и эмбриологии.

Инвентарь пополнился большим микроскопом Лейтца, одним окулярным винтовым микрометром, большим штативом Цейса, микрофотографическим аппаратом.

В дальнейшем работа кафедры протекала в том же плане вплоть до слияния с университетом. Штат ее пополнился еще одним сотрудником — окончившей ВЖК и оставленной при курсах М. В. Сорокиной-Агафоновой.

Кафедра подготовила целый ряд специалисток, которые работали в различных высших учебных заведениях и научных учреждениях (Ю. Н. Пономарева, М. А. Пасвик, Л. В. Смирнова, В. Н. Бухалова и другие).

С. А. Красинская-Эльяшева и *А. И. Рубашова-Зорохович*[1]

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Осенью 1906 года на Высших женских (Бестужевских) курсах открылся третий факультет — юридический.

Как могло случиться, что в 1906 году, когда революционная волна уже спадала и открыто наступала реакция, на ВЖК открылся новый факультет, да еще такой, как юридический, дававший легальную возможность освещения на лекциях острых экономических и общественно-политических вопросов. Сама собою напрашивалась мысль, что причину открытия юридического факультета следует искать в прошлом, в годы подъема общественно-политической жизни страны.

В процессе работы над архивными материалами выяснилось, что еще до открытия самих Бестужевских курсов, а именно в 1870 году, в № 47 газеты «Неделя» появилась статья, ставившая вопрос о необходимости для женщин юридического образования. Возможно, что этот вопрос возник в то время в связи с общим подъемом общественной мысли, в частности с судебными реформами 1864 года.

Особенно остро вопрос о приобщении женщин к юридическому образованию встал в предреволюционные годы, в годы, предшествовавшие революции 1905 года, когда русское общество волновали многочисленные проблемы, в том числе и вопрос о расширении женского образования и роли женщины в общественной жизни.

Еще в 1903 году 47 слушательниц ВЖК обратились к Совету профессоров с ходатайством о введении специальных курсов по вопросам экономики и юридических наук.

На этом основании председательница Общества доставления

---

[1] В настоящей статье использованы материалы Ленинградского областного архива, относящиеся к Высшим женским (Бестужевским) курсам: годы 1903—1904, 1906, 1908, 1915, 1917, ф. 113, д. 15; данные, опубликованные в печати, а также в воспоминаниях юристок первого выпуска Б. А. Барановой-Всеводской и С. М. Хлытчиевой.

средств ВЖК В. П. Тарновская обратилась 14 мая 1904 года к директору курсов с заявлением: «Ходатайство слушательниц совпадает с давним желанием Комитета организовать наряду с уже существующими двумя отделениями ... отделение юридических наук. Будучи уверены в Вашем и гг. профессоров сочувственном отношении ко всякому начинанию в деле расширения преподавания на курсах и стремлению содействовать полному уравнению курсов с университетом, Комитет обращается через Ваше посредство к Совету профессоров с покорнейшей просьбой обсудить вопрос о введении юридических наук в число предметов преподавания на курсах и выработать формы наиболее целесообразного проведения этой меры».

Это обращение встретило полное сочувствие со стороны профессуры. Была создана комиссия. На заседании комиссии 27 мая 1904 года практическая необходимость женского юридического образования мотивировалась тем, что, несмотря на невозможность в данный момент для женщин заниматься непосредственно судебной деятельностью, перед ними — обширное поле применения юридической помощи населению, а также для расширения общего женского образования.

Возник также вопрос об объеме и формах преподавания юридических дисциплин: исходить ли из университетской программы или какого-либо видоизменения ее, а также как организовать преподавание латинского языка. Для обсуждения этих вопросов были привлечены профессора Д. Д. Гримм, А. С. Постников, И. А. Ивановский, Л. И. Петражицкий, В. И. Сергеевич, И. А. Покровский, И. Я. Фойницкий, В. Э. фон Ден.

Вопрос о допущении женщин к юридическому образованию, очевидно, к этому времени стал уже некоторым образом злободневным. В прессе то и дело появляются сообщения о первой женщине-адвокате в Англии, о ходатайстве попечителя Одесского учебного округа об открытии публичных юридических курсов для содействия распространению образования, о ходатайстве двух девушек — Габель и Домбровской — о приеме на юридический факультет Харьковского университета. На заседаниях факультета и правления университета вопрос о них был решен положительно. Решение факультета было передано министерству народного просвещения, а последнее представило его на рассмотрение Государственного совета.

Профессора юридического факультета Одесского университета возбудили вопрос об открытии на женских педагогических курсах юридического факультета.

События 1905 года отодвинули разрешение вопроса о женском юридическом факультете на ВЖК. Только 12 марта 1906 года возобновила свою работу избранная в 1904 году комиссия, пополнившаяся рядом новых лиц.

Наконец, 13 мая 1906 года было получено «высочайшее» разрешение на открытие юридического факультета на ВЖК.

Курс преподавания на юридическом факультете был установлен четырехгодичный, так же как в университете.

Открыт юридический факультет был в составе одного (первого) курса с тем, чтобы в последующие годы прибавлялось по одному курсу, и, таким образом, через четыре года юридический факультет функционировал бы в полном составе.

В отличие от других факультетов на юридическом была сохранена курсовая система: экзамены производились, согласно постановлению факультета, лишь два раза в году — в мае и сентябре по сессионной системе. Только экзамены по латинскому и иностранным языкам разрешалось сдавать в течение всего года.

Бессменным деканом юридического факультета был профессор Михаил Яковлевич Пергамент. В течение всех 13 лет своего существования юридический факультет ВЖК был предметом его повседневной заботы, он привлек к преподаванию лучшие научные силы Петербурга. Его трудами был организован на ВЖК юридический кабинет, заботливо подобранные фонды которого облегчали научную работу слушательниц юридического факультета. Немалая доля его труда была и в создании при курсах государственных испытательных комиссий по всем трем факультетам, приравнявшим дипломы курсов к университетским.

За весь период преподавания читались лекции по следующим 18 предметам: энциклопедии права, истории философии права, истории римского права, догме римского права, общему государственному праву, русскому государственному праву, истории русского права, политической экономии, статистике, финансовому праву, гражданскому праву, гражданскому судопроизводству, уголовному праву, уголовному судопроизводству, полицейскому праву, церковному праву, международному и торговому праву. Кроме того, лекции читались по ряду необязательных специальных курсов, в частности по римскому семейному и наследственному праву, по децентрализации и автономии, по самоуправлению, по истории экономических учений, истории германского права, гражданскому праву прибалтийских губерний, по истории демократических доктрин и др.

В многочисленных семинариях юридического факультета проводилась работа научного характера. Хотя участие в семинариях и не было обязательным, однако многие слушательницы юридического факультета участвовали в них, а некоторые даже одновременно в нескольких.

Увлечение слушательниц теоретическими проблемами частично объясняется тем, что на юридический факультет женщины шли главным образом, чтобы получить те основы общего образования, которые необ-

ходимы для участия в общественной и политической жизни, а также из особого интереса к теоретическим проблемам. Ведь о каком-либо практическом применении специальных юридических знаний не было и речи — путь к профессиональной деятельности был закрыт. Рассчитывать на применение своих специальных знаний по окончании юридического факультета могли только те курсистки, которые специализировались по статистике.

Об исключительном интересе к вопросам политической экономии говорит количество слушательниц, принимавших участие в кружке, руководимом М. И. Туган-Барановским. Занятия заключались в чтении I тома «Капитала» Маркса и дискуссиях, в которых активно участвовало около 50—60 человек.

На I курсе лекции по истории римского права читал профессор Д. Д. Гримм. Практических занятий по этому предмету не было. Лекции по истории римского права слушались с интересом: ведь они как бы приближали к истокам юриспруденции, хотя история римского права все же оставалась далекой историей. Но когда на II и III курсах профессор И. А. Покровский стал читать курсы «Догмы римского права» и «Основы гражданского права» и стал знакомить слушательниц с отдельными институтами гражданского права в их всестороннем развитии вплоть до XX века, а также с новейшими зарубежными гражданскими кодексами, римское право приобрело новые черты, стало более близким.

Лекции И. А. Покровского были настолько интересными как по содержанию, так и по форме изложения, что когда на III курсе он стал руководить семинарием по общей теории гражданского права, этот семинарий привлек относительно небольшой, но очень серьезный круг слушательниц.

Впоследствии И. А. Покровский был уволен из Петербургского университета за отказ читать лекции под охраной полиции во время студенческих волнений. Чтение лекций по римскому праву было возложено на профессора М. Я. Пергамента, а ведение практических занятий— на Д. Д. Гримма. Занятия заключались в разборе казусов.

Лекции по государственному западноевропейскому праву читал на I курсе профессор Н. И. Лазаревский, и он же читал на II курсе русское государственное право. Специальный курс по истории демократических доктрин читал профессор М. М. Ковалевский. Блестящее изложение и богатое содержание привлекали на его лекции не только юристок, но и слушательниц других факультетов.

Историю русского государственного права на I курсе читал профессор М. А. Дьяконов, а после его ухода с курсов — молодой талантливый профессор Н. П. Павлов-Сильванский, привлекавший внимание слушательниц своими новыми взглядами на развитие феодализма в Древней Руси. После его скоропостижной смерти в 1908 году курс исто-

рии русского государственного права вели профессора А. Е. Пресняков и В. В. Сокольский.

Профессор М. А. Дьяконов руководил также очень интересным семинарием по истории русского права. Результаты работы этого семинария в 1906/07 учебном году — «Сводный текст крестьянских порядных XVI в.» — были опубликованы в 1910 году.

В практических занятиях по истории русского права под руководством профессора В. В. Сокольского изучались памятники удельно-вечевого периода, главным образом «Русская правда», а также памятники более позднего периода.

На II курсе профессор Н. И. Лазаревский читал специальный курс лекций по самоуправлению, децентрализации и автономии. В семинарии профессора Н. И. Лазаревского по тематике этого специального курса был прочитан и обсужден ряд докладов.

Лекции по административному праву на II курсе читал профессор В. М. Гессен, он же руководил практическими занятиями по этому предмету. На его занятиях читались и обсуждались рефераты на разные темы, в том числе: о роли земства в деле народного образования, об охране детского труда, о свободе собраний и другие.

Очень крупным явлением в учебной жизни юридического факультета были лекции выдающегося ученого профессора Л. И. Петражицкого по энциклопедии и философии права. Именно на его лекциях, несмотря на трудную для восприятия форму изложения, зародился тот интерес к проблемам философии права, который в последующие годы ярко проявился в семинарии профессора В. Н. Сперанского. На курсах профессор Л. И. Петражицкий не вел семинария, но предложил желающим участвовать в руководимом им семинарии в университете, на что многие откликнулись.

На III курсе гражданское право, а именно общую часть, обязательственное право и право наследования, читал декан профессор М. Я. Пергамент. Широко эрудированный юрист и прекрасный оратор, он умел довести до своих слушателей в доступной форме как отдельные фрагменты из Свода законов гражданских императора Юстиниана, так и тяжеловесного русского дореволюционного Свода законов гражданских, пробуждая в них живой интерес к римскому праву — основе теории гражданского права и к истории русского гражданского права. Вещное право читал профессор В. Б. Ельяшевич, а семейное право — профессор Ф. А. Вальтер.

Как профессор М. Я. Пергамент, так и профессор В. Б. Ельяшевич руководили семинариями, в которых принимало участие большое число слушательниц. Происходил разбор казусов, т. е. решались задачи на заданную тему по Своду гражданских законов и по иностранному законодательству, и читались доклады. В числе выдающихся докладов в

отчетах ВЖК отмечены доклады А. К. Шаблинской — «К вопросу об источниках ст. 538, т. X, п. 1»,[2] М. Н. Дювернуа — «О конклюдентных действиях», А. Я. Вайнштейн-Семеновой — «О фактуре и утвердительном письме» и др.

Участницы семинария профессора В. Б. Ельяшевича, кроме разбора казусов и обсуждения докладов, занимались разбором памятников по истории русского поземельного права до Соборного Уложения.

По кафедре уголовного права на III курсе читал лекции и вел практические занятия профессор А. А. Жижиленко.

Кафедрой уголовного процесса руководил профессор П. И. Люблинский. Он же вел исключительно интересные практические занятия, на которых разбирались подлинные дела из архива С.-Петербургского окружного суда, изучался дореформенный процесс по делам 1789—1840 годов, читались доклады, реферировались монографии по уголовному процессу; кроме того, посещались музей уголовного права и женская тюрьма.

В семинарии профессора А. Е. Преснякова изучались документы по истории крестьянства.

Лекции по статистике читал профессор А. А. Кауфман. Семинарий по статистике, руководимый им, играл большую роль в истории юридического факультета.[3]

Лекции по финансовому праву читал профессор И. Х. Озеров, деливший свое время между Московским, Петербургским университетами и Бестужевскими курсами. Дополнением к лекциям профессора И. Х. Озерова были красноречивые диаграммы, наглядно показывающие, что $^1/_4$ государственного бюджета царской России составлял доход от винной монополии, что расходы государства на просвещение и другие культурные нужды были минимальными. И. Х. Озеров вел и практические занятия, на которых читались и обсуждались рефераты по тематике лекционного курса.

Курс лекций по частному международному праву читал профессор А. А. Пиленко.[4] Он же руководил кружком по частному международному праву. Занятия этого кружка, в котором разбирались кассационные решения с точки зрения конфликтного права, представляли своеобразный интерес.

Лекции по публичному международному праву читал профессор Б. Э. Нольде.

---

[2] Доклад А. К. Шаблинской напечатан в «Журнале министерства юстиции», 1913, февраль, стр. 143—161.

[3] Работе семинария по статистике посвящена отдельная статья, стр. 163.

[4] Сотрудник газеты «Новое время». Свое участие в реакционной газете он объяснял тем, что этим «выполняет гражданский долг», так как, мол, другой сотрудник этой газеты вел бы отдел международной жизни с реакционной позиции... (Из воспоминаний Б. А. Барановой. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК).

В программу IV курса входило гражданское процессуальное право, лекции по которому читал В. М. Нечаев. Семинарием руководил И. И. Титрюмов.

В последующие годы были введены лекции по судебной медицине, патологической психологии, по психиатрии в связи с судебной психопатологией. Проводились систематические занятия в психиатрических заведениях, в приюте для ненормальных детей, в колонии малолетних преступников. В психиатрической больнице лекции о психических болезнях с демонстрацией больных читал С. А. Суханов.

* *
*

Норма первого приема на юридический факультет была велика, но далеко не все ходатайства о приеме были удовлетворены. Такой наплыв желающих изучать юридические науки объясняется тем, что на этот новый факультет шли не только для того, чтобы изучать право, а чтобы приобщаться к основам общественной жизни.

В последующие годы прием на юридический факультет сократился. Если в 1908 году было принято 600 человек, то в следующие годы — 500 человек, а в 1915/16 году — около 300. Такое падение числа желающих поступить на юридический факультет объясняется рядом причин: шла война, ухудшались материальные условия, нужен был заработок, а обладание дипломом юридического факультета ВЖК еще не означало возможности работать по специальности.

Так продолжалось до 1917 года, когда женщины-юристы получили доступ в адвокатуру и судебные органы. И тогда, естественно, снова возросло количество желающих изучать юридические науки. Число принятых в 1917/18 году равнялось уже 800.

Говоря об истории юридического факультета ВЖК, нельзя не остановиться на послекурсовом периоде жизни юристок-бестужевок, особенно юристок первых выпусков, которым пришлось вести сложную борьбу за право женщин-юристов заниматься профессиональной деятельностью.

Хотя было известно, что закон тогда не предоставлял женщинам-юристам права заниматься судебной деятельностью, они все же надеялись преодолеть все преграды, доказать свою способность работать в этой области наравне с мужчинами и добиться соответствующего законодательного постановления.

Но до этого момента необходимо было как-то продержаться, не отказываясь ни от какой работы, стараясь при всяком удобном случае использовать свои профессиональные знания.

Бесплатную работу по специальности юриста под руководством опытных юристов-мужчин иногда удавалось получить, как, например, в

окраинных юридических консультациях, обслуживающих беднейшее население города. Приходилось, однако, думать и о заработке. О профессиональной работе не могло быть и речи. Лишь в виде исключения немногие смогли получить работу у присяжных поверенных. Но эта работа большей частью сводилась к выполнению секретарских обязанностей.

Только юристы-бестужевки — ученицы проф. А. А. Кауфмана, специализировавшиеся у него в семинарии по статистике, сразу же (в значительной степени при его помощи) нашли свое место в жизни, получив интересную работу по специальности. Остальные не могли использовать свои профессиональные знания.

Несмотря на трудности и препятствия со стороны министерства, требовавшего предварительной сдачи экзаменов на аттестат зрелости, несколько юристок первого выпуска сдали государственные экзамены в юридической испытательной комиссии при Петербургском университете; их примеру последовали и юристки следующих выпусков, надеясь, что дипломы университета уравняют их в правах с юристами-мужчинами. Но надежда эта не оправдалась: дипломы женщин-юристов отличались от мужских — в них отсутствовал пункт, говоривший о правах лиц, получивших юридическое образование. Таким образом, и сдача государственных экзаменов никаких существенных перемен в положение женщин-юристов не внесла.

После неудачной попытки Е. А. Флейшиц выступить в суде в качестве защитника по уголовному делу сенат внес дополнение в соответствующую статью закона, перечислявшую лиц, коим запрещается выступать в качестве представителей сторон на суде: к несовершеннолетним и невменяемым были присоединены лица женского пола.

Положение все осложнялось, так как законопроект о женской адвокатуре, внесенный в комиссию законодательных предположений Государственной думы, был отклонен. Появилась необходимость создать профессиональную организацию женщин-юристов, целью которой было добиваться признания их прав.

Такая организация была создана. 19 марта 1913 года был утвержден устав Общества с.-петербургских женщин-юристов, целью которого было добиться признания их прав изданием соответствующего закона.

Первым председателем общества была избрана юрист-бестужевка первого выпуска Анна Ивановна Бахтерева, бессменно осуществлявшая эту функцию в течение всего времени существования общества.

В результате деятельности общества осенью 1913 года в Государственную думу вторично за подписью 32 членов Думы было внесено законодательное предположение о праве лиц женского пола быть присяжными поверенными. На этот раз законопроект удалось провести в

Государственной думе, но, несмотря на широкую агитацию Общества женщин-юристов и помощь со стороны сочувствовавших им либеральных членов Государственного совета, законопроект о женской адвокатуре был в 1916 году отклонен Государственным советом.

Между тем две анкеты, проведенные Обществом женщин-юристов в 1914 и 1916 годах, показали, что за этот промежуток времени произошли большие сдвиги в отношении работы женщин-юристов. С началом войны и уходом большого числа мужчин на фронт стал ощущаться недостаток в юристах, работу которых, естественно, начали поручать женщинам-юристам. Так, в городских попечительствах, принявших на себя заботу о семьях мобилизованных воинов, и в юридических консультациях наряду с мужчинами с начала войны стали работать женщины-юристы. Однако только в 1917 году, после свержения монархии, законом было предоставлено право «лицам женского пола вступать в число присяжных поверенных и присяжных стряпчих».[5]

Большинство юристок-бестужевок были приняты в сословие адвокатов в качестве помощников присяжных поверенных.

И, наконец, только после Великой Октябрьской социалистической революции женщины-юристы были совершенно уравнены в правах с мужчинами-юристами и активно включились в работу в различных областях советского строительства.

[5] Постановление Временного правительства от I/VI—1917 года. Собр. Узак. Врем. правительства, № 132, ст. 706.

С. Л. Иозефович, Л. П. Пушнова, Э. Л. Фридзель

СТАТИСТИЧЕСКИЙ СЕМИНАРИЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Статистический семинарий юридического факультета ВЖК существовал с 1909 до 1919 года.

Созданный при полном отсутствии каких-либо рабочих материалов, руководств, пособий и книг, при незначительном числе слушательниц, семинарий через год-два превратился в большую лабораторию, в работе которой в 1912 году уже участвовало свыше 90 слушательниц.

Какие же причины способствовали рождению статистического семинария на Бестужевских курсах? Что являлось притягательным в самой организации и атмосфере работ семинария, в его тематике?

Как известно, юридический факультет ВЖК был основан в 1906 году, когда в стране еще гремели отголоски первой русской революции. Единственный факультет общественных наук, каким являлся тогда для женской учащейся молодежи юридический факультет ВЖК, естествен-

но, привлек к себе те ее кадры, которые живо интересовались социальными и в первую очередь экономическими проблемами.

Следует помнить, что первое знакомство с вопросами экономики вообще и теорией марксизма в частности, еще до поступления в высшие учебные заведения, происходило в подпольных ученических кружках и ученических организациях РСДРП, куда шла передовая молодежь из средних учебных заведений. Стремление к дальнейшему серьезному экономическому образованию для многих слушательниц юридического факультета ВЖК обусловило выбор этого факультета.

Однако программа юридического факультета не так уж много времени отводила экономическим проблемам. Это был курс лекций по политической экономии профессора М. И. Туган-Барановского, его же курс по истории экономических учений, курс истории хозяйственного быта П. Б. Струве и курс статистики профессора А. А. Кауфмана. Эти курсы избрала та часть слушательниц, которая преимущественно тяготела к вопросам экономики. В результате получилось своеобразное выделение экономического уклона на юридическом факультете.

Большое число юристок привлек статистический семинарий при кафедре статистики. Профессор А. А. Кауфман и его ассистент И. Ф. Макаров были тесно связаны с существовавшими в земствах оценочно-статистическими бюро, которые предоставляли семинарию материалы своих обследований (зачастую — подлинные) по вопросам крестьянского хозяйства и народного образования. Они также охотно пополняли библиотеку семинария рядом своих печатных изданий.

Работа по земским источникам, непосредственное соприкосновение с населением в процессе переписей и обследований — все это создавало обстановку коллективной работы слушательниц, позволяло совершенствоваться в приемах статистического наблюдения, обработки и анализа, давало радость самостоятельной работы, связанной с жизнью.

Работа в семинарии ценилась слушательницами также и потому, что они сознавали ее общественную и научную значимость; они видели, что большинство исследований не оставалось в недрах семинария, а, как укажем ниже, выносилось на широкую арену общественности.

Профессор А. А. Кауфман являлся горячим поборником не только женского образования, но и женского труда в области тех специальностей, которые изучались на курсах, в частности в области статистики, куда до этого времени женщины допускались изредка лишь на технические работы низкой квалификации.

Это стремление руководителя кафедры открыло путь участницам семинария на ответственные участки при проведении крупных, важного народнохозяйственного значения, статистических работ; оно определяло, с одной стороны, продолжительность занятий в семинарии и со-

став его участниц, с другой стороны — программу и организацию этих занятий.

Работа в семинарии была рассчитана на три года, но слушательницы в значительном числе случаев не прекращали связи с ним и после окончания курса. Кроме юристок, семинарий привлекал еще и слушательниц других факультетов.

Тематика занятий была разнообразна. Уже в первом году существования семинария осенью 1909 года была проведена перепись (анкета) курсисток ВЖК. Кроме ознакомления слушательниц со всеми приемами статистического наблюдения и обработки материалов, эта работа имела целью дать характеристику материального положения и духовного облика курсисток. По мере обработки отдельных частей переписи они в форме докладов и монографий представлялись на обсуждение всего коллектива участниц этой работы. Результаты переписи были использованы на съезде по женскому образованию в докладе кафедры «К вопросу о постановке высшего женского юридического образования» и в статье А. А. Кауфмана «Русская курсистка в цифрах».[1] В 1912 году была выпущена книга «Слушательницы Высших женских (Бестужевских) курсов (по данным переписи-анкеты, выполненной статистическим семинарием в 1909 году)».

В октябре 1915 года семинарий провел вторично перепись слушательниц ВЖК. Кроме задачи обучения нового состава участниц семинария, имелось в виду осветить то тяжелое материальное положение, в котором оказались петроградские курсистки в годы первой мировой войны. Предварительные итоги были опубликованы в газете «Биржевые ведомости» и в журнале «Русские записки». В 1916 году вышла в свет книга «Слушательницы Петроградских Высших женских (Бестужевских) курсов на втором году войны».

К числу больших работ семинария относится также участие его слушательниц в переписи населения Петербурга в декабре 1910 года. Семинарий в полном составе работал на одном из переписных участков Васильевского острова. Коллективное участие в проведении переписи, а затем разработка собранного материала дали возможность слушательницам изучить методы проведения переписи населения. Результаты этой работы были доложены на заседании отдела статистики Императорского Русского географического общества и напечатаны в «Известиях» общества в виде двух докладов: профессора А. Кауфмана — «К вопросу о выборочном методе» и И. Макарова — «По поводу 4-й переписи населения г. С.-Петербурга (из практики 34-го переписного отдела)».

Важнейшим материалом для текущих занятий семинария являлись работы земских статистических бюро. По подлинным бланкам перепи-

---

[1] «Русская мысль», 1912, № 6.

сей, проводимых в земствах, велись занятия, имевшие целью одновременно с ознакомлением участниц со статистическими методами углубленное изучение того или иного вопроса, связанного с сельским хозяйством или иной стороной деятельности земства. Так, в семинарии разрабатывались вопросы о притоке сельскохозяйственных рабочих (по подлинным карточкам Самарского земства), о сельскохозяйственных переписях (Вятское и Полтавское земства), о школьной статистике (Владимирское и Тверское земства).

На основании работ по школьной статистике земств на Харьковский съезд статистиков народного образования семинарием были представлены два доклада — «Опыт статистической разработки материалов текущей школьной статистики» (профессора А. А. Кауфмана и ассистентки Т. Л. Якобсон) и «Краткое сообщение по методологии работы по школьной статистике Владимирской губернии» (ассистентки В. А. Лосиевской).

Нельзя не отметить стоящую в стороне от земских обследований работу слушательниц историко-филологического факультета. По инициативе оставленной при кафедре русской истории С. Ф. Айнберг была осуществлена статистическая обработка новгородских писцовых книг Шелонской пятины 1498 года. Результаты работы доложены историческому обществу при Петербургском университете и в Москве в статистическом отделении общества имени А. И. Чупрова, а затем напечатаны отдельной книгой «Новгородские писцовые книги в статистической обработке. Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498—1500 гг.».

Наряду с работами по материалам земской статистики кафедра, считаясь с интересами участниц семинария, предоставляла им возможность заниматься и другими вопросами, которые являлись нередко непосредственными отголосками все возрастающего интереса молодежи к жизни пролетарских слоев города. Уже в 1910 году старшая группа семинария приняла участие в организованной городским общественным управлением переписи обитателей ночлежных домов. Под руководством ассистентки кафедры Т. Л. Якобсон были разработаны материалы Петербургского суда для малолетних. Под ее же руководством обработаны материалы отдела промышленности о стачках в России 1910—1912 годов.

Слушательницы наладили связь с полулегальными рабочими организациями — профсоюзами, собирали при их помощи и разрабатывали очень интересные и нужные союзам статистические материалы. Так, А. Е. Вайнштейн-Семенова для своей семинарской темы разработала данные о заработной плате, собранные Петербургским профсоюзом металлистов. Слушательницы Р. И. Гиндина, С. Л. Иозефович, Е. Г. Смиттен организовали при содействии союза приказчиков (торговых

служащих) анкетное обследование положения приказчиков в России. Результаты обработки анкеты, представленные юридическому факультету Петербургского университета, были удостоены диплома 1-й степени.

Руководитель кафедры статистики стремился не только хорошо подготовить своих учениц к проведению статистических работ, но и дать им возможность проявить себя на практике, показать способность образованной женщины выполнять самостоятельную ответственную работу.

В те годы земскими статистическими бюро руководили представители так называемого «третьего элемента»—передовые демократические и в некоторой части революционно настроенные слои интеллигенции. Несмотря на недоверчивое отношение председателей земских управ к женскому труду, профессору Кауфману летом 1910 года удалось добиться приема двух слушательниц (Гербаненко и Соколовской) на подворную перепись крестьянских хозяйств Пензенской губернии. Летом 1911 года они были приглашены в то же земство, но уже в качестве помощников заведующих обследовательскими партиями.

Лед тронулся, и в течение 1912—1917 годов слушательницы семинария разъезжаются на сельскохозяйственные обследования по земствам Тверской, Пензенской, Смоленской, Харьковской, Олонецкой, Минской губерний. Они участвуют также в статистических обследованиях районов, где не было земств, — в области Войска Донского, в Средней Азии.

«Кауфманки», как названы были питомцы семинария в среде земских статистиков, завоевали полное признание в земствах.

Бестужевки занимались и другими вопросами статистики. В 1911 году четыре из окончивших семинарий были приняты на работу в бюро по разработке материалов статистико-экономического обследования Амурской области. В 1912 году семь из окончивших семинарий работали в бюро всероссийской школьной переписи под руководством В. И. Покровского.

Своих учениц А. А. Кауфман привлекал и на преподавательскую работу по кафедре статистики ВЖК. Уже осенью 1911 года им была принята в качестве ассистентки Тамара Львовна Якобсон. Эта талантливая курсистка проявила себя как инициативный сотрудник кафедры, как педагог, способный увлечь работавших под ее руководством слушательниц, и как пытливый исследователь в области статистической методологии. Она первая на кафедре занялась вопросами применения математической статистики.

Вторая ассистентка Кауфмана — Вера Андреевна Лосиевская оставалась на кафедре вплоть до прекращения работ статистического семинария и в дальнейшем (в 20—30-е годы) стала профессором статистики Географического института, а потом Ленинградского университета.

За научные работы В. А. Лосиевская в 1928 году была награждена Государственным русским географическим обществом малой золотой медалью.[2]

Годы практической работы участниц семинария сломили недоверие статистического мира к женщинам-статистикам с высшим образованием. В результате окончившие семинарий приступали к профессиональной деятельности сразу же по окончании факультета.

До Октября они работали преимущественно в земствах, в некоторых переписных статистических бюро и в качестве ассистентов и преподавателей при кафедрах статистики. Октябрьская революция внесла существенные перемены для окончивших семинарий, что повлияло и на направление их практической деятельности.

Изучение вопросов социальных, в первую очередь экономических, привлекавших внимание слушательниц уже в годы обучения в семинарии, стало особенно притягательным с начала социалистического строительства народного хозяйства. Организация советской статистики труда положила начало многолетней, ставшей делом всей жизни, работе в качестве статистиков труда большой группы окончивших семинарий.

В 1918 году было образовано Бюро статистики труда, руководство которым было поручено С. Г. Струмилину (впоследствии действительному члену Академии наук СССР). Заведующими отделами бюро были привлечены бывшие ассистентки кафедры и старшие слушательницы семинария.

Преобразование в Центральное бюро статистики труда трех ведомств (Наркомат труда, ВЦСПС и ЦСУ) имело большое значение. Эта организация получила широкое разветвление в качестве республиканских, городских и областных бюро статистики труда. Организаторами, руководителями и ответственными сотрудниками этих бюро были преимущественно ученицы профессора Кауфмана — пионеры советской статистики труда: в Ленинграде — Н. И. Ануфриева, Н. В. Воленс, Л. П. Пушнова, Е. Г. Смиттен, К. Н. Яковлева; в Москве — Т. Н. Доктор, С. Л. Иозефович, Б. И. Желтенкова, Н. А. Филиппова; на Украине — И. Н. Дубинская, Э. Л. Фридзель; в Узбекистане (Ташкенте) — Р. Д. Гиндина. Перечень этот далеко не полон. Особо отмечаем, что из перечисленных выше лиц пятерым было присвоено звание кандидата экономических наук.

---

[2] Интересен тернистый путь В. А. Лосиевской — путь, характерный для многих курсисток того времени. Дочь деревенского священника, ученица церковно-приходской школы и епархиального духовного училища в Таврической губернии, неоднократно исключаемая оттуда и из казенных и частных гимназий за «антирелигиозное и антиправительственное направление», деятельная участница нелегальных социал-демократических кружков среди рабочих Симферополя в 1904—1906 годах, — Лосиевская осенью 1907 года поступила на юридический факультет ВЖК и отлично окончила его.

Следует упомянуть статистическую работу иного профиля, которую вели три бывшие курсистки Кауфмана — Е. Г. Смиттен, Ф. М. Ризель-Кнуньянц, К. И. Кейзер-Моисеева.

Е. Г. Смиттен, член партии с 1904 года, с 1921 по 1929 год сначала была заместителем, а затем заведовала Статистическим отделом ЦК партии; ее заместителем была Ризель-Кнуньянц, член партии с 1903 года. В 1927 году Смиттен была одним из главных организаторов всесоюзной переписи членов партии, под ее руководством были разработаны и подготовлены к печати результаты переписи, которые были изданы ЦК партии в 12 выпусках.

К. И. Кейзер-Моисеева в течение 15 лет вела в Средней Азии исследовательские работы. Она была одним из организаторов и первых преподавателей Среднеазиатского государственного университета.

Характерно, что бывшие ученицы профессора Кауфмана (за единичными исключениями) остались верны раз избранному пути — статистико-экономической работе.

В. А. Лосиевская, как указано выше, заведовала кафедрой статистики в Ленинградском университете и в Ленинградском финансово-экономическом институте. Кандидат экономических наук, профессор Л. П. Пушнова, ассистентка профессора А. А. Кауфмана, работала на кафедре статистики в Институте коммерческих знаний (преобразованном впоследствии в Институт народного хозяйства), затем преподавала на кафедре статистики в Ленинградском университете и была научным сотрудником-статистиком в различных научно-исследовательских институтах. Кандидат экономических наук, старший ассистент. К. Н. Яковлева — декан и преподаватель Ленинградского инженерно-экономического института. Кандидат экономических наук, доцент. Н. И. Ануфриева-Югенбург преподавала на кафедре статистики Географического института и вела курс сельскохозяйственной экономики на Высших сельскохозяйственных курсах. И. В. Чекан — научный сотрудник Ленинградского института растениеводства. И. Н. Дубинская, кандидат экономических наук — одна из организаторов советской статистики труда на Украине, работала в научно-исследовательском институте в Харькове.

В заключение настоящего очерка следует подчеркнуть наиболее важное, что дал своим участникам статистический семинарий, руководимый профессором А. А. Кауфманом и его ассистентами И. Ф. Макаровым, Т. Л. Якобсон и В. А. Лосиевской. Это, во-первых, отличное знание всех ступеней статистического исследования (наблюдение, обработка и анализ данных), во-вторых, способность мыслить статистически, в-третьих, добросовестность в разработке статистических материалов, требовательность к себе и скромность — черты, которые профессор Кауфман своим личным примером воспитал в своих ученицах, постоянно напоминая им, что «в статистике нет мелочей».

Наконец, оглядываясь назад, спустя 50 лет по окончании курсов, мы с большой благодарностью вспоминаем то теплое и дружеское внимание, с каким относились к слушательницам сам профессор Кауфман и его ассистенты. Это внимание выходило далеко за сферу занятий в семинарии. Оно распространялось и на личную жизнь, на радости и горести настоящих и бывших участниц семинария. Такое отношение со стороны руководства кафедры создавало атмосферу доверия, дружбы и между бывшими участницами семинария, сохранившуюся во все последующие годы их жизни.

Каждая из обучавшихся в статистическом семинарии ВЖК всегда чувствовала себя членом большой семьи «кауфманок», обязанных высоко нести знамя женщин-статистиков.

ЧАСТЬ II

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. К. Пиксанов

О РАБОТЕ НА ВЖК

Для моей научной и педагогической деятельности было счастливой удачей, что меня привлекли к преподаванию на Высших женских (Бестужевских) курсах в 1908/09 академическом году — более полвека назад.

Те годы — время расцвета курсов. Блестящим был состав профессоров и преподавателей. В него входили, прежде всего, лучшие силы университета, общение с университетом было вообще тесным и многосторонним, а также преподаватели и научные работники других вузов и научно-исследовательских учреждений столицы.

Событиями на курсах были лекции известных в то время профессоров. Из литературоведов назову Семена Афанасьевича Венгерова, Нестора Александровича Котляревского, Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского. Порою актовый зал не вмещал всех желающих слушать популярных профессоров, и лекции их переносились в зрительный зал Василеостровского театра.

На Высших женских курсах начинали свою деятельность: историк Борис Дмитриевич Греков, лингвист Лев Владимирович Щерба — впоследствии академики. Здесь начал свой научный путь и я, литературовед-русист. С большой теплотой и признательностью вспоминаю свою преподавательскую работу на курсах.

На историко-филологическом факультете в те годы все шире работали семинарии, и надо было видеть, с каким увлечением, трудолюбием, энтузиазмом, я бы сказал, жадностью занимались курсистки-бестужевки в этих семинариях. Ныне стало обычным издание сборников научных работ студентов. Но следует помнить, что опыты таких коллективных студенческих работ предпринимались на Высших женских курсах. Таковы, например, «Ломоносовский сборник» в семинарии профессора

Василия Васильевича Сиповского, «Тургеневский сборник» (1915), подготовленный курсистками моего семинария. Бестужевские курсы одними из первых практиковали издания особого типа вузовских учебных пособий, так называемые семинарии по отдельным писателям, столь популярные ныне.

Считаю себя обязанным отметить редкую тщательность, добросовестность, с какою бестужевки готовились к зачетам и экзаменам. И еще добавлю: за долгие десятилетия моей педагогической деятельности во многих городах — Москве, Ленинграде, Саратове, Ташкенте — мне часто приходилось наблюдать, как хорошо, плодотворно работали бывшие бестужевки — учительницы в школах разных типов. И если для многих Высшие женские курсы были началом пути в научную работу, то для тысяч курсисток они были исходным пунктом их педагогической деятельности в школах и культурно-просветительских учреждениях.

И несомненно, что любовь к науке, просветительский энтузиазм были органически связаны у курсисток с их общим демократизмом. Ведь многие и многие из них приходили на курсы из разночинской среды.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда были расчищены все пути для подлинно народного образования, женщины-бестужевки внесли свой вклад в строительство советской, социалистической науки и культуры.

Деятельницы Комитета[1]

Далеко не полной была бы история первого женского университета, которому посвящена эта книга, если бы достойного места в ней не нашли воспоминания о деятельности комитета Общества доставления средств ВЖК. И здесь в первую очередь перед нами встают образы четырех женщин: Н. В. Стасовой, А. П. Философовой, В. П. Тарновской и О. К. Нечаевой.

Прекрасно охарактеризовал значение деятельности этих замечательных женщин[2] в учреждении С.-Петербургских Высших женских курсов один из самых энергичных поборников женского образования, бок о бок работавший с ними, А. Н. Бекетов, назвав ее «героической». «Имена их всем известны, — говорил он, — они уже занесены на страницы истории; но на этот раз я взялся за перо для того, чтобы с особым ударени-

---

[1] По материалам архива музея ЛГУ, ф. ВЖК.

[2] См.: «Памяти А. П. Философовой». Пг., 1915; «Памяти Н. В. Стасовой». СПб., 1896; «Памяти В. П. Тарновской». Изд. Комитета Общества доставления средств С.-Петербургским Высшим женским курсам; «О. К. Нечаева». Изд. «Время».

ем обратить всеобщее внимание на то, что эти имена принадлежат исключительно женщинам... мужчины только помогали этим деятельницам. Самая мысль возникла среди женщин, они же ее осуществили, развили, укрепили и окончательно реализовали ими собранные денежные средства, ими выпрошено правительственное дозволение; они служили — и до сих пор служат делу, не щадя ни средств, ни здоровья, ни душевной энергии».[3] Им первым принадлежит «сумасбродная затея», по выражению министра народного просвещения Д. Толстого, создать из ничего, с 222 р. 25 к. в кассе «миллионное дело» — С.-Петербургские Высшие женские курсы.

* *
*

Первой председательницей комитета Общества доставления средств ВЖК была Анна Павловна Философова, одна из тех, кто в течение 10 лет вел борьбу за открытие курсов.

Когда в 1911 году исполнилось 50 лет общественной деятельности Анны Павловны, ее чествовали не только передовые люди всей России — приветствия шли от женщин из многих европейских стран, а также из Австралии, Канады, Америки, Японии и других стран — так велики были ее заслуги перед русским обществом и так много сделано было ею для завоевания женщинами права на труд, образование и независимость.

Анну Павловну как общественную деятельницу сформировали шестидесятые годы, когда голоса «Современника» и «Колокола» заставляли пересматривать многие, казалось бы, непреложные законы жизни того времени.

С поразительной неутомимостью и энтузиазмом работала А. П. Философова одновременно в разных обществах, отдавая им всю душу. «Все ее начинания были жизнеспособны», — говорил М. М. Ковалевский. «Умным сердцем» назвал ее Достоевский.

Но основной, главнейшей заслугой Анны Павловны было ее участие в борьбе за высшее образование для женщин. Она, пользуясь своими большими связями, знакомствами с влиятельными людьми, добивалась их сочувствия и поддержки и тем способствовала торжеству задуманного дела.

При дворе Анну Павловну не любили. Министр народного просвещения Д. Толстой называл ее «красной» и «г-жой Ролан». Красноречивый факт имел место во дворце: «Знаешь ли, — спросил однажды Александр II генерал-прокурора В. Д. Философова (мужа А. П. — *Ред.*), — в чьей шинели ехал ссыльный в Сибирь? В твоей! ...Даже пого-

---

[3] «Памяти Н. В. Стасовой». СПб., 1896, стр. 71; В. В. Стасов — Н. В. Стасова. Воспоминания и очерки.

нов не спорола», — прибавил царь с негодованием. И, не предавая дела суду и огласке в печати, царь высылает Анну Павловну, мать большого семейства, за границу (1879).

По возвращении в Петербург Анна Павловна по-прежнему принимает участие в работе комитета, а также во всех организационных мероприятиях, ей особенно дороги интересы слушательниц, их успехи, их стремления.

Незадолго до своей кончины А. П. Философова принимала на курсах иностранных гостей. Они увидели великолепное здание, первоклассное оборудование лабораторий и кабинетов, музей, обсерваторию. Гости познакомились с предметной системой, встретились с профессорами, среди которых были ученые с мировым именем, узнали, что ВЖК ежегодно дают стране тысячную армию трудовой интеллигенции. Итог этого тернистого пути дал Анне Павловне, одной из создательниц ВЖК, право с законной гордостью сказать: «Стоило жить».

* *
*

«Если русской женщине нет надобности покидать семью и Отечество, чтобы приобщиться к свету науки, то этим она обязана во многом трудам и настойчивости Надежды Васильевны Стасовой, тридцать лет служившей делу высшего женского образования».[4]

Еще в 60-х годах Надежда Васильевна начала работать в этом направлении. Она была одной из учредительниц Владимирских курсов. Первоначально и библиотека курсов помещалась в ее квартире. По уполномочию комитета она приняла на себя трудную обязанность распорядительницы курсов и в течение одиннадцати лет неустанно, изо дня в день посвящала им все свое время.

В первые годы вместе с С. В. Ковалевской она подыскивает помещение для курсов, следит за его перестройкой, приобретает мебель и оборудование для аудиторий. А когда началось строительство собственного здания для ВЖК, комитет выделяет 4 членов в строительную комиссию и среди них Надежду Васильевну. Н. В. Стасова работала также в смешанной комиссии (члены комитета и Совет профессоров), которая решала, какие именно предметы должны читаться на курсах. Благодаря участию Н. В. Стасовой и ее брата Владимира Васильевича, известного художественного критика, на ВЖК было введено (1884) чтение истории изящных искусств.

Все силы отдавала Надежда Васильевна заботам о слушательницах курсов: та сердечность, с какой относилась она к слушательницам, вникая в мельчайшие их нужды, та громадная нравственная поддерж-

---

[4] Там же.

ка, которую имели в ней молодые девушки, останутся навсегда достойным подражания примером. Н. В. Стасову так тепло вспоминают все, кто знал ее близко.

* *
*

Щедро наделила природа своими дарами Варвару Павловну Тарновскую. Привлекательная, одухотворенная внешность, выдающийся ум, организаторские способности, энергия, исключительная работоспособность — все это было дано Варваре Павловне.

Всю жизнь отдала она борьбе за поднятие духовного и материального положения русской женщины. И венцом ее деятельности, лучшим ей памятником явились ВЖК. Она была одной из учредительниц Общества доставления средств ВЖК, была избрана в его комитет, где взяла на себя самую трудную и ответственную обязанность — казначея. В течение 25 лет единолично, без кассира и бухгалтера, вела собственноручно все записи. Ежегодно ревизионная комиссия отдавала дань искреннего удивления и глубокого уважения колоссальной работе В. П. Тарновской, сберегавшей своим трудом для курсов сотни и тысячи рублей.

По ее инициативе началась постройка первого дома на 10-й линии Васильевского острова, а затем и всех последующих. Она содействовала увековечению памяти С. В. Ковалевской сооружением памятника на ее могиле в Стокгольме. Варваре Павловне обязаны курсы открытием юридического факультета и организацией 25-летнего юбилея ВЖК, имевшего громадное моральное значение для курсов, получивших в юбилейные дни всеобщее признание как выдающееся явление русской жизни.

Ее трудами на выставках Нижегородской, Стокгольмской, Парижской устраивались отделы, посвященные ВЖК. На международном женском конгрессе в Берлине В. П. Тарновская выступала с блестящим докладом на французском языке о ВЖК. Доклад произвел сильное впечатление и вызвал шумную овацию.

В 1897 году по инициативе Варвары Павловны организуется Общество вспомоществования нуждающимся слушательницам.

И нельзя не удивляться колоссальной работоспособности и беспощадной требовательности к себе, заставлявшей ее каждое начатое дело доводить до конца. Все это давало ей право быть требовательной и к другим.

Она возглавляла строительство нового дома на Среднем проспекте Васильевского острова, № 41/43, где должен был разместиться физико-математический факультет ВЖК. Предполагалось, что этот дом будет носить ее имя. Но наступившая война выдвинула другие требования — дом был отдан под лазарет.

* *
*

В 1889 году в число членов комитета вошла Ольга Константиновна Нечаева, которая принадлежала, по словам С. Ф. Платонова, к деятелям младшего поколения.

«С этого времени, — писала она, — началась лучшая пора моей жизни. Еженедельные заседания комитета были для меня праздничными днями, каждую нашу „пятницу" я ждала с радостным волнением и покидала заседание с убеждением, что я принята в среду выдающихся людей, творящих большое историческое дело».

Ольга Константиновна в комитете сразу стала в первом ряду самых деятельных незаменимых тружениц: она взяла на себя заведование интернатом и столовой.

Кроме забот о материальном благополучии, сотни девушек нуждались в моральной поддержке. Чуткость, деликатность, умение понять молодежь, подойти к ней со всем вниманием, со всей осторожностью делали О. К. Нечаеву искренним другом молодежи, находившей у нее душевное участие. Ольге Константиновне приходилось выступать настоящим борцом, когда она сталкивалась с деспотизмом семей слушательниц, когда родители проклинали дочерей за решение ехать продолжать образование или когда муж не давал жене для этой цели отдельного паспорта. В волнующие дни сходок и демонстраций О. К. Нечаева спешила туда, где нужно было кого-либо из курсисток отстоять, заступиться. А когда за демонстрантами захлопывались двери полицейских участков, она прибегала к помощи директора, который вразумлял «блюстителей порядка» и выручал своих подопечных.

О. К. Нечаева была членом почти всех комиссий, участвовала во всех мероприятиях для доставления средств курсам (базары, лотереи, издания, литературные вечера и т. д.). В 1905 году интернат и столовая закрылись, и Ольга Константиновна все силы отдает Обществу вспомоществования нуждающимся слушательницам.

В годы войны (1914—1917), кроме обычной выдачи пособий на жизнь, одежду, книги, лекарства и т. п., Общество стремилось разрешить квартирный вопрос. Жизнь заставила устроить общежитие в помещении столовой, потом на частных квартирах (число слушательниц доходило до 6000 человек). Но такими мерами нужда не устранялась. Зародилась мысль о создании Дома курсистки. Членами правления Общества во главе с Ольгой Константиновной был разработан план устройства общежития, где слушательницы могли получить хорошее помещение, столовую, комнату для занятий — и все это за скромную плату.

Советская общественность отметила большие заслуги О. К. Нечаевой. 23 января 1927 года в Доме ученых состоялось торжественное собрание, посвященное ее памяти. Присутствовало более 600 человек. В

президиуме были О. А. Добиаш-Рождественская, Н. Н. Гернет, И. М. Гревс, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг и др. Много горячих слов было сказано об ушедшей из жизни замечательной русской женщине.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала женщине полное равноправие и раскрепощение, о чем мечтали лучшие люди XIX века, среди которых должны быть названы имена тех, чья жизнь была благородным, самоотверженным служением этому великому делу.

Е. К. Бернадская

ПЕРВЫЙ ВЫБОРНЫЙ ДИРЕКТОР ВЖК ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ ФАУСЕК

Моя задача — воссоздать образ этого замечательного человека с отзывчивым сердцем, подлинного гуманиста, друга всех курсисток, которого мы так глубоко уважали и горячо любили.

Виктор Андреевич был в первых рядах тех ученых, которые боролись за академическое самоуправление; он трудился над выработкой нового устава курсов и основ предметной системы. В. А. Фаусек занял ответственный пост первого выборного директора Бестужевских курсов в 1906 году, когда после бурных дней революции вновь открылись двери высших учебных заведений. Обстановка была очень сложной: с одной стороны, революционная молодежь, с другой — растерявшееся и озлобленное правительство, постоянное вмешательство полиции, потрясенные старые основы учебного строя и отсутствие новых. Работа требовала большого напряжения.

В моей памяти встает один из дней начала сентября 1906 года. Актовый зал переполнен. Присутствуют все профессора, служащие курсов, курсистки стоят даже на окнах. На трибуну поднимается первый выборный директор Виктор Андреевич Фаусек, которому мы больше всего обязаны открытием курсов. Восторженные приветствия. На трибуне и наша первая выборная председательница совета старост. Виктор Андреевич поздравляет нас с открытием курсов и предлагает почтить память тех, кто погиб в борьбе за свободу.

Начался 1906/07 учебный год. Наступили будни, впрочем, никогда не было на курсах серых будничных дней: здание на 10-й линии с утра до ночи жило радостной трудовой жизнью, неиссякаемым творческим подъемом.

VI аудитория переполнена. Перед появлением Виктора Андреевича в аудитории воцаряется тишина. С напряженным вниманием слушали мы удивительно простую и в то же время яркую, образную лекцию по зоологии. Нередко его речь прерывалась отступлениями, всегда органи-

чески связанными с темой лекции. Одно из этих отступлений мне запомнилось. Во время лекции за спиной Виктора Андреевича с шумом упала с доски тяжелая таблица, он вздрогнул и, улыбнувшись, сказал: «Как силен еще в нас ненужный атавизм первобытного человека, окруженного опасностями, для которого малейший шорох был грозным предостережением. Таким же ненужным для современного человека атавизмом является страх перед темнотой».

Много сказано ученицами Виктора Андреевича о нем как о любимом учителе, лекторе и ученом-зоологе. Все они отмечали его глубокую искреннюю любовь к читаемому предмету и теплое, задушевное отношение к своей аудитории. «Казалось, какие-то нити связывали лектора со слушателями. Он не был узким специалистом-зоологом, он был живой, чуткий к природе, красоте, искусству человек. Его суждения всегда были глубоки и оригинальны», — так писала о Викторе Андреевиче его ассистентка А. В. Табунщикова.

Интересы В. А. Фаусека были широки и разносторонни. Он любил художественную литературу, может быть, не без влияния своего друга детства и юности В. М. Гаршина. После смерти В. М. Гаршина Виктор Андреевич написал две статьи: «Воспоминания о В. М. Гаршине» и «Памяти В. М. Гаршина».[1] В журнале «Вестник Европы» в октябре 1899 года была напечатана статья «Литературные впечатления от романа Э. Золя „Жерминаль"».

В молодости Виктор Андреевич был постоянным посетителем литературного кружка старых поэтов — Плещеева и Вейнберга, вокруг которых группировались молодые поэты, художники, артисты, со многими из них его связывала большая, сердечная дружба. Поэта Надсона он сопровождал за границу, куда врачи направили его лечиться.

В своих многочисленных воспоминаниях курсистки всех факультетов приводят много фактов, характеризующих В. А. Фаусека не только как прекрасного руководителя, но и как человека исключительной чуткости, скромности, гуманности, истинного друга молодежи.

Слушательница Соловьева-Любисткова вспоминает: «На курсах иногда устраивались вечеринки курсисток с приглашенными гостями-студентами. Полиция разрешала эти вечеринки под ответственность директора и с условием — не петь революционных песен. На одной из вечеринок последнее условие не было выполнено. Полиция оштрафовала Виктора Андреевича на 1000 рублей. Узнав об этом, курсистки собрали нужную сумму и передали В. А. Фаусеку, но он этих денег не взял, а внес их в кассу взаимопомощи».[2]

---

[1] «Вестник Европы», 1892, октябрь.

[2] Из воспоминаний Соловьевой-Любистковой. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

В те дни, когда на курсах бывали большие вечера, лекции, доклады с приглашением посторонних лиц, Виктор Андреевич, как бы он ни был утомлен после трудного дня, иногда не вполне здоровый, неизменно оставался на курсах до конца, — настолько его беспокоило благополучие курсов, настолько это его детище было ему дорого.

А сколько времени и сил затратил он на ходатайства за арестованных курсисток! Можно сказать, что он находился в непрерывной борьбе с полицией, охранным отделением и жандармским управлением. Не всегда, конечно, эти хлопоты имели успех, но многих слушательниц он спас от высылки, многих освобождали из-под ареста благодаря ходатайству Виктора Андреевича.

Я не работала в зоологическом кружке, которым руководил Виктор Андреевич, но часто слышала от членов кружка, как много он давал им научных знаний при том минимуме времени, которое у него оставалось от напряженного, трудного директорского дела. Рассказывали мне, как тепло и уютно было в научном кабинете, особенно когда вечером приходил Виктор Андреевич, улыбающийся, счастливый тем, что может заняться любимым предметом, уйдя от тревог и волнений дня. В юности он мечтал посвятить себя науке, но жизнь потребовала другого, и не без тяжелых колебаний он принес в жертву свою научную деятельность общественной.

Директором Бестужевских курсов он избирался дважды и на этом посту оставался до самой смерти, последовавшей 1 июля 1910 года.

Его перу принадлежат 42 научных труда по зоологии, из них 12 на немецком языке, и три упомянутые выше литературные статьи.

* *
*

К Виктору Андреевичу могут быть в полной мере отнесены слова, сказанные им о своем друге В. М. Гаршине: «Я знаю, что не сумею достаточно ярко рассказать про глубокое благородство его души, про его доброту и сердечность. Но для меня, как и для многих, его ум и его талант бледнели и отходили на второй план перед необыкновенной прелестью его личного характера. В этом отношении он был действительно человек необыкновенный в полном смысле слова».

В. П. Андреева-Георг и *Т. Д. Каменская*

И. М. ГРЕВС

Иван Михайлович Гревс (1860—1941), горячий сторонник женского равноправия, отдал много сил Высшим женским курсам. Его вступительная лекция на курсах состоялась в 1892 году, и очень скоро он стал одним из самых активных профессоров историко-филологического факультета ВЖК.

Занимавший уже кафедру в университете, Иван Михайлович тесно увязывает теперь преподавание на ВЖК с университетским, считая курсы естественной параллелью университету. И вся его неутомимая профессорская и общественная деятельность протекала в равной мере как на 10-й линии Васильевского острова, так и на берегу Невы. Поэтому мы и считаем возможным широко использовать в нашем тексте с согласия автора «Биографический очерк», составленный еще при жизни Ивана Михайловича, на основе личных бесед с ним его ученицы по университету Е. Ч. Скржинской, получившей, кроме того, и ценные письменные материалы из рук Ивана Михайловича.[1] В строках талантливого автора живо встает перед нами облик высокого, представительного профессора, который сосредоточенно поднимается на кафедру и не спеша начинает лекцию, посвященную истории и культуре средних веков. Читал он лекции, пользуясь тщательно подготовленными записками, но тем не менее он все же «говорил». Конспекты, по его свидетельству, не стесняли его живого слова, не мешали ему думать во время лекции, и именно в это время многое и возникало в смысле образов и синтезов. Лектор с многолетним опытом, Иван Михайлович тем не менее всегда испытывал какое-то волнение, идя на лекцию, что свидетельствует о его высокой требовательности к себе как к «учителю науки».

Выступая перед женской аудиторией, он никогда не снижал серьезности своих лекций, хотя были в то время такие профессора, которые либо вовсе не шли читать курсисткам, либо читали им элементарнее, чем студентам. Иван Михайлович полагал, что профессор обязан владеть адуторией на основе всей своей научной деятельности и непрерывной исследовательской активности. Он был неустанным исследователем тех тем, которые им выносились в аудиторию, будь то на лек-

---

[1] Очерк напечатан в «Приложении» к книге «Тацит»: Профессор И. М. Гревс — М.—Л., 1946, Изд. АН СССР, стр. 323—348. Учитывая полученные редакцией «Сборника» ВЖК пожелания некоторых бестужевок, настоящий очерк об Иване Михайловиче несколько расширен по сравнению с изданием 1965 года.

ции или на семинарии. В семинарских занятиях им проводилось углубленное изучение отдельных специальных тем — по итальянским городам, духовной культуре средневековья, по историческим произведениям Данте и другим. «История — не легкая наука, — говорил он, — предмет ее бесконечно сложен». Но он умел научить по-настоящему заниматься этой наукой, быть свободным и независимым в ее сфере, т. е. знать, каким путем, через какие источники, книги, справочники подойти к разработке вопроса и как с ним справиться. Он умел, кроме того, увлечь предстоящей научной работой, раскрывая красоту и привлекательные свойства науки. К такому отношению подготавливали и руководимые Иваном Михайловичем семинарии, которые вообще носили у него особый характер. В соответствии с педагогическими установками Ивана Михайловича они не были раздельными для студентов и курсисток и обычно происходили в уютной домашней обстановке его квартиры. И здесь совместное участие в анализе первоисточников, комментировании латинских и итальянских текстов, критическом разборе литературы сближало эти молодые группы, создавая подлинно научную атмосферу, поднимало значение этих собраний. Из «школы Гревса» вышло немало выдающихся ученых, преподавателей вузов, а также историков-экскурсоводов, искусствоведов, ученых-библиотекарей. Ученицей Ивана Михайловича, а затем и его ближайшим товарищем по ВЖК, была и О. А. Добиаш-Рождественская, первая женщина-историк, удостоенная в СССР в 1918 году докторской степени, а в 1929 году избранная членом-корреспондентом АН СССР.

Значительной помощью в подготовке к указанным темам занятий являлась организованная силами Ивана Михайловича специальная семинарская историческая библиотека. Не теряя сил и времени на обращение в далекую Центральную библиотеку, мы получали здесь все нужные нам научные пособия из рук заботливой заведующей О. П. Захарьиной, преданной ученицы Ивана Михайловича. При любых затруднениях в понимании первоисточников либо средневекового текста Иван Михайлович охотно приходил на помощь обращавшейся к нему слушательнице, которая могла запросто прийти к нему домой для консультации. При подобном близком общении научные вопросы нередко переходили в беседы о литературе, искусстве, музыке. Иван Михайлович был постоянным посетителем симфонических концертов и не пропускал ни одного исполнения Девятой симфонии Бетховена.

Воздействие Ивана Михайловича на молодежь было велико не только как талантливого ученого и человека большого педагогического дарования, но и вследствие широты его культурных взглядов, его удивительного отношения к людям, особенно молодым, начинающим свой трудовой путь. И он заботливо следил за судьбой своих, особенно ему близких учеников.

К необходимым видам исторического семинария причислял Иван Михайлович и специальные экскурсии, которые должны были стать составным элементом изучения и преподавания истории. И в 1907 году он сам становится руководителем небольшой группы подготовленных участников своего семинария, которую он везет в Италию, для непосредственного восприятия мест изучавшихся событий по истории и культуре итальянских городов. Этому путешествию по Венеции, Флоренции и другим тосканским городам с завершением экскурсии в Риме Гревс посвятил очерк «К теории и практике экскурсий как орудия научного изучения истории в университетах» (СПб., 1910). Вдохновившись первым опытом, Иван Михайлович повторяет эту поездку через несколько лет, примерно по тому же маршруту, с большой группой, в которой бестужевки значительно преобладали над студентами.[2]

Иван Михайлович на протяжении всей своей научной и педагогической деятельности был в рядах наиболее прогрессивных профессоров, всегда сохранял прямоту и твердость во время студенческих волнений: он никогда не шел на соглашательство, не склонялся перед жесткими требованиями министра. Он многократно выступал с речами на студенческих сходках (чего иногда опасались другие профессора), будучи неизменно на стороне молодежи. Сходки были очень шумными, но Гревса, популярного профессора, слушали внимательно. Доверие профессору молодежь высказала тем, что избрала его в комиссию для установления связи между Советом и учащейся молодежью.

Своеобразно выразил Иван Михайлович свое удовлетворение подобной деятельностью: «Профессор — это прекрасная общественная роль».

Иван Михайлович действительно всегда стойко защищал интересы студентов от посягательств на них реакционных сил царского режима. Еще в 1899 году, после студенческих волнений, он был месте с Н. И. Кареевым и М. И. Туган-Барановским отстранен от преподавания. После невольного перерыва в своей деятельности в 1902 году Иван Михайлович был восстановлен в университете и на курсах, где и оставался до самого их слияния с Петроградским университетом. В течение многих лет он избирался деканом историко-филологического факультета. Особенно широко развернулась его деятельность в период подготовки к «автономии» университетов в 1904—1905 годах в качестве инициатора введения предметной системы на ВЖК.[3] Он вместе с первым выборным директором курсов В. А. Фаусеком много сил положил на про-

[2] Об итальянской экскурсии 1912 г. см. статью Ж. А. Мацулевич.

[3] О деятельности И. М. Гревса как организатора предметной системы см. статью Т. А. Быковой «История преподавания на историко-филологическом факультете», стр. 81.

паганду новой системы преподавания. На первой же встрече с поступающими на курсы он разъяснял ее преимущество по сравнению со старой, отжившей курсовой системой. Иван Михайлович был, несомненно, подлинным патриотом Бестужевских курсов.

После Октябрьской революции Гревс продолжал занятия в университете, куда влились Бестужевские курсы. Он принял великий переворот, считал революцию законом великого будущего и говорил о ней со студентами и студентками как о возможности для них использовать все свои молодые и свежие силы на развитие культуры. В трудное время гражданской войны вокруг него концентрировалась молодежь, и он, кроме университетских занятий, руководил кружком по изучению творчества Ромена Роллана, которого высоко ценил и прекрасно знал.

С введением ученых степеней И. М. Гревсу была присуждена степень доктора наук.

Когда прервалась работа Ивана Михайловича в университете, он стал деятельным сотрудником Центрального бюро краеведения: читал лекции краеведам, обследовал их работу и сам, как он говорил, учился у давнего своего учителя — путешествия.

Последний период жизни И. М. Гревса был посвящен большой и разнообразной работе с аспирантами университета.

Иван Михайлович всегда считал, что был «счастлив и в учениках, и в преподавании». И ученики со своей стороны сумели достойно выразить благодарность своему учителю. Они дважды подносили ему в дар «Сборники» своих трудов: в 1911 году в ознаменование 25-летия его научно-педагогической деятельности — «И. М. Гревсу — ученики» и в 1925 году, к 40-летнему юбилею деятельности Ивана Михайловича,— сборник «Средневековый быт». Едва ли кто-нибудь из профессоров мог бы, кроме того, иметь обстоятельный «прижизненный» очерк, написанный его ученицей, ныне доктором исторических наук Е. Ч. Скржинской.

Иван Михайлович работал до последнего дня своей жизни. Самым последним его трудом была монография о Таците, лучшем, как он считал, римском историке. Его слушатели с большим интересом ждали обещанной лекции о средневековых прибалтийских городах, куда собрались отправиться в историческую экскурсию летом 1941 года. Смерть помешала этой беседе.

Умер И. М. Гревс 16 мая 1941 года внезапно. Ушел добрый, внимательный, ласковый друг и учитель молодежи, достойно завершивший свой длинный трудовой и жизненный путь.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖЕНЩИНАХ-ПРОФЕССОРАХ

Е. Н. Чехова

ОЛЬГА АНТОНОВНА ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Методы преподавания О. А. Добиаш-Рождественской. В 1911 году О. А. Добиаш-Рождественская вернулась в Петербург из Парижа и возобновила свое преподавание на ВЖК. Теперь она не только вела семинарии, но и читала лекции.

В течение трех лет я последовательно работала в трех ее семинариях: 1) просеминарий (для начинающих) на тему «Германская земельная община по „Германии" Тацита»; 2) «Французское общество по буллам Григория IX» и 3) «Парижский университет XIII в.». Не знаю, в какой связи с собственными научными интересами Ольги Антоновны была тема просеминария. Возможно, она остановила на ней свой выбор благодаря методологическим ее преимуществам для работы с начинающими. Но темы двух семинариев находились в самой непосредственной связи с ее занятиями у профессора Ланглуа в Париже и с темой ее диссертации.

Занятия просеминария проводились в утренние часы, которые О. А. Добиаш-Рождественская предпочитала и для своих лекций. Причем проходили они не в помещении семинарских библиотек, где бывали вечерние семинарии, а в одной из небольших аудиторий — без амфитеатра. Группа была человек в 20. Занимались мы каждую неделю. Семинарии обычно бывали раз в две недели. Занятия были всегда прекрасно организованы. Каждая слушательница просеминария имела немецкое критическое издание текста Тацита и основные пособия, которыми обеспечивала семинарская библиотека. На первом заседании был разобран список тем, предложенных руководительницей просеминария, с указанием литературы. Каждую тему брала группа в 3—4 человека. Один из группы делал доклад, другие оппонировали. Остальным указывались страницы источника и главы из двух основных трудов по этому вопросу — Фюстель де Куланжа, представителя французской научной традиции, и Георга Вайца, представлявшего немецкую школу. Хотя сама О. А. Добиаш-Рождественская склонялась к школе Фюстель де Куланжа, мы прорабатывали каждый вопрос, принимая во внимание обе точки зрения, и сами делали выводы.

Так Ольга Антоновна учила нас самостоятельно подходить к источнику и критически оценивать его, справляться с латинским текстом, указывая особенности языка Тацита, а также с помощью источника проверять научные теории. Латынь нужна была всем, а из новых

иностранных языков можно было читать лишь на одном. Опросив, кто каким языком владеет, О. А. Добиаш-Рождественская соответственно этому делила материал. В каждой группе одни работали по французским пособиям, другие по немецким и информировали друг друга. Великолепный педагог и организатор, она всегда учитывала реальные возможности слушательниц и исходила из них в построении занятий.

О. А. Добиаш-Рождественская была аккуратна, пропускала занятия очень редко, часто даже больная приходила на семинарии. К концу года она прекрасно знала возможности каждой и умело направляла нас в наших дальнейших планах. Она всегда находила время помочь нам в занятиях перед семинарием. Не только референт, но каждый мог прийти к ней на дом за любым разъяснением. Никакой небрежности и недобросовестности в работе она не допускала, всякий доклад проверяла заранее. Поэтому все наши заседания были очень содержательны, и сам собою быстро происходил отсев тех, кто не хотел серьезно работать.

Ярким образцом метода О. А. Добиаш-Рождественской был семинарий «Французское общество по буллам Григория IX». Работа в семинарии велась на строго конкретном материале. Единственность и неповторимость каждого исторического явления всегда присутствовала в изучаемых нами объектах. Она сохранялась наряду с обобщениями, скрашивала обобщения, включалась в них и создавала ощущение трепетной живой жизни во всем ее неповторимом своеобразии.

На каждом занятии нам раздавалась собственноручно переписанная Ольгой Антоновной и отпечатанная на гектографе очередная булла (3—4 страницы латинского текста). В течение двух недель, к следующему занятию, каждый должен был перевести текст и дать по справочникам и руководствам комментарии. В переводах мы обращались за помощью к огромному словарю латинского средневекового языка, где объяснялись особенности средневековой латыни, в которой уже не было той точности алгебраических формул в построении фраз, чем блещет классическая латынь. Были специфические обороты, согласования, и свой словарь понятий, неизвестных классическому периоду, термины феодального и церковного общества. Затем мы должны были по специальным справочникам установить географические названия, их транскрипцию, найти их на карте Франции. По руководствам следовало установить упоминаемых в булле лиц и их должности, раскрыть адресатов. И, наконец, датировать события, о которых шла речь, так как они датировались обычно по переходящим церковным праздникам, по дням святых, по местным календарям. Мы должны были перевести их даты на наше летоисчисление.

Подготовка к семинарию велась в читальне семинарской библио-

теки, где были под руками все справочники и пособия и мы могли также пользоваться указаниями и помощью дежурной. У дежурной по читальне была тетрадь, где мы записывались на определенные часы для работ над справочниками. Справочники О. А. Добиаш-Рождественская вводила в наш обиход один за другим постепенно, давая им характеристику и тут же заставляя нас практически обращаться с ними. Были занятия, посвященные календарям, вопросам дипломатии и т. п.

На занятиях семинария мы сидели вокруг сдвинутых черных столов. Каждая по очереди, читая абзац, переводила его и комментировала. Остальные дополняли, исправляли, задавали вопросы. Так как мы все прорабатывали материал, мы могли активно участвовать в занятиях. Заседание заканчивалось тщательным, всегда великолепным резюме нашей руководительницы. Вместе с тем О. А. Добиаш-Рождественская с необычайным педагогическим тактом отмечала всякое самостоятельное движение мысли, хороший язык перевода и т. д. Эта оценка Ольги Антоновны, ее внимание к нашим достижениям были огромным стимулом для работы.

В результате каждого занятия у нас было 3—4 страницы переведенного и критически проверенного текста. При таком методе эпоха, проработанная нами, запечатлевалась в памяти. Она была как бы ощупана собственными руками, и в пальцах оставалось шестое чувство — осязание прошлого, умение воскресить его и заставить заговорить живым, ему лишь свойственным языком. Знаменитый лозунг Фюстель де Куланжа «Для одного дня синтеза требуются годы предварительного анализа» был нашим лозунгом. Обобщения были осторожны, обоснованны, опирались на конкретный материал.

На зимние каникулы, когда самая трудная часть материала была уже проработана совместно и мы овладели также работой со справочниками, О. А. Добиаш-Рождественская разделила между нами оставшиеся непереведенные буллы. Каждому досталось 6—8 булл, страниц 10 печатного текста in folio. Мы должны были проработать его уже самостоятельно и дать не перевод, а подробную аннотацию со всеми комментариями. Образцы аннотаций были выработаны на семинарии. Каждая должна была написать аннотацию на большой картонной карте определенного формата.

Готовую работу Ольга Антоновна проверяла с каждой. Таким образом у нас получилось 150 карт. Мы разбили их по темам. Каждый получил вполне доброкачественный, коллективно проработанный и проверенный материал по теме и указание литературы, большая часть которой уже была нам знакома в той или иной степени. Когда после этого начались рефераты, не только две официальные оппонентки, но и каждый из участников семинария был в состоянии принять активное участие в обсуждении.

Все эти *капитулы, сенешали, прево* и *бальи,* к которым обращались буллы, стали как бы нашими современниками. Мы спорили об их полномочиях, о видоизменении круга их обязанностей. Одной из участниц семинария Эвелине Бодуэн-де-Куртенэ удалось установить данные относительно одного лица, названного в булле. О. А. Добиаш-Рождественская поздравила ее с научным открытием. В небольшой научной области мы почувствовали себя хозяевами материала, мы познали радость научного творчества.

В беседах с О. А. Добиаш-Рождественской мне часто казалось, что она знает историю средних веков так, как помнит человек свою жизнь.

Тонкий, блестящий анализ текста был анализом крупного, творчески работающего ученого. О. А. Добиаш-Рождественская всегда приобщала нас к собственной творческой работе. Она любила своих учеников, помогала в занятиях, и для нее было большой радостью, когда она чувствовала, что ученик превращается в сотрудника.

Я помню, каким было для нее торжеством, когда одна из ее учениц (вне темы семинария) дала совершенно самостоятельный великолепный разбор работы профессора Карсавина по средневековым ересям. Эта работа была лучшей проверкой великолепных педагогических методов Ольги Антоновны. У ее ученицы было несомненное мастерство, то самое драгоценное мастерство, которое передается только из рук в руки, от мастера к его достойному ученику.

Она не раз говорила мне, что весь смысл жизни ученого — в создании своей школы. Она хотела жить в своих учениках. Мне кажется, она достигла этого и даже, пожалуй, шире, чем представляла себе. Она оставила научную школу. Но и помимо того, все, что она так радостно и щедро давала своим ученикам, многообразно расцвело и принесло плоды.

Любимым нашим семинарием у Ольги Антоновны был «Парижский университет XIII в.». Еще с весны она указала нам литературу, и мы готовились к нему все лето. Переводили сочинение Роберта Сорбонского «De tribus dictis», которое предполагалось изучать на семинарии, прочли Роже и другие книги по истории культуры Франции XIII века. Нам казалось, что этот семинарий был лучшим из всех, самым красочным по своему материалу, и вместе с тем он не требовал от нас такой напряженной работы, как предыдущий, но по своему охвату и по разнообразию источников он был гораздо сложнее предыдущего. Мы не отдавали себе отчета, что главной причиной его большей легкости была приобретенная нами подготовка.

Занятия чередовались. Один раз мы работали над текстом Роберта Сорбонского, дававшего нам материал для характеристики средневекового миросозерцания; в следующий раз мы изучали статуты университета начала XIII века и буллу Григория IX, так называемую «Parens

scientiarum» (13 апреля 1231 года), являющуюся хартией Парижского университета, окончательно утвердившей его автономию. Организация университета, а наряду с этим и вся система средневекового образования и основные элементы миросозерцания эпохи вскрывались в изучаемом нами материале. И все это на ярком бытовом фоне, который давали письма парижских студентов или шутливые песенки школяров. Сколько бытовых черт, живых юношеских переживаний было заключено в них!

Занятия происходили, как обычно, в небольшой комнате семинарской библиотеки, но уже в вечерние часы. Перед нашим взором как бы раскрывались узкие, кривые улочки средневекового Парижа, старинные аудитории Сорбонны и других колледжей (общежитий), куда переносились постепенно занятия университета. Профессор на кафедре в своем докторском одеянии — длинной темной мантии и берете, студенты старших курсов в темных мантиях с капюшонами на скамьях, стоящих рядами, или школяры младшего факультета искусств, сидящие по обычаю на полу, на соломе. Или же развертывались бесконечные дороги Франции — бродячая Франция с ее пестрым подвижным населением веселых школяров, лукавых подмастерьев, хитрых монахов, нищих и странников...

...Далекая жизнь. Она ушла безвозвратно, след ее покоится лишь на полках старых архивов и книгохранилищ. И когда чьи-нибудь руки касаются их, с пожелтевших листов встает «былая быль» и оживает опять мыслями и чувствами нового поколения, входя формирующей частью в его представление о прошлом и, следовательно, в его миросозерцание, строящее будущее. Так не умирает ничто ушедшее, возрождаясь вновь и вновь в мысли каждого нового поколения.

Нас не удивляло, что новые слушательницы, вступавшие в наш круг, легко и быстро овладевали техникой, которую мы преодолевали в течение предыдущего года с большим напряжением. Здесь мы в значительной мере заменяли преподавателя. Не она одна, а 20 человек из 35 могли помочь разобраться в переводе, указать, как обращаться со справочником, проработать совместно очередное задание. У нас не было рефератов в этом семинарии, они проходили как расширенные комментарии текста.

Познакомившись с письмами, с поэзией школяров, мы взглянули на эпоху их глазами, и тогда многое из взглядов и идей тех времен, из черт быта прозвучало иначе, с какой-то подлинностью, и дало новое понимание изучаемого материала. Тогда мы поняли происхождение глубокой и тонкой, поражающей нас интуиции О. А. Добиаш-Рождественской. Мы поняли, что она умела включиться в сознание людей изучаемой эпохи и увидеть ее изнутри. Этим даром творческого проникновения она обладала в полной мере. Мы многократно испытывали это и в жизни, в общении с ней. И в наши сердца она проникала с той же

безошибочной интуицией, с какой угадывала давно ушедшее прошлое. Но огромным искусством было показать нам этот не улавливаемый точными формулами метод проникновения в прошлое. Все это волновало, увлекало, окрыляло новыми перспективами.

Год кончался. Многие из нас должны были окончить курсы. Участницы семинария задумали сняться с любимой преподавательницей. Фотограф предложил прийти к нему, так как в помещении семинария было темновато. И мы отправились на 12-ю линию, неся с собой огромные фолианты средневековых справочников, наших друзей и любимцев, неотъемлемые орудия нашего труда. Мы хотели сняться с ними. Для этого случая Ольга Антоновна под свою ответственность выпросила у библиотекаря Ольги Павловны Захарьиной разрешение вынести эти книги из здания курсов. Мы шли, смеялись и вспоминали уход студентов из Парижа в 1229 году, когда университет лишили его автономии: в один ясный весенний день жители увидели, как уходила из города вереница студентов, унося на руках огромные фолианты рукописных университетских книг...

Как весело сияло в тот день солнце! Мы расставались, но не печаль разлуки — радость хорошо законченной работы, сплотившей нас общими заботами и интересами, испытывали мы в тот день. То был не последний день, а первый день открывающегося нам неведомого, но, конечно, чудесного пути. Мы не сомневались в этом.

О. А. Добиаш-Рождественская была великолепным педагогом и организатором, большим художником, и это делало ее семинарии первоклассными. Она не только в совершенстве владела методом, но умела научить ему других.

Лекции О. А. Добиаш-Рождественской. В течение 1911—1917 годов Ольга Антоновна прочла четыре курса: 1) «Западная Европа от V до X века»; 2) «Западная Европа в VIII—XI вв.»; 3) «Введение в историю крестовых походов»; 4) «Франция в позднее средневековье». В ближайшей связи с курсами были и темы ее семинариев. С 1914 года она вела занятия по латинской палеографии.

Добиаш-Рождественская читала лекции в довольно большой, но неуютной аудитории. Против амфитеатра, точно в глубоком колодце (аудитория была очень высокой), находилась кафедра. За ней — огромный черный подвижной линолеум доски.

Лекции происходили в утренние часы, всегда при электричестве. Поздний петербургский рассвет едва брезжил, когда мы собирались, в аудитории стояла молочная мгла, пробирал холодок. Скамьи бесшумно заполнялись молчаливыми фигурами, утренний сон еще не отлетел. Но аудитория всегда была полна. Основное ядро слушательниц из года в год посещало ее лекции, и таких становилось все больше. Но и помимо того, блестящие лекции Ольги Антоновны привлекали многих.

Всегда точно, без опоздания, О. А. Добиаш-Рождественская появлялась в аудитории. Она кланялась поспешно, улыбаясь своей милой, немного растерянной и озабоченной улыбкой, всходила на кафедру и, скользнув взглядом по скамьям, сосредоточенно начинала лекцию. Вначале она всегда говорила с каким-то усилием, словно с трудом входила в мир, о котором должна была нам поведать, и с усилием отрывалась от мешавшего ей внешнего окружения, но после нескольких фраз поток прорывался — и начиналась блестящая, сверкающая, легко льющаяся речь. Ольга Антоновна говорила, что для нее имеет большое значение, если в аудитории присутствует группа, известная ей, резонирующая определенным образом. Как-то в конце года, прощаясь с одной из своих учениц, она сказал ей с сердечной теплотой: «Благодарю вас за то, что вы посещали мои лекции. Мне было легче читать их, зная, что вы их слушаете. Вы помогали мне в моей работе». И это были не пустые слова — О. А. Добиаш-Рождественская была очень искренним человеком, она никогда ничего не говорила просто так, из любезности. Лекции были для нее совместным творчеством лектора и аудитории — «общим деланием».

Она была блестящим оратором, обладала необычайно творческой мыслью и умела приобщить слушателей к своему творческому процессу. Отмечая только основные вехи ее мысли, записывая даты и имена (то и другое она всегда записывала на доске), можно было без труда восстановить дома ее двухчасовую лекцию, всегда насыщенную большим, сложным содержанием. Это было возможно благодаря исключительной четкости и яркости изложения. Цитаты она всегда произносила сначала в русском переводе, а затем повторяла по-латыни, так что мы слушали текст, понимая его. Библиографические указания, рекомендуемую нам литературу она также всегда записывала на доске.

Построение курса О. А. Добиаш-Рождественской было очень четким. Излагая какое-либо историческое явление, Ольга Антоновна прежде всего характеризовала нам источник или совокупность источников, на которых были основаны сведения о данном явлении. Она давала нам источник и с ним как бы дух эпохи. Ощущение эпохи всегда остается от непосредственного соприкосновения с памятником. Затем она знакомила нас с интерпретацией этого источника, давала анализ различных точек зрения в их исторической преемственности. И, наконец, в заключение, вводя нас в лабораторию собственной научной мысли, приобщала к своему научному творчеству. С ней вместе, шаг за шагом, мы проделывали ее путь изучения материала. Таким образом, явление закреплялось прочно, как итог всего процесса.

В подведении итога работы в изучаемой области О. А. Добиаш-Рождественская придавала главное значение слушанию лекций. Она говорила нам: «На лекциях вы знакомитесь с работой научной мысли в

объеме, который вы не могли бы охватить самостоятельно. Область науки необозрима, методы ее сложны и многообразны. Лекция специалиста—это концентрация знаний, это предлагаемая вам экономия времени и сил». Лекции давали нам не философию истории, не социологизирование, а раскрытие конкретного исторического процесса в его многообразной связи с различными сторонами жизни. Ольга Антоновна показывала нам, что история неразложима в своем живом процессе. Мы рассекаем ее насильственно и неизбежно. Но, изучая явление в одном из его сечений, надо сохранять сознание целостности всего процесса. Это была единственная ее философия, не высказанная, а воплощенная в построении курса. Она достигала этого включения каждого явления в контекст эпохи указанием его места в общем историческом процессе, выявлением его многообразных жизненных связей.

Курсы, которые она читала, не были простыми. Это не была удобоваримая, разжеванная пища, помогающая сдать экзамен, а пламенная, углубленная, творческая работа ее собственной мысли. Мы присутствовали при ней, мы загорались от нее, она пробуждала наше собственное творчество.

Дар речи, большой художественный талант и тонкая блестящая интуиция делали ее лекции увлекательными. Для тех, кто не специализировался на научной работе, кто не мог даже овладеть огромным материалом, даваемым О. А. Добиаш-Рождественской, для тех главное значение этих лекций и было именно в усвоении метода научного мышления. Не у нее одной мы учились этому. У нас было много прекрасных профессоров, первоклассных ученых. Но и в этой блестящей плеяде О. А. Добиаш-Рождественская была одной из самых ярких, самых прекрасных звезд.

АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВНА ЕФИМЕНКО

В 1907 году семья Ефименко переехала из Харькова в С.-Петербург, и Александра Яковлевна получила предложение преподавать на ВЖК. Я слушала ее лекции и работала в семинариях с 1909 по 1915 год — шесть лет.

Помню впечатление от первой лекции. На кафедру поднимается скромная пожилая женщина в темном платье. Поднимается осторожно, почти ощупью: она плохо видит. Гладко причесана. Простое русское лицо с чуть косящими глазами. Тонкая и умная усмешка. В руках четвертушки бумаги. Она кладет их на кафедру. Начинает говорить медленно, негромко, с едва заметным северным оканьем, которое так красочно оттеняет старинный язык документов: «И сидоша князь Володимерко. . .». Читая цитаты, она подносит листок близко к правому глазу.

Первая лекция Александры Яковлевны касалась древнего периода русской истории. Дома я советовалась с отцом. «Записывай кратко все,— сказал отец.— Тебе будет приятно потом иметь цельный курс...» — «Зачем? — думала я, — это есть в книгах...».

На лекции я заметила с удивлением, как из совокупности отдельных фактов, часть которых мне была хорошо известна, передо мной слагается какая-то совершенно иная картина. Самостоятельная творческая мысль приводила к новым убедительным выводам. Это происходило на наших глазах. Я была взволнована, захвачена. В гимназии я училась с увлечением, но никогда еще не видела, как творилась наука. Я впервые присутствовала при этом процессе. Теперь я записывала все, боясь упустить какое-нибудь звено.

В то время украинская историческая школа утверждала, что традиция Киевской Руси продолжала свое развитие в Литовско-Русском государстве, Московская же Русь оторвалась от нее и пошла своим путем. Вокруг этого вопроса велись споры.

На лекциях Александры Яковлевны мы увидели, как закономерно слагались на экономической основе социальные формы изучаемой эпохи, и, давая их во всем своеобразии, она указывала те же формы на определенных этапах не только в жизни Московской Руси, но и в истории балканских славян и в жизни Западной Европы. Раздвигались рамки провинциальной истории Украины, и она раскрывалась перед нами как одна из частей общеисторического процесса.

Александра Яковлевна загружала нас литературой, даже при сдаче специального отдела. Она учила нас думать и больше всего ценила самостоятельную мысль.[1]

На семинариях она давала нам документ и ставила определенную задачу. Мы должны были самостоятельно разобраться в теме и решить поставленный вопрос. Она хотела, чтобы мы научились думать.

И только после доклада она вносила коррективы, знакомила нас с различными точками зрения на вопрос и указывала соответствующую литературу. И мы читали ее уже критически, проверяя установки автора на известном нам материале, а не составляя бесконечные конспекты. Читая, мы не запоминали чужие мысли, а думали и оценивали их. Творчески переработанные, они прочно входили в наш фонд. Теперь мне думается, что это был тот метод, которым она сама шла в начале своей научной работы, порой и ошибаясь, но в результате творчески овладевая материалом.

На втором курсе в семинарии по истории русского землевладения я делала доклад по вопросу общинного пользования угодьями (по

[1] Впоследствии многие из ее учениц-украинок работали в научных институтах и вузах Киева, Харькова и особенно Львова. Их работы я встречала в украинских журналах и в «Известиях» институтов.

«Русской правде»). В своем заключительном слове Александра Яковлевна разбила все мои выводы. Огорченная, с простодушием девятнадцатилетней девочки, я сказала: «Как же я так ошиблась? А я так много работала, так много думала...». Она чуть улыбнулась своей милой и доброй улыбкой и ответила ласково: «Не огорчайтесь, не вы одна. И Довнар-Запольский пришел к вашим выводам...». Представляете, с каким интересом я прочла после этого Довнар-Запольского, как вдумчиво и сознательно оценивала и проверяла его выводы, как искала еще литературу по вопросу. Этого и хотела достичь А. Я. Ефименко своим методом.

После доклада я отвечала сама на все вопросы, замечания и возражения, Александра Яковлевна только присутствовала. Позже я поняла, что, поступая так, она не только проверяла докладчика, но и знакомилась с подлинным лицом своей аудитории и всматривалась в каждую из участниц семинария.

Семинарий у нас бывал каждую неделю, а не два раза в месяц, как полагалось. Александра Яковлевна предложила нам это, говоря, что при таком большом перерыве, как две недели, будет обрываться нить работы. Мой доклад занял шесть собраний. Я очень волновалась, что он так затягивается, но Александра Яковлевна на мои извинения говорила только: «Ничего, продолжайте». Каждое занятие длилось только час, чтобы не утомить внимание разбором документов.

Я чувствовала коренное различие ее метода с методом других профессоров, но тогда мне трудно было сформулировать это различие. Позже я поняла, что это было соотношение методики Ушинского, глубоко продуманной и проверенной системы и педагогических приемов Яснополянской школы Л. Н. Толстого.

Александра Яковлевна очень интересовалась индивидуальным планом наших занятий на курсах. Она советовала нам изучать параллельно в западной истории те же проблемы, которые ставились в ее курсе, например германскую земельную общину, варварские Правды, феодализм.

В своих работах А. Я. Ефименко вскрывала существование феодализма в Древней Руси. Мысль, тогда еще новая, смелая и оспариваемая многими. Работа Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси» была нашей настольной книгой. Я помню, как Александра Яковлевна была довольна, когда некоторые из нас пошли в просеминарий О. А. Добиаш-Рождественской «Германская земельная община по Тациту», и указала нам свою статью «Архаические формы землевладения у германцев и славян».

Александра Яковлевна придавала большое значение сравнительному методу, который оценила еще в своих ранних работах по этнографии. По ее указанию многие из нас занимались два года в семинарии

по археологии, который вел ее сын Петр Петрович Ефименко, впоследствии крупнейший археолог.

Тем, кто предполагал сдавать у нее специальный отдел, она советовала заниматься историей Польши и польским языком. Рекомендовала украинско-русский словарь с краткой грамматикой, очень охотно давала нам всякие разъяснения. Можно было задержать ее после занятий или тут же сговориться, когда зайти к ней. Те, кто готовил у нее специальный отдел, должны были ежемесячно приходить к ней для беседы. Следующий день встречи намечался в конце каждой беседы, которая была драгоценными часами, вводившими нас в новый этап научной работы.

А. Я. Ефименко во всем шла нам навстречу. Например, я не могла найти книг, нужных мне по специальному, довольно узкому вопросу (Юго-Западные братства), она, не раздумывая, написала записку в БАН с просьбой выдавать мне по ее абонементу и под ее ответственность четыре книги, и я до окончания курсов пользовалась этим правом.

Александра Яковлевна была очень чутким и добрым человеком. У нее часто возникали с людьми крепкие и глубокие связи. Жизнь ее была нелегкой — бедность, горе, много забот, много трудных дум. Она хорошо понимала людей и помогала им.

Мы много внимания и забот видели и от других наших учителей. И все же большинство были «профессора», между нами была какая-то грань. А с Александрой Яковлевной всегда было хорошо. Через всю жизнь она пронесла молодую горячую душу. Весь свой многообразный, часто горький, опыт она пережила творчески, и душа ее не одряхлела, а расцвела в мудром, свежем и сильном приятии жизни.

Вот чем замечательна была эта чудесная женщина.

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА ГЕРНЕТ.[1] ВЕРА ИОСИФОВНА ШИФФ

Надежда Николаевна Гернет поступила на Высшие женские курсы в 1894 году. После окончания их в 1898 году она уехала для продолжения математического образования за границу и в продолжение 3 лет занималась в Гёттингенском университете. В 1901 году она представила диссертацию на тему «Исследование об одном новом методе в вариационном исчислении» и была удостоена математическим факультетом Гёттингенского университета степени доктора magna cum laude (с высшей похвалой). По возвращении в Петербург осенью 1901 года она была приглашена на ВЖК для руководства практическими занятиями по математике. В отчетах ВЖК за 1901/02 год среди лиц, руководивших

[1] По материалам Н. А. Никольской.

практическими занятиями, значится: «Доктор чистой математики Гёттингенского университета Н. Н. Гернет».

В 1915 году Надежда Николаевна защитила диссертацию на степень магистра математики в Московском университете на тему «Об основной простейшей задаче вариационного исчисления».

Н. Н. Гернет была второй русской женщиной-математиком, получившей ученую степень в русском университете.

В том же 1915 году Н. Н. Гернет была избрана профессором на кафедре математики Бестужевских курсов. Первые годы она руководила только практическими занятиями, а позднее читала и лекции по теории вероятности, исчислению конечных разностей и вариационному исчислению. Живая, энергичная, всегда в приподнятом настроении, она вела занятия с воодушевлением и умела заинтересовать слушательниц. На занятиях с группами математиков она стремилась расширить рамки программы. «Я хочу открыть форточку, чтобы на вас пахнуло свежим воздухом математики», — говорила Надежда Николаевна.

Одно время она вела практические занятия по математике с группой химиков (для химиков курсы математики, по сравнению с группой чистой математики, читались по облегченной программе). Вот как отзывается об этих занятиях одна из бывших слушательниц В. В. Селезнева: «Н. Н. Гернет вела практический курс математики для химиков по введению в анализ, II часть, по дифференциальному и интегральному исчислению. Надежда Николаевна так вдохновенно подходила к математическим вопросам при решении задач, что мы тоже воодушевлялись и увлекались, и нам казалось, что интереснее математики нет предмета. К нам на занятия часто приходили слушательницы из группы чистой математики и даже с других факультетов». В своем обращении со слушательницами она была всегда ровна, внимательна, приветлива, чрезвычайно отзывчива ко всем нуждам.

Помимо занятий в учебные часы, она много времени уделяла слушательницам для дополнительных занятий и консультаций, вела математический кружок, руководила чтением математической литературы, прекрасным знатоком которой была.

При слиянии ВЖК с университетом в 1919 году Н. Н. Гернет перешла в университет как профессор математики и преподавала в нем до 1930 года, когда перешла в Политехнический институт имени М. И. Калинина, где и работала до конца своей жизни.

Не было на физико-математическом факультете слушательницы, которая не знала бы Веру Иосифовну Шифф.

Вера Иосифовна поступила на ВЖК в 1878 году и окончила специально математическое отделение. Ее работа по математике была отмечена Советом профессоров как особо выдающаяся.

После окончания курсов Вера Иосифовна уехала на год за границу и по возвращении в С.-Петербург была приглашена на ВЖК для руководства практическими занятиями по математике, которые она вела на курсах без перерыва до последнего года их существования и в то же время до последнего года своей жизни.

Около 20 лет она была единственной руководительницей практических занятий по математике на всех 4 курсах. Какая эрудиция и сколько энергии требуется от преподавателя для проведения таких занятий на всех курсах! Особенно в первые годы на ее долю выпала одна из важных и трудных задач преподавания — восполнить пробелы в знаниях слушательниц, поступавших с недостаточной подготовкой, и сделать для них доступными лекции по всем разделам математики на старших курсах. Благодаря большому и неутомимому труду, частью безвозмездному, эта сложная задача разрешалась ею с большим успехом. В годовых отчетах ВЖК неоднократно отмечалась ее самоотверженная и неутомимая работа.

Первые годы В. И. Шифф руководила только практическими занятиями, а позднее читала и самостоятельные лекции по ряду математических дисциплин. Хорошо известны ее прекрасные задачники по дифференциальному и интегральному исчислениям и по аналитической геометрии.

На экзаменах она требовала ясного понимания предмета и, к огорчению некоторых слушательниц, предлагала прийти еще раз, если убеждалась, что знания недостаточны.

Вера Иосифовна уделяла много времени дополнительным занятиям с теми слушательницами, которые особенно интересовались математикой, давая темы для рефератов и обсуждая их на специальных занятиях. Бывшие ученицы вспоминают ее с сердечной теплотой и большой благодарностью. В. И. Шифф принадлежит к числу первых русских женщин, посвятивших свою жизнь научной и педагогической работе в области математики.

В 1913 году торжественно праздновался 30-летний юбилей педагогической деятельности Веры Иосифовны на ВЖК. Вот что о нем пишет В. Ф. Ивличева: «Еще за несколько дней до юбилея мы, курсистки, узнали, что любимый цветок В. И. — вереск. Надо сказать, что это довольно необычный для петербуржцев цветок, и не без труда мы нашли его в одном из магазинов. Большая нарядная корзина вереска украсила стол в день юбилея.

Празднество проходило очень торжественно. Профессора курсов, много приглашенных гостей и мы, курсистки, многочисленной толпой заполнили зал. Когда торжество уже началось, в зале раздались шаги, сопровождаемые резким стуком палки. Это пришел Константин Але-

ксандрович Поссе. В то время он был уже глубоким стариком и шел, сильно согнувшись, опираясь на палку. Он попросил слова для приветствия и начал с того, что он имел счастье быть учителем того выпуска Бестужевских курсов, в составе которого была и Вера Иосифовна. „Должен признаться, — сказал К. А. Поссе, — что в то время я довольно сдержанно относился к затее девушек заниматься математикой, считал, что это несерьезно, что это праздное занятие незанятых барышень...". Когда подошло время первых экзаменов, Константин Александрович счел нужным предупредить своих слушательниц, что, поскольку уж барышни взялись за математику, он будет экзаменовать их со всей строгостью. Барышни оробели, и на экзамен их пришло только 5 человек; из них первой подошла к экзаменационному столу Вера Иосифовна, тогда очень молоденькая. И вот между ними произошел такой диалог:

К. А.: Ну, как?

В. И. (смущенно): Я пришла.

К. А.: ...А остальные?

В. И.: Они придут.

Тут К. А. Поссе сказал: „Как видите, Вера Иосифовна оказалась глубоко права — они пришли!" — и сделал широкий жест в сторону зала, говоря этим жестом, что пришли не только однокурсницы Веры Иосифовны Шифф, но и мы все, последующие поколения русских девушек, изучавших математику».

В. Н. Крестинская

А. Ф. ВАСИЛЬЕВА-СИНЦОВА

Александра Феофилактовна Васильева-Синцова окончила ВЖК в 1900 году, была оставлена на курсах и 2 года работала ассистентом в лаборатории аналитической химии (количественный анализ).

Осенью 1902 года она получила от министерства народного просвещения командировку за границу и поступила в Гёттингенский университет, где работала у профессора Нернста с 1903 по 1905 год. В 1905 году защитила в Гёттингенском университете докторскую диссертацию. А. Ф. Васильева-Синцова была первой бестужевкой-химиком, взявшей на себя чтение самостоятельного курса физической химии, который был заключительным в цикле химических дисциплин, обязательных для слушательниц ВЖК, оканчивающих по группе химии. Курс этой новой в то время дисциплины она вела на ВЖК с 1906 по 1917 год.

В 1916 году ее «Курс физической химии» был выпущен литографированным изданием. Таким же образом был дважды издан в 1912 и 1915 годах ее краткий курс практических занятий по физической химии — «Физико-химические измерения».

Мне не пришлось пользоваться этими пособиями А. Ф. Васильевой, так как я окончила курсы в 1910 году. Но знаю, что профессор М. С. Вревский, впервые начавший читать физическую химию в Петербургском университете в 1913 году, рекомендовал своим студентам пользоваться обоими курсами А. Ф. Васильевой-Синцовой и на основании знакомства с этими трудами высказывал свое мнение относительно педагогического таланта автора. Александра Феофилактовна опубликовала 6 экспериментальных исследований: два первых посвящены изучению теплопроводности газовых смесей, четыре следующих — фотохимическим исследованиям.

Практические занятия по курсу она вела сама, так как в лаборатории не было даже лаборанта. Она была очень внимательна к нам, но никогда не вела с нами разговоров на посторонние темы, хотя мы проводили в лаборатории целые дни в течение 2—3 месяцев. В то же время она старалась глубже заинтересовать нас вопросами физической химии и приносила нам то одну, то другую популярную книжку по тому или другому разделу этой науки (радиоактивность, катализ, коллоидная химия и др.) и предлагала прочесть. Так я познакомилась впервые с коллоидной химией по работам Зигмонди о коллоидном золоте.

А. Ф. Васильева-Синцова производила на нас впечатление очень целеустремленного, но малообщительного человека. Только значительно позже я узнала, что с 1906 по 1912 год она имела 6 летних заграничных командировок. Она осматривала физико-химические лаборатории в Берлине, Лейпциге, Мюнхене, Гейдельберге, Карлсруэ и работала в некоторых из них. В 1908 году она работала у профессора Зигмонди, в 1909 — в лаборатории фотохимии у профессора Кена, в 1910 — по спектроскопии в Лейпцигском физико-химическом институте.

Переехав в 1917 году на Украину, А. Ф. Васильева-Синцова читала курс физической химии в нескольких институтах, а потом в Харьковском университете, где в 1934 году получила звание профессора.

М. Е. Сергеенко

О С. В. МЕЛИКОВОЙ

Ноябрьский день не по-петербургски светло и ясно смотрел в просторные окна большой комнаты, где только что окончились занятия по греческому языку — первые в этом году для слушательниц Высших женских курсов. Пять девушек оживленно обсуждали метод новой преподавательницы, ее план работы, ее слова и манеру держаться. Итог беседы веско подвела одна из них: «Это молодое существо положительно внушает доверие» (самой говорившей недельки через две должно было стукнуть двадцать лет).

«Молодое существо», так быстро внушившее доверие нашей скептической и требовательной группе, была бестужевка София Венедиктовна Меликова, только что вернувшаяся из заграничной командировки и приглашенная Советом Петербургских Высших женских курсов читать греческого автора и вести занятия по греческой стилистике.

Хочется хотя бы вкратце остановиться на том, чему и как учили на Бестужевских курсах, начиная с 1910 года, нас, желавших специализироваться в той таинственной и пленительной области, имя которой — классическая филология — мы произносили с гордостью и трепетом неофитов, вступавших в преддверие строгого и великого святилища.

Классического отделения — такого, как в университете, — у нас на курсах не было: и по недостатку слушателей, и по недостатку преподавателей. В средней женской школе латынь, а тем более греческий, как правило, не преподавались; для подавляющего большинства женской молодежи оба эти языка представлялись какой-то сказочной и страшной чащей, через которую не пробиться, да здравомыслящему человеку и пробиваться нечего. Что касается преподавательского состава, то у нас были такие корифеи, как Ф. Ф. Зелинский и несколько весьма достойных и знающих преподавателей, предельно занятых чтением элементарного курса латинского языка. По правилам Бестужевских курсов без сдачи экзамена по латинскому языку (требовалось свободное чтение Цезаря) никто не допускался к дальнейшим экзаменам. Греческий язык читал преподаватель Гибель. Раз в неделю занимался он элементарной греческой грамматикой — невыносимо рано утром, очень основательно и предельно скучно.

А между тем среди многочисленных слушательниц М. И. Ростовцева и в более тесной аудитории Зелинского подбирались люди, которые хотели не только слушать об античности, но и заниматься ею. Основное условие для этого разумелось само собой: надо было знать древние языки. Об этом постоянно твердил Ростовцев; на просеминарских занятиях по Плутарху, которые с исключительным умением вела его помощница

С. И. Протасова, мы неизменно чувствовали, что работа над источником в переводе не есть настоящая работа. Мы, правда, уже кое-как „ползали" по греческому тексту: кто с грехом пополам самостоятельно пробивался через дебри аористов и местоимений, кто мужественно боролся с мраком зимнего петербургского утра и посещал Гибеля с его усыпляющей речью. Юность дерзновенна — с нашими весьма скудными знаниями мы осмелились пойти к Ф. Ф. Зелинскому проситься на его воскресный семинарий и были благосклонно приняты.

Фаддей Францевич был единственным из наших учителей, который особенно не настаивал на том, чтобы мы проникли в сокровенные тайны греческой этимологии и синтаксиса. Я думаю сейчас, что в глубине души он считал этот подвиг не под силу женской половине своей аудитории. Широкие обобщения, общие идеи, общую картину античности — вот что хотел он нам дать и давал с основательностью большого ученого и блеском талантливого лектора. Наших старших предшественниц это целиком удовлетворяло: вокруг него собрался кружок восторженных поклонниц античности, большая часть которых своего восторга на греческую грамматику не распространяла.

Наша группа (поступления 1910/11 года) была совершенно иной, и «учитель», как полуласково, полунасмешливо звали мы Зелинского, не раз, вероятно, чувствовал себя среди нас несколько неуютно. Мы не приходили в восторг от самого одушевленного комментария и оставались равнодушны к самым увлекательным построениям. Нам мало было с ними ознакомиться, мы хотели их проверить; нам нужен был материал и метод, чтобы соглашаться или спорить и отвергать. «Все это может быть, так, а может быть, и не так», — заметил кто-то из нашей группы, выходя с какой-то особенно блестящей лекции Зелинского по истории греческой религии.

Новая преподавательница сразу оценила эту тягу к языку, к серьезным и систематическим языковым занятиям.

В воскресном кружке у Ф. Ф. Зелинского встретил нас «Царь Эдип». Можно представить себе, какой страшной пустыней, таившей неведомые и грозные опасности, расстилался софокловский текст перед людьми, чье юное мужество не успело еще покорить грамматику Мора дальше первых 15—20 страниц. При всем нашем стремлении овладеть языком по-настоящему мы, захваченные трудными и большими проблемами, ежедневно встававшими на занятиях и у Зелинского, и у Ростовцева, готовы были стать и уже становились на зыбкий путь приблизительного понимания и перевода по смыслу. Как ни желали мы точных и положительных знаний — фундамента, на котором можно было бы строить гипотезы и системы, — прилепить душу ко второму аористу было выше человеческих сил. В тоскливых метаниях от Мора к «Государству» Платона мы начинали терять всякую путеводную нить.

веру в себя и в доступность для нас той светлой и строгой обители, которая именовалась наукой. В этот-то критический момент и появилась на курсах София Венедиктовна. Только впоследствии, став уже совсем взрослыми людьми, разбредясь по самым разным жизненным дорогам, сумели мы в полной мере оценить, что принесли нам с собою скромные просеминарские занятия греческим языком и чтение автора у нашей новой преподавательницы.

С нею прежде всего в наши занятия вошла система, и мы сразу почувствовали твердую руку, которой можно было довериться. Мы читали «Царя Эдипа»[1] и писали переводы с русского на греческий, последовательно знакомясь с отделами греческого синтаксиса. Наши недочеты в греческой этимологии были тотчас же замечены: нам не только было предложено заняться их пополнением, но указаны были способы и средства, как это сделать, причем применительно к уровню знаний каждого. Мне, например, был дан совет, как пройти всю грамматику от 3-го склонения до глаголов на mi включительно, и к нему приложена толстая книга упражнений (до сих пор помню ее формат и цвет переплета) и предложено было проделать переводы с греческого и на греческий в ряде параграфов, относящихся к глаголам. Я добросовестно прихватила и существительные. Читая «Эдипа» — а читали мы его медленно, — мы должны были отдавать себе отчет в каждом слове; переводя текст, доказать грамматически правильность нашего перевода. Греческий язык стал настоящим центром занятий. Кто-то из нас полушутя, полусерьезно заметил, что к нашему внешнему образу жизни, когда ежедневно по несколько часов уходит на «подготовку к Меликовой», весьма подошел бы перелицованный привет трогистов: "Soeur, il faut apprendre le grec". Можно было прийти к Фаддею Францевичу, справившись с текстом наполовину; явиться так к Софии Венедиктовне — было делом невозможным. Мы долгое время побаивались нашей новой преподавательницы, на строгом и прекрасном лице которой так живо отражалось порицание. Ее сдержанное одобрение было высокой и редкой наградой.

Мы учились у С. В. Меликовой не только формальной грамматике и языку. С нею вступили мы, наконец, в сказочный и заколдованный дворец филологии. Деловито и систематически раскрывалась перед нами сущность работы над текстом: мы знакомились с тем, как работали над ним крупные филологи современности и прошлого; знакомились с критическим аппаратом, с глубокомысленной и остроумной игрой конъектур и постепенно, сами не замечая как, выучились непреложно и на

[1] Занятия эти предназначены были облегчить нам работу у Ф. Ф. Зелинского и подготовить нас к чтению в его кружке, но очень скоро превратились в совершенно самостоятельные.

всю жизнь основной заповеди всякой филологической работы — слушать текст и слушаться его; учиться у автора, а не учить его, навязывая ему мысли, которых нет в тексте, но под которые можно подогнать текст. В научном отношении мы были детьми, когда начали заниматься у Софии Венедиктовны; из ее рук вышли еще не учеными, конечно, но в ее школе приобретшими те навыки, которые необходимы каждому ученому: добросовестно относиться к источнику; не принимать на веру ни одного положения, из какого бы авторитетного источника оно ни исходило, без предварительной проверки; строго проверять собственные утверждения. Саул, отправясь отыскивать отцовских ослиц, нашел царство; выйдя на поиски аористов, мы нашли заповедный клад каждого работника науки — научную совесть.

Мы были избалованы отношением наших учителей: сухость официального преподавания вообще не была в стиле Бестужевских курсов. Наши учителя отдавали нам не промежутки времени, помеченные в расписании и равнодушно отмеренные часовой стрелкой, они отдавали свое сердце. Отдавала его и С. В. Меликова. С безошибочным инстинктом юности, которая при всей своей неопытности по каким-то неведомым признакам умеет разгадывать людей и оценивать их по-молодому требовательно и ригористично, мы догадались о том, какие золотые россыпи доброты к людям, к нам, таятся под строгой внешностью нашей молодой учительницы. Теперь мы шли к ней за советом и помощью: у одной не ладилось с трудными размерами хора; другая ни зги не видела в тексте Пиндара, без которого было не обойтись для доклада; третья советовалась насчет выбора темы.

Весна 1913 года была омрачена для нас страшной и трагической смертью одной из наших соучениц. Сколько внимания и ласки увидели мы тут от Софии Венедиктовны. До сих пор помню число и день нашей беседы, помню то чувство почти физического облегчения, с которым мы вышли от нее, словно чьи-то крепкие руки подхватили ту тяжесть, под которой подламывались наши плечи.

Так далеко позади эти прекрасные годы учения. В буйном потоке времени мы растеряли друг друга. И горькая обязанность сказать слова благодарности и любви человеку, которого давно нет, но который дал столько нам всем, выпала на мою долю, единственной, может быть, еще оставшейся в живых из тех, кто работал у Софии Венедиктовны. Но если бы случилось чудо и мы все собрались вместе — я знаю, — мои слова были бы подхвачены всеми: священна память об учителе, и сохраняется она преемственно в поколениях учеников.

С. Ф. Айнберг-Загряцкова

ПОСТАНОВКА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ У А. И. ЗАОЗЕРСКОГО

Александр Иванович Заозерский вел на ВЖК практические занятия по русской истории. Сначала только просеминарий, затем и семинарий. Впервые он появился в аудитории 10 января 1910 года, т. е. во втором семестре 1909/10 учебного года. К концу первого семестра выяснилось, что человек пятьдесят по группе русской истории осталось вне просеминариев. Для ведения просеминария во втором полугодии был приглашен А. И. Заозерский. Среди слушательниц уже циркулировали слухи, шедшие из университета, что это один из выдающихся учеников известного русского историка С. Ф. Платонова, что хотя он еще только студент IV курса, но это зрелый ученый, ранее получивший образование в Московской духовной академии, что он автор обратившей на себя внимание статьи о Земских соборах на Руси, у него есть 10-летний опыт работы в средней школе, что, наконец, это умный и серьезный человек, завоевавший уважение и признание своих товарищей. Естественно, что эти разговоры возбудили интерес к новому преподавателю, и на первом собрании группы аудитория была полна.

В назначенный час в аудиторию вошел А. И. Заозерский. Он явно был смущен. Первое впечатление — «типичный семинарист». Однако стоило ему поднять на собравшихся свои большие серые, умные и строгие глаза, как сразу почувствовалось: это — настоящий преподаватель, и между ним и аудиторией протянулись ниточки симпатии и доверия.

Он сразу приступил к делу. Охарактеризовал в общих чертах предложенную им тему и подтемы для отдельных докладов, ознакомил с планом и системой предстоящих занятий. Тема просеминария «Земские соборы в Древней Руси» — вопрос, которым Александр Иванович занимался в университете. Сделанный им в семинарии С. Ф. Платонова доклад на эту тему вызвал такой интерес и получил такую высокую оценку со стороны последнего, что был напечатан в Журнале министерства народного просвещения, куда доступ начинающим был отнюдь нелегок. С. Ф. Платонов рассказывал, как отозвался редактор журнала об этой работе: «В ней (статье. — *Ред.*) редкое качество — это умная статья». Достаточно прочесть ее, чтобы согласиться с этим мнением.

План занятий по теме «Земские соборы в Древней Руси» был составлен по хронологическому принципу, начиная с собора 1550 года. Тут же преподаватель поставил требование, чтобы доклады шли в той последовательности, в какой они намечены по плану, потому что дело не

только в том, чтобы ознакомиться с каждым из происходивших в Древней Руси соборов в отдельности, но и в том особенно, чтобы проследить общий ход развития своеобразной формы представительного правления в Московском государстве, а этого можно достигнуть, лишь придерживаясь хронологического порядка в изучении вопроса.

Так как речь шла о просеминарских, т. е. подготовительных, занятиях со слушательницами, еще незнакомыми с приемами работы по первоисточникам, для каждой темы была указана литература, без требования самостоятельного анализа исторических памятников.

Намечен был и самый порядок проведения занятий:

1. Доклады должны быть обязательно в письменной форме. Мотивировалось это тем, что письменно излагать свои мысли куда труднее, чем устно. Если человек хорошо владеет словом, он легко может, пользуясь способностью непосредственного воздействия на аудиторию, дать поверхностное изложение вопроса, а вот чтобы письменно обосновать какое-нибудь положение, требуется и хорошее знание предмета, и умение излагать свои мысли в логической последовательности, т. е. правильно построить работу.

2. По каждой теме должны представляться два доклада, чтобы в лице второй докладчицы был обеспечен оппонент.

3. Доклады представляются заранее, чтобы и руководитель, и участницы занятий могли ознакомиться с ними предварительно.

Для проведения в жизнь намеченного преподавателем плана необходимо было четко организовать работу просеминария. В каждой группе, как просеминарской, так и семинарской, была «заведующая». Обычно это была одна из участниц практических занятий, добровольно бравшая на себя секретарские функции и несшая моральную ответственность за бесперебойную работу группы. Не только слушательницы, но и преподаватели высоко расценивали деятельность заведующих. Так, когда на следующий год Александр Иванович предложил тему «Происхождение крепостного права в России», С. Ф. Платонов, которого он знакомил с планом семинарских занятий по данному вопросу, сказал: «Чтобы осуществить этот план, надо хорошо организовать семинарий», на что преподаватель ответил: «Я чувствую себя со своей заведующей, как за каменной стеной», — и только тогда профессор одобрил намеченную программу занятий.

Новой группе прежде всего и предстояло избрать заведующую. На первом собрании присутствовала староста (депутатка) историко-филологического факультета. Это была курсистка, уже готовившаяся к последним экзаменам, убежденная сторонница взгляда, что высший орган самоуправления слушательниц курсов (совет депутаток, как он назывался в указанное время) должен уделять много внимания правильной

постановке учебного процесса. Она и взяла на себя по просьбе участниц просеминария обязанности заведующей.

Несмотря на некоторую случайность в подборе участниц первого просеминария, состав его оказался довольно удачным. Со стороны всей группы в целом обнаружилось серьезное отношение к докладам и обсуждению их на собраниях. Пропусков почти не было. Во всем этом сказалось, несомненно, влияние руководителя, который был уже вполне сложившимся ученым, с большой эрудицией, позволявшей ему свободно ориентироваться в любом вопросе прошлого России. Всегда чувствовалось, что он прекрасно владеет предметом.

Обсуждение докладов А. И. Заозерский вел по определенной системе, все время удерживая стержневую нить, и не позволял уклоняться в сторону. При этом он учил мыслить, привлекал слушательниц к активному участию в беседе, и заседания проходили живо и интересно.

В своем заключительном слове руководитель искусно подытоживал прения, подвергая как доклад, так и отдельные выступления подробному разбору. У него нельзя было отделываться общими фразами и ссылками на авторитеты: он требовал обоснованных выводов, самостоятельного, хотя бы только по литературным данным (в просеминариях), подхода к решению вопроса. Сам он был человеком сильной логики, сразу замечал противоречия, слабость аргументации, непоследовательность в построении доклада и терпеливо, шаг за шагом распутывал «узелки».

Был Александр Иванович требователен и к форме изложения. Он говорил, что излагать свои мысли сжато, четко и убедительно — большое искусство и приобретается оно в результате упорного труда, терпения и настойчивости. В подтверждение он любил рассказывать, что такой блестящий стилист, как В. О. Ключевский, не ленился по четыре раза переделывать даже записку приятелю с приглашением на партию в вист. «Вот как вырабатывается мастерство», — прибавлял он.

Установленных часов для консультаций у А. И. Заозерского не было, но слушательницы всегда могли обратиться к нему за разъяснениями и советом. Атмосфера занятий была дружеская.

На 1911/12 учебный год А. И. Заозерский объявил тему просеминария: «Боярская дума в исторической литературе», ставя задачей занятий научить первокурсниц читать научную литературу.

В основу работы было положено чтение «Боярской думы» В. О. Ключевского, темой каждого доклада служила отдельная глава этой книги. От докладчицы требовалось изложение содержания данной главы с посильным критическим анализом на основе привлечения дополнительной литературы, указанной в плане занятий и самостоятельно подобранной, и выдвинутых автором положений.

А. И. Заозерский преподавал на Бестужевских курсах с 1910 года до конца их существования. За эти годы он провел целый ряд просеминариев и семинариев на разные темы.[1] Постепенно центр его внимания переносился на семинарские занятия. Темами служили основные вопросы русского исторического процесса. Тут было и происхождение крепостного права, и формы землевладения в допетровской Руси, и верховное управление в Московском государстве XVI—XVII веков, и петровские преобразования. Несколько особняком стояла тема (1912/13 учебный год) «Судебник царя Федора Иоанновича». При изучении этого интересного памятника русского права во всем блеске проявился аналитический дар преподавателя, его способность сосредоточиваться на основном и существенном, его умение связывать юридические нормы с социально-экономическими условиями породившей их эпохи.

Особенно много внимания он уделял коренному вопросу русской истории — крепостному праву. Первый же семинарий он посвятил этой важнейшей теме.

С каждым годом повышался уровень практических занятий у А. И. Заозерского — и сам он рос как ученый, и участницы этих занятий взрослели. Характерное явление: те слушательницы, которые начинали в просеминарии, оставались потом в его семинариях до окончания курсов. Несколько человек из них впоследствии были оставлены при кафедре русской истории «для подготовки к профессорскому званию», как тогда выражались. По статуту курсов, А. И. Заозерский, носивший в то время только звание преподавателя, не имел формального права оставлять при кафедре. Оставлял их от своего имени С. Ф. Платонов. Некоторые из оставленных были приняты в так называемый «маленький семинарий» или «маленький кружок» Платонова, состоявший из одних оставленных при кафедре.

Александр Иванович принадлежал к лучшей части профессорско-преподавательского состава историко-филологического факультета в целом и группы русской истории в частности. Научно-исследовательская работа была его жизнью, а преподавательская деятельность — возможностью передать свои знания и свою любовь к науке молодому поколению.

Обладая аналитическим и в равной мере синтетическим умом, А. И. Заозерский, подвергая первоисточники строгой критической оценке, умел по-своему интерпретировать их и делать свои собственные научные выводы.

Любовно обрабатывая детали, изучая частные явления, он находил им надлежащее место в своих построениях, сосредоточивая, однако,

[1] Справочные книжки С.-Петербургских Высших женских курсов за 1910/11 и 1916/17 годы.

внимание на узловых вопросах русского исторического процесса. Все эти качества проявились в его магистерской диссертации, которую он защищал в Петербургском университете весной 1917 года. Некоторые ее положения вызвали горячие споры. Но оппоненты — надо отдать им справедливость — высоко оценили положительные стороны диссертации и отметили большие возможности ее автора как исследователя.

По окончании диспута, тут же в аудитории, своего преподавателя публично приветствовали его ученицы. В то время у него были две семинарские группы, и от каждой отдельно ему был преподнесен адрес. Устное приветствие от той группы, в которой еще сохранилась основа первого просеминария, было кратким, но в нем были отмечены наиболее характерные черты преподавательского метода А. И. Заозерского и выражена горячая благодарность за школу, которую под его руководством прошли слушательницы, — школу, заложившую фундамент для их будущей научной работы.

Между учителем и его ученицами действительно существовала хорошая, дружеская связь, не прерывавшаяся и по окончании слушательницами курсов. Он привлекал к себе не только как ученый и преподаватель, но и как мыслящий человек, общение с которым неизменно обогащало собеседника.

В отношении слушательниц немалую роль играл его взгляд на женщину и женский вопрос, который тогда дискутировался в русском обществе. Он стоял за полное женское равноправие. И в разговоре на любую тему, самую отвлеченную, чувствовалось его уважение к женщине. Это подкупало.

Подкупал и весь его моральный облик. А. И. Заозерский казался суховатым, но это была не столько сухость, сколько сдержанность и строгость. Он был нетороплив, внешне спокоен, речь лилась без резких взлетов, спор он вел вдумчиво и убежденно, внимательно выслушивал возражения. В нем чувствовался крепкий моральный стержень, и это вызывало уважение даже со стороны противников. Он был взыскателен к себе и другим. Но при всей своей строгости и требовательности это был чуткий человек — критикуя, он неизменно отмечал положительные стороны работы, стремясь в каждом поддержать веру в свои силы.

А. И. Заозерский считался учеником С. Ф. Платонова. Формально это верно: он был оставлен при Петербургском университете С. Ф. Платоновым. Но Александр Иванович пришел в университет в 34-летнем возрасте, человеком с вполне определившимся мировоззрением. Он был далек от традиционного направления в русской историографии, которого держался Платонов. Он ценил Сергея Федоровича как ученого и его научные труды ставил высоко, но его собственная историческая концепция строилась на других основаниях. А. И. Заозерский придавал большое значение социально-экономическому фактору и в этом

шел в ногу со своим временем, когда вопросы социально-экономической истории выдвигались на первый план.

Ученый-исследователь, прекрасный педагог, скромный и доброжелательный к людям — таким остался в памяти благодарных учениц А. И. Заозерский, один из лучших преподавателей Бестужевских курсов.

А. А. Семашко

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О НИКОЛАЕ КИРЬЯКОВИЧЕ ПИКСАНОВЕ

В гимназии моим любимым предметом была литература. Поэтому, окончив курс гимназии, я решила стать преподавательницей литературы; но, конечно, преподавательницей хорошей, квалифицированной. И я поступила в 1909 году на ВЖК. Чего я ждала от курсов? Во-первых, чтобы курсы помогли мне уяснить тайну художественного творчества. Во-вторых, я надеялась, что, может быть, я смогу использовать в своем преподавании некоторые приемы и методы, которыми вооружат меня курсы для понимания сущности и значения художественной литературы. Мне нужны были не методические рецепты, а приемы анализа художественного произведения.

Много мне дали прекрасные лекции профессоров Д. Н. Овсянико-Куликовского, С. А. Венгерова, Н. А. Котляревского. Но больше привлекала работа в семинариях: хотелось научиться самостоятельно разбираться в трудных проблемах литературоведения. Я начала работать в семинарии, которым руководил доцент Николай Кирьякович Пиксанов.

Мне нравилось, что обсуждение докладов слушательниц курсов развертывалось здесь в оживленный обмен мнений, что все с интересом принимали участие в разгоравшихся спорах, свободно и смело высказывали свое мнение, иногда в увлечении даже перебивали друг друга. И меня поражало, как умело направлял Николай Кирьякович этот шумный, разноречивый поток высказываний в нужное русло, как тонко делал анализ и давал оценку отдельным выступлениям, как четко делал выводы и подводил итоги обсуждения.

Но совершенно пленила меня исключительная тактичность Николая Кирьяковича. Он терпеливо выслушивал все высказывания, как бы иногда наивны они ни были. Если же он улавливал в отдельных выступлениях нотки переоценки автором своих сил, своих достижений, он не прибегал к резкой критике, к суровому разоблачению. Он задавал два-три вопроса по существу доклада, но ставил их так искусно,

что ответ на них выявлял допущенные ошибки и все становилось на свое место.

И еще одно интересовало меня в работе этого семинария: нам казалось, что Николай Кирьякович не только много давал нам, но и от нас ждал для себя чего-либо интересного, нового, ждал, не проскользнет ли в пестром потоке высказываний какая-либо самостоятельная, оригинальная мысль, ждал, не промелькнет ли в наших работах какая-либо интересная находка. И это возбуждало, поднимало нас, хотелось глубже, вдумчивее разобраться в материале, хотелось добраться до каких-то своих, самостоятельных выводов и открытий.

Николай Кирьякович учил нас, как шаг за шагом вести исследовательскую работу: как и где искать материал для взятой темы; как разобраться в этом материале, отобрать в нем нужное; как соотнести данные, полученные из разных источников; как сделать из них выводы и обобщения и, наконец, как сопоставить полученные выводы с собственным взглядом на данный вопрос и только тогда уже подводить итоговое заключение. Поэтому он давал такие темы, для работы над которыми требовалась и доля самостоятельных изысканий.

Я взяла тему «Автобиографические черты Гончарова в образе Адуева старшего» (по роману „Обыкновенная история"). Как известно, биографический материал о Гончарове довольно бедный, так как он при жизни приложил много усердия, чтобы его осталось как можно меньше.

Я начала с того, что перечитала почти все художественные произведения Гончарова, внимательно улавливая, как отразились в них взгляды, черты мировоззрения автора. Потом ознакомилась с прямыми высказываниями Гончарова в его статьях, письмах, воспоминаниях современников. Тогда у меня сложился более или менее полный духовный облик Гончарова, и я смогла отметить, какие свои черты — частью положительные, частью, с его точки зрения, отрицательные, — он вложил в образ Адуева старшего.

Так увлекательно, оживленно, интересно шла наша работа под умелым руководством талантливого ученого и педагога.

В заключение хочется отметить, какой огромный вклад в историю русской культуры внес Николай Кирьякович Пиксанов, выпуская из своих семинаров и самостоятельных исследователей в области литературоведения, и кадры квалифицированных преподавателей литературы. Как часто мы, бестужевки, вспоминаем нашего любимого, глубокоуважаемого, высокоэрудированного учителя, с какой гордостью говорим: «Мы — ученицы Николая Кирьяковича Пиксанова!».

14 Зак. 472

М. А. Шильникова

ВЕНГЕРОВ СЕМЕН АФАНАСЬЕВИЧ[1] (1855—1920)

На историко-филологическом факультете Бестужевских курсов в 1915—1918 годы я слушала лекции выдающихся русских ученых-литераторов: Д. Н. Овсянико-Куликовского, Н. А. Котляревского, С. А. Венгерова, В. В. Сиповского. Одним из самых популярных и уважаемых слушателями профессоров был С. А. Венгеров, так как именно он передавал нам свою восторженную любовь к великой русской литературе, преклонение перед ее революционно-освободительными традициями («общественностью»), ее героизмом в борьбе с тиранией.

Передовое студенчество особенно ценило С. А. Венгерова как «служителя свободной науки, ненавистной правительству, стремящемуся изгнать из стен университета все проявления независимой мысли».[2] С. А. Венгеров еще в 1899 году был отстранен от преподавания в университете «за левизну», и только через 7 лет — в 1906 году был допущен к чтению лекций в университете в звании приват-доцента. В 1910 году был избран профессором Психоневрологического института, а с мая 1910 года — профессором ПВЖК.

Я сохранила самое живое и благодарное воспоминание о С. А. Венгерове. Возможно, что сильное впечатление лекции С. А. Венгерова оставили во мне потому, что весь академический 1915—1916 учебный год он посвятил своей главной и наиболее близкой ему теме — А. С. Пушкину — «Жизнь, творчество, тексты А. С. Пушкина», что стало любимейшей темой и в моей педагогической практике.

С волнением вступила я в первый раз в самую большую 10-ю аудиторию Бестужевских курсов, всегда переполненную слушателями. Здесь 2 раза в неделю проходили двухчасовые лекции С. А. Венгерова.

Вот вошел профессор, раскланялся с аудиторией, положил на кафедру несколько узких листочков, книгу с закладкой и начал, как мне показалось, несколько напряженным голосом лекцию: «Милостивые государыни...» (так было принято). Но быстро его лекция наполнялась таким богатым содержанием, такими по-новому освещенными фактами, что слушатели забывали записывать, с увлечением слушали новое слово о таком, казалось бы, хорошо знакомом предмете. Вспоминаю, какое

---

[1] Мои воспоминания о С. А. Венгерове, написанные для 2-го издания сборника, продиктованы большим уважением к памяти учителя многих поколений преподавателей литературы и литературоведов и желанием восстановить истинное лицо крупного ученого, его заслуги и значение в противовес односторонней искажающей представление о нем краткой аннотации в разделе «Библиографического указателя „Высшие женские (Бестужевские) курсы"» (изд.-во «Книга», 1966, стр. 134).

[2] См. статью Р. Кантора «Боевое крещение С. А. Венгерова». «Вестник литературы», 1920, № 10.

большое впечатление произвело на меня вдохновенное слово профессора о чтении Пушкиным огромного количества книг по истории, философии, литературе, истории культуры, мемуаров, летописей, художественной литературы на русском и французском языках, о настойчивом стремлении Пушкина «...в просвещении стать с веком наравне», о его смелых, глубоких по мысли заметках по поводу прочитанного. Как верно Пушкин понял и оценил Байрона, Шекспира! Как самобытно решал он самые большие проблемы художественного творчества!

Касаясь принятых в начале века толкований о литературных влияниях, отраженных в творчестве Пушкина, Венгеров всегда отстаивал и подтверждал самобытность творчества великого русского поэта. Так он полемизировал с В. В. Сиповским, отмечавшим сходство (а следовательно — влияние) «Рене» Шатобриана с «Кавказским пленником» Пушкина. С. А. Венгеров полностью опроверг это утверждение, доказав на тексте произведений их идейную противоположность. Резко возражал Семен Афанасьевич против утверждения того же Сиповского о влиянии на Пушкина немецкого писателя Рабнера и о заимствовании сюжета из его «Летописи деревни Кверлеквич» в «Истории села Горюхина» Пушкиным. Венгеров полностью опроверг это заимствование, с чем согласился впоследствии и В. В. Сиповский.

Глубоко сожалею, что не сохранились записи лекций Венгерова о михайловском периоде в творчестве Пушкина. Но вспоминаю, какая волнующая картина гениального творчества в скромной раме села Михайловского встала перед нами! Обширные познания поэта в области литературы и поэзии, мировой и русской истории, размышления над судьбами народов, народных вождей, правителей — все это давало богатую пищу его творческому воображению.

Пушкин настаивал на том, что «драматическому писателю нужно философское бесстрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, отсутствие предрассудков любимой мысли, свобода».

Созданные им образы, могучие драматические характеры не имеют себе равных в литературе.

Пушкин писал, что Шекспиру он подражал в «вольном и широком изображении характеров», но в творчестве Пушкина все преломлялось по-иному, самобытно, сообразно с русским характером, русской историей. Теперь общеизвестно то, что нам тогда впервые открывал С. А. Венгеров в сопоставлении Пушкина и Шекспира.

Лекции С. А. Венгерова волновали нас еще и потому, что они носили на себе как бы отпечаток самого близкого общения профессора с подлинными рукописями великого поэта. (Он работал по подлинным «Тетрадям» Пушкина, хранившимся в Румянцевском музее), поэтому нередко лекция С. А. Венгерова обогащалась «открытием» нового тек-

ста, нового варианта, нового пропущенного небрежными издателями исправления, сделанного поэтом в тексте. С каким волнением рассматривали мы фотоснимки с этих рукописей, со следами исправлений, рисунками, которые чертил Пушкин в раздумье, — со всеми движениями его пера, то летящего быстро, без помарок, то несколько раз перечеркивавшего и исправлявшего стих.

Исследования С. А. Венгеровым текста Пушкина не были самоцелью, они всегда имели глубокий идейный смысл, проливали новый свет на понимание того или другого текста.

Касаясь векового спора сторонников «чистого искусства» и «искусства для жизни», С. А. Венгеров не отрицал, что в зрелую пору творчества, в так называемый «объективный» его период, бросая вызов своим врагам, Пушкин утверждал в письмах, что «цель поэзии — поэзия». В его стихах можно найти не раз утверждения свободы творчества поэта, высокого служения искусству, но, как чуткое «эхо», поэт тут же откликался на живые вопросы современности, на исторические и политические события («Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и т. д.). В романе «Евгений Онегин» «поэт, теоретически отрицавший служение искусства жизни, в образе Татьяны дал такой высокий моральный урок русскому обществу, что он один может определить основной характер поэзии Пушкина».

Показывая нам фотографический снимок рукописи стихотворения «Я памятник воздвиг себе нерукотворный», написанного в 1836 году, когда поэт нередко думал о смерти и подводил итог всего своего творчества, С. А. Венгеров обращал наше внимание на то, что́ было написано и энергично перечеркнуто Пушкиным после слов: «И долго буду тем любезен я народу...» — в следующей строке. Было: «что звуки новые для песен я обрел»... Но твердо и без обычных у поэта помарок, т. е. без колебаний, Пушкин перечеркнул это и написал новую строку, в которой выразил свое главное теоретическое credo:

Только к памятнику того «не зарастет народная тропа», кто «чувства добрые... лирой пробуждал», кто «в свой жестокий век восславил свободу» и т. д., «т. е. кто был учителем жизни, — говорил С. А. Венгеров. — И зачеркивается формула эстетическая, а взамен дается учительно-гражданская».[3]

В лекциях о лирике Пушкина, к которой С. А. Венгеров относился как к редкой драгоценности, он ссылался на слова Белинского о высоком художественном совершенстве, «нравственном чувстве», воспитательном значении лирики Пушкина.

Помню, одна лекция так и называлась «Чуть-чуть в искусстве». На ней мы близко соприкоснулись с тайной творчества Пушкина, с его

---

[3] По моим записям лекций С. А. Венгерова.

работой над художественной тканью произведения по рукописям вариантов стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...».

Изучение рукописей Пушкина помогло С. А. Венгерову исправить допущенную в первом посмертном издании сочинений Пушкина ошибку в названии повести Белкина «История села Горюхино». Было неправильно напечатано «Горохино», тогда как в рукописи Пушкина в 30 случаях четко написано «Горюхино». И С. А. Венгеров неопровержимо доказал, что «Горюхино», по замыслу Пушкина, столь же символично, как «Горелово, Неелово, Неурожайка тож» — Некрасова.

Венгеров отмечал, что название «Горохино» противоречит правилам русского языка и является еще большей ошибкой против истории доподлинно русского народа. «Не до смеха тут, не о „шутах гороховых" и не к временам „царя Гороха" устремлен взор поэта-историка. В словаре Даля при слове „горюха" сказано — см. „Горе". Вот из какого источника и Пушкин взял свое Горюхино — николаевская Россия тож».

Нельзя не остановиться хотя бы очень кратко на занятиях Пушкинского семинария.

С. А. Венгеров был образцовым руководителем научных работ студентов и Пушкинского семинария. Его большая квартира, представлявшая собой как бы литературный музей или библиотеку, огромные библиографические «богатства» в виде картотеки, справочных изданий, последних литературных новинок, изданий сочинений Пушкина разных лет, начиная от первого посмертного издания, — все предоставлялось С. А. Венгеровым студентам для использования в работе.

«Летопись» заседаний Пушкинского семинария доведена только до средины 1915 года, но занятия продолжались еще (почти) 2—3 года. Судя по «Летописи», за 7 лет в университете было проведено 113 заседаний семинария, прослушано около ста докладов студентов, не считая докладов С. А. Венгерова. На Бестужевских курсах из записанных в «Летописи» за 1911—1915 годы проведено 50 заседаний, на них заслушано 46 докладов. В занятиях участвовало 319 слушательниц, свыше 100 студентов посещали занятия.

Секретарь семинария А. Фомин пишет: «Успех Пушкинского семинария объяснялся горячей любовью С. А. Венгерова к Пушкину, уменьем зародить интерес к нему, преклонение перед ним.

С. А. умел каждого студента побудить к работе. В занятиях не было ничего обязательного, даже в тематике допускались „вольные" темы собственной формулировки».[4]

Необычайная чуткость руководителя к новым проблемам в жизни, политике и в литературе, умение понять и дать простор тем, кто увлечен той или другой проблемой, даже кто увлечен только художественной

[4] См. ст. А. Фомина «С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария». Сб. «Пушкинист», т. IV, Л., 1920.

формой, — все это сплачивало студентов, внушало веру в свои силы. Студенты занимались «бескорыстно», уже и имея зачеты и не заинтересованные в отметке. Занимались студенты даже других факультетов, юристы, естественники, медики.

Некоторые труды Пушкинского семинария вошли в сборник «Пушкинист» (4 выпуска).

Здесь было положено и начало собирания материалов к обширнейшему «Словарю Пушкинского поэтического языка» — этой важнейшей задаче пушкинистов.

После Великой Октябрьской социалистической революции С. А. Венгеров с еще большей энергией продолжал научную и общественную деятельность. Он читал лекции в рабочих аудиториях, для матросов, солдат, широкой публики.

По свидетельству А. Фомина, С. А. Венгеров всегда тщательно готовился к этим лекциям, «освежал» в памяти тексты художественных произведений, так как именно самому художественному слову он придавал главное значение.

Библиографическое наследство, оставленное С. А. Венгеровым, очень велико. Его картотекой по всей русской литературе и библиографическим изданием еще долго будут пользоваться наши литературоведы.

Свою огромную библиотеку С. А. Венгеров подарил «Российской книжной палате», которую сам основал и был ее первым директором.

Но перехожу к итогам. Мы знаем теперь наивность и ошибочность взглядов С. А. Венгерова на историю развития русской литературы только на основе развития и смены революционно-освободительных идей и настроений («общественности», как тогда называл Венгеров), на их взаимовлиянии, но без классового анализа.

Ошибочность методологических положений Венгерова — отражение взглядов разночинной интеллигенции 80—90-х годов XIX века.

Но не эта слабая, идеалистическая концепция определяет общественное значение лекций и научных трудов С. А. Венгерова, а богатство их содержания и подчеркнутая революционно-освободительная тенденция.

Имя С. А. Венгерова было очень популярно среди словесников. После его смерти в 1920 году в Петрограде, Москве, Томске были проведены собрания преподавателей словесности, ученых и литераторов, на которых с глубокой благодарностью вспоминали С. А. Венгерова, все то «разумное, доброе, вечное», что он давал своим ученикам. Высокий идейный настрой его лекций, их богатое содержание, первостепенное значение в них текста, т. е. самого художественного слова, — все это, безусловно, обогащало нас важнейшими качествами для будущей педагогической деятельности.

И вот теперь, спустя 50 лет, оглядываясь назад, как опытный учитель и методист, член КПСС, объективно могу сказать, что успеху и радости в своем преподавании литературы я во многом обязана С. А. Венгерову.

В заключение хочется сказать словами Пушкина:

«Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим».

М. Ф. Щербакова

ПРОФЕССОР ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ

Еще в гимназические годы я знала академика Д. Н. Овсянико-Куликовского по его книгам и рассказам моей учительницы, бывшей бестужевки Н. Л. Рущинской. Я читала его книги всегда с увлечением и удивлялась глубокому знанию психологии человека. То обстоятельство, что профессор Овсянико-Куликовский преподает на ВЖК, было решающим в выборе мною высшего учебного заведения.

В 1907 году профессор Овсянико-Куликовский был избран почетным академиком. В том же году приглашен на ВЖК. Здесь он читал лекции на темы: «Психология мифа и первобытных верований», «Психология художественного творчества» и вел семинарии по литературе второй половины XIX века. Я всегда посещала его лекции и практические занятия. И те и другие пользовались популярностью среди слушательниц. «Слушательницы рвутся к вам в семинарий», — говорил директор курсов профессор С. К. Булич. И действительно, они рвались к нему. Бывало, список уже заполнен, а есть еще немало жаждущих, осаждающих секретаря курсов просьбами записать их к профессору Овсянико-Куликовскому. Звонили по телефону к нему самому, умоляя принять еще несколько человек, — и он соглашался.

В ту пору борьбы сторонников реалистического творчества и представителей «чистого искусства» Дмитрий Николаевич был постоянным защитником реализма и с глубоким уважением относился к В. Г. Белинскому и Н. А. Добролюбову, первым его теоретикам и пропагандистам. Больше всего профессор останавливал внимание на реалистических образах, так как видел в них отражение жизни.

В выборе тем для рефератов предоставлялись широкие возможности: дать общий очерк о писателе, анализ психологии творчества писа-

теля, отдельного произведения или типов, писем писателя, его языка, стиля и т. д. К каждой теме Дмитрий Николаевич указывал литературные иточники, но в то же время советовал исходить из текста художественного произведения, анализировать его самостоятельно, не прибегая ни к каким пособиям, делать выводы из него; поощрял самостоятельные работы, написанные без использования критики и пособий. Дмитрий Николаевич рекомендовал излагать рефераты устно. Работы подвергались тщательному и глубокому анализу и обсуждению при живом участии руководителя. Для нас, слушательниц, особенно интересны и ценны были высказывания самого профессора, не лишенные подчас известной доли юмора.

Профессор рассказывал нам о людях, встретившихся ему в жизни, перед которыми он преклонялся и которые оказали на него большое влияние. Таким был харьковский профессор Александр Афанасьевич Потебня, «человек высокого строя души, натура исключительной интеллектуальной и моральной силы».

Популярны были и лекции, и книги профессора Овсянико-Куликовского. Он читал лекции в самой большой, расположенной амфитеатром 10-й аудитории. Она всегда была переполнена. Мест не хватало. Сидели на окнах, на ступеньках кафедры, стояли.

Бестужевки бывали на его лекциях и в университете, куда приезжали слушать его студенты других высших учебных заведений. Там ни одна аудитория не вмещала желающих, и для его лекций был предоставлен актовый зал. Дмитрий Николаевич читал негромким, проникновенным голосом. Аудитория замирала. Он покорял глубиной мысли и богатством содержания своих лекций: он действительно творил и вовлекал в свое творчество аудиторию. Все его лекции были проникнуты твердым убеждением в том, что человечество в своем эволюционном развитии закономерно идет по пути прогресса. Отсюда оптимизм лектора. Эта твердая убежденность учителя для нас, его учениц, осталась путеводной нитью на всю жизнь и источником оптимизма в работе по окончании курсов.

Дмитрий Николаевич особенно ценил произведения критического реализма. «Без рефлексии, без критики, без отрицания человечество остановилось бы в своем развитии, не вышло бы из блаженного неведения своей умственной темноты и нравственной наготы».[1]

Мы прислушивались к каждому его слову и горячо любили его. Отношение к нему учащейся молодежи особенно ярко выявилось в праздновании в 1913 году 35-летия его научной и литературной деятельности. Чествование Дмитрия Николаевича на курсах состоялось 19 марта в

[1] Собр. соч., т. II, 1911, стр. 137.

актовом зале, переполненном слушательницами. Это был не обычный юбилей. Профессор С. А. Венгеров говорил, что в лице юбиляра чествовали «в ученом человека». В газетах писали, что «это было большое событие, которое неизгладимой чертой останется в памяти всех слушательниц».[2]

23 марта состоялось общегородское чествование в одном из петербургских ресторанов. Здесь присутствовал, как писали в газетах, «весь цвет столичной интеллигенции и литературного мира и учащаяся молодежь».[3] Особенно сильное впечатление оставили адрес слушательниц ВЖК с 1500 подписями и адрес студентов университета, которые просили его вернуться к ним, как ученого, громко заявившего, что только в условиях демократического общественного строя возможен полный расцвет научной мысли.[4]

Свою популярность и авторитет профессор Д. Н. Овсянико-Куликовский сохранил до конца жизни. После Великой Октябрьской революции, в 1920 году, он состоял профессором университета в Одессе.

Ряд советских ученых отмечал заслуги академика Д. Н. Овсянико-Куликовского в области русского литературоведения. И. Г. Илюхин в своей большой статье о нем пишет: «Всю свою жизнь ученого он посвятил развитию и обогащению русской филологической науки и своими трудами оставил в ее истории заметный след».[5]

---

[2] «Киевская мысль», 27 марта 1913 г. № 86.

[3] «Южный Вестник», 27/III—1913 г.

[4] Описание юбилея в работе М. Ф. Щербаковой «Мои учителя». Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК. (М. Ф. Щербакова написала также работы: «Профессор С. А. Венгеров. Очерк жизни и деятельности», «Академик Д. Н. Овсянико-Куликовский. Очерк жизни и деятельности». Эти работы находятся в фондах ВЖК при Ленинградском университете).

[5] Ученые записки Харьковского государственного университета за 1956 г.

М. В. Спасоклинская

ЛИСТОК ВОСПОМИНАНИЙ

Бестужевские курсы занимают в моей жизни всего 4 года (с 1910 по 1914 год), но эти годы заложили основу всей моей последующей жизни. Меня научили работать. Каждый экзамен был не только проверкой моих знаний, но и оценкой моего отношения к работе.

С благодарностью вспоминаю профессора Д. Н. Овсянико-Куликовского, который руководил семинарием по русской литературе. Это был обаятельный человек. Как любили мы его слушать! Говорил он спокойно

и умел привлечь внимание к самому важному и существенному. Мы шли к нему за разъяснением тех или иных вопросов, не боясь обнаружить свое невежество, и всегда получали от него исчерпывающие объяснения, а иногда даже похвалу, что додумались до таких вопросов.

Наступило время выбрать тему для реферата. Д. Н. Овсянико-Куликовский предоставлял нам полную свободу в выборе темы, но не отказывал в совете, если к нему обращались.

— Я люблю Тургенева, но не знаю, что мне выбрать.

— Почему бы вам не остановиться на «Дворянском гнезде»?

— Что прочесть?

— Прочесть? Ничего. Пишите только то, что вы сами думаете о героях этого романа. Предположите, что еще никто не писал ничего о «Дворянском гнезде» и даже моих книг вы не читали. Вот что я вам могу посоветовать.

Еще гимназия научила нас собирать факты, обобщать их и делать выводы.

По этому плану начала я изучать поступки героев романа, работой увлеклась. Я порицала Лизу за уход в монастырь; считала, что она, здоровая и молодая, могла бы с большей пользой прожить, работая, что за работой она скорее забыла бы свое горе.

Настал решительный день. Я выступаю с рефератом. Свободных мест в аудитории мало, занятия семинария всегда посещались охотно.

Начала я читать, а от волнения голоса не хватает, голос дрожит, а тут еще крики с мест: «Громче, громче! ..». «Вы же видите, автор волнуется, но это скоро пройдет», — успокоил аудиторию профессор. И действительно, скоро я стала читать громко и выразительно. Чтение закончено. «Какие будут замечания?» — спрашивает руководитель. Полная тишина в ответ.

«С моей стороны тоже не будет никаких возражений. Единственно, что я могу сделать, — это поблагодарить автора. Я дожил до седых волос, а мне никогда не приходило в голову так критиковать Лизу. Хорошо сказано: счастье в труде. Вот что значит молодость и дух времени. Я очень рад, что мои ученицы приходят к такому выводу».

Дмитрий Николаевич улыбнулся своей доброй, хорошей улыбкой мне и всей аудитории, и тогда раздались аплодисменты.

В тот момент, конечно, я сама не осознала, что в своей работе высказала мысль, которая послужит руководящим началом моей дальнейшей жизни, а Д. Н. Овсянико-Куликовский заметил, оценил эту мысль и обратил на нее внимание всей аудитории.

М. А. Субботина

СТРАНИЦА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Мы все, старые бестужевки, хорошо помним, с каким благоговением входили мы впервые в скромное здание ВЖК. Все те, кто, как я, имел счастье учиться и кончать курс наук на историко-филологическом факультете, знают, что нашими лабораториями являлись кабинеты для семинарских занятий. На лекциях и семинариях нас учили и нами руководили блестящие профессора.

В частности, я проходила свой первый семинарий у тогда еще молодого преподавателя, впоследствии известного ученого члена-корреспондента Академии наук Н. К. Пиксанова. Помню его лестный отзыв по поводу моего реферата на тему «Отражение французской революции в русской журналистике александровской эпохи».

Перед глазами проходит целая галерея знаменитых профессоров того времени: талантливый историк Н. И. Кареев, Н. А. Котляревский, своим словом зачаровывавший всю аудиторию, слушавшую его, затаив дыхание. На его лекции, которые он читал в актовом зале, собирались слушательницы всех факультетов. И наш декан И. М. Гревс, прибегавший к многочисленным цитатам на французском и итальянском языках на лекциях по эпохе Возрождения. Помнится доброе лицо директора С. К. Булича, известного языковеда-слависта и, кроме того, музыканта-пианиста. Он принимал участие в наших самодеятельных вечерах. Вспоминается вечер, посвященный памяти А. П. Чехова. После вступительного слова профессора В. Н. Сперанского С. К. Булич сыграл похоронный марш Шопена, аккомпанировал пению слушательниц и сам прочел один из рассказов Чехова.

Хочется немного сказать о Д. Н. Овсянико-Куликовском. Его курс о Герцене, цикл лекций «Психология мифа и первобытного верования», семинарий по изучению произведений Тургенева — незабываемы.

Дмитрий Николаевич был многогранным ученым, человеком исключительного ума и дарований. Его перу принадлежат не только ценнейшие монографии о классиках нашей русской литературы, не только «История русской интеллигенции» (в трех частях), над которой он работал до самой своей смерти. Со студенческих лет он занимался сравнительно-исторической грамматикой индоевропейских языков и санскрита. В 1887 году он получил степень доктора санскритологии. Тему для диссертации он взял из излюбленной им области—религии и мифологии индусов в эпоху ведаизма. Психология, не переставая быть предметом изучения, превратилась у него в метод исследования, которым он и пользовался при изучении явлений языка, мифологии, религии, творчества писателей. В своих воспоминаниях он пишет: «Я уразумел, что в обла-

сти науки мне следует заняться вопросами языка, мысли и творчества и, в связи с этим, обратиться к эволюции синтаксических форм языка. Я осознал, что в литературе мне надлежит приняться за психологическое исследование творчества и творений великих писателей-художников и поэтов-лириков, преимущественно русских».[1] Дмитрий Николаевич с 1912 года был редактором известного в то время толстого журнала «Вестник Европы».

Таковы были наши учителя... Кроме перечисленных мною профессоров, были и многие другие, благодарную память о ком мы пронесли через всю жизнь. От них мы получили не только серьезные знания, но и умение творчески углублять и расширять их.

По окончании курса мы щедрою рукою рассыпали свои знания, главным образом на трудном и почетном педагогическом поприще. Пока мы живы, в наших сердцах не умрет горячая любовь и признательность к нашим дорогим Бестужевским курсам.

[1] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Воспоминания. Изд. «Время», 1923, стр. 38.

Н. И. Матусевич-Долгорукова

АЛЕКСЕЙ ЕВГРАФОВИЧ ФАВОРСКИЙ — ПРОФЕССОР ВЖК

В 1900 году профессор Г. Г. Густавсон покинул ВЖК по болезни. На кафедру органической химии комитетом Общества для доставления средств ВЖК был приглашен профессор Петербургского университета А. Е. Фаворский, талантливый ученик творца теории химического строения А. М. Бутлерова. К этому времени А. Е. Фаворский был уже вполне сложившийся ученый, блестящий экспериментатор, смелый, глубокий научный мыслитель.

Защищена изданная отдельной книгой магистерская диссертация «О механизме изомеризации в рядах непредельных углеводородов».[1] Изложенные в ней наблюдения и выводы послужили основанием для всего дальнейшего развития химии ацетиленовых углеводородов и включены во все учебники органической химии. Это было первое открытие Алексея Евграфовича. Имя Фаворского вошло в историю химии.

Через пять лет была защищена также изданная отдельной книгой

[1] Изомерными называются соединения совершенно одинаковые по качественному и количественному составу, с равным молекулярным весом, но обладающие различными физическими и химическими свойствами, различной реакционной способностью.

докторская диссертация. Исследуя действие хлорноватистой кислоты на двузамещенные ацетиленовые углеводороды, Алексей Евграфович установил новый вид изомерии, когда в результате внутримолекулярных перемещений образуются соединения с иным распределением атомов углерода, иным «углеродным скелетом». Обширный и точный материал этой диссертации поражал оригинальностью эксперимента, стройностью и глубиной теоретического толкования. Имя Фаворского стало всемирно известным.

Являясь сторонником женского равноправия и права женщин на образование, Алексей Евграфович охотно согласился на предложение комитета, но поставил условием создание специальной лаборатории и отпуск средств для исследовательской работы слушательниц, так как не мыслил изучения органической химии вне эксперимента. Эти условия комитетом были приняты. Для организации новой лаборатории по предложению Алексея Евграфовича был приглашен «старейший» его ученик по университету К. И. Дебу.

Об увлекательной работе в этой лаборатории рассказывает В. И. Егорова в своих воспоминаниях о «Первой научно-исследовательской химической лаборатории на ВЖК».[2]

Лекции по органической химии Фаворский читал по университетской программе. Он не был оратором, читал негромко, несколько приглушенным голосом. Аудитория не была переполнена, но постоянная группа слушательниц с глубоким вниманием тщательно записывала насыщенное содержанием, строго логическое изложение основ органической химии. Большая подъемная доска (от кафедры до потолка) постепенно заполнялась формулами уравнений реакций и механизма химических превращений. К концу лекционного часа свободного места на доске почти не оставалось, но... в это время обычно раздавался звонок.

Записанные и обработанные слушательницей Т. Д. Величковской, эти лекции были изданы литографским способом на ВЖК и долгое время являлись существенным, пожалуй, единственным, пособием при подготовке к экзамену. Ими пользовались также студенты университета и студенты Петербургского технологического института, где Алексей Евграфович состоял профессором кафедры органической химии (1897—1908 и позднее 1924—1934 годы).[3]

Чтение лекций сопровождалось безупречно поставленными опытами. Демонстрировал их сперва К. И. Дебу, а затем, с 1906 по 1913 год,

---

[2] В. И. Егорова. «Первая научно-исследовательская химическая лаборатория на ВЖК». См. стр. 269 наст. сборника.

[3] Только лишь в 1925 году (ч. I) и в 1926 году (ч. II) вышли в литографированном издании «Основы органической химии» и в 1930 году «Курс химии» А. Е. Фаворского.

А. И. Умнова, которая создала образцовый кабинет для подготовки к лекционным опытам по органической и неорганической химии.

После сдачи экзамена студентки допускались в лабораторию органического синтеза. Это был один из наиболее интересных практикумов группы химии. Он был составлен также по университетской программе.

Особенно интересной была зачетная по лаборатории работа. В ряде заданий она имела характер научного исследования и являлась своего рода рубиконом для желающих получить тему дипломной работы у Фаворского.

Руководители практикума К. И. Дебу и В. И. Егорова давали характеристику слушательницы. В одну из суббот — день, который Алексей Евграфович посвящал руководству научной работой своих учениц и обсуждению результатов ее, — происходила беседа с профессором. Слушательнице предоставлялось рабочее место в исследовательской лаборатории, а через некоторое время профессор сообщал тему и основную литературу.

Развитию научной работы на курсах А. Е. Фаворский уделял много внимания. Он умел заинтересовать учениц своими планами и идеями, раскрывал значение выдвинутых проблем. Он считал, что центральной задачей химической науки является познание строения вещества. Изучение изомерных превращений под влиянием тех или иных агентов и выяснение закономерностей этого процесса явилось темой многих экспериментальных исследований, выполненных слушательницами в химической лаборатории ВЖК под руководством А. Е. Фаворского. Каждый творческий процесс приносит не только радости, он несет также немало волнений, а иногда и огорчений. Экспериментальная работа по химии имеет много подводных камней и требует большого искусства при постановке опытов, умения наблюдать и видеть все тонкости получаемых результатов, дать им правильное теоретическое обоснование и не торопиться со скороспелыми выводами.

«Алексей Евграфович часто рассказывал о том, как мучительно он выращивал ту или иную идею, прежде чем найти путь ее экспериментального разрешения и теоретического толкования».[4]

Заслуги А. Е. Фаворского в развитии женского химического образования огромны и тесно связаны с преподаванием на ВЖК. Большая часть женщин-химиков — научных работников в ленинградских вузах и исследовательских институтах получила свою подготовку под его руководством. Многие из них защитили кандидатские и докторские диссертации и являлись достойными представительницами школы Фаворского.

---

[4] М. Ф. Шостаковский. Академик А. Е. Фаворский. М., Госхимиздат, 1953, стр. 58.

После слияния курсов с университетом все женщины — преподавательницы химии, так же как и ряда других дисциплин, продолжали свою научно-педагогическую работу в стенах университета.

Хотелось бы отметить, что у большинства учениц и учеников Алексея Евграфовича на всю жизнь сохраняется одна общая характерная черта — любовь к тщательному эксперименту, которому наш учитель придавал огромное значение. Он явился организатором школы русских химиков-органиков, школы Бутлерова—Фаворского, идеи и методы которой с чувством глубокой благодарности и уважения восприняты ее многочисленными учениками.

Научные работы Алексея Евграфовича обессмертили его имя. Они вошли в историю химии как крупнейшие достижения отечественной и мировой науки. В 1925 году Фаворский был избран почетным членом Французского химического общества, а в 1929 году Русским физико-химическим обществом «выдающемуся ученому и педагогу» была присуждена премия имени А. М. Бутлерова. Фаворский являлся деятельным членом Русского физико-химического общества, а впоследствии его вице-президентом. Свыше 40 лет он состоял ответственным редактором «Журнала РФХО» (ныне «Журнал общей химии»).

В 1929 году А. Е. Фаворский был избран в действительные члены Академии наук СССР. С этого времени начинается его творческая организационная деятельность. Он становится руководителем ряда исследовательских институтов органической химии АН СССР, в которых его научные достижения нашли самое широкое и плодотворное применение.

А. Е. Фаворский рассматривал науку как один из видов служения народу. Вся научная деятельность его является блестящим доказательством преданности родной стране.

Советское правительство высоко оценило заслуги А. Е. Фаворского. Указами Президиума Верховного Совета СССР он был удостоен в различные периоды своей деятельности Государственной премии первой степени, ордена Трудового Красного Знамени, трех орденов Ленина и, наконец, 10 марта 1945 года «за выдающиеся научные достижения в области органической химии и в частности за синтез новых органических соединений, а также за многолетнюю и плодотворную работу в деле подготовки высококвалифицированных кадров химиков» присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Алексей Евграфович Фаворский поднял на огромную высоту химическую науку. В свою творческую и плодотворную деятельность он вовлекал молодежь и подготовил немало первоклассных химиков, многие из которых вышли на самостоятельный путь для новых открытий и достижений отечественной науки.

Е. Н. Дьяконова-Савельева

О А. Е. ФЕРСМАНЕ

Когда вспоминаешь годы, проведенные на курсах, много дорогих имен приходит на память. Я окончила два отделения — биологии и геологии. Естественно, что среди наших педагогов, воспоминаниям о которых посвящены страницы этого сборника, многие были знакомы и близки мне, но по окончании курсов в 1917 году я мало встречалась с ними. Двое из них сыграли в моей жизни и работе большую роль — это Ф. Ю. Левинсон-Лессинг[1] и А. Е. Ферсман.

А. Е. Ферсман начал читать на курсах еще совсем молодым магистрантом, но лекции его привлекали слушательниц, даже не предполагавших работать по минералогии. Обычно в начале лекции все вооружались тетрадями для записи, но постепенно оставляли карандаши и слушали, захваченные глубоким, искренним увлечением самого лектора темой своей лекции. Недаром А. Е. Ферсмана называли «поэтом камня». После лекции всегда следовали горячие аплодисменты.

В те годы далекие экскурсии были невозможны, и А. Е. Ферсману приходилось знакомить слушательниц с месторождениями минералов всего мира на примерах скромного объекта — в окрестностях Петрограда.

Вспоминается одна из экскурсий. Холодно, моросил дождь. Александр Евгеньевич, как всегда, вел экскурсии вскачь: он впереди, мы за ним. Прыгаем через канавы, перелезаем через изгороди... но вдруг он резко останавливается около какого-то валуна (это была пегматитовая жила), садится на мокрую траву, обтирая полой куртки камень, и начинает рассказ, который уносит нас в горы и рудники далеких стран.

Вечером у Александра Евгеньевича — сердечный приступ (у него было больное сердце, рано унесшее его в могилу). У всех — подавленное настроение. Лекарств с собой, конечно, нет; бежим разыскивать деревенского фельдшера и даем себе клятву, что завтра не позволим Александру Евгеньевичу так себя утомлять. Но проходит ночь, и нас будят косые лучи утреннего солнца через окно избы. Небо чистое, чудесная погода, и Александру Евгеньевичу сегодня гораздо легче. Снова забыты все предосторожности и клятвы, опять скачка с препятствиями и открытие новых миров на валунах, омытых теперь ночным ливнем.

Зимой мы собирались небольшой и дружной группой на семинарские занятия в нетопленом, полутемном кабинете Александра Евгенье-

---

[1] Е. Н. Дьяконова-Савельева. Педагогическая деятельность Ф. Ю. Левинсона-Лессинга. В сб.: Вопросы магматизма и метаморфизма, т. 1. Л., 1963.

вича в минералогическом музее Академии наук. Было холодно, но как-то по-семейному уютно и всегда очень интересно. У Александра Евгеньевича была исключительная способность в любом объекте исследования находить его прикладное значение, его пользу для людей, для нашей Родины, что еще больше увлекало нас.

Некоторые из нашей группы впоследствии стали участниками экспедиций, которые положили начало изучению Хибинского массива, его апатитовых месторождений. Работы, начатые под руководством и по идее А. Е. Ферсмана небольшим коллективом энтузиастов, превратились в дальнейшем в крупную комплексную тему, потребовавшую многолетних исследований.

После слияния Бестужевских курсов с университетом А. Е. Ферсман перенес свою педагогическую и организаторскую деятельность на открытые в 1916 году при Докучаевском почвенном комитете географические курсы, преобразованные потом в Географический институт.

Немалую роль сыграл Александр Евгеньевич в те годы как один из организаторов Дома ученых и в учреждении того «ученого пайка», который многим начинающим научным работникам помог пережить тяжелое время.

В последний раз я встретилась с Александром Евгеньевичем в Сочи, возвращаясь из экспедиции на Кавказ. Так много хотелось рассказать, спросить совета, все казалось таким важным, что, увлеченные беседой, мы чуть не опоздали на поезд.

Вскоре Александра Евгеньевича не стало. Трудно было это осознать, настолько был он воплощением самой жизни. Вспоминая о нем, невольно возвращаешься к настроениям тех лет, и кажется, что жизнь прекрасна, но надо торопиться, чтобы успеть как можно больше сделать полезного для людей и для Родины.

А. Г. Кравченко

ЧТО ДАЛИ МНЕ ЛЕКЦИИ Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО

В 1907 году я была принята на историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге. Мне было 17 лет. Годы первой русской революции оказали огромное влияние на многих юношей и девушек моего возраста. Еще подростками мы были втянуты в политическую жизнь, ощутили мощь и значение революционной борьбы масс, искали ответы на многие вопросы.

Вышедшая в 1906 году четвертым изданием книга Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» была

настольной книгой некоторых из нас. Мы узнали, какая острая борьба идет между учеными-историками — представителями буржуазной историографии и представителями революционного марксизма, нам хотелось сознательно занять свое место в этой борьбе. Мы хорошо понимали, что для этого необходимо глубокое знание истории. Таких знаний у нас тогда, конечно, не было, мы всеми силами стремились приобрести их, но все же это были разрозненные, отрывочные знания. Высшие женские курсы манили тогда возможностью всестороннего систематического изучения истории.

Приехав на курсы из довольно глухого провинциального городка, я еще до начала занятий с большим интересом и вниманием стала знакомиться по вывешенному расписанию с тем, какие лекции будут читаться в предстоящем учебном году на разных отделениях. И вдруг узнаю, что при кафедре истории русского права будет читаться курс лекций «Феодализм в Древней Руси» (вероятно, я неточно привожу тогдашнее название курса лекций, но смысл был такой).

В то время в споре о том, был ли феодализм в России, особенно отчетливо встали друг против друга два мировоззрения. Буржуазные историки отрицали наличие феодализма в России и тем самым отрицали и общие исторические законы развития общества. Естественно, что мне чрезвычайно захотелось прослушать объявленные лекции о феодализме в Древней Руси. Эти лекции читал сравнительно молодой ученый Николай Павлович Павлов-Сильванский, который уже ряд лет работал над доказательством того, что Россия, как и все другие страны Европы, прошла через стадию феодализма. В его лекциях ничего не было внешне эффектного, но лектор сообщал богатейший фактический материал, приковывал внимание к чрезвычайно последовательному анализу, убедительно подводил к важным принципиальным выводам. Сравнительно-исторический метод подачи материала прямо приводил к обоснованию общих исторических законов в жизни человечества, хотя Н. П. Павлов-Сильванский ни в какой мере марксистом не был.

Теперь, после того как прошло более полувека со времени слушания его лекций, трудно вспомнить, что именно производило в этих лекциях особенно сильное впечатление, оказывало наибольшее воздействие на развитие мышления. Думаю, что самым притягательным был метод исторического исследования, с которым знакомил нас Н. П. Павлов-Сильванский, тщательное раскрытие содержания исторических фактов и понятий, сопоставление их. Стремление овладеть этим методом при чтении исторических документов повлияло, как мне кажется, в дальнейшем и на выбор мною темы семинарских занятий — о происхождении крепостного права в России при кафедре русской истории профессора С. Ф. Платонова.

Жизнь и научная работа Н. П. Павлова-Сильванского внезапно

оборвались осенью 1908 года. Он умер от холеры, свирепствовавшей в то время в Петербурге.

Еще при жизни Павлова-Сильванского стали печататься его работы. После смерти основные работы были собраны и изданы в 3 томах.

Минуло более полувека с того времени, как я слушала лекции Н. П. Павлова-Сильванского на ВЖК в Петербурге, и вот ко мне попало новое издание его книги «Феодализм в Древней Руси» (Пг., изд. «Прибой», 1924). Предисловие к этому изданию написал М. Н. Покровский. Оно начиналось словами: «Книгу Павлова-Сильванского давно следовало перепечатать. Она в продаже не имеется, а ее необходимо иметь каждому историку России, особенно историку-марксисту». Критикуя далее ряд теоретических положений Павлова-Сильванского, М. Н. Покровский в конце своего предисловия подчеркивает «огромное методическое значение» данной работы.

Это предисловие вызвало в то время ряд воспоминаний о годах студенческой жизни, о тех жарких спорах, которые велись тогда вокруг лекций Н. П. Павлова-Сильванского. Слушая его, мы проникались уважением к самостоятельному, добросовестному изучению большого количества разнообразных исторических материалов, убеждались, что такое изучение неизбежно приводит к подлинно научному пониманию исторических процессов, вооружает знаниями, помогающими влиять на их развитие.

Е. И. Тиме

ALMA MATER

«...минувшее меня объемлет живо»

(А. С. Пушкин)

В нашей семье на формирование моего сознания оказали воздействие два жизненных фактора — искусство и наука. Рано пробудившемуся интересу к сценическому искусству я обязана матери, в прошлом оперной артистке. Правильному пониманию, что такое наука и какими должны быть подлинные знания, научил меня отец, известный русский ученый и заслуженный профессор. Он пробудил во мне пытливую мысль, ему я обязана охватившей меня жаждой знаний.

Полученные в гимназии знания, сниженные до примитива, меня не удовлетворили. С полным правом я могла применить к себе слова Сократа: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Дочь ученого, я не могла да и не смела быть невежественной.

Осуществить свою мечту — учиться сценическому искусству — было рано (к началу учебного года мне не хватало двух недель до шестнадцати лет), идти на медицинские курсы мешали и возраст, и отсутствие специальной подготовки. Оставались Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы — первый и единственный тогда в России женский университет.

Среди его профессоров были ученые с мировой известностью, помимо ученых заслуг завоевавшие популярность своими прогрессивными убеждениями.

И вот я, не собираясь быть ни филологом, ни историком, поступаю на историко-филологический факультет этих курсов.

И сейчас без волнения я не могу проезжать мимо дорогого моему сердцу здания на 10-й линии Васильевского острова. Фасад его несколько потемнел, а я помню его светлым, почти белым. И себя помню курсисткой в синей косоворотке с поясом, с карандашом на английской булавке, гладко причесанной, со спущенной косой.

Время было предгрозовое, надвигался девятьсот пятый год. Студенческие волнения, особенно в близком нам университете, отражались и на жизни наших курсов: часть слушательниц пошла путем профессиональных революционеров. Я же, как и большинство, воспринимала передовые, прогрессивные идеи и со всею молодою страстностью отстаивала их.

Жизнь, богатая, сложная, противоречивая, шумела вокруг. В науке, искусстве, литературе тоже шла борьба, борьба старого с новым, реализма с уводящими от жизни символизмом, мистицизмом и другими «измами».

Буфет на балконе актового зала был местом наших встреч, волнующих споров, восторженных высказываний... Нам были знакомы (как и каждому в молодости) и «беспорядочный труд и взволнованное бездействие».

В первые годы студенчества я узнала и счастье подлинной дружбы, свет которой я пронесла через всю жизнь. Особенно близкими друзьями стали мне Антонина Михайловна Серкова, в дальнейшем дважды орденоносец, заслуженная учительница, человек глубокой мысли и большого сердца, и Любовь Дмитриевна Менделеева, подруга жизни и вдохновительница творчества знаменитого поэта Блока, до конца дней своих не изменившая нашей дружбе.

Жизнь ставила перед нами множество сложных вопросов, а дружеские узы помогали в них разбираться. У каждой из нас формировались свои взгляды, свои вкусы; дороги наши впоследствии разошлись, но нас всегда объединяло одно: поиски правды жизни, ее смысла.

И когда я сейчас, во всеоружии своего большого жизненного опыта, оглядываюсь на пройденный путь, не парадные, иногда и блестя-

щие, вехи этого пути прежде всего встают в моей памяти, а работа, творческий труд с его поисками, радостью достижений и печалью разочарований. И я задаю себе вопросы: что формировало меня как человека, воспринявшего передовые идеи своего времени, и как артистку, отдавшую жизнь служению реалистическому искусству? Что помогло мне в хаосе разнообразных влияний и, казалось бы, непреодолимых воздействий остаться верной высоким идеалам? И вместо ответа в памяти воскресают дни моей студенческой жизни...

Передо мною встают образы наших профессоров... Они разные, у каждого свой стиль, но каждый по-своему был нам учителем, наставником, другом.

Увлекаюсь исторической наукой. На лекциях профессоров С. Ф. Платонова, С. М. Середонина, Э. Д. Гримма учусь понимать законы развития человеческого общества, впервые узнаю, что творцом истории является народ.

Вот профессор С. М. Середонин говорит о Смутном времени, царствование Алексея Михайловича характеризует как время народных восстаний (по-старому — это народные бунты) и объясняет их неизбежность. Особая убежденность самой интонации лектора при ровном, спокойном тоне его способствует тому, что картины народного гнева врезаются в память, и, словно сейчас, слышится его голос: «А горло им (бунтовщикам) заливали расплавленным металлом». Так воспитывалось в нас сочувствие к простому народу, понимание его нужд.

Каким-то подкупающим изяществом отмечен был внешний и внутренний облик профессора Э. Д. Гримма. При очень сдержанной лекторской манере он способен был увлекаться и увлекал нас, воскрешая перед нами историю Франции. Вспоминается мне один год, когда Э. Д. Гримм должен был читать лекции о французской революции 1789 года. Он в первый же день объявил, что сделает сначала очерк предшествующих событий. А когда учебный год кончился, до революции оставалось еще две недели. Мы не были огорчены, мы понимали, что самым главным для нас и были эти «предшествующие события»: слушая историю давно прошедшего времени, мы невольно сопоставляли прошедшее с современностью и постигали закономерность исторических событий.

Но два имени оставили по себе особую память — это профессора С. Ф. Платонов — историк и А. И. Введенский — философ. Их лекции являлись своеобразными событиями для всех курсов.

Профессор С. Ф. Платонов, ничем не примечательный внешне, эпически спокойно, не прибегая к записям, строил свое повествование о прошлом нашей Родины на точной передаче текста летописей, грамот, указов и других документов. Живыми вставали в его передаче

исторические лица, и захватывала слушателей динамика событий. Запоминались его знаменитые паузы: когда он кончал какое-либо сообщение, перед тем, как сделать вывод, подвести итог, — он умолкал и долго, каким-то испытующим взглядом всматривался в свою аудиторию, словно читал нужный ответ в нашем напряженном молчании. А потом — сухой, лаконичный, как бы замыкающий жест правой руки — и мы слышим: «Алексей Михайлович занес ногу над порогом, отделяющим Русь от Европы, да так с поднятой ногой до конца царствования и остался». Или даст Сергей Федорович высокую оценку петровским преобразованиям и добавит: «Случалось, под пьяную руку, не всегда царь Петр честно служил Родине». А про лицемерную политику Александра I говорил: «Он не успевал выйти с собрания, где развивал либеральные идеи, как уже давал своим мыслям задний ход».

Перед нами проходили картины жизни царского двора — интриги, политические авантюры, дворцовые перевороты, широко освещались эпохи народных восстаний. На лекциях С. Ф. Платонова мы получали обширные знания о прошлом страны, здесь учились мы понимать, что недостаточно знать событие — надо осознать причины, его порождающие; мало знать о человеке, какой он, надо понять, почему он стал таким. Эти лекции очень обогащали нас.

В моем дипломе — четверка по философской пропедевтике. Дело в том, что в свои лекции по философии наши профессора переносили ту борьбу, которая шла в это время на идеологическом философском фронте: большая группа известных ученых стояла на позиции незыблемости идеалистических основ в философии, и этой группе у нас на курсах противостоял только один человек — А. И. Введенский, смело разрушавший старые догматы.

Повышенный интерес к его лекциям со стороны слушательниц объяснялся, с одной стороны, ясным, логически стройным изложением различных очень сложных философских теорий; с другой — нас увлекало новаторство в изложении теории познания (гносеологии).

Нас несколько смущала его резкая манера в обращении с нами: казалось, он нам не доверяет, видит в нас «барышень». А в то же время нам было известно, что дополнительный курс он читал для нас безвозмездно. И мы его лекций не пропускали и слушали с громадным интересом.

Но трудно было мне до конца разобраться в этом сложном мире идей, четко уяснить себе целый ряд философских понятий, таких, как категорический императив, субстанция, доказательство недоказуемого, опровержение по существу и т. д. Все это требовало уже сложившегося мировоззрения и пришло ко мне позднее, а тогда я была еще слишком юной.

А тут еще разные по своим убеждениям профессора: слушаешь одного, пользуешься учебником другого, а сдаешь экзамен третьему. И четверке рад!

Когда же я впоследствии с усердием начала в политкружках изучать историю партии и знакомилась с основами диалектического материализма, я не могла не вспомнить и не оценить подготовку в области философского мышления, полученную в юности.

Древнерусскую литературу читал профессор И. А. Шляпкин, по происхождению — крестьянин, сын крепостного. Он умел раскрывать перед нами душу народа, когда знакомил нас с созданиями безвестных народных авторов. Вот он, сохраняя интонацию народного говора, повествует: «Давай-ка, брат Ерема, с тобой шутки шутить» — и что-то озорное и удалое, под стать тому Фоме, о котором он говорил, чудилось в нем самом.

Илья Александрович учил нас понимать, сколько глубокой мудрости скрыто в безымянном творчестве, часто под внешне шуточной оболочкой.

И еще благодарна я профессору И. А. Шляпкину за то, что, не считаясь с программой, он уделял время для оценки модной тогда декадентской и другой низкопробной литературы. Используя меткие русские словечки (не всегда литературные), он давал такую убийственную характеристику этим книгам, что один вид их уже внушал брезгливость, а прикосновение жгло руки.

Эти теоретические знания языка я пополняла своими наблюдениями над языком, слушая других наших профессоров. Их богатая, свободная речь, использование ими самых разнообразных изобразительных средств и художественных приемов вплоть до приема умолчания, их интонация, жесты, мимика — все, чем они достигали такого глубокого воздействия на нас, открывало глаза на простую и нужную мне истину: важно не только то, чтó говорится, но и то, как говорится.

Не тайна ведь, что на лекции некоторых профессоров мы ходили из уважения к их имени, чтобы только не пустовала аудитория, часто соблюдали даже очередь. А к экзамену готовились по учебнику — так трудно было слушать их монотонную, бесцветную речь, привыкать к их плохой дикции.

Курсы окончены. Я почувствовала себя взрослым человеком, понимающим жизнь, я расширила свой кругозор знаниями из различных областей науки. Но, быть может, не так уж важны были сами эти знания, многое со временем забылось, основным была неустанная работа мысли в постижении как исторических процессов, так и психологических законов. Движение вперед в области познания мира и человека для меня стало жизненной необходимостью и как артистки, и как педагога.

Фрагменты моих воспоминаний, отрывочные и бессистемные, не могут, конечно, дать настоящего и полного представления о Бестужевских курсах, высшей школе, где получали знания и формировали свое мировоззрение тысячи девушек, ставших в ряды трудовой интеллигенции родной страны.

В своих воспоминаниях я не прибегала к литературным домыслам и писала только то, что всплывало в моей памяти как дорогие моему сердцу воспоминания; а за ними встают еще годы труда, неустанных поисков, сомнений, радости достижений — встает многогранная, чудесная в своем молодом горении студенческая жизнь.

Самым правильным итогом всего полученного мною от своей alma mater будут основные слагаемые моей жизни; ими я и закончу свои воспоминания.

1. Прогрессивные, передовые убеждения, воспринятые на курсах, привели меня к тому, что я безоговорочно и радостно пошла навстречу новой жизни.

2. Моя устойчивая позиция как артистки реалистического искусства была заложена еще на курсах.

3. Преданность коллективу, выразившаяся в неустанной многолетней общественной работе в качестве члена профсоюза, была воспитана еще студенческой средой.

4. И, наконец, моя педагогическая работа в Ленинградском театральном институте, где я передаю свой сценический опыт и свою беззаветную преданность русскому искусству нашей советской молодежи. К этой работе я получила подготовку также на курсах.

И через всю жизнь я пронесла гордость своим званием бестужевки.

Е. Я. Бухановская

1902—1907 ГОДЫ НА БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСАХ

Не было в нашей стране самого отдаленного городка, где бы учащаяся молодежь не знала о Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсах.

Знали и мы, гимназистки 7—8-х классов Нежинской женской гимназии, и некоторые из оканчивающих решали вопрос о необходимости продолжать образование.

Дружный тесный кружок гимназисток и гимназистов, существовавший у нас, много дал нам для общего развития, понимания общественных событий. Просветителями нашими были и высланные из Петер-

бурга, сданные в солдаты за участие в революционном движении студенты, бывшие гимназисты мужской Нежинской гимназии.

Я мечтала поступить на ВЖК. Трудности на пути осуществления этой мечты были немалые. Кроме свидетельства об окончании гимназии (при приеме на курсы отдавалось преимущество медалисткам), к прошению о зачислении на курсы требовалось приложить письменное, нотариально заверенное разрешение родителей и свидетельство местной полиции о политической благонадежности. У меня была еще трудность — полная материальная необеспеченность. Нужно было иметь необходимую сумму для взноса платы за правоучение и какой-то прожиточный минимум хотя бы на первые месяцы.

В 7-м и 8-м классах гимназии все время после классных занятий я отдавала частным урокам (репетиторству), а свои уроки готовила поздним вечером. Так скопила необходимую сумму.

Преодолены эти пороги: гимназию окончила с серебряной медалью, добилась разрешения родителей, получено свидетельство от полиции. Документы посланы на курсы. С трепетом жду уведомления. К концу каникул получаю его: зачислена слушательницей историко-филологического факультета ВЖК.

Избрала этот факультет, так как находила тогда, что только гуманитарные науки могут дать научно обоснованное мировоззрение.

С первых же дней нашего студенчества мы были захвачены той атмосферой повышенного интереса к наукам, к общественной жизни, революционными настроениями, которыми жили наши курсы.

Хотелось прослушать все лекции не только своего курса, но и не пропустить наиболее интересных лекций профессоров других факультетов. Да и какие профессора читали у нас на курсах! Большинство — известные ученые того времени, замечательные лекторы. Они увлекали нас, поддерживали ненасытную жажду знания. Каждая лекция открывала нам новые горизонты, заставляла мыслить. «Как мало я знаю, как много надо знать, как хочу знать!» — вот ведущее наше стремление.

Как живые, встают в моем воображении образы наших учителей, приемы их изложения. И. М. Гревс, в тот год (1902) возобновивший чтение лекций у нас на курсах (он был уволен из университета), был встречен на первой лекции аплодисментами. Э. Д. Гримм, А. И. Введенский, выдающийся ученый-историк и талантливейший лектор С. Ф. Платонов. Его лекции привлекали слушательниц всех факультетов. Читал он в самой большой 10-й аудитории. Вот он всходит на кафедру, садится вполоборота к аудитории, взгляд устремлен куда-то вдаль, и начинает характеризовать Ивана Грозного, точно он сам наблюдает его развитие. Как скульптор резцом, чертит детали лица

Грозного. Аудитория затаила дыхание, воображение переносит в ту эпоху, раскрывает ее.

А. И. Введенский научил нас философски мыслить; теория познания указала путь научного раскрытия истины. Он был требователен, строг и суров; скептически относился к способности философского мышления женщин. По поводу такого отношения его к слушательницам была сходка, вынесено порицание ему. На это он ответил, что учился «на медные копейки и светским манерам не обучен». Лекции его очень ценили.

Еще хочу сказать о профессоре, оставившем глубокое впечатление, — о П. И. Вейнберге. Известный ученый, литературовед, замечательный переводчик Гейне, Гёте, Шекспира, поэт. Ему было уже 72 года, когда он читал у нас. Его тема — английская драма, Шекспир. Тихий старческий голос, ритмичная речь. Как мы его слушали! Его стихотворение «Море» и сейчас звучит, точно призыв, обращенный к нам: «Ни пред чем не преклоняться и с врагом — судьбой сражаться смело до могилы!».

Бестужевские курсы ни в чем не уступали университету по постановке учебно-научной работы. Они стояли и в первых рядах студенческого революционного движения.

Мы, первокурсницы, сразу вошли в общественную жизнь курсов.

Я не помню ни одного вечера, когда бы после лекций мы не стремились попасть на доклады, в кружки или на сходку по какому-либо вопросу студенческой жизни. В кружках, на докладах, в горячих дискуссиях выступали с.-д. и с.-р. А мы, съехавшиеся с разных концов России, многие из глухих углов ее, жадно впитывали новые впечатления, старались разобраться в излагавшихся теориях. Хотелось все охватить, понять и решить: за кем я пойду?

На курсах у нас была своя студенческая читальня, «читалка», как мы ее называли, где получалась периодическая пресса. Заведовали ею курсистки. По какой-то неписаной конституции в «читалку» никто из администрации никогда не заглядывал. Иногда инспектриса пробовала полюбопытствовать, что там делается, но перед ней бесцеремонно захлопывали дверь. Об этой особе поговаривали, что она шпионит за курсистками.

В читальне мы могли достать запрещенную книгу, знакомиться с нелегальной литературой, узнать о жизни студенчества других вузов. Здесь же происходили совещания членов «кассы взаимопомощи слушательниц курсов».

Старшие товарищи знакомили с традициями общественной жизни курсов. Мы еще мало были знакомы между собой, но уже присматривались друг к другу, встречаясь в читальне, на первых курсовых сходках по академическим вопросам. Первым общественным актом для нас

и были предстоящие выборы члена кассы от I курса. Обязанностью «кассирш» было собирать членские взносы и выдавать пособия нуждающимся курсисткам. Но в действительности они были старостами курса и их деятельность выходила далеко за пределы указанных рамок. В члены кассы намечались, конечно, кандидатки, проявлявшие интерес к общественной жизни.

Однажды ко мне подошла слушательница старшего курса. Я ее часто видела в читальне, приходила она и к нам на сходки с различными информациями. Позже я узнала, что она член партии социалистов-революционеров, племянница историка-народника Семевского. Она спросила меня: «Чайковская, вы не внучка ли Николая Васильевича Чайковского?» От отца я слышала, что у него есть двоюродный брат — революционер, выслан за границу, но больше ничего о нем не знала.

Вскоре я узнала, что меня выдвинули кандидаткой в члены кассы от I курса, и я была избрана. Так я вошла в общественную жизнь курсов.

Первый учебный год окончен, наступили экзамены, напряженная подготовка к ним. Мы стали второкурсницами.

Второй год начали в том же повышенно-радостном стремлении все охватить, везде успеть.

Мы постепенно познавали жизнь, сопоставляли с наукой, делали выводы.

Наступил 1904 год. В январе началась война с Японией.

Из нелегальной литературы нашей читальни, бесед в кружках узнавали курсистки об отношении к этой войне прогрессивной общественности, рабочих, узнавали об истинном положении на фронте. Революционное настроение студенчества достигало высокого накала. Мы, бестужевки, вполне разделяли его. Реакционная пресса, как, например, газета «Новое время», неистовствовала, разжигая лжепатриотизм, злобствовала против прогрессивных кругов общества, не говоря уже о революционном движении. Война изображалась как победное шествие.

Властями города организовывались и поощрялись «истинно русские» шествия с хоругвями, царскими портретами, флагами. Были уже и случаи столкновения с революционными демонстрациями студентов.

Припоминаю похороны Н. К. Михайловского. Гроб с телом покойного стоял в церкви на одной из улиц невдалеке от Невского проспекта. Одним из ответственных организаторов похоронного шествия был писатель В. Г. Короленко. К выносу гроба из церкви собралось громадное количество провожающих, среди них много студенческой молодежи.

Построились в колонны, двинулось траурное шествие к Невскому. Стало известно, что по проспекту движется черносотенная манифестация, уже слышно пение «Боже, царя храни». Произошло замешательство. Распорядители передали по цепи, что маршрут похоронного шествия изменяется, нельзя допустить столкновения с черносотенцами, которые явно хотели спровоцировать его. Несмотря на возражения многих демонстрантов, головная часть шествия повернула в сторону от Невского, и таким образом удалось избегнуть неминуемого столкновения.

Не помню точно, какого числа, но ранней весной в малом зале курсов, где собирались курсистки в перерывах между лекциями, читальня вывесила вырезку из одной реакционной газеты с текстом адреса на «высочайшее имя» от директора курсов Раева, профессоров Введенского, Платонова и слушательниц курсов, в котором «коленопреклоненно повергали к стопам его величества верноподданнические чувства». Возле вырезки столпились курсистки. Многие из нас, возмущенные, негодующие, бросились в читальню. Летучее собрание кассирш и ведущего актива старшекурсниц вынесло решение созвать общую сходку. Волнение охватило всех. 10-я аудитория заполнилась. Все чувствовали, что это необычная сходка. Адрес Раева — это только повод к объединению всех в протесте против произвола, повод к проявлению нашего революционного настроения, осуждение войны. На кафедру поднимаются всеми уважаемые организаторы сходок: Херсонская, только что вернувшаяся из ссылки, Войтоловская, Войтяк, Коллонтай (она не была слушательницей наших курсов, но часто посещала их). Прекрасные ораторы, речи их горячи, убедительны. Не только осуждался недопустимый по отношению к слушательницам поступок Раева — в речах звучало возмущение войной, призыв ни в чем не оказывать ей поддержки, разоблачался лжепатриотизм.

На этой сходке произошло явное размежевание между революционно настроенным большинством курсисток с «академистками». Последние только с формальной стороны присоединились к осуждению поступка Раева, по существу же содержания адреса критики не допускали. Лидером «академисток» была Ефимовская, умная, активная, убежденная сторонница реакционного направления. Хороший оратор, она яростно выступала против революционного большинства, призывавшего к забастовке. Исходные положения «академисток»: курсы — для науки, недопустимо вносить в их стены политические настроения; никто и ничто не должно мешать жизни курсов в их прямом назначении. В разгар сходки вошел в аудиторию директор Раев. Он говорил в своем обращении к сходке, что, выражая в адресе верноподданнические чувства, был уверен в таких же чувствах и слушательниц. Ответом на эти слова был бурный протест.

Выступала на сходке и член комитета О. К. Нечаева. Она пользовалась большим уважением и любовью курсисток. Она старалась убедить нас подумать о судьбе курсов: им грозит закрытие, напомнила о трудностях борьбы за их существование, о том, что сейчас усиленно идут хлопоты о предоставлении им юридических прав наравне с университетом. Молча выслушали ее, но настроение большинства не изменилось. Сходка продолжалась до позднего вечера. В течение ее поступали и были зачитаны обращения к нам студентов университета, Горного, Технологического институтов, выражавшие солидарность с нашим протестом.

Принятая резолюция содержала порицание директору Раеву, но в ней было отражено и наше отношение к войне. В знак протеста объявлялась забастовка. Под резолюцией ставили свои подписи. «Академистки» демонстративно покинули сходку.

Делегации курсисток поручено было вручить резолюцию директору Раеву. По воспоминаниям А. В. Фогельман, члена делегации, вручение не состоялось, так как он уехал и кабинет его был закрыт.

Сходка и забастовка сыграли решающую роль в дифференциации курсисток: определилось революционное большинство, многие группировались около партийных организаций; откололись и заняли правую позицию «академистки», к ним присоединились безразличные. Мы называли их «кордебалетом». Были и такие из числа старавшихся остаться в стороне от бурных событий, которые стеснялись примкнуть открыто к «академисткам» и боялись попасть в «забастовщицы». Вот из этой группы поступали в сестры милосердия по призыву комитета, возглавляемого высокопоставленными лицами. Надев серые платья, белые передники с красным крестом на груди, они отстраняли от себя необходимость ответить на прямой вопрос: с кем они?

На другой день после сходки курсы были закрыты. Наша резолюция напечатана на гектографе и распространялась среди студенчества. Группами собирались мы около здания курсов: это было нечто вроде пикетирования. Опасались, как бы «академистки» не сорвали забастовку. Закрытие курсов многих из нас, неимущих, чувствительно ударило: мы лишились возможности пользоваться нашей столовой. Другие столовые были не по нашему тощему карману.

«Свободные» от лекций, мы ходили на сходки в университет, Технологический институт, читали прессу, разоблачавшую политику царского правительства, рассеивалась иллюзия о силе царской армии, высмеивалась бездарность командования. Сочинялись и распевались быстро приобретавшие популярность сатирические песенки на эту тему.

Вскоре на дверях курсов вывешен был список фамилий исключенных за участие в сходке и забастовке слушательниц. В нем нашла я и свою фамилию. Сердце сжалось: вот и прервалось мое образование, а

как я добивалась его! Но это не было сожалением или раскаянием в своих действиях.

Через несколько дней утром явился ко мне на квартиру полицейский с дворником и предъявил постановление о высылке из Петербурга по месту жительства родителей, без права выезда оттуда. Выехать должна была я в 24 часа. Иначе грозила высылка по этапу. Такая же судьба постигла очень многих. Курсы очищали от «вредного элемента». Но как усилилось революционное движение в провинции! Многие, в том числе и я, вступили в местные партийные организации. Я полностью вошла в эту работу. Сначала в Нежинской организации, а потом меня направили в Киев. Там прошел бурный 1905 год.

Стало известно, что с осени 1906 года исключенным с курсов в 1904 году разрешается возвратиться для продолжения образования. Условия были поставлены для нас жесткие: мы должны были в течение 1906/07 учебного года сдать все предметы за III—IV курсы. Иначе надо было начинать все снова. Курсы перешли на предметную систему. Предстояла крайне напряженная работа. К этим трудностям у меня еще прибавилась беда: не успела я начать занятия, как была арестована и посажена в тюрьму «Литовский замок». Просидела там месяца два. Благодаря хлопотам нового нашего директора Фаусека и товарищей меня освободили. В тюрьме я готовилась к экзаменам.

В напряженных занятиях прошел этот год.

Окончила я курсы осенью 1907 года и сейчас же уехала в Екатеринодар (Краснодар), где мне предложено было место преподавательницы русского языка во 2-й женской гимназии.

С первых шагов педагогической деятельности я попала в прекрасный творческий коллектив.

•

Е. П. Привалова

КАК МЫ УЧИЛИСЬ

Посвящается моим ученикам

Весна 1910 года. Мы, выпускницы Минской женской министерской гимназии, горячо обсуждаем наше будущее. Более чем скромные по объему программы женских гимназий министерства народного просвещения оставляли в распоряжении учащихся достаточное количество свободного времени. Мы имели возможность много читать, много думать, спорить друг с другом и по-юношески наивно, но смело искать. К тому же в нашей школе, наряду с педагогами-формалистами, был один учитель-энтузиаст, преподаватель истории и словесности.

С пятого класса определилась моя склонность к гуманитарным наукам. Наступил момент, когда надо было решать вопрос, куда идти дальше учиться. Мой отец, в течение двадцати лет учительствовавший в народной школе, страстно хотел видеть во мне своего преемника. Он советовал мне поступить в Петербургский педагогический институт, во главе которого стоял известный тогда ученый профессор С. Ф. Платонов. Отцу казалось, что только там я смогу получить настоящую закалку учителя, изучить педагогику, а главное — разного рода методики, которым он придавал такое большое значение.

Меня же влекло другое. Бестужевские курсы! Кстати, мы никогда не называли нашу alma mater Высшими женскими курсами. Мне и потом было странно писать это официальное название в многочисленных анкетах, заполненных мною за долгие годы жизни.

Бестужевские курсы! Как велико было обаяние этих слов! В нашем уме вставала картина заманчивая и величественная! Женский университет. Высшее учебное заведение, в котором преподают лучшие ученые страны. Ведь все профессора, не ужившиеся в университете, идут преподавать бестужевкам. Что я буду делать потом? Каково будет практическое применение полученных знаний? Не знаю. Это так далеко! Жизнь покажет. А пока — учиться, учиться.

Отец уступил. Но в другом пришлось уступить мне. Люди, которым я не могла не доверять, не советовали мне специализироваться по литературе: филологическая наука, по их словам, находится в тупике, она накануне кризиса. Зато история представлена на курсах рядом блестящих имен.

Итак, участь моя решена. Документы посланы в Петербург, на Бестужевские курсы, на историко-филологический факультет, на отделение русской истории.

И вот через два месяца я хожу по улицам огромного города, наслаждаюсь его строгой красотой. Особенно запомнился мне один вечер. Опершись на решетку Троицкого, ныне Кировского моста, я смотрю на темные волны бурной осенней Невы. Передо мной колокольня Петропавловской крепости и тысячи, тысячи вечерних огней. Мне радостно и жутко. Что сулит мне этот большой, таинственный город? Что даст будущее? Кто мог думать, что вся моя последующая жизнь будет связана с Петербургом, что мне придется быть участницей его страданий, побед и славы?

Первый год учения на Бестужевских курсах был нелегким. Было много сомнений, тревог, а иногда и ошибок. Во всяком случае, поступай я на курсы сейчас, многое бы сложилось иначе. Бестужевские курсы предоставляли новичку огромный выбор и необычайно широкие возможности. Большое количество параллельных курсов и семинариев. Кого слушать? Преснякова или Середонина? В чей семинарий запи-

саться? Молодого Грекова или известной своими исследованиями Ефименко? Кем в этом году полезнее заняться: Иваном Грозным или Петром Великим? Нам была предоставлена полная самостоятельность, к которой многие из нас еще не были подготовлены. Не умеющими плавать бросили нас в глубокую воду. В этой смелой методике было много от народной мудрости. Спустя несколько месяцев новички уже плавали умело и легко. Почувствовав почву под ногами, молодые курсистки прекрасно ориентировались в этом сложном и умном мире, носящем имя Бестужевские курсы.

Первой трудностью, которую надлежало преодолеть, было овладение иностранными языками. До сдачи экзамена по иностранному языку и латыни слушательницы не допускались к экзаменам по специальности.

За долгие годы преподавательской практики мне не раз приходилось наблюдать, с каким скрипом, с какими осложнениями протекало освоение студентами иностранного языка. Думается, что основная причина этого лежит в том разрыве, который существует между преподаванием иностранного языка и учебным процессом в целом. В тех вузах, где приходилось преподавать мне, ни на одном экзамене, ни в одном семинарии не требовалось знания не переведенных на русский язык книг зарубежных авторов. Студент никогда не ощущал конкретно необходимости знания языка для овладения специальностью. Этого не было на Бестужевских курсах. Помню, в какое смущение я пришла, узнав, что на одном из ближайших семинарских занятий речь будет идти о книге французского ученого Фюстель де Куланжа. Необходимо было браться за работу всерьез. Трудиться я начала кустарно, но решительно, без всякой жалости к своему времени и силам. Первой прочитанной книгой был том историка Тэна «Происхождение современной Франции». Помню, как огорчительны были итоги первой переведенной страницы: тридцать пять незнакомых слов! Недаром рваная обложка этого труда и сейчас стоит перед моими глазами.

Латынь надо было начинать с азов. Курсы шли нам навстречу, и обучение латинскому языку проводилось регулярно и методически продуманно. Я попала в группу С. В. Меликовой. С этим именем связано много поэтических воспоминаний. Нам нравилось в ней все: и ее молодость (она была немногим старше нас), и красивое, строгое, благородное лицо, и мягкая, сдержанная манера себя держать и, наконец, то искусство, с которым раскрывала она перед нами красоту и стройную логику латинских текстов. Как удивились бы мои ученики, если бы знали, что к приятнейшим воспоминаниям моей студенческой жизни относятся часы, проведенные за изучением латинского синтаксиса и чтением Цицерона, Апулея, Катулла!

Но, увы, поэзия заканчивалась прозой — экзаменом у В. В. Пету-

ховой. Петухова была нашей грозой. О ее строгости ходили легенды. Как сейчас, стоит она передо мною, прямая, худощавая, гладко причесанная, в черном платье с белым воротничком. Да, она была строга и неумолимо взыскательна. Зато какой заслуженной гордостью, какой радостью наполнялись наши сердца, когда мы уходили с экзамена, держа в руках матрикулы с высокой оценкой. В дальнейшей моей научной работе мне не приходилось соприкасаться с латынью, но я никогда не жалела часов, потраченных на ее изучение. Мой студенческий опыт убедил меня в том, что изучение языка — занятие не только полезное, но и дающее большое интеллектуальное наслаждение.

Очень большое, можно сказать, первенствующее место занимали в жизни Бестужевских курсов просеминарские и семинарские занятия. В семинарские группы записывались по желанию, но иметь больше трех семинариев одновременно запрещалось. Это была одна из форм борьбы с распыленностью внимания и верхоглядством. Самое сильное впечатление из всех семинарских занятий произвел на меня семинарий, руководимый профессором И. М. Гревсом. Не могу сказать, чтобы тема, выбранная профессором, — духовная культура средневековой Италии, — была мне очень близка. Меня занимало другое: удивительное мастерство, с каким раскрывал Иван Михайлович содержание взятого для анализа текста. Интересен был сам процесс подготовки к очередному занятию. Надо было не только самостоятельно прочесть и перевести отрывок латинского текста, но и посильно прокомментировать его. А как увлекательны были часы совместной работы, когда сухой и, как нам казалось, малосодержательный документ начинал на наших глазах обрастать живой тканью, светиться, играть новыми красками, приобретая ценность большого научного факта. И. М. Гревс как человек обладал большой притягательной силой. Мы любили его за всегда ровное, благожелательное отношение к нам.

Семинарские занятия требовали от нас регулярного, кропотливого, настойчивого труда. Лекции были нашими праздниками.

Как и требовалось первокурснице, да еще провинциалке, я отдала дань молодой любознательности, которая больше походила, впрочем, на любопытство. Каждый новичок считал совершенно необходимым посетить лекции разных профессоров на разных факультетах.

Одним из самых популярных лекторов в мое время был А. И. Введенский. Его лекции по логике собирали огромное количество слушателей. Я не разделяла общих восторгов. Изложение предмета показалось мне слишком популярным. Я почувствовала себя снова школьницей. Думаю, что я была неправа. Дело было в другом. Поразительное умение профессора говорить просто о самых сложных вещах шло вразрез с моей романтической настроенностью, со стремлением к преодолению трудностей и решению сложных задач.

Вопросы права очень далеки от моих интересов. Но их читает профессор Л. И. Петражицкий. Он — гордость наших юристов. Как не послушать того, кого слушают все! Лев Иосифович читает медленно, подбирая слова. Похоже на то, будто он ворочает тяжелые камни. Выражения у него иногда какие-то странные, непривычные. Одно из них мне запомнилось: «элегантное мышление». Я не знаю сейчас, к чему оно относилось. Лекцию Л. И. Петражицкого легко было воспроизвести почти дословно. Разве можно было мыслить иначе, чем мыслил он? Ни возражений, ни сомнений, ни колебаний. Казалось, ваша мысль в плену. В этом подчинении было даже что-то тяжелое. Такова была железная логика этого оригинального лектора.

Зато как легко, ясно и радостно было на лекциях Е. В. Тарле. Даже новичок чувствовал себя здесь как дома. Тарле был блестящим оратором. Его образная публицистически острая речь доходила до сердца аудитории. Это был наш «красный» профессор. Его имя было окружено ореолом. Из уст в уста передавался рассказ о том, как во время студенческой демонстрации профессора «огрели» нагайкой. Впрочем, всерьез оценила я Тарле много позднее, когда труды этого выдающегося советского ученого стали широко известны всей нашей интеллигенции.

Вскоре от этого угара юношеской пытливости не осталось и следа. Народ занятой, мы не имели возможности посещать лекции ежедневно. Приходилось экономить время для занятий дома и в библиотеке. Каждый выбирал то, что ему было нужнее всего.

Большой вклад в развитие и становление моих научных интересов внес М. И. Ростовцев. Он читал курс введения в историю Рима.

В чем была главная сила лекций Ростовцева? В ораторском искусстве? Нет. Ростовцев не обладал внешними ораторскими данными. Разгадка заключалась и не в тех больших знаниях, которые несли в себе лекции профессора, бывшего уже в те годы одним из крупнейших представителей исторической буржуазной науки. В сущности знания дает каждый серьезный преподаватель, если он знает и любит свой предмет и относится с интересом к тому, что он рассказывает. Лекции М. И. Ростовцева были творческим актом, и лекторский талант его заключался в умении приобщить к творческому процессу аудиторию. Студент как бы присутствовал в научной лаборатории исследователя, соучаствовал в его труде и поисках.

Лекции наших профессоров натолкнули меня на ряд практических выводов. Во-первых, они научили любить лекторское искусство. Хорошая лекция, лекторское мастерство и сейчас волнуют меня, хотя голова моя седая и за плечами сорок лет преподавания в вузах. Во-вторых, у меня выработалась своя, казавшаяся мне наиболее целесообразной, система записи лекций. Я никогда не разделяла недовольства

некоторых преподавателей и деканов тем, что студенты не записывают лекций. Я убеждена, что запись мешает контакту лектора с аудиторией, не говоря уже о творческом освоении прослушанного. Я выработала в себе привычку записывать наиболее нужные мне лекции дома по памяти. Это давало возможность еще раз продумать весь материал, выделить главное, поставить перед собой ряд вопросов, наметить дальнейший план работы, а иногда заглянуть попутно в словарь или в то или иное пособие.

Мои воспоминания были бы неполны, если бы я не сказала несколько слов об экзаменах. Ни один студент, где и когда бы он ни учился, не простил бы мне этого упущения. Каждый сам знает, что значит экзамен, когда тебе не больше двадцати лет!

Экзаменов мы держали много. Экзаменационных сессий не было. Сдавать предметы разрешалось по выбору в любой последовательности в течение всего учебного года. Не обходилось без комических эпизодов. Впрочем, этот комизм ощущается больше сейчас, чем тогда, когда мы были непосредственными участниками событий. Товарищи бестужевки, кто из нас не помнит экзамена по истории славянских народов! Получить зачет с первого раза было редкой удачей. Бывают учебники, по количеству цифр и имен похожие на телефонную книжку. Не так-то легко одолеть подобный увесистый том! Мы зубрили, держали и проваливались, снова зубрили, держали и снова проваливались. Необходимость знания этого живого, интересного предмета многие из нас, к сожалению, осознали значительно позднее. Конечно, подобный экзамен был исключением. Помню, например, как, придя сдавать философию, я сказала профессору, что никак не могу понять и усвоить учение Фихте. Экзамен вылился в живую, интересную беседу и закончился хорошей оценкой в матрикуле. Мой опыт говорит о том, что наиболее полезны те испытания, к которым приходится штудировать не один учебник, а ряд научных исследований. Большой след в душе оставил экзамен по русской истории. К нему мы готовились по многотомному курсу В. О. Ключевского и монографиям С. Ф. Платонова и А. Е. Преснякова.

Великая Октябрьская революция в корне изменила направление моей жизни. Мне не довелось стать историком. Моей специальностью стала литература для детей. Я была не первая из бестужевок, посвятивших себя изучению детской книги. В этой области плодотворно работала слушательница одного из первых выпусков Бестужевских курсов Ольга Иеронимовна Капица. Я стала ее ученицей и преемницей.

Советская наука строилась на новых началах. Многое, очень многое из того, что дано было нам на Бестужевских курсах, безвозвратно отошло в прошлое. Многое пришлось пересмотреть, от многого отказаться. Но все то лучшее, что дали нам наши курсы, мы пронесли с со-

бой, на какое бы поприще ни призвала нас жизнь. Этим лучшим были — любовь к науке, страсть к исследованию, стремление к культуре, интерес и уважение к преподавательскому мастерству. Вот почему Бестужевские курсы, в стенах которых я никогда не слышала ни слова о детской книге, помогли мне овладеть новой специальностью и принять посильное участие в создании молодой советской науки о «большой литературе для маленьких». Но это уже новая глава в моей биографии.

Л. А. Мерварт

КАК БЕСТУЖЕВКИ ВПЕРВЫЕ СДАВАЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЭКЗАМЕНЫ В 1911 ГОДУ

Когда я кончала ВЖК в 1910 году, бестужевки еще не имели права сдавать государственные экзамены. Курсы не были приравнены к университету.

Но так как подготовка бестужевок была не хуже, чем подготовка студентов университета, то мы — три девушки: одна — классик, другая — математик, а третья — я, окончившая историко-филологический факультет по отделению германской филологии, — решили добиться права сдавать государственные экзамены. Министром народного просвещения был в то время реакционнейший чиновник царского времени Шварц. Просить у него разрешения на сдачу государственных экзаменов было бесполезно. Первые наши разведки были очень неутешительны. Нам сказали, что юноши, поступающие в университет, оканчивают не женские гимназии, а мужские и что программа женских гимназий меньше, чем программа мужских, министерских. Поэтому нам сначала придется сдавать при округе на аттестат зрелости, но и после этого министр Шварц вряд ли допустит нас к государственным экзаменам.

Все-таки каждая из нас написала прошение с просьбой допустить к сдаче государственных экзаменов, и мы пошли к заведующему одним из отделов министерства народного просвещения Палечеку. Это был человек образованный и доброжелательный. Он взял наши заявления, обещал найти возможность дать их на подпись министру и посоветовал на всякий случай готовиться к экзаменам на аттестат зрелости.

Мы так и сделали. Прошло некоторое время, и мы узнаем, что Шварц, этот реакционер из реакционеров, увольняется за «излишний либерализм», а вместо него назначается известный своей черносотенной политикой профессор Лев Кассо. У нас опустились руки.

На следующий день нам звонит Палечек из министерства: «Сейчас же приходите». Мы являемся. Он нам возвращает наши прошения с резолюцией Кассо: «Разрешаю». Палечек рассказал нам, что он дал Кассо наши заявления в числе ряда бесспорных, не терпящих отлагательства. Прочитав первые два-три и убедившись, что они несерьезны и не имеют политического значения, он подписал все, в том числе и наши, не читая.

На следующее утро в петербургских, московских, киевских, одесских газетах сообщалось, что министр Кассо разрешил трем бестужевкам сдавать государственные экзамены.

Кассо прилетел в министерство разъяренный. Но ему показали документы. Не мог же он признать, что не читал того, что подписывал, в первый же день своей министерской деятельности.

Взять назад разрешение было невозможно. Надо было искать другой выход. И его, разумеется, немедленно нашли. Председателем государственной испытательной комиссии был назначен профессор В. В. Латышев — директор Историко-филологического института, готовившего для мужских гимназий преподавателей латинского и греческого языков.

Профессор В. В. Латышев обладал большой эрудицией в области классической филологии и поэтому пользовался уважением среди ученых-классиков. Это давало возможность назначить его председателем государственной испытательной комиссии. На этот пост было принято назначать признанных ученых. В то же время В. В. Латышев был убежденным противником женского равноправия и женского образования.

За три-четыре дня до начала сессии (а началась она в 1911 году 24 апреля) каждый студент, желавший подвергнуться испытанию в комиссии, должен был прийти к председателю и получить от него лично входной билет в актовый зал университета, где проходили экзамены. Это делалось для того, чтобы председатель знал в лицо каждого экзаменующегося и мог бы помешать всякой попытке сдачи экзамена другим лицом. Выдача этих билетов продолжалась три-четыре дня, так как председатель принимал каждого отдельно. Я пришла за три дня до начала сессии. По общему положению, мне надлежало сдать три экзамена в комиссии. Сессия продолжалась шесть недель. Я была готова и думала, что в течение такого длительного периода я их сдам без особого напряжения, но не учла права комиссии в отдельных, исключительных случаях изменять порядок, сроки и даже состав экзаменов.

Когда я пришла к профессору В. В. Латышеву, он стал меня убеждать отказаться от сдачи экзаменов, говоря, что нежный женский организм не в состоянии выдержать напряжения, которого требует экзаме-

национная сессия. Когда я с этим не согласилась, он сообщил мне, что нам, женщинам, разрешается сдавать экзамены только в течение первых тринадцати дней сессии. Кроме того, мне назначено не три экзамена, а тринадцать, в том числе по таким трудоемким дисциплинам, как логика с теорией познания, психология, история греческой литературы, история римской литературы и т. п., — и все это в объеме полного университетского курса. Эти все предметы я уже сдавала на курсах и, хотя, конечно, требовалось их повторить, все-таки ответила, что согласна их сдавать. Тогда профессор В. В. Латышев сказал торжествующим голосом: «Да, но последний экзамен, назначенный вам, — это санскритский язык, а его изучить в течение нескольких дней вы никак не можете. Поэтому послушайтесь моего доброго совета и отложите ваши экзамены до будущей сессии, которая состоится осенью. Раз уже вам разрешили сдавать сейчас, то, очевидно, разрешат и в следующий раз. Ваши коллеги были у меня раньше вас, согласились с моими доводами, взяли свои документы и, вероятно, будут готовиться к сдаче экзаменов осенью. Послушайте меня, будьте благоразумны и сделайте то же самое».

Экзамен по санскритскому языку, совершенно не входивший в программу романо-германского отделения, В. В. Латышев приберег под самый конец как неотразимый аргумент. Он не знал, что я все время посещала лекции по санскриту на индийском отделении восточного факультета университета. Тут я, разумеется, сказала Латышеву, почему экзамен по санскритскому языку меня совсем не пугает. Это объяснение застало профессора совершенно врасплох. Он ударил кулаком по столу и воскликнул: «Вот я же говорил, что надо назначить литовский язык». У нас литовский язык не преподавался, но среди моих приятелей-студентов был специалист по сравнительному языкознанию — литовец Казимир Казимирович Бугас. Ему нужно было знание немецкого языка, которым я и занималась с ним в обмен на уроки литовского языка.

В ответ на восклицание Латышева я сказала: «Знаете, дайте мне литовский язык 14-м экзаменом. Я по-литовски стихи пишу».

В. В. Латышев подписал пропуск, протянул его мне и сказал: «Ваши приятельницы отказались, а они обе старше вас и понимают, что при таких условиях они провалятся». Я ответила: «Провалиться могу и я, конечно, но постараюсь выдержать. И мне очень жаль, что они струсили и сдались без боя». Встала, взяла билет и пошла к выходу. В. В. Латышев проводил меня словами: «Я сам буду слушать, как вы будете отвечать. А все-таки, если вы передумаете, у вас еще три дня, то верните мне пропуск — поберегите свое здоровье».

В. В. Латышев сдержал свое слово и на каждом экзамене подсаживался к тому столу, за которым я отвечала, а по истории древней

философии и истории классических литератур и сам задавал вопросы и каждый раз, видимо, оставался доволен ответами.

Получив входной билет, я вышла из кабинета, кипя от негодования. Как могли мои две товарки так струсить или так поддаться его речам?

Выходя из университета на набережную, я вдруг столкнулась с двумя другими претендентками на сдачу госэкзаменов. Они шли с разных сторон, и мы все трое, неожиданно оказавшись у самого подъезда, возмущенно накинулись друг на друга, упрекая в трусости. Однако уже через минуту мы поняли, что говорим одно и то же. Оказалось, что профессор В. В. Латышев каждой из нас сказал, что обе другие отказались от экзаменов, и каждая ответила ему то же, что и я. Мы все понимали, что если выдержим экзамены, то откроем этим двери в государственную испытательную комиссию всем бестужевкам, а если струсим и откажемся сдавать, то этим надолго закроем им дорогу.

Все экзамены прошли удачно. В осеннюю сессию подали заявления еще несколько бестужевок и были допущены к государственным экзаменам после предварительной сдачи экзаменов на аттестат зрелости.

В. Н. Диаконенко

ИЗ ЖИЗНИ БЕСТУЖЕВКИ

Эти воспоминания представляют собой сжатый рассказ о жизненных эпизодах и лицах из времен моего студенчества, которые сохранила память, о той жизни, главный фокус которой находился в доме № 33 по 10-й линии Васильевского острова.

Это дань любви, благодарности и признательности моим незабвенным учителям и наставникам, «хранившим юность нашу», и моим дорогим товарищам-подругам, и всем тем, чьи имена связаны со всей прекрасной, одухотворенной и полной страстной жажды знания и стремления к добру жизнью наших курсисток.

Весной 1910 года я закончила восьмой класс женской гимназии в Чернигове. Давно уже был решен вопрос, что я поступлю на Высшие женские курсы в Петербурге. Из Чернигова ежегодно поступало туда несколько человек, и мы уже слыхали живые, увлекательные рассказы наших предшественниц.

Из моего выпуска собралось в Петербург шесть человек: две — на физико-математический и четыре, в том числе и я, — на историко-филологический факультет. Бумаги посланы, положительные ответы получены, так как почти все имели золотые или серебряные медали. В

конце августа собрались ехать. И вот мы с моей одноклассницей М. Сергеенко отправились в дорогу. Когда на вторые сутки утром пассажиры заговорили о близости Петербурга, мы не отходили от окна.

На курсах быстро проделали все формальности, достали календарь-справочник, прошлись по всему зданию, но аудитории были еще заперты.

Затем мы поехали на вокзал за вещами, а потом на Невский в гостиницу. Я устроилась у окна и любовалась Невским проспектом, по которому когда-то ходил Пушкин, тем самым проспектом, чьим именем Гоголь назвал одну из своих повестей, тем проспектом, где Скобелев, комендант Петропавловской крепости, встретив Белинского, зловеще предупредил его о свободной камере в крепости.

На другой день мы нашли маленькую комнатку на Среднем проспекте. Хозяева были простые, симпатичные люди, и я прожила у них три года, до приезда в Петербург моей младшей сестры. Итак, мы — курсистки. Внесли деньги за право учения за первый семестр, получили зачетные книжки. На курсах мы услыхали непривычное обращение — товарищ. Оно нам понравилось, и мы, бестужевки, постоянно его повторяли.

Как-то в коридоре меня случайно окликнула какая-то курсистка. Подойдя ближе, я узнала старинную знакомую нашей семьи Нину Долгорукову, которая поступила на курсы раньше меня и теперь заканчивала химическое отделение. Она затащила меня в химическую лабораторию, сообщив, что в ней работают только оканчивающие или оставленные при курсах, и начала показывать свое химическое хозяйство; рассказывала мне о жизни курсов, давала разные советы и указания.

Первого сентября начались лекции. Я составила себе расписание курсов, заинтересовавших меня своей тематикой. Надо было прежде всего сдать экзамен по одному или двум иностранным языкам. Я неплохо знала теоретически французский язык, немного хуже немецкий и чуть-чуть английский.

Французский язык нам читал Ляронд. Сдавать экзамен по языкам можно было сразу в сентябре, и я поспешила это сделать, не посещая занятий.

Немецкий язык читал Клейненберг. Для изучения языка, усвоения лексики и повторения грамматических форм он почему-то выбрал отдельное издание «Афоризмов житейской мудрости» Шопенгауэра; мы приобрели эти книжечки, и несколько недель я посещала лекции, но затем сдала и этот экзамен и стала заниматься только английским.

Английский язык читал Бёрнес, типичный англичанин по внешнему виду и манерам; занятия он вел по-английски, по-русски говорил с сильным акцентом.

Занятия живыми иностранными языками, а затем латынью не были главными. Основу составляли лекции по следующим курсам: введение в языкознание читал И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, фонетику вел молодой тогда, начинающий преподаватель Л. В. Щерба, морфологию — С. К. Булич, общий курс русской литературы — профессор В. В. Сиповский. Названные имена говорят уже сами за себя. Но я должна сказать, что слушать лекции, особенно по языковедческим дисциплинам, с непривычки было нелегко. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ на первой же лекции нас поразил, даже более того — поверг в смятение, заявив в маленькой XI аудитории, где всегда проходили его лекции: «Забудьте, пожалуйста, все, что вы учили по грамматике. Никаких твердых и мягких гласных нет, это все сказано в школьных учебниках совершенно неправильно и антинаучно». Он учил нас фонетической транскрипции, и постепенно мы начинали прозревать и более сознательно слушать его лекции.

Внешне профессор не имел внушительного вида, всегда в каком-то кургузом пиджачке, говорил нередко с иронией, но сохранял невозмутимое спокойствие. Экзамены у него превращались в интересное собеседование или в экскурс в какую-нибудь область языкознания.

Из ученых, чьи лекции привлекали особенно много слушательниц, даже и с других факультетов, надо назвать имена А. И. Введенского, С. Ф. Платонова, С. А. Венгерова, Д. В. Айналова.

С. А. Венгеров читал у нас на курсах в 1910 году. Интерес к его курсу был очень велик. Он развивал свою излюбленную тему о воспитательном характере русской литературы, и если позднее немало критиковали его концепцию, то все же нельзя не отметить, что нравственно-воспитательное влияние ее на молодежь было огромно. Его любили слушать и любили потом обсуждать его лекции.

Из отдельных курсов более узкого профиля нельзя не вспомнить лекции профессора Ф. Ф. Зелинского о Гомере. Он читал курс древнегреческой литературы, затем брал в руки «Илиаду» на древнегреческом языке, а то просто наизусть декламировал ее в подлиннике, переводил и комментировал.

Посещала я и отдельный курс академика Д. Н. Овсянико-Куликовского по истории древних культур и религий. Этот курс не был обязательным, посещала его небольшая группа студенток разных курсов. Нас всегда поражала огромная эрудиция Дмитрия Николаевича и глубокое знание предмета.

Кроме посещения лекций, мы работали в различных семинариях и просеминариях. Больше всего вспоминаю свою работу у Н. К. Пиксанова. Помнится, я писала доклад на тему о крепостных театрах XVIII—XIX веков. Консультантом и помощницей Н. К. Пиксанова бы-

ла Н. К. Гинс, закончившая курсы и оставленная для подготовки к преподавательской деятельности.

Начала я работать и у И. А. Бодуэна-де-Куртенэ в семинарии «Польский язык сравнительно с русским и древнеславянским». Но этот семинарий был почему-то прерван. Посещала я, как украинка, семинарий по чтению старых актов Литовской Руси, который вела А. Я. Ефименко.

Экзамены мы могли сдавать в разное время, но не раньше, чем заканчивалось чтение этого предмета. Профессора устанавливали сроки, и надо было записываться в учебной части на определенное число.

Лекции и семинарии входили в обязательную программу наших занятий, но многие из нас принимали участие и в работе кружков. Одним из наиболее популярных и многочисленных на нашем факультете был литературный кружок, руководимый Н. К. Пиксановым.

На собраниях кружка обсуждались произведения новейшей русской литературы, иногда читались и обсуждались литературные опыты членов кружка. Кроме того, устраивались литературные и музыкальные вечера, привлекавшие курсисток со всех факультетов.

Бывали вечера молодых музыкантов. Однажды в зале перед концертом мне сказали, что сегодня будет играть молодой пианист, в этом году окончивший Петербургскую консерваторию «с роялем». Тогда консерватория так награждала своих питомцев, окончивших музыкальное образование с отличием, — дарила им рояль. На эстраду вышел довольно высокий худой блондин, играл произведения классиков, а потом и свои. Сидевшая рядом со мной девушка назвала его фамилию — Сергей Прокофьев.

Один вечер доставил беспокойство хозяйственным органам наших курсов. Тогда много говорили и спорили о футуристах, мы нередко обращлись к нашим профессорам, спрашивая их мнение об отдельных писателях. Профессор С. А. Венгеров поднимал палец вверх и многозначительно говорил: «Но в них что-то есть. . .».[1]

---

[1] Собравшиеся на вечер футуристов бестужевки были к ним настроены очень недоброжелательно. Атмосферу несколько разрядил С. А. Венгеров, который в начале своего вступительного слова сказал следующее: «Прислушаемся к этому течению. Вы помните, как отнеслись к поэме Брюсова „О, закрой свои бледные ноги". А теперь — Брюсов считается у нас классиком».

О том, что обстановка на вечере футуристов была напряженной, свидетельствует поданное Совету профессоров письмо профессора К. А. Поссе с выражением сожаления по поводу того, что на курсах был разрешен вечер футуристов. Директор объяснил, что по установившимся обычаям он не имел оснований не разрешать этого вечера, тем более, что профессор С. А. Венгеров на этом вечере во вступительном слове охарактеризовал футуризм как новое литературное явление. Комиссия Совета выразила пожелание, чтобы в будущем подобные вечера на курсах разрешались с осторожностью (Петроградские высшие женские курсы за 1913—1914 г. Отчет о состоянии. . . Пг., 1915, стр. 194).

Наконец, объявлен вечер футуристов. Актовый зал переполнен, заперты входные двери, но желающих так много, что они напирают на двери; двери распахиваются, и новая группа вливается в зал. Выступали Рюрик Ивнев, Николай Бурлюк, Велимир Хлебников, Игорь Северянин и вместе с ними Владимир Маяковский. Больше всего запомнились Северянин и Маяковский. Первый вызывал скорее улыбку и легкую насмешку, когда, подойдя к рампе — длинный, в длинном сюртуке, с длинным, большим лицом, читал, нет — протяжно выпевал свои стихи. Но должна сказать, что многим нравились напевно звучащие фокусы его поэзии. Маяковский был в желто-черной в полоску блузе с красным цветком на груди. Сознаюсь, что поэзия Маяковского этого периода была некоторым моим подругам непонятна и до многих «не доходила».

Занимаясь и готовясь к экзаменам, мы ощущали потребность в разных книгах. Доставали их в фундаментальной библиотеке курсов, в семинарских библиотеках. Кроме того, ездили на Невский в Публичную библиотеку (теперь библиотека имени Салтыкова-Щедрина), а курсистки старших курсов, получив письменную рекомендацию от профессора, занимались также в Библиотеке Академии наук. В Публичной библиотеке и в Библиотеке Академии наук мне приходилось много работать над специальной темой. Здесь нас, курсисток, очаровала особая атмосфера книголюбия, интереса и уважения к книге как таковой — не только к ее содержанию и автору, но и к ее изданию, переплету, ее чистоте и внешнему виду.

Заговорив о Публичной библиотеке, я не могу не вспомнить мои посещения ее в дни и часы, указанные для осмотра ее сокровищ. Я видела здесь и «Остромирово евангелие» в чудесном серебряном переплете, и инкунабулы, и книги-лилипуты, и книги-великаны, книги на шелку, на пергаменте, древние рукописи, уникальные издания; нам показывали «Коран Магомета», за чтением которого был убит один из халифов. Когда в 1956 году я пошла посмотреть сокровища библиотеки, я узнала, с сожалением, что для экскурсий (нерегулярных, случайных) дается лишь определенная, ограниченная экспозиция.

Кроме Публичной библиотеки, мы посещали, конечно, Эрмитаж, музей Александра III (теперь Русский музей), выставки, концерты и театры. Хотя музеи и театры города не имеют непосредственного отношения к Бестужевским курсам, но они настолько связаны с общим культурным ростом бестужевок, настолько пополняли и иллюстрировали художественно то, что мы изучали в аудиториях, что я не могу не упомянуть и о петербургских театрах того времени.

Самыми знаменитыми были три императорских театра. В Мариинский (теперь Академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова) попасть было очень трудно. Я была там считанное число раз. В

этом театре мне удалось впервые увидеть на сцене Ф. И. Шаляпина. Когда он выступал, молодежь дежурила всю ночь возле театра; правда, наши товарищи-студенты большей частью отправляли нас спать, оставаясь «держать очередь», а мы приходили рано утром. В 8 часов утра приезжала конная полиция и выстраивала две очереди: одну — более короткую — на билеты в партер и другую—бесконечную змею— на остальные места.

Дежурила я на Шаляпина со своей подругой-консерваторкой. Мы решили стать в очередь на места в партере, считая, что все-таки больше шансов попасть в театр. Но очереди не вели нас непосредственно к кассам: сначала только тянули жребий, и счастливые обладатели номерка выстраивались тогда в очередь к кассе.

И я вытягиваю бумажку, раскрываю и, еще не веря своим глазам, вдруг вижу на ней номерок. Не успела я прийти в себя от радостного изумления, как чья-то рука протянулась из-за спины и схватила билетик. Поднялся страшный крик, какие-то незнакомые студенты бросились вдогонку за барышницей, задержали, схватили за руки и заставили вернуть номерок. Едва поблагодарив их, я побежала на свое место в очереди к кассе. Волнуясь, мы решали вопрос, хватит ли у нас денег на билеты в партер. Подруга совала мне в руки свои деньги: «Бери какие можно! Лучше будем экономить на обедах, на трамваях, а Шаляпина увидим и услышим!» Я взяла два билета в последних рядах партера по 4 р. 50 к. На деньги, истраченные на билеты, мы обе могли обедать в курсовой столовой целый месяц.

Наконец настал вечер спектакля. Шла опера «Фауст». Мы пришли в театр заранее, любовались красивым внутренним убранством, сочетанием голубого бархата с серебром. Я прилежно рассматривала роспись плафона, вспоминая, что в оформлении его когда-то участвовал, служа у подрядчика Ширяева, Тарас Шевченко. Постепенно зал наполняла разодетая публика, слышалась французская речь. Но когда началось действие, мы обо всем забыли.

Об игре Шаляпина так много писали, что я не буду останавливаться на своих впечатлениях, которые выдержали испытание временем: и сейчас перед глазами стоит ужасное исчадие ада с сатанинским смехом, в красном костюме, со шпагой,и передвигается он как-то странно — да, ведь у него не ноги, а козлиные копыта! А голос и смех, от которого мороз пробегает по коже...

В Александринском театре (теперь Академический театр драмы имени А. С. Пушкина) я видела «Горе от ума» с Юрьевым, пьесы Островского с Варламовым, Давыдовым, Савиной и Стрельской.

В третьем из императорских театров — Михайловском (теперь Академический Малый театр оперы и балета) — раз в неделю на об-

щедоступных спектаклях ставилась иностранная классика на русском языке. Там я видела прекрасную постановку «Школы злословия» Шеридана, в которой Озаровский создал незабываемый тип английского щеголя и фата того времени, в кричащем костюме, с муфточкой в руках; и даже в русской речи его чувствовалась имитация выговора английского денди той эпохи.

Во времена моего студенчества в Петербурге создавались театры новых исканий в искусстве. Борясь с казенной рутиной императорской сцены, оперная молодежь открыла Театр музыкальной драмы. Мы с подругами внимательно следили по газетам и журналам за открытием этого театра, в первый же день продажи билетов помчались в центральную кассу на Невский и приобрели себе абонементы на балкон, самые дешевые места, но как раз против сцены. Здесь я смотрела многие оперы русских и иностранных композиторов.

Наконец, был в Петербурге еще один театр, где шли оперные спектакли. Это был Народный дом на Петроградской стороне с большим театральным залом, где верхний ярус на 350 мест посещался бесплатно — нужно было только заплатить 15 копеек, проходя через турникет. И вот в этом зале выступает Шаляпин! Опять ночное дежурство, но здесь уже не лотерея, а настоящая скачка с препятствиями. За два часа до начала спектакля открывается проход через турникет, а там бегом наверх на высоту шестого этажа во всю силу двадцатилетних ног и двадцатилетнего сердца. Там я видела и слышала Шаляпина в опере «Дон-Кихот».

Кроме театров, студенческая молодежь посещала различные концерты в зале Дворянского собрания (ныне Большой зал Филармонии). Здесь я бывала на концертах симфонического оркестра под управлением Сергея Кусевицкого, слушала Собинова и Шаляпина. Собинова очень любила молодежь, и он тоже любил ее. У нас билеты всегда были на хорах; если это был билет в 3-м или 4-м ряду, то весь концерт приходилось стоять на стуле, заглядывая через головы сверху.

Собинов обычно пел много, исполнял «Средь шумного бала» и другие любимые им произведения. Гром аплодисментов несся с хоров, оттуда же летели на сцену букетики фиалок — студенческое выражение любви и благодарности замечательному артисту.

Шаляпин пел немного, мало бисировал. Пел он удивительно. Особенно вспоминается в его исполнении романс на слова Пушкина «Ненастный день потух...». С изящной артистической улыбкой раскланивался он на овации и вызовы. Только что улыбавшееся лицо вдруг покрывала мрачная тень страдания и ревности, страстным шепотом пропел он заключительное «...но если...». Долгая говорящая пауза — и романс обрывается.

Большое впечатление производили экскурсии за город. Ездили мы по Неве, Онежскому и Ладожскому озерам, на остров Валаам. Однажды, проходя мимо Шлиссельбургской крепости, пароход остановился и от крепости отъехала лодка за почтой. Веселая компания молодежи, только что шутившая и смеявшаяся, сразу умолкла, все вышли на палубу, подошли к правому борту и устремили глаза к мрачной и грозной твердыне; всматриваясь в маленькие окна здания, может быть, кто-нибудь ожидал увидеть там изможденное лицо или бледную руку, но крепость была нема и безлюдна; слишком далеко были спрятаны обитатели ее от людского взора. Я оглянулась на товарищей: все молчали, лица сосредоточены и суровы, у многих нахмурены брови.

Теперь немного о нашем быте. Большинство курсисток снимали комнаты на Васильевском острове в семьях рабочих или мелких служащих, иногда, экономя деньги, одну комнату вдвоем или втроем. Отношения с хозяевами почти всегда были хорошими, нередко бестужевки занимались с детьми хозяев или доставали им книги.

От старших товарищей мы знали о центральном органе курсов — выборной организации учащихся. Через месяц-два после начала занятий нас, первокурсниц, собрали в 10-й аудитории и представительницы центрального органа провели с нами беседу, рассказали о своих функциях, отвечали на вопросы. Центральный орган вместе с Обществом вспомоществования учащимся и другими общественными организациями ВЖК руководил культурной и политической жизнью курсисток, поддерживал неимущих. Был такой вечер: артистка Озаровская привезла на курсы северную сказительницу Кривополенову. Сначала сама артистка рассказала о своей поездке на север «за жемчугом» — так она назвала впоследствии свою книгу, где описала, как она собирала фольклор Крайнего Севера. Затем вышла худенькая старушка с пергаментным лицом и с необычно яркими и выразительными глазами и низким сильным голосом запела «Про Калина-царя» и далее ряд старинных песен; она пела первый куплет, а затем махала платочком: «А вы-то подпевайте!» — и вся аудитория включилась в пение.

Курсистки внесли свой вклад в дело общего образования, вели занятия в рабочих кружках и школах самообразования. Когда я была на третьем курсе, меня вызвали в центральный орган и предложили вести курс русского языка и литературы в рабочей школе за Невской заставой. Я охотно согласилась и начала готовиться к своей первой педагогической работе. Работали мы, конечно, бесплатно, слушателями были большей частью молодые рабочие и немного женщин. Составив план, я применила, как мне казалось, хорошие методические приемы, рассказывая о значении русской литературы. Дав краткий очерк древнего периода, я предложила ответить письменно на ряд вопросов. К моему большому удивлению и огорчению, на следующий раз зада-

ние почти никем не было выполнено. Заметив мое большое смущение, досаду и, пожалуй, обиду, слушатели пошептались, и один из них встал и сказал мягким, как бы извиняющимся голосом: «Да когда же мы будем писать их? Нашего учения только-то здесь». И они начали говорить мне о своей работе, о многочасовом стоянии у станка, о страшной усталости.

Я перестроила свою работу. Теперь я просто рассказывала, а потом мы читали в аудитории отрывки из произведений художественной литературы. Весной мы решили устроить вечер для слушателей, и меня попросили тоже помочь в его устройстве. Я уговорила знакомую консерваторку третьего или четвертого курса, обладавшую красивым сопрано, приехать и спеть несколько вещей в рабочей аудитории. Не особенно охотно, но она все же согласилась и приехала. Она была в настоящем вечернем концертном туалете, и это обстоятельство сразу в глазах неискушенной аудитории превратило ее в настоящую актрису. Пела она очень хорошо и получила большое моральное удовлетворение, так как хлопали ей и вызывали громко и дружно. После концерта были танцы.

Я хочу еще рассказать о забастовке в начале 1911 года. Море народной скорби, боли и гнева всколыхнулось и разлилось, когда 7 ноября 1910 года телеграф принес известие о смерти Льва Николаевича Толстого. Сотни и тысячи людей устремились в Ясную Поляну на похороны. Ездили и наши бестужевки. В ноябре—декабре повсюду происходили траурные собрания и литературные вечера памяти Толстого. На курсах тоже был организован большой вечер. Наш директор профессор С. К. Булич читал только что напечатанный рассказ «После бала». Своему чтению он предпослал воспоминания о прототипах действующих лиц рассказа, которых он лично знал во время своего студенчества в Казанском университете.

Но не только на этих собраниях вспоминали гениального писателя — на частных квартирах, в студенческих комнатах, в своем дружеском кругу люди вспоминали Толстого, совесть своей страны, неустрашимого борца против смертной казни. Студенчество особенно жадно читало, собравшись у кого-либо из товарищей, статью Толстого, запрещенную цензурой, «Не могу молчать». Особенно сильное впечатление производили заключительные слова статьи, с которыми гениальный автор обращается к правительству: «...чтобы или кончились эти ужасные нечеловеческие дела (т. е. применение смертной казни. — *В. Д.*) или посадили меня в каменный мешок... или надели бы на меня на 21-го или 21000 первого саван-колпак и также столкнули со скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своем старом горле петлю».[2]

---

[2] Л. Н. Толстой. Собр. соч., т. 37. М., 1956, стр. 392.

Чувства молодежи, особенно чувство возмущения социальным злом, так ярко и страстно выраженное Толстым, не могли долго оставаться в тесных рамках студенческих комнат на Васильевском острове или Петроградской стороне и стихийно вылились в демонстрации и забастовки.

В студенческие годы я вела изредка записки о событиях. Под 10 ноября 1910 года (ст. ст.) нахожу такую запись (привожу ее целиком): «7 ноября в 6 час. 5 мин. утра умер на ст. Астапово Л. Н. Толстой... Везде в России траур по нем, впрочем, этот траур выражается различным образом. Студенты и курсистки отменяют лекции, поют „вечную память", говорят речи, а полиция тоже не бездействует: обнажает шашки, нагайки, разгоняет толпу, в Киеве есть случаи избиения. Завтра на курсах сходка в 10 часов утра, сегодня бурно прошел весь день на курсах. Завтра в 1 час дня учащаяся молодежь хочет устроить демонстрацию на Казанской площади, выражая протест против смертной казни. Предполагают, что полиция и войска могут пустить в ход оружие. Не знаю, что будет завтра, но на Невский я все же пойду».

Демонстрация состоялась. В толпу не стреляли, но нагайками работали; усилились аресты, в том числе среди учащихся. Однако жизнь на курсах продолжалась как будто нормально: читались лекции, сдавались экзамены, но внутри все кипело и бурлило. Вскоре начались зимние каникулы, и большинство учащихся разъехалось по домам.

Но волнения не утихали, и в начале нового семестра горячие споры и сходки возобновились, все чаще говорили о всеобщей забастовке учащихся высших учебных заведений на весь семестр. Постепенно, объявив забастовку, прекращали работу институты, забастовал университет. Наш центральный орган созвал 26 января 1911 года сходку в актовом зале. На повестке стоял один вопрос — о забастовке. Помню разгоряченные, возбужденные лица, горячие речи. Вопрос стоял так: только настоящее собрание может решить, устраивать ли референдум среди курсисток о прекращении занятий на курсах в знак протеста против своеволия царских сатрапов и палачей.

28 января состоялся референдум. У входа на курсы швейцар требовал у всех матрикулы, с ними мы шли в зал, предъявляли их одной из дежурных у списков слушательниц, она делала отметку и давала белый листочек, на котором надо было писать «да» (бастовать) или «нет» (не бастовать), затем эти билетики опускались в урну. Поздно вечером мы узнали результаты голосования. В своей записи того времени я отметила число голосов: за забастовку было подано 2393 голоса, а против — 1174. Забастовка прошла.

На другой день я пошла на курсы сдать книги в библиотеку. По-прежнему без предъявления студенческого билета не пропускают. Везде тихо, аудитории заперты, быстро проходят курсистки, в малом зале, в коридорах и возле наглухо запертых дверей актового зала стоят полицейские. Власти опасались, что в учебных заведениях начнутся революционные митинги, и потому ввели полицию. Еле тлеет еще жизнь в библиотеке, канцелярии, еще работает столовая. Я спустилась в библиотеку, отдала свои книги. Через несколько дней жизнь на курсах совершенно замерла. Иногородние разъехались по домам.

Занятия возобновились только с нового учебного года. Но связь с революционной борьбой ощущалась очень живо всеми слушательницами. Достаточно привести хотя бы такой факт. Нередко курсистки, купившие талоны в кассе столовой, слышали: «Собираем для матери нашей курсистки такой-то, она в ссылке...». И почти все вносили сколько могли.

Вспоминаю, как мы с подругой провожали бежавшего из ссылки революционера. Это был т. Товстуха, бывший черниговский реалист. Он был исключен из реального училища, снимал где-то комнату и жил, кажется, частными уроками.

Однажды, придя вечером после лекций, я нашла у себя на столе записку знакомого политехника, предлагавшего обязательно прийти на другой день к одной нашей черниговке. Вечером там был и Товстуха. Он интересно рассказывал о своем побеге из Сибири. Мы собрали ему деньги, раздобыли паспорт, с которым он должен был ехать до границы, а там нелегально перейти ее. (После революции Иван Товстуха приехал в Москву, работал в Институте истории партии, но вскоре умер от туберкулеза. Урна с прахом Ивана Товстухи была захоронена в Кремлевской стене.)

Летом 1914 года разразилась война с Германией. Осенью мы с сестрой приехали в Петербург, который был уже переименован в Петроград. Что-то неуловимое и тревожное прошло по нему... Дни летели быстро, так же быстро миновали и годы учебы. Весной 1915 года я сдавала государственные экзамены в Петроградском университете. Профессор Шахматов оказался совсем не страшным, мягким и внимательным экзаменатором. В процессе экзамена пошла речь об украинском языке, и он сказал мне: «Не хотите ли помочь нам в работе по собиранию особенностей говоров?» Он пригласил меня к себе для обсуждения моей работы, но развернувшиеся в жизни нашей Родины события все изменили в моих планах.

17 Зак. 472

Е. Н. Кареева-Верейская

СТРАНИЧКИ ДНЕВНИКА

Осень 1905 года. Высшие учебные заведения на замке. Это был год повальных обысков, ссылок, крупных политических процессов. Многие из бестужевок сидели по тюрьмам, отправлялись без суда в ссылку, садились на скамью подсудимых.

Сама я непосредственного участия в революционной деятельности не принимала, но была близка с несколькими курсистками — членами подпольных рабочих кружков. Однажды я от них узнала, что одной из наших бестужевок удалось бежать по дороге в ссылку, что она скрывается в Петербурге и ее необходимо переправить за границу. Но для этого нужны деньги. Как их достать? И вот возникает идея — устроить благотворительный концерт в пользу нуждающихся слушательниц ВЖК. За разрешением надо было обращаться к градоначальнику, добиться с ним встречи и подать написанное по форме заявление. Выбор пал на меня: прежде всего, я была «чиста», т. е. не замешана ни в каком революционном деле.

Было написано тщательно продуманное заявление, и мне дан ряд инструкций, что и как говорить. Я была очень горда тем, что мне, восемнадцатилетней девушке, старшие товарищи поручили такое ответственное дело, истинная цель которого была, разумеется, строго законспирирована. Я даже не знала фамилии товарища, которого надо спасать.

Я очень волновалась: сумею ли? Надев свой лучший костюм, отправилась к градоначальнику. Добиваться встречи не пришлось: какой-то чиновник в полицейской форме, даже не спросив, по какому я делу, провел меня по широким коридорам и остановился у высокой дубовой двери.

— Подождите минуту. Я доложу.

— Скажите, что представительница ВЖК.

Он сразу же вернулся и распахнул дверь.

— Пожалуйте!

Я мысленно перекрестилась и вошла в огромный, роскошно обставленный кабинет. Мне сразу стало ясно, что это не сам градоначальник, а какой-то важный полицейский чин. За большим письменным столом, в противоположном от входа углу, сидел красивый и довольно молодой еще человек. Лицо его было сурово, но, увидев меня, он сразу любезно улыбнулся и приподнялся. Я постаралась придать своей физиономии максимум серьезности.

— Прошу! — он указал мне на одно из стоявших перед столом кресел. — Чем могу служить?

Весь он был такой вылощенный, холеный. Мне сразу стало противно его самоуверенное и самодовольное лицо.

И вот я по ковровой дорожке пересекаю кабинет и сажусь в кресло. Садится и он.

— Я слушательница ВЖК, — как можно строже и суше говорю я и коротко излагаю ему нашу просьбу.

Он высоко поднимает брови.

— Но позвольте, милая барышня, курсы же закрыты.

— Да. Но многие курсистки не знали этого и приехали в Петербург. Некоторые очень издалека.

— Ну и пусть себе едут домой. Занятий не будет.

— Но им же выехать не на что! — восклицаю я. — Они рассчитывали найти здесь заработок и учиться. Но раз курсы закрыты...

— Так ли это? — перебивает он меня, наклонив голову на бок и улыбаясь.

— То есть, что? — спрашиваю я, нахмурившись.

Он обходит стол и садится во второе кресло прямо против меня.

— Милая барышня, — вкрадчиво говорит он вполголоса, продолжая улыбаться и весь наклоняясь ко мне, — ну, скажите мне совсем откровенно, на что пойдут деньги от концерта? Мы здесь одни, никто не услышит, а я даю вам слово: никому не выдам тайны.

— Я вам сказала правду, — отрезаю я. — Нам нужно помочь нуждающимся курсисткам.

— Ой ли? — он тихо смеется и укоризненно качает головой, глядя мне в глаза.

«Кокетничает, как провинциальная барышня», — с отвращением думаю я.

— Ну, допустим, — весело продолжает он, — а вы знаете, что артистам императорских театров мы не разрешим участвовать в вашем концерте?

— Знаем. Мы найдем участников.

— А вы знаете, что все билеты на концерт должны быть проштампованы в градоначальстве и вы должны будете вернуть туда непроданные билеты и корешки от проданных? И показать всю вырученную сумму?

— Курсистки не в первый раз устраивают концерт и правила хорошо знают, — говорю я.

Он молча смотрит на меня и улыбается. Меня это начинает бесить. Но я делаю над собой усилие и очень вежливо прошу:

— Пожалуйста! Разрешите концерт! Нам очень жалко попавших в беду подруг!

— Ну, что с вами делать? — смеется он. — Заявление у вас написано?

— Вот оно, пожалуйста!

Он сел к столу и стал читать. Потом взял в руки большой синий карандаш — и задумался. У меня замерло сердце, я не спускала глаз с его карандаша. Но вот поперек нашего заявления крупными, четкими буквами выведено: «Разрешить!» — и замысловатая подпись с широким росчерком.

Я встала. Он подошел ко мне, левой рукой подал заявление, а правую протянул мне. Скрепя сердце, я вложила руку в мягкую, холеную полицейскую ладонь.

— Желаю большого успеха и вашему концерту, и лично вам, милая барышня, — говорил он, пожимая мою руку немного крепче и немного дольше, чем следует.

«А сам, небось, шпика на концерт пришлешь», — думала я и сухо сказала:

— Мы вам очень благодарны.

Ой, как трудно было удержать свои ноги, чтобы они шли степенным, неспешным шагом по ковровой дорожке к двери. Они рвались бежать, бегом бежать из этого гнусного места! А вдруг этот тип одумается, вернет, отберет разрешение! Так же степенно я заставила себя спуститься по лестнице мимо шнырявших по ней взад и вперед полицейских, но, выйдя на Гороховую улицу, я вскочила на первого извозчика и, ликуя, помчалась к подругам.

Победа! Мы устраиваем концерт!

За дело принялись энергично. Мне было поручено пригласить участвовать в концерте молодого поэта Дмитрия Цензора, стихи которого пользовались большим успехом среди учащейся молодежи, и еще кое-кого из начинающих писателей. Другие должны были найти певиц, певцов, музыкантов среди любителей. Был снят зал Тенишевского училища (ныне театр Института театра, музыки и кинематографии), заказаны и проштампованы в градоначальстве билеты, и несколько курсисток попарно стали объезжать представителей либеральной интеллигенции (видных адвокатов, профессоров, художников) и развозить им «почетные» билеты на места первых трех рядов. Билет стоил 3 рубля, но люди понимающие выносили или высылали с прислугой по 10 рублей за два билета. Из них 6 рублей клались в один конверт для предъявления в градоначальство, 4 — в другой, знать о котором никому, кроме посвященных, не полагалось.

Заказаны и программы концерта, на которых было напечатано: «Цена 20 копеек», — но большая часть их вкладывалась в узкую папочку из ватманской бумаги. Те из нас, кто хоть сколько-нибудь умел рисовать, изображали акварелью на этих папочках или цветок или пейзажик с неизменной речкой. Программы продавались при входе по рублю.

Концерт удался на славу. Поющих дам-любительниц, только и мечтавших выступить в настоящем концерте, нашлось много. Из привлеченных к участию поэтов и писателей пришли все. Зал был переполнен. В первых трех рядах по «почетным» билетам сидели тетушки, гувернантки и прислуга «почетных» гостей — но не все ли равно? Остальные ряды, билеты на которые были много дешевле, заполнила шумная толпа бестужевок и студентов.

Я была одной из распорядительниц на концерте и с гордостью носила на левой руке большой белый распорядительский бант. Вероятно, я сияла не меньше исполнителей.

Все выступавшие имели успех, их вызывали на бис. Дмитрию Цензору была устроена овация, публика без конца заставляла его читать свои стихи. Вслед за ним вышла на эстраду немолодая и некрасивая женщина низкого роста, необычайно тучная. Темные с проседью волосы были гладко зачесаны назад.[1] Она сделала знак аккомпаниатору, он взял несколько аккордов, и в зал вдруг полились звуки такого глубокого, такого сильного контральто, что вся публика замерла.

— Подруги милые, подруги милые... — пела женщина арию Полины из «Пиковой дамы».

Я опустилась на ступеньку лесенки амфитеатра и тоже замерла, не спуская глаз с певицы. Она уже не казалась мне некрасивой, я не замечала ее тучной фигуры, а лицо, озаренное изнутри каким-то ярким светом, было почти прекрасно. И заключительные слова арии: «Могила... могила...», — прозвучали так бесконечно трагично, что у меня на глаза навернулись слезы.

Несколько мгновений длилась полнейшая тишина. Потом весь зал словно сошел с ума. Все вскочили с мест — аплодисментов не было слышно за взволнованными и восторженными криками. Певица спокойно раскланивалась, улыбаясь доброй и чуть грустной улыбкой. И мы все чувствовали, что она любит нас и что петь для нас доставляет ей радость. И она пела и пела без конца.

После нее по программе должны были выступить два-три любителя. Но всем было ясно, что надо уйти с концерта, не испортив себе впечатления, а умные «номера» сняли себя с программы.

— Все хорошо, — шепнула мне на ухо главная инициаторша концерта, — хватит не только на билет, но и на первое время там.

Деньги с первого концерта после предъявления в градоначальство действительно выручили кое-кого из очень нуждавшихся бестужевок. Ну, а второй пошел по назначению.

Месяц спустя мне показали открытку из Лозанны. В ней был только привет и лаконичная подпись — Вера. Прислана была открытка на имя курсистки, такой же «чистой», как я.

[1] Н. П. Бегичева

С. М. Хлытчиева

ВОСПОМИНАНИЯ ЮРИСТКИ ПЕРВОГО ВЫПУСКА

Окончив 8-й педагогический класс в гимназии М. Н. Стоюниной в Петербурге весной 1906 года, я стала мечтать о поступлении на юридический факультет. Но я прекрасно сознавала, что мои мечты останутся только мечтами, так как доступ в университет женщинам был закрыт.

И вдруг неожиданно в газетах появилось извещение об открытии юридического факультета на Высших женских (Бестужевских) курсах в Петербурге. Мечта становилась явью...

Несложные формальности в канцелярии курсов заняли немного времени, и я уже студентка I курса юридического факультета ВЖК.

С волнением вхожу в самую большую аудиторию курсов — 10-ю, где читаются лекции I курсу юристок — нас было принято несколько сот человек.

В этой же аудитории через несколько дней состоялся многолюдный митинг, на котором директор курсов В. А. Фаусек сообщил нам о смертной казни двух курсисток — Венедиктовой и Мамаевой, так как ходатайство Совета профессоров перед генерал-губернатором об их помиловании было отклонено и приговор военного суда приведен в исполнение. На митинге я впервые услышала пламенные призывы к беспощадной революционной борьбе; митинг закончился скорбным пением «Вы жертвою пали в борьбе роковой».

Очень скоро по поступлении на курсы я полностью приобщилась к академической жизни. В числе наших профессоров был известный в то время историк права профессор В. И. Сергеевич. На первой же его лекции после вводных фраз, в которых он подчеркнул свое отрицательное отношение к революционной молодежи, поднялся такой шум и свист, что Сергеевич вынужден был уйти с кафедры и больше на курсах не появлялся.

На его место деканат пригласил профессора М. А. Дьяконова. Лекции его не были увлекательны по форме, но очень содержательны.

Я не пропускала ни одной лекции на нашем факультете. Многие, и я в том числе, посещали интересные лекции профессора Э. Д. Гримма на историко-филологическом факультете и позднее доцента Е. В. Тарле по истории французской революции. Очень скоро меня захватил полностью своими лекциями профессор Л. И. Петражицкий. Он читал на I курсе так называемую энциклопедию права, а на II — философию права. В качестве учебных пособий нам были указаны учебники покойного профессора Н. М. Коркунова. Но то, что нам читал на I курсе Петражицкий, совсем не соответствовало учебнику. Курс «Введение в

изучение права и нравственности» нигде напечатан не был, и желающим сдавать зачет по его лекциям оставалось только их записывать, чем мы и занялись старательно. Группа курсисток, постоянно посещавших его лекции, не превышала 30—40 человек, и из большой 10-й аудитории мы перекочевали в 9-ю — меньшую. Зная о популярности Петражицкого в университете, мы ждали многого. Но первое впечатление расхолаживало: профессор начал лекцию тихим, монотонным голосом, с сильным польским акцентом, употребляя в речи невероятно длинные периоды, словно переводя свои фразы с немецкого (поляк по национальности, он первые научные труды опубликовал в Берлине на немецком языке). Студенты острили: «Он думает по-польски, пишет по-немецки, а лекции читает по-русски». Но все же я пыталась записывать. Это было нелегко как из-за формы изложения, так и по существу: он вводил нас в глубины психологии. На базе эмоциональной психологии профессор строил свою теорию права. Меня начал увлекать логически совершенный ход мышления лектора.

Очень скоро вокруг Петражицкого у нас на курсах, как и в университете, образовался тесный кружок. Я записывала все его лекции и по просьбе некоторых однокурсниц составила программу к ним, по которой мы сдавали зачеты на II курсе, чем доставили профессору явное удовольствие (его печатный курс тогда еще не вышел).

Свою дань теории Петражицкого я отдала, представив на III курсе в семинарии профессора Жижиленко доклад на тему «Эволюция идей о целях наказания в истории». Эпиграфом к этой работе я взяла цитату из книги общей теории права Петражицкого, вышедшей к тому времени из печати. Следуя учению Л. И. Петражицкого, я доказывала, что представление о целях наказания исторически меняется в связи с изменением общественной структуры. Эту курсовую работу, по предложению профессора А. А. Жижиленко, я представила, сдавая государственные экзамены в университете, в качестве дипломной. Увы, моя дипломная работа получила у профессора И. Я. Фойницкого оценку «удовлетворительно». Я потом узнала от профессора Жижиленко, что Фойницкий, как, впрочем, и большинство наших профессоров, критически относился к теории Петражицкого и не мог простить, что она была положена в основу моей работы.

В том же году мы приступили к изучению догмы римского права. Лекции по этому курсу читал профессор И. А. Покровский. От студентов университета мы знали, что Покровский очень строгий экзаменатор; отзывов о его лекциях мы не слышали.

Так как на I курсе мы слушали лекции по истории римского права профессора Д. Д. Гримма, очень содержательные и — увы! — скучные, то и лекции профессора И. А. Покровского мы представляли себе такими же. Но именно на его лекциях перед нами ожил Древний

Рим, Рим республиканский и императорский, а Свод римских гражданских законов, легший в основу Кодекса Наполеона и позднейших гражданских кодексов XIX столетия, надолго стал нашей настольной книгой. Ни до, ни после я не слышала лектора, равного профессору Покровскому по увлекательности изложения и богатству содержания читаемого им курса.

Мы были покорены сразу же и со всем пылом юности взялись за изучение догмы римского права. А когда И. А. Покровский на второй год наших занятий с ним объявил семинарий по теории гражданского права, обусловив прием в него знанием латыни и немецкого языка, вернее, умением читать в подлиннике Свод законов гражданских императора Юстиниана, нас не испугала трудность изучения латыни. Перед каждым семинарским занятием мы проводили вечера в Публичной библиотеке или в юридическом кабинете на курсах, изучая проект Германского гражданского кодекса (самого передового по тому времени) и мотивы к нему. Разве можно было забыть счастливые часы работы под руководством И. А. Покровского, его лекции, его напутствие нам после последней лекции. Это было более полувека назад, но и до сегодняшнего дня его напутственные слова слышатся мне. Он говорил, что представляет себе своих слушателей звездами большой и малой величины. Но даже самая маленькая звезда должна светить окружающим своим неотраженным светом, излучая людям добро, честность и знание.

Быстро пролетели четыре года обучения, и вот у нас в руках дипломы об окончании курсов. Естественным было желание применить свои знания на практике, но осуществить это было нелегко. Бесплатная работа по специальности нашлась сразу же в районных юридических консультациях, где первое время мы работали под руководством опытных мужчин-юристов. Кроме того, меня привлекли к чтению лекций для рабочих во 2-м обществе образования Нарвского района.

С платной работой было гораздо труднее, так как доступ в сословие присяжных поверенных был для женщин закрыт. На мое объявление в газете, где указывалось, что женщина с высшим юридическим образованием и знанием иностранных языков ищет работу по специальности, я получила, к своему удивлению, несколько предложений. Но что это были за предложения! Искали бонну к детям и из ряда претенденток предпочли меня, так как высшее юридическое образование за те же 25 рублей в месяц не мешало. Наконец, мне посчастливилось: в конце декабря 1910 года я получила работу в юридическом отделе правления общества Владикавказской железной дороги. Здесь в должности заместителя заведующего столом общих судебных учреждений, а позднее — заведующего я выполняла работу, где могла использовать свои специальные знания.

Таким образом, еще при жизни Иосифа Алексеевича Покровского я начала работать. И могла сказать уже тогда, могу повторить и сейчас, много лет спустя после его смерти: всю жизнь я стремилась к тому, чтобы на моей совести не было ни одного заключения, ни одного выступления, противоречащего праву и справедливости. И в какой бы области я ни работала — практической или теоретической, завет Иосифа Алексеевича и его образ были всегда передо мной.

Мой начальник, главный юрисконсульт Леонид Яковлевич Лозинский, разносторонне образованный, известный цивилист-практик (отец поэта-переводчика М. Л. Лозинского), принимая меня на работу и критически оглядывая, помнится, сказал: «Мне интересно иметь на должности, требующей юридических знаний, женщину, так как про мужчин-юристов могу сказать словами русской поговорки: „Сколько волка ни корми — он все в лес смотрит", то есть они отрываются от юрисконсультской работы для своих выступлений в судах по частным делам, а женщинам дорога в адвокатуру закрыта, и они будут добросовестно выполнять свои обязанности в течение всего рабочего дня».

Однако большинству окончивших юридический факультет курсов не удавалось получить работу по специальности, а доступ в адвокатуру по-прежнему был закрыт. Это побудило юристок хлопотать о допущении их к сдаче государственных экзаменов при юридической испытательной комиссии Петербургского университета. Казалось бесспорным, что с получением дипломов университета вопрос о допущении нас в адвокатуру сам собой разрешится, тем более, что в законе не было статьи, запрещающей женщинам выступать в суде.

Девять человек, в том числе и я, добились приема у министра народного просвещения, разрешившего нам персонально сдавать государственные экзамены при Петербургском университете, но не по программе государственных экзаменов, а по всем предметам, входившим в программу обучения на юридическом факультете университета и ВЖК за 4 года, да еще при условии предварительной сдачи дополнительных экзаменов при мужской окружной гимназии на аттестат зрелости. Эта задача казалась непосильной, но наши профессора, преподававшие и в университете, пошли нам навстречу: они безоговорочно ставили нам отметки по своим предметам по предъявлении курсовых матрикулов. В результате фактически мы пересдавали в юридической испытательной комиссии университета только 4 предмета, входивших в число государственных экзаменов.

Наконец, 22 декабря 1911 года я получила университетский диплом. Но в наших дипломах, в отличие от университетских дипломов мужчин-юристов, отсутствовал пункт о правах, предоставляемых лицам, получившим высшее юридическое образование. Нам стало ясно, что необходимо издание специального закона о женской адвокатуре.

С этой целью юристки решили создать свою профессиональную организацию, поставившую целью добиться равноправия в практической деятельности с мужчинами-юристами. Благодаря энергичной и неутомимой работе моей однокурсницы А. И. Бахтеревой устав С.-Петербургского общества женщин-юристов был в марте 1913 года утвержден.

Началась кропотливая, незаметная, но нелегкая работа по подготовке общественного мнения, в первую очередь членов Государственной думы, в пользу нашего законопроекта. В этой работе А. И. Бахтерева поражала своей энергией, незаурядными организаторскими способностями, умением сплотить нас и заставить работать на общую пользу.

Кроме публичных выступлений, члены нашего общества вели кропотливую агитационную работу среди членов Государственной думы с целью расположения их в пользу законопроекта о женской адвокатуре, внесенного вторично в Государственную думу, а после принятия его последней — среди членов Государственного совета. Не могу не вспомнить здесь бывшего члена Государственного совета по выборам А. Ф. Кони. Я неоднократно слышала его блестящие заключения в Сенате, доклады в Юридическом обществе при университете и еще до поступления на курсы зачитывалась его судебными речами. Я охотно приняла предложение Бахтеревой посетить А. Ф. Кони и просить его поддержать нас в Государственном совете. К Анатолию Федоровичу мы отправились с моей однокурсницей Е. Ю. Эрлих. Он принял нас очень радушно, охарактеризовал некоторых членов Государственного совета с точки зрения возможной от них пользы при проведении в совете законопроекта о женской адвокатуре и обещал свою активную помощь. Эту помощь он нам действительно оказывал в течение всего времени прохождения законопроекта в Государственном совете.

В 1914 году, по предложению профессора Жижиленко, я была оставлена при курсах на кафедре уголовного права и в связи с этим принята в члены русской группы Международного союза криминалистов, где и участвовала на равных правах с мужчинами, членами группы, в работах съезда русской группы, происходившего до начала первой мировой войны. Мои впечатления о съезде были такими яркими, что и сейчас отдельные моменты всплывают в памяти. Я вхожу в помещение адвокатского клуба. Неожиданно ко мне подходит профессор, сенатор Н. С. Таганцев, автор многих трудов по уголовному праву. Ласково улыбаясь, Таганцев спрашивает меня: «Вы действительно окончили университет или просто так надели университетский значок?» — «Нет, я действительно окончила университет», — смущенно отвечаю я. Таганцев горячо жмет мне руку, поздравляет и говорит об искренней радости видеть женщину-юриста, о той пользе, которую жен-

щина может в этой области принести, когда, по русской пословице, «от тюрьмы и от сумы зарекаться не приходится». Его теплое отношение ко мне подняло мое настроение.

Таганцев был избран почетным председателем съезда, а меня вместе с юристкой-криминалисткой Е. Ю. Эрлих-Макаровой выбрали в секретариат.

Я, конечно, понимала, что это избрание было данью не мне, а первым женщинам-юристам, но все же оно льстило моему самолюбию...

На повестке съезда стояли злободневные вопросы: «Борьба с хулиганством», «Опасное состояние личности преступника» и «Наказуемость аборта».

Выступали официально намеченные докладчики и по докладам — многочисленные оппоненты. С первого же дня работы съезда ораторы резко разделились на два лагеря: профессорское ядро, стоявшее на академических позициях, за исключением москвичей, профессоров М. Н. Гернета и Н. Н. Полянского, и группа левых, в основном адвокаты, отстаивавшие по всем трем докладам крайние взгляды. М. Н. Гернет своим докладом произвел на меня очень сильное впечатление. Он был содокладчиком по вопросу о наказуемости аборта. Когда Гернет в пламенной речи ярко нарисовал ту социальную обстановку и те причины, которые толкают женщину на аборт, мне стало до очевидности ясно, что я могу быть только на его стороне. В этот день в перерыве профессор Жижиленко предложил мне выступить в прениях, получить, как он выразился, боевое крещение. Я сразу не отнеслась серьезно к этому предложению, так как не представляла себе возможности публичного выступления перед квалифицированными юристами, собравшимися со всех концов страны, но, вернувшись домой и восстановив в памяти все услышанное за этот день, я пришла к выводу, что, как мне это ни страшно, мой долг, как одной из первых женщин-юристов, — выступить на этом собрании и высказать свое мнение по вопросу о наказуемости аборта.

Участники съезда — адвокаты обрушились на сторонников наказуемости аборта, и при голосовании наша точка зрения получила большинство голосов. Смущенный председатель съезда В. Д. Набоков сообщил собранию, что такая резолюция вызовет крайнее удивление международного союза, стоящего твердо на позиции наказуемости аборта.

С началом первой мировой войны возросли мои общественные обязанности: я работала в городском попечительстве о бедных по оказанию помощи семьям призванных в армию, работала и в лазарете, открытом в городе во вновь выстроенном для курсов большом здании на Среднем проспекте; после рабочего дня через день я там проводила свои вечера.

Не прекращались и публичные выступления юристок — уже на темы, связанные с войной: А. И. Бахтерева зорко следила за тем, чтобы интерес общества к женщинам-юристам не ослабевал. Вспоминаю свое выступление в большом Александровском зале Городской думы, в котором я осветила вопрос о росте детской преступности и беспризорности в связи с войной. Свежий материал, собранный мною, рисовал мрачную и грозную картину вовлечения беспризорных детей в преступность, и, естественно, доклад вызвал большой интерес среди собравшихся.

Уже в 1916 году на съезде, устроенном Союзом земств и городов в Москве, нашему обществу предложили послать докладчика по вопросу об охране детского труда. И опять А. И. Бахтерева выставила мою кандидатуру и сговорилась с В. М. Бонч-Бруевич (врачом по специальности) о предоставлении мне нужной для доклада литературы, включая периодическую печать. Таким образом, я смогла к съезду подготовить доклад с исчерпывающей полнотой.

Приближался момент, когда законопроект о женской адвокатуре должен был поступить на обсуждение пленума Государственного совета. Юристки нашего общества успели побывать у всех видных членов Государственного совета, на поддержку которых можно было рассчитывать, а обращаться к правым было бесполезно. Оставалось посетить председателя Государственного совета Акимова, от него, естественно, многое зависело. Эта ответственная задача была возложена на меня и на приехавшую специально с этой целью из Москвы юристку Бубнову. Она могла напечатать на своей визитной карточке, посланной со швейцаром Акимову, «дочь генерал-майора», а это имело большое значение.

Никаких объяснений к посланным карточкам мы не дали. Очень скоро нас попросили наверх, в кабинет Акимова, где он нас принял, сидя за огромным письменным столом. Внешность его была типичной для царедворца, такими изображены члены Государственного совета на картине Репина.

Начала говорить Бубнова; предполагалось, что я поддержу ее убедительными доводами. Но наш план рухнул сразу же, так как после первых слов Бубновой Акимов, отчеканивая каждое слово, сказал: «Государыня императрица против женской адвокатуры, и я дал ей слово, что этот законопроект будет отклонен Государственным советом».

Мы поняли, что больше говорить не о чем.

Акимов свое слово сдержал: законопроект о женской адвокатуре был отклонен голосами министров, мобилизованных Акимовым на это заседание. И, несмотря на большую работу, мы оказались «у разбитого корыта».

Только революция широко распахнула перед нами двери во все области государственной и общественной жизни. Весной 1917 года женщины-юристы в торжественной обстановке были приняты в сословие присяжных поверенных.

В. И. Егорова

ПЕРВАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ НА ВЖК

С первых лет существования ВЖК преподаванию химии уделялось большое внимание. Комитет Общества для доставления средств ВЖК всемерно заботился о повышении уровня знаний слушательниц курсов, привлекая к преподаванию лучших профессоров университета и крупные научные силы всего Петербурга. Насколько это удалось комитету, красноречиво говорят имена преподавателей химии. С 1878 по 1900 год читали на ВЖК профессора Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, Н. Н. Бекетов, М. Д. Львов, Г. Г. Густавсон и др.

В 1900 году профессор Г. Г. Густавсон по болезни покинул ВЖК, и комитет обратился к профессору университета А. Е. Фаворскому с предложением взять на себя чтение курса органической химии на химическом отделении физико-математического факультета. А. Е. Фаворский хорошо знал историю курсов, с глубоким уважением относился к членам комитета за их большую бескорыстную работу и сам был поборником равноправия женщин и их права на высшее образование. Он без колебаний согласился на предложение комитета, но поставил три условия: 1) создать лабораторию для практических работ слушательниц; 2) отпустить средства для научно-исследовательской работы; 3) разрешить пригласить себе помощника по своему выбору. На все эти условия комитет согласился, так как они вели к постановке преподавания на научной основе и повышению его уровня.

Своим помощником Фаворский пригласил К. И. Дебу, своего первого ученика, с которым был связан многолетней научной работой в Петербургском университете, а также большой, тесной дружбой. На ВЖК К. И. Дебу предстояло переделать смежную с лабораторией аналитической химии аудиторию в лабораторию органической химии, разработать программу практикума по органической химии и провести ее со слушательницами, а также совместно с А. Е. Фаворским руководить научно-исследовательской работой слушательниц.

Дебу показал себя прекрасным организатором. Осенью 1902 года двери лаборатории органической химии открылись перед нашим IV курсом. Нас было 20 человек. Во вновь организованной лаборатории

была прекрасная тяга, особая подача свежего воздуха, очень хороший вакуум, удобное освещение. Каждое рабочее место было заботливо оборудовано. Не отходя от своего стола, можно было производить самые сложные операции. В набор для практикантов включалось до 70 наименований предметов. Кроме того, в лаборатории было еще много неожиданных удобств вроде легко передвигающихся столиков с лоханками со спускными кранами для газометров при работе с газами, машинки для измельчения льда, пресс для выдавливания натриевой проволоки и т. п. У каждого стола на полке стоял набор кислот и других самых необходимых веществ.

В органическую лабораторию допускались слушательницы, имеющие зачет по аналитической химии, прослушавшие курс лекций по органической химии и сдавшие экзамен по этому курсу А. Е. Фаворскому. Срок пребывания в лаборатории был установлен один год со дня поступления в лабораторию.

Практикум состоял из 25—30 синтезов органических соединений, начиная с более простых, занимающих дня два работы, до более сложных, требовавших для выполнения две-три недели. В лаборатории было четыре варианта списка работ и имелась полная возможность провести несколько добавочных синтезов. Полный практикум можно было закончить в 4—5 месяцев, но можно было при желании использовать для него и все время, отведенное для пребывания в лаборатории. С каким увлечением все работали в лаборатории, трудно описать. При выполнении каждого препарата мы знакомились с новыми приборами и методами. Главным руководством служила книга Л. Гаттермана «Практические работы по органической химии». К услугам практиканток были справочники: весь Бейльштейн, словари и ряд других руководств. К. И. Дебу сразу же приучал пользоваться справочниками и журнальной литературой. Слушательницы, окончившие практикум по органической химии, имели полную возможность получить у него темы для научных исследований.

К. И. Дебу проводил в лаборатории весь день. По утрам, в 10 часов, он делал обход слушательниц, давая разъяснения и указания по работе. Для себя он оставил в этой же лаборатории место «под часами» и обычно занимался редактированием сельскохозяйственного журнала и корректированием журнала Химического общества. К. И. Дебу готов был в любой момент в течение дня оказать помощь нуждающимся.

Первыми начали научные исследования М. А. Агеева, М. М. Домброва, В. И. Егорова и Коняева. Весть об интересной работе в органической лаборатории быстро разнеслась по курсам, и число желающих специализироваться по химии все увеличивалось. В конце 1902/03 учебного года К. И. Дебу наметил четырех практиканток для оставления

при курсах на кафедре А. Е. Фаворского. И хотя на курсах по другим кафедрам всегда оставлялись только две слушательницы, на этот раз комитет сделал исключение и оставил четырех. Таким образом, в следующем 1903/04 учебном году в лаборатории органической химии появились старшие — оставленные при кафедре. Это должно было и несколько облегчить работу К. И. Дебу, так как с некоторыми вопросами можно было обращаться к старшим.

Весной 1903 года состоялся первый выпуск женщин-химиков, прошедших полный курс химических наук по университетской программе.

В связи с большим количеством желающих специализироваться по химии, комитет курсов решился на расширение помещений лаборатории органической химии. Вторая органическая лаборатория была также прекрасно оборудована тем же талантливым организатором К. И. Дебу. Имелся и ряд добавочных помещений. Все помещения были соединены между собой телефонами, так что сотрудники не ощущали никакого неудобства от разбросанности их.

Вторая органическая лаборатория была отдана под практикум, а в первой сосредоточилась научно-исследовательская работа.

В 1911 году состоялся Менделеевский съезд. Члены съезда осматривали главнейшие органические лаборатории Петербурга и нашли, что органическая лаборатория ВЖК — наилучшая.

Женщины-химики с первых же шагов прекрасно зарекомендовали себя. Они занимали места лаборантов и преподавателей в высших учебных заведениях, а также в лабораториях фабрик и заводов.

Весной 1905 года А. Е. Фаворский и К. И. Дебу предложили мне место лаборанта (в те годы лаборантами назывались ассистенты) в органической лаборатории. Для меня это была большая честь и радость. Педагогическая деятельность моя начиналась в благоприятных условиях. За два года стажа (год в качестве практикантки и год в качестве оставленной) я полюбила научно-исследовательскую работу. Мне она казалась чрезвычайно интересной. Теперь же мне предоставлялась возможность продолжать ее неограниченное время и вместе с тем делиться своими знаниями с вновь поступающими практикантками. Я была помощницей К. И. Дебу, своего учителя, и знала, что в случае каких-либо затруднений он всегда мне поможет.

Педагогическая работа пришлась мне по душе. Свободные от дежурства дни я всецело посвящала научной работе. В первый год моего лаборантства среди практиканток выделились Л. И. Колотова, Н. П. Сакара и Е. К. Опель. Все три были оставлены при кафедре. Вскоре еще одно постоянное место было предоставлено А. И. Умновой, которая была лекционным ассистентом у профессора А. Е. Фаворского и А. А. Яковкина, научную же работу вела по органической химии. Кроме постоянных мест, занятых ассистентами, в исследовательской лабо-

ратории было еще 10 мест для практиканток-слушательниц, работавших под руководством А. Е. Фаворского; состав их менялся ежегодно.

А. Е. Фаворский раз в неделю, по субботам, после лекции, посещал исследовательскую органическую лабораторию. В проходе между столами ставилось мягкое кресло (профессорское), сидя в котором он принимал отчеты о проделанной за неделю исследовательской работе. А. Е. Фаворский все внимательно выслушивал, все, полученное нами, пересматривал и после некоторого молчания давал указания и советы. Профессор был очень строг и требователен, и нам доставалось за недосмотры. А. Е. Фаворский не стеснял нас в работе. Любил проявления самостоятельности. Нам нравилось, когда он, обдумав ход реакции, спрашивал докладчика: «А не было ли у вас каких-нибудь указаний на присутствие...» (он называл вещество, которое по ходу реакции должно было быть) и, получив отрицательный ответ, говорил: «Поищите». И что же? В следующую субботу это вещество уже демонстрировалось — нашлось! Все замечания профессора мы очень ценили, а беседы с нами на научные темы оставляли большой след. А. Е. Фаворский все свои замечания делал спокойно, был очень выдержан и никогда не повышал голоса.

К. И. Дебу неизменно присутствовал тут же, он, конечно, был в курсе всех работ и знал, что впоследствии ему могут быть заданы вопросы по поводу сказанного А. Е. Фаворским.

Первая научная работа М. А. Агеевой на тему, предложенную А. Е. Фаворским и выполненную под его руководством, была напечатана в 1905 году в журнале Физико-химического общества с пометкой «из лаборатории ВЖК» под фамилией М. А. Агеевой. Это была одна из особенностей А. Е. Фаворского: если он замечал у своего ученика во время выполнения работы проявление самостоятельности, он печатал эту работу под фамилией только ученика, свою же не ставил, как это было принято рядом ученых. Таким же образом были напечатаны работы и некоторых других слушательниц.

Алексей Евграфович, окончив все деловые разговоры, любил отдохнуть немного за стаканом чая и побеседовать на разные темы. Он любил шутки, понимал их и сам участвовал в них. При прощании, если это было зимой, он говорил: «Завтра в 9 на Финляндском». Дело в том, что все его ассистенты на курсах, в университете и в Технологическом институте очень подружились благодаря общим научным интересам. Кроме того, нас объединяла любовь к музыке, театру и т. д. На симфонических концертах, операх Вагнера, Мусоргского, балетах Чайковского можно было встретить весь коллектив в полном составе. Члены его не только любили музыку, но и сами являлись участниками домашних концертов. На двух роялях в восемь рук они прекрасно исполняли произведения музыкальных классиков. Два неразлучных Бо-

риса (Б. В. Бызов — автор «Синтеза каучука из нефти» и Б. Г. Тидеман — известный химик-педагог), инициаторы всех наших похождений, прозвали наш коллектив «детским садом А. Е. Фаворского». «Завтра в 9 час.» — имелась в виду еженедельная прогулка на лыжах в Парголово (там была наша база) во главе с профессором (этот спорт был тогда новинкой). Он хорошо владел лыжами и был всегда впереди всех. Возвращались домой в 6 часов, набравшись на воздухе сил для нашей увлекательной работы в лаборатории.

Все ученики А. Е. Фаворского неизменно отмечали день именин своего учителя — 17 (30) марта, поражая Алексея Евграфовича невероятными выдумками. Конечно, отличались наши Борисы. Особенно ударным был номер «изомеризации». Перед именинником стояла пара: мужик и баба в соответствующих костюмах, которые при слове «изомеризация» переворачивались, и перед ним стояла уже новая пара — баба и мужик. Мужик в одной паре был Бызов, а в другой Тидеман, а бабы были изображены на их спинах; у баб были уморительные маски, и профессор смеялся до слез. Кончался обычно чудесный праздник ужином, в организации которого Алексей Евграфович неизменно принимал участие: «Чтоб все было, и притом самое лучшее!» Расходились мы далеко за полночь.

Другой наш учитель — К. И. Дебу, в противоположность А. Е. Фаворскому, был страшно вспыльчив и при малейшей провинности практиканток сразу же повышал голос, иногда переходивший в крик, который был слышен далеко за пределами лаборатории. Удержаться, раз начав, он не мог. Возражать было невозможно. Ему было безразлично, кто перед ним, директор ли, служитель или практикантка. Не всегда гнев его был обоснованным. К счастью, К. И. Дебу быстро остывал и всеми силами старался загладить свою резкость. Широко образованный человек, он охотно делился своими знаниями и готов был всем помочь, чем только мог, причем делал это чрезвычайно скромно. Все удачно сделанное другими: будь то хорошо собранный прибор, хорошо написанный отчет или удачно измененная конструкция установки и т. п. — приводило его в искреннее восхищение, и он не скупился на похвалы. К. И. Дебу был замечательный педагог, он умел не только дать совет, но и поднять настроение, придать бодрость в случае какой-либо неудачи в работе. Но самое ценное у него было то, что он, сам ученик А. Е. Фаворского, был верен традициям его школы до конца своей жизни и старался и своим ученикам привить эти традиции: любовь к науке, увлечение работой и добросовестное отношение к научным исследованиям.

По инициативе К. И. Дебу в лаборатории были устроены «понедельники». На них делались всеми работавшими в исследовательской лаборатории по очереди доклады или по своей теме, или обзорного ха-

рактера, близкого к разрабатываемому вопросу. К. И. Дебу нередко и сам выступал с докладами, касающимися работ А. Е. Фаворского и его прежних учеников. Дебу указывал на связь наших исследований с прежними работами профессора, что для нас было особенно интересно, вносил в свои доклады горячность и увлечение наукой, умел заразить ими и своих товарищей и учениц. Собрания эти проходили очень оживленно и приносили нам большую пользу.

К. И. Дебу всех нас, лаборантов (преподавателей), записывал в члены Химического общества и «выводил» на химические заседания в университет. Там мы могли увидеть и услышать Д. И. Менделеева, Д. П. Коновалова, А. И. Горбова, Н. М. Меншуткина и др.

В 1911 году на Менделеевском съезде весь состав «детского сада А. Е. Фаворского» принимал участие в качестве распорядителей. Надумали мы для членов съезда устроить елку под рождество в помещении ВЖК. Для этого была написана пьеска, в которой осмеивалось отсутствие в университете кафедры физической химии. Называлась пьеса «Трагедия физической химии, или Роковая дырка в университетском чулке» (шутка в трех действиях Б. В. Бызова и компании. Для «Елки» Второго Менделеевского съезда в СПб.). Почему-то городскими властями эта елка была запрещена. Все иногородние члены съезда разъехались, наш труд пропал даром. Мы приуныли. Константин Ипполитович нашелся: «Ведь для петербургских членов нам не запрещали, только надо немного подождать!» Так и сделали. Разослали приглашения на «повторный Менделеевский съезд», просили надеть менделеевский значок (никто не забыл!). В этот вечер мы осмеяли самих себя как распорядителей на настоящем съезде. Пьеса имела очень большой успех. Сначала она ходила по рукам в рукописи, а потом К. И. Дебу отпечатал ее (он имел постоянные дела с типографией). Отпечатал Константин Ипполитович также и сочинение другого ученика Фаворского — Славского.[1]

Славский написал курс органической химии в стихах гекзаметром и, наподобие «Илиады», назвал его «Карбониада». В ней было с химической стороны все правильно изложено, и профессору она очень понравилась. Он ходил по университетской лаборатории и читал лаборантам и студентам выдержки оттуда.

Об отношении А. Е. Фаворского и К. И. Дебу к работе слушательниц можно судить по следующей выписке из «Воспоминаний» К. И. Дебу о совместной работе с профессором на ВЖК: «Развитию исследовательской работы на курсах А. Е. Фаворский отдавал много внимания, работу женщин по химии он ценил и ставил по вдумчивости, добросовестности, аккуратности и исполнительности весьма высоко.

[1] Инициалы Славского не установлены.

Лекции по органической химии он читал на курсах ничуть не в меньшем объеме, чем в университете, и вообще ни в чем не отделял слушательниц курсов от студентов университета. Для него курсы были тем же университетом».

Материал, с которым пришлось работать на курсах, был чрезвычайно благодарный: это связано с тем, что курсы долгое время не давали оканчивающим их никаких прав, и на них шли только те, кто чувствовал призвание к науке.

Работы М. А. Агеевой, В. И. Егоровой и А. И. Умновой были удостоены Русским физико-химическим обществом премии им. А. М. Бутлерова.

Период с 1902 по 1913 год можно назвать расцветом органической химии на ВЖК. В 1912/13 учебном году[2] в исследовательской лаборатории органической химии под руководством А. Е. Фаворского и преподавателей вели научную работу восемь слушательниц курсов и две оставленные при курсах. Кроме того, ассистенты курсов продолжали свои научные исследования. В журнале Русского физико-химического общества было напечатано шесть работ, вышедших из лаборатории органической химии ВЖК.

С увеличением числа желающих специализироваться по химии среди вновь поступающих на курсы слушательниц, а также в связи с большим количеством требований на женщин-химиков в лаборатории фабрик и заводов комитет решил построить новое здание на Среднем проспекте Васильевского острова. Это здание предназначалось для физико-математического факультета ВЖК.

Летом 1914 года началась война. Планомерная работа в лаборатории органической химии была нарушена. Настроение у всех было тяжелое. Часть слушательниц ушла на курсы медицинских сестер. В город начали поступать раненые. Лазареты были переполнены. Комитет курсов решил отдать свое новое, еще не совсем законченное здание под лазарет тяжелораненых солдат. Здание было большое, и в нем можно было поместить около 1000 коек. Комитет решил взять на себя оборудование лазарета, был намечен ряд ячеек: столовая, кухня, бельевая, дезинфекционная камера, бани и др. Во главе каждой стоял кто-нибудь из членов комитета, помощниками были педагогический персонал и слушательницы. Эта работа удовлетворяла всех участников. Лазарет № 143 Союза городов вскоре был открыт. Во главе его стоял профессор С. Е. Савич и главный врач И. Я. Фомин.

В городе начал ощущаться недостаток медицинских средств, в аптеках стояли очереди, там не хватало рук. А раненые все прибывали. Константин Ипполитович Дебу пришел в лабораторию со словами:

---

[2] Отчет Совета профессоров за 1912/13 учебный год. Архив музея ЛГУ, ф. ВЖК.

«А что если мы организуем аптеку в нашем лазарете?» Эта идея была с энтузиазмом подхвачена. Выделили троих — К. И. Дебу, В. И. Егорову и А. И. Умнову для переговоров с комитетом, с профессором С. Е. Савичем и с главным врачом И. Я. Фоминым. Все одобрили наше предложение и отвели под будущую аптеку большое помещение, где имелся водопровод. Грязь была в нем невообразимая. Началась работа: часть принялась за мытье полов, а часть стала вытаскивать из замечательной кладовки К. И. Дебу все, что нам казалось пригодным для аптеки. Через короткое время аптека блистала чистотой, в ней было все необходимое, и мы в белых халатах уже принимали рецепты от «сестер» из «кауфманской общины». В аптеке были, конечно, стараниями К. И. Дебу все нужные книги по фармации и фармакопее. Кроме того, был приглашен опытный фармацевт, который дал нам ценные указания, как практически делать развеску порошков, и показал другие простые приемы приготовления лекарств.

Мы, ассистенты и старшие слушательницы, все дежурили по очереди, отвечая за правильность выполнения рецептов, с одной стороны, а с другой — проверяя правильность рецепта, выписываемого врачами из нашей аптеки.

Раненые поступали сильно простуженные; требовалось много лекарств-порошков, нам на помощь пришли слушательницы-химики младших курсов. Они делали развеску в химических лабораториях. В городе исчезли такие лекарства, как салол, аспирин, салициловокислый натр. Мы сами стали их готовить в лаборатории органического синтеза, введя приготовление их в качестве обязательных препаратов в списки органического практикума. Когда исчез в городе формалин, все работавшие в органической лаборатории готовили его, окисляя каталитическим способом метиловый спирт. Не хватало кислорода, получали и его в лаборатории и в газометрах переносили в аптеку. Через некоторое время мы так освоили нашу новую профессию, что уже ничего не заказывали в других аптеках. В день мы выполняли 60—70 требований. Работали в аптеке ежедневно 6—8 человек с 9 до 19 часов. Функционировала аптека два с половиной года.

Профессор С. Е. Савич и главный врач И. Я. Фомин в своем письме отметили, что преподаватели и слушательницы химического отделения ВЖК, неся тяжелый труд по изготовлению всякого рода медикаментов, сумели не только удовлетворить все требования медицинского персонала, но часто даже помогали им своими советами, принося вместе с тем Союзу городов весьма значительную экономию. Работа аптеки, писали они, по нашему мнению, заслуживает всяческой похвалы и величайшей благодарности.

В 1914—1916 годах немцы стали применять отравляющие газы. Наиболее эффективным средством защиты являлись противогазы, их

было предложено несколько типов, и предстояло решить, какой именно следует пустить в серийное производство для оснащения армии. Была создана комиссия из крупнейших химиков Петрограда, куда входили профессора Н. С. Курнаков, А. Е. Фаворский, И. Ф. Шредер и другие, а при комиссии была создана рабочая ячейка из ассистентов, кандидатуры которых были выставлены членами комиссии. А. Е. Фаворский пригласил меня. Работа была очень ответственная, срочная и сугубо секретная. Мы работали с утра до позднего вечера. Оказалось, что я была единственной приглашенной для этого дела женщиной; меня очень порадовало оказанное доверие. Испытывались газы: хлор, фосген, циан. По данным наших опытов комиссия решила, что лучшим является противогаз профессора Н. Д. Зелинского. Этот противогаз пошел в серийное производство.

В 1917 году произошла революция, а в 1918 неутомимый комитет курсов уже послал в Москву делегацию, которая добилась преобразования ВЖК в женский университет. Делегация состояла из трех лиц: директора курсов — профессора С. К. Булича, представителя от профессуры — профессора А. А. Иванова и представителя от младших преподавателей — ассистента В. И. Егоровой.

Мы решили добиться аудиенции у Н. К. Крупской и обратиться к ней за помощью, как к бывшей слушательнице ВЖК. По-видимому, наш план оказался правильным. Надежда Константиновна очень внимательно нас выслушала, обещала заранее переговорить с кем надо и всем, чем может, помочь нашим курсам. Потом она нам сообщила день, когда будет разбираться наше дело. И уже с утра этого дня мы втроем сидели в приемной. Н. К. Крупская несколько раз выходила и информировала нас о ходе заседания. Наконец, вышла к нам и поздравила нас. ВЖК преобразовались в Третий Петроградский университет,[3] а существовавший мужской университет стал называться Первым Петроградским университетом. Слияние Третьего и Первого университетов в 1919 году было слиянием двух равноценных учреждений. И в достижении этой равноценности немалую роль сыграли А. Е. Фаворский и К. И. Дебу.

Как смотрел сам А. Е. Фаворский на свою многолетнюю совместную с К. И. Дебу работу на ВЖК, видно из его письма, прочитанного на торжественном собрании в день пятидесятилетия научной деятельности К. И. Дебу (1940): «Мне пришлось встретиться с Константином Ипполитовичем ровно 50 лет тому назад. Мы оба были молоды и оба с исключительной любовью и интересом отдавались научно-исследовательской работе. Вместе делили и радость успеха, и горечь неудачи.

---

[3] Второй университет — ГИМЗ — Государственный институт медицинских знаний.

Мы вместе почти в течение 20 лет проработали на бывших С.-Петербургских высших женских курсах (1900—1919) и с достаточным правом можем считать себя основателями первой научно-исследовательской лаборатории в женском учебном заведении, когда доступа женщинам в университет еще не было. Лаборатория выпустила ряд питомиц, зарекомендовавших себя научными исследованиями, из которых некоторые были удостоены Русским химическим обществом премии имени А. М. Бутлерова».

Всех выпусков женщин-химиков было 15. Все женщины-химики — бывшие слушательницы ВЖК, занимавшиеся под руководством А. Е. Фаворского и К. И. Дебу в первой исследовательской лаборатории, испытывают глубочайшую благодарность за их большую работу для дела высшего женского химического образования, за всю ту радость и светлые моменты, которые пережиты в лаборатории при проведении научных исследований, дававших полное удовлетворение, и с чувством горячей любви вспоминают своих дорогих учителей.

М. В. Харитонова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ХИМИКА

Я поступила на Бестужевские курсы после двух лет пребывания на медицинском факультете Женевского университета (Швейцария).

Первое не совсем приятное впечатление от скромности обстановки курсов было быстро вытеснено новым ощущением окружения *коллективом*.

В Женеве мы ничем не были связаны между собой: кончилась лекция — разошлись; поработали в лаборатории — и в разные стороны.

Французы (женщин среди них не было) объединялись по корпорациям и носили форменную шапочку корпорации; их объединял не университет, а тот ресторан, в котором они обедали.

Мы, русские, группировались около эмигрантов. В те годы там жили В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и другие.

Уже в конце первой недели пребывания на курсах я была ошеломлена бурной жизнью коллектива. Шли собрания — групповые, факультетские, общекурсовые; обсуждались системы преподавания: предметная или курсовая. Все обсуждалось страстно, взволнованно, бурно по каждому поводу и внутренней жизни (борьба с «академистками») и внешней политической.

Позднее обнаружилось и другое преимущество: для профессорско-преподавательского состава мы не были «барышнями».

Какой музыкой прозвучали для меня слова нашего неистового руководителя, чудесного человека К. И. Дебу, когда всегда спокойная, безмерно деликатная В. И. Егорова пыталась ввести в норму его, громившего девицу за неправильно поставленный холодильник: «Вон из лаборатории!.. Вон, вон! Вам тут не место!». Что говорила Егорова, не было слышно, а он в том же тоне кричал: «А она для меня не девушка, не барышня; пришла учиться и обязана думать, думать, думать!».

Вспоминая далекое прошлое, я задумываюсь над вопросом: как, под влиянием чего сложился «тип бестужевки», имя которой, где бы она ни работала, всегда было окружено каким-то особым уважением? Об этом мы слышали совсем недавно и в многочисленных выступлениях на торжественном собрании в ЛГУ, посвященном 90-летию со дня основания курсов. Об этом говорят многие примеры из жизни и художественной литературы. Приведу только два.

Человек, который в 1917 году был на третьем курсе Военно-медицинской академии, по поводу нашего юбилея в 1959 году сказал: «Да, бестужевка — это звучало весомо, с этим мы считались».

А Пришвин в «Кащеевой цепи» написал: «И так через эту Бестужевку мы узнавали, что начало добра — альтруизм, а начало зла — эгоизм!».[1]

---

[1] М. М. Пришвин. Сочинения. М., 1956, стр. 306.

П. Я. Полубаринова-Кочина

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ РАБОТЫ ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ КУРСОВ

Воспоминания молодости — светлые воспоминания, даже если молодость проходила в трудных условиях — такими были годы моего пребывания на Высших женских курсах.

Я бестужевка только «наполовину», так как, поступив на ВЖК в 1916 году, кончила уже Петроградский государственный университет, с которым курсы слились в 1919 году.

Первые лекции профессора Я. В. Успенского по введению в анализ показались мне образцом математической строгости и глубины; таковыми они были и на самом деле. Профессор, прямой и худощавый, казалось, никого не видел через свои очки и был постоянно погружен в какие-то свои, вероятно, математические, мысли.

Курс введения в анализ, так же как и курс тригонометрии, который читала В. И. Шифф, имел целью восполнить пробелы подготовки

девушек по математике, которая в женских гимназиях обычно преподавалась в меньшем объеме, чем в мужских.

Лекции по аналитической геометрии читала также В. И. Шифф. Хорошо были известны ее сборники задач по дифференциальному и интегральному исчислениям и по аналитической геометрии. По физике лекции читал профессор Ф. Я. Капустин. По измерительным приборам — А. Е. Сердобинская. Физический практикум вели В. Н. Шапошникова, А. Б. Ферингер и А. Г. Емельянова, сестра которой, Вера Георгиевна, была врачом курсов. Вспоминаю всегда бодрую Ю. А. Смирнову, которая с большим подъемом вела упражнения по математике.

Душою математического отделения физико-математического факультета была профессор Н. Н. Гернет. Красивую, всегда оживленную, раскланивавшуюся направо и налево, ее издалека было видно в коридорах курсов. Лекции (по дифференциальному и интегральному исчислениям) она читала очень живо. Некоторые упражнения по курсу вела сама, диктуя задачи всей группе; отдельным же курсисткам, быстрее других справлявшимся с решением задач, подкладывала на стол задачники, в которых отмечала примеры для решения. На ее занятиях всегда была атмосфера уюта и непринужденности.

Н. Н. Гернет любила молодежь, часто приглашала курсисток к себе побеседовать, попить чайку и посмотреть математические книги, которые она систематически покупала и выставку которых устраивала на крышке рояля.

В несчастьях и в затруднительных обстоятельствах Н. Н. Гернет была первой помощницей. Когда талантливая математичка Е. А. Нарышкина в 1917 году окончила курсы, Надежда Николаевна стала сразу же хлопотать об оставлении ее при ВЖК.

Осенью 1917 года скончался мой отец, и я осталась с матерью и младшим братом на руках. Н. Н. Гернет добилась учреждения для меня должности библиотекаря в математической читальне ВЖК. Читальня была организована на частные средства, в ней дежурили курсистки по очереди с утра до позднего вечера бесплатно, в порядке общественной помощи. Надежда Николаевна пошла на нарушение традиции: вместо бесплатных дежурств она помогла учредить платную должность, без этого заработка я вряд ли смогла бы продолжать ученье.

Помещение математической читальни состояло из двух комнат: первая из них, маленькая, заставленная шкафами с книгами, с гипсовым бюстом Софьи Ковалевской (работы Полонской), служила для выдачи книг, вторая, большая, была читальным залом. С течением времени посетительницы читальни все больше и больше стали избегать

большой холодной комнаты, в конце концов, вся жизнь читальни сосредоточилась в маленькой, более теплой комнате. Читальня стала своего рода клубом, собиравшим небольшую группу девушек, истощенных от недоедания, продолжавших заниматься своим любимым предметом — математикой. Особенно худенькой и бледной была Е. А. Нарышкина. Впоследствии (1939 год) она стала первой из советских женщин, получивших степень доктора физико-математических наук.

Исследования Е. А. Нарышкиной по динамической теории упругости, связанные с сейсмологией, были опубликованы при ее жизни, основные результаты их были включены С. Л. Соболевым в курс уравнений математической физики Франка и Мизеса, переведенный на русский язык с большими добавлениями, пожалуй, превысившими первоначальный объем книги.

Когда я была на II курсе, на некоторых лекциях Я. В. Успенского стали появляться два студента. Вместе с двумя-тремя курсистками они составляли группу, слушавшую лекции, общие для курсов и университета. Близилось время полного соединения этих двух учебных заведений. Но помню, что в самом начале 1917 года моя попытка вместе с одной сокурсницей проникнуть в университет не увенчалась успехом. Собственно, в здание физического факультета университета мы прошли беспрепятственно; мы хотели слушать профессора О. Д. Хвольсона, славившегося своими лекциями по общему курсу физики. Дав нам прослушать свою лекцию, Орест Данилович послал за нами сторожа (обязанностью которого было вытирать доску во время и после лекции), который привел нас в профессорскую. Очень любезно профессор сказал нам, что для слушания лекций необходимо разрешение ректора университета. Сам он ничего не имел против увеличения числа своих слушателей — небольшая кучка его студентов совершенно терялась в большой физической аудитории.

Может быть, мы и пошли бы к ректору, но во время февральских событий 1917 года посещение университета прекратилось, а в 1919 году мы попали в него уже на законном основании.

Последний эпизод, связавший меня с отошедшими уже в область истории ВЖК, произошел летом 1920 года, когда я вернулась в Петроград из города Каргополя Олонецкой области, где работала некоторое время на метеорологической станции. Студентки-математики (они уже не назывались больше курсистками) сказали мне, что математическая читальня больше не существует, что книги из нее попали в подвальное помещение и находятся там под угрозой порчи и сырости. Быстро организовалась группа помощи библиотеке. Мы пошли к ректору университета и, указав ему две смежные пустовавшие комнаты в длинном здании университета, испросили разрешения занять их под математическую читальню для студентов. Затем с большим успехом

прошла у нас сложная по тем временам эпопея перевозки книг в новое помещение. Ведь нужно было достать бесплатный транспорт, так как у нас средств было мало, да, пожалуй, платный транспорт тогда было не легче достать. Погрузку и доставку книг организовали силами студентов. Это было для меня заключительным аккордом полного слияния ВЖК с университетом.

Н. П. Вревская

О П. Ф. ЛЕСГАФТЕ

ДВЕ ВСТРЕЧИ С МОЛОДЫМ ШАЛЯПИНЫМ

Общее настроение I курса ВЖК было скорее все увидеть, услышать, познать, достичь... скорее, скорее. Хотя я была переполнена новыми впечатлениями, кипучей работой, но вечные «проклятые» вопросы не давали покоя. Что такое жизнь? Какова цель человека? Где эти лучшие люди? Однако ни математика, ни химия не давали ответа. А вот П. Ф. Лесгафт явился учителем в полном значении этого слова.

П. Ф. Лесгафт читал лекции по анатомии человека бесплатно у себя на квартире. Группа, человек 40, состоявшая из курсисток-бестужевок, слушателей Рождественских фельдшерских курсов, студентов Медико-хирургической академии, Университета и других высших учебных заведений, посещала лекции два раза в неделю утром и один раз вечером. Вечером к 6 часам попасть на лекцию было нетрудно. Но вот утром — к 7 часам — дело иное. Надо было встать в половине 6-го. Конок еще нет. Надо бежать к Летнему саду по полутемным пустынным улицам и дальше на Фонтанку в дом 18. Как бы не опоздать! Парадная дверь открыта. «Начал?» — «Нет еще, сейчас начнет!».

Длинная комната набита до отказа. Сидят, стоят вдоль стен, у окон и дверей, слышен сдерживаемый гул голосов. Вдали — стол и доска. За ней дверь. Ровно в 7 часов выходит Лесгафт. Все смолкает.

Быстрые легкие движения, упорный сверлящий взгляд, звонкий голос. «Следовательно, здесь, милостивые государыни и милостивые государи, мы остановились на том, что...», — и потекла быстрая, горячая речь. Дикция с ударением, с повышением и понижением голоса, жесты, мимика — все применяется.

То он представляет, как ходит дама на французских каблуках и что делается при этом с костями ее ступни, то походку балерины или горца, или жителя равнин. Посмотрите, говорит он, как отражаются распущенность, апатия и вялость на походке. Смотрите следы челове-

ка на свежем снегу: одни четкие, другие с хвостами — неряшливая походка. По ней можно мысленно нарисовать весь облик человека — «он неряшлив во всех проявлениях, распущен, неповоротлив». Такие примеры заставляли слушателей подтягиваться не только в походке, но и во всяком деле.

П. Ф. Лесгафт развивал физиологическое направление в анатомии. Он объяснял связь нервно-мышечной деятельности и внутренних органов с психическими проявлениями, разработал (с использованием математического анализа) учение о суставах и типах строения мышц в связи с их функцией, изучал причины, влияющие на форму костей.

На столе выставлены препараты. В процессе чтения профессор сам берет препарат и обходит с ним комнату, протискиваясь вдоль плотно сжатых рядов. Он спрашивает слушателя, объясняет сам; кого пристыдит, кого похвалит, кого просто молча обнесет — значит, за что-то сердит: за опоздание или за неряшливость в одежде или, наоборот, за излишнее франтовство. Завитая челка или бантик вызывали град насмешек! Ох, как строг был П. Ф. Лесгафт, как приучал к аккуратности и труду.

Практические занятия начинались с гистологии. Сочетание гистологических работ с анатомией и сравнительной анатомией — какой широкий охват этой области науки! Лесгафт умел дать не куски, не детали науки, а цельный образ ее.

Первое упражнение — приготовить хороший микроскопический препарат Гаверзова канала. Для этого надо пальцем тереть о брусок тонкий кусочек кости. Тереть долго, часами. Это была чудная школа терпения. Я досаждала П. Ф. Лесгафту вопросом: «Не довольно ли?» Наконец, заявила, что это «идиотство» так убивать время механическим трудом. Он разъярился, стал кричать, что «кто не хочет работать, тот может уходить, но он знает, что такой человек никакого дела не сумеет сделать» и т. д. Сдерживалась, дотерла; получила даже одобрение.

Дальше пошло легче и интереснее. А на II курсе профессор предложил мне быть его ассистенткой. «Подумаю», — ответила я. Он обиделся: «Чего думать о такой чести!» Через день говорю: «Не могу, профессор, аналитическая химия берет много времени». — «А, так, следовательно, здесь химия выше анатомии? Описательная наука — выше!» И сколько я ни твердила, что ведь не бросаю я анатомии, не изменяю ей... он не успокоился. Дулся на меня, «не замечая» недели две. Потом обошлось.

Кроме лекций и практических занятий, П. Ф. Лесгафт устраивал экскурсии на заводы, на бойню, в лабораторию испытательных материалов в Институте путей сообщения, где его друг профессор Н. А. Белелюбский демонстрировал сопротивление разных костей на давление,

сжатие, удар. Повсюду впереди всех — живой, бодрый, слегка язвительный, всем нам дорогой П. Ф. Лесгафт. Красной нитью через всю его жизнь проходит напряженная борьба против несправедливости, нечестности, борьба за свободное развитие человеческой личности.

«Умственная работа, самостоятельность и последовательность способствуют созданию гармонически развитой личности, а труд — этот элемент личного счастья — уравновешивает умственную и волевую деятельность человека» — таковы его проповеди.

«Не лежать на боку», «работать до кровавого пота», «прибавить паров», «укрепить свой головной отросток», «все, что не прогрессирует, — регрессирует»,— любил повторять профессор своим слушателям. И действительно, «печать» Лесгафта лежала на всех его учениках. Он отвергал идеалистические и метафизические направления в различных областях биологии и анатомии, антропологии и педагогики. Он учил нас не только биологии, но и жизни. Самообладание, умение действовать, физическое и реальное образование — вот необходимые условия правильной жизни. «Порядок — это жизнь», — не раз говорил П. Ф. Лесгафт. Не надо думать о благах мира, об удобствах жизни, что пить, что есть, во что одеться. Надо быть требовательным к себе, энергично работать над самим собой, воздействовать на общество, к которому принадлежишь.

П. Ф. Лесгафт не только говорил, но сам, своим примером, являл идеал человеческой жизни. Спал он мало — 3—4 часа. Лекции, практические занятия, прием больных (все бесплатно), писание статей наполняли весь день с перерывом на прогулку пешком и на скромные трапезы. Однажды в лаборатории запахло жареными котлетами и малиновым вареньем. Мы были поражены: «Как! Профессор роскошествует — лакомится вареньем и „отравляется" мясом?» Одевался Лесгафт более чем скромно. Был прост, доступен, но строг и взыскателен к нам. Иногда раздражался, кричал, бывал суров, но всегда добр. Он не только учил, но умел воспитывать в людях честность, глубокое уважение к личности человека, гражданское мужество.

Первые социал-демократические кружки по самообразованию были организованы главным образом из числа лесгафтовцев; за всевозможные политические дела многие из них подвергались репрессиям. Как огорчался П. Ф. Лесгафт,как убеждал — «не лезть на рожон», но и не быть пассивным зрителем, а думающим человеком.

Многих разметала жизнь по разным концам необъятной нашей страны, но, где бы ни встретились лесгафтовцы, даже ранее незнакомые, они тотчас по-братски признавали друг друга, — зерно учения П. Ф. Лесгафта навсегда оставалось в душе его слушателей.

В 1905 году частные курсы по анатомии превратились в Вольную Высшую школу. Благодаря крупному денежному пожертвованию одно-

то из учеников[1] П. Ф. Лесгафта построен был большой 5-этажный дом на Английском проспекте (теперь пр. Маклина), где открылся музей, были оборудованы рабочие кабинеты, лаборатории и аудитории. Отсутствие бюрократического духа, атмосфера свободы и доброжелательства характеризовали это необыкновенное учреждение. Все было проникнуто идеями П. Ф. Лесгафта, во всем отразилась его исключительная личность, внимание к каждому человеку.

Наряду с преподавательской деятельностью П. Ф. Лесгафт занимался вопросами физического воспитания. Исходя из основного положения функциональной анатомии — «о единстве формы и функции», — П. Ф. Лесгафт считал возможным воздействовать функцией, «направленным упражнением» на развитие человеческого тела и всего организма. Он создал теорию физического воспитания, в основе которой лежит принцип единства физического и умственного развития. Система упражнений является средством не только физического развития, но и умственного, нравственного, эстетического воспитания. В советское время был организован Институт физического воспитания имени П. Ф. Лесгафта (П. Ф. Лесгафт скончался в 1910 году).

После Октябрьской революции Высшая Вольная школа была переименована в Естественноисторический научно-исследовательский институт им. П. Ф. Лесгафта, вошедший впоследствии в систему Академии наук СССР.

Члены комитета ВЖК устраивали в пользу курсов в зале Дворянского собрания (ныне Филармония) концерты-балы. Каждый курс выбирал распорядительниц на бал. Однажды распорядительницей вечера выбрали меня и поручили пригласить артистов. Дали список — 8 человек. Вдвоем с одной курсисткой мы пошли сначала к певице Долиной, солистке «его величества»,— все же женщина, не так страшно. Звоним — открывает нарядная горничная, спрашивает, кто мы, и соглашается передать, что просят курсистки Высших женских курсов. Принимают. Пройдя ослепительную переднюю, входим в нарядную гостиную, где в чем-то бело-голубом, на атласном голубом диване, восседает сама Долина. Полное бело-розовое лицо с пышными белокурыми волосами. Сперва она отказывается петь; усиленно просим; наконец, говорит: «Хорошо, если не буду петь в опере». Сказала, что ее можно поместить в программу и что она любит петь «этой молодой женской толпе». С благодарностью уходим и слышим: «Не забудьте прислать карету к 10 часам вечера».

Выйдя, мы с недоумением взглянули друг на друга. Только-то все-

[1] Н. М. Сибиряков — владелец золотых россыпей в Сибири. Он окончил университет и значительную часть своего состояния отдавал на дело народного просвещения.

го? Так просто и удачно. Бежим дальше в Мариинский театр — за кулисы к артисту Яковлеву. Он поет сегодня Демона. Может быть, удастся увидеть его в артистической уборной. С отчаянной решимостью блуждаем по каким-то переходам. Доходим до дверей артистической комнаты, и вдруг, как из-под земли, вырастает сторож и не пропускает дальше. Громко спорим с ним; на шум приоткрывается дверь; высовывается фигура Демона: «Что там такое?» Огромные, страшные вблизи глаза, крылья за спиной — не человек, а поверженный небожитель. «Это мы, к вам от ВЖК, просить петь, а нас не пускают». Удивительно слышать у Демона обыкновенный голос. «Пропусти», — говорит Яковлев. «Мне очень жаль, я не могу вас принять, сейчас начало». — «Мы очень просим вас спеть что-либо, хоть один номер на нашем вечере». — «Когда?» — «3 декабря». — «Но я пою у медиков 4-го». — «Ну, так что ж, хоть один номер. — «Нет, нет, я занят, не могу». Раздался звонок, и Демон исчез на сцену.

Ушли огорченные. Куда же? Ну, к Шаляпину, благо близко.

Шаляпин жил на Почтамтской улице (ныне улица Союза связи) в меблированных комнатах. Грязноватый вход, 3-й этаж по коридору направо; стучим, никто не отвечает. Еще раз — ни звука. «Как же так, швейцар сказал, что он дома?». На другой день приходим уже в первом часу. «Ушел на репетицию». На третий день — в 5-м часу — опять стучим. Слышны какие-то рулады. Повторяем стук. «Кто там?» — «Это мы, с Высших женских курсов». — «Сейчас, подождите, пожалуйста, я оденусь».

Заинтересованные ждем. Но вот распахнулась дверь, и высокий блондин, с открытым лицом и добродушной улыбкой, широким жестом приглашает войти. «Наконец-то, застали вас», — ворчу я. — «Как, вы уже были?» — «Да, вчера и третьего дня».

«Вчера я был на репетиции, а третьего дня спал». — «Как можно вести такой нерегулярный образ жизни?» — «Вы разве врачи?» — «Нет, мы естественницы». — «Ах, вот наука, которая меня очень интересует. Я видел однажды кровообращение лягушки под микроскопом». — «Ну, а мы будем химиками — еще интереснее». — «В чем там дело?» Рассказываем. Разговор идет живой и непринужденный. Сидим вокруг маленького столика, заваленного объедками; в одном углу комнаты — рояль, полуоткрыт, с нотами в беспорядке. В другом — кровать чем-то прикрыта, комнатка тесна. Свет неяркий; беседа — жаркий спор: может ли женщина заниматься науками? Горячимся, доказываем, но чувствуем; надо быть осторожнее, собеседник малообразован, как бы не обидеть его. Просидели больше часа. Он, конечно, очень рад петь у нас. Дал для афиши «Перед воеводой» Рубинштейна и «Гренадеров» Шумана. Но, чтобы наверное узнать, будет ли он свободен, надо зайти еще раз через 4 дня.

Во второе посещение мы сидели дольше, проговорили ещё больше. Шаляпин читал стихи своего приятеля С. Ратомского, который заболел и был в психиатрической больнице на Удельной. Дал мне эту синюю тетрадку переписать то, что мне особенно понравилось. Обещал «продавать» в буфете у меня за чайным столом.

В день концерта с 4 часов мы, распорядители буфета, поехали в Дворянское собрание принимать посуду, провизию и т. п. Дел — масса, помощники пассивны, все норовят удрать в концертный зал — послушать. Печатная афиша вся исполняется в беспорядке. Не знаю, когда будет петь Федор Иванович; а хочется его слушать, и отойти от стола опасно. Все же вырываюсь: один, два номера — все не он. Признанные артистки — гром аплодисментов, цветы — все как полагается. Наконец (вместо кого-то), появляется неуклюжая, длинная фигура во фраке (такой смешной); красные руки торчат из коротких рукавов.

Зал глухо гудит. Его не знают, можно не слушать. Но вот М. Т. Дулов начал вступление к серенаде Дон Жуана Чайковского — и светлый, сильный и мягкий голос заполнил зал. Все смолкли. Кончил Федор Иванович под взрыв аплодисментов. Лед сломан. Бис, бис, браво! «Два гренадера» Шаляпин пел с нотами в руках. Лицо одушевилось, полно выразительности, очаровательная улыбка, поклон. Ах, как все хорошо! Но сейчас антракт, мне надо в буфет.

Бегу в артистическую звать его. Протискиваюсь через фойе и веду Шаляпина к нашему столу. «Ну, что же мне делать?» — «Ничего, стойте вот так, пейте, ешьте — а мы будем торговать». И действительно, наш стол выручил больше всех, хотя и стоял в самом невыгодном месте. Потом меня долго «дразнили» Шаляпиным. Голос его признавали как-то нерешительно: «молод еще!». А как быстро после этого его признали. И когда через год пришлось опять его приглашать на наш вечер, антрепренерша частной Московской оперы Винтер не разрешила ему принять приглашение. На этот раз члены комитета были весьма недовольны: «Будь Шаляпин, сбор был бы обеспечен!».

Впоследствии я еще раз видела Шаляпина в доме его друга барона Стуарта на Сергиевской улице, 60 (ныне ул. Чайковского). Огромный кабинет, ковры, письменный стол; Шаляпин одет в роскошную бархатную куртку. Он был уже славен и знаменит, попасть к нему было весьма трудно. Меня он сразу узнал, оживился, довольно просто поговорили... Даже выразил желание петь у нас: «Я сохранил такое приятное впечатление о том вечере. Но Винтер не позволяет». Я ушла раздосадованная: «Зачем эта роскошь, это барство?» Мой пуританизм был оскорблен.

К. П. Язева

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ ПАВЛОВНЫ ВРЕВСКОЙ (1879—1961)

На заре существования курсов по инициативе Надежды Васильевны Стасовой, имя которой неразрывно связано с историей высшего женского образования в России, возникло Общество окончивших ВЖК, которое ставило своей целью поддерживать связь между всеми бывшими бестужевками «ради взаимной материальной помощи и нравственного общения».

И вот в 1959 году, спустя 40 лет после того, как ВЖК прекратили свое существование, одна из старейших бестужевок, выпуска 1900 года, Наталья Павловна Вревская горячо и с огромной энергией, на восьмидесятом году своей большой и необыкновенно богатой жизни, взялась объединить рассеянных по всей стране окончивших в разное время ВЖК людей, уже преклонного возраста, многие из которых завершили свой трудовой путь, а некоторые еще продолжают работать.

Жизнь самой Натальи Павловны — это трудовой подвиг во имя науки, во имя советского народа, во имя общественного долга. Детство ее прошло в Новгороде. Окончив в Петербурге гимназию, она поступила на Бестужевские курсы.

Началось увлечение революционной работой: участие в нелегальной студенческой организации („Красный Крест"), посещение политических заключенных, выполнение поручений подпольного характера...

Наряду с этим Наталья Павловна работала у профессора А. А. Яковкина, проявляя большой интерес к физической химии, которая в то время читалась только на ВЖК. А. А. Яковкин оставил ее на своей кафедре. Для усовершенствования она уехала в Цюрих, где занималась химией под руководством профессора Вернера. В Цюрихе она вращалась в кругу революционеров и встречалась с Кларой Цеткин, Г. В. Плехановым и другими.

Вернувшись в Петербург, она завершила начатую на курсах работу, которая была напечатана в журнале Русского физико-химического общества.[1] Это одна из первых работ женщины-химика, опубликованная в журнале и получившая самый положительный отзыв В. Е. Тищенко, А. А. Байкова, Е. В. Бирона.

Затем Париж, Сорбонна, Коллеж де Франс. Снова Россия. 1905 год.

В автобиографии Натальи Павловны читаем: «Революционная работа захватила меня: печатание прокламаций, хранение их и др.».

---

[1] Н. П. Рихтер-Вревская. Об упругости пара брома в растворе бромистоводородной кислоты. ЖРФХО, т. 35, 1903, стр. 441.

Необходимость одной поднимать троих детей заставила Н. П. Вревскую занять место ассистента на Высших женских политехнических курсах. Она единственная женщина среди преподавателей. Затем лаборатория Геологического комитета. Работа у А. Е. Ферсмана (химический анализ хибинских минералов, открытых экспедицией Академии наук). Дальше лаборатория неорганической химии Технологического института, географического факультета Института имени Герцена. Наконец, Институт государственных сооружений, где Наталья Павловна единственная женщина. Таковы основные, далеко не все, вехи на большом жизненном пути Натальи Павловны.

Война, блокада, голод, эвакуация. Тяжелые личные испытания: еще до войны потеря любимого мужа, сына во время блокады и другие потрясения. И, несмотря на все это, постоянный, неутомимый труд, в результате которого — 17 печатных научных статей, связанных со специальностью и исследовательской работой.

Последние годы, когда подорвано здоровье, — литературная работа. Воспоминания о больших, интересных людях, встретившихся в течение жизни: об академиках А. А. Байкове, А. Е. Ферсмане, В. Л. Комарове, об известном общественном деятеле В. Ю. Скалон и др. Литературные очерки: «Тригорские друзья Пушкина», «Пушкин и Анна Вульф», «Ю. П. Вревская», биография Алексея Вульфа.

Все это говорит о многогранности интересов и высокой, настоящей культуре Натальи Павловны, химика по специальности и вместе с тем автора литературных работ, написанных ярко, живо и с подлинным талантом.

Последний год своей жизни, будучи тяжелобольной, Наталья Павловна отдала работе по сбору материала для книги о Бестужевских курсах, инициатором и вдохновителем которой она является, редактированию статей по физико-математическому факультету, чтению присланных воспоминаний, переписке с авторами. Она живо интересовалась ходом работы над сборником, знакомилась с библиографией. Она сама написала общую обзорную статью об истории курсов, работу над которой прервала смерть. В оставленной записке, написанной дрожащей рукой умирающего человека, она завещала комитету бестужевок продолжать начатую работу.

Когда вспоминаешь о Наталье Павловне, волевой, энергичной, неутомимой, неизменно бодрой, не склоняющей головы перед большими испытаниями и превратностями судьбы, и такой красивой, всегда приходит на память «тип величавой славянки», воспетой Н. А. Некрасовым...

Человек долга, беззаветной преданности делу, Наталья Павловна знания и труд считала своим девизом — знанию и неустанному труду отдала она свою большую, яркую жизнь.

А. М. Аврутина-Воронковская

БЕСТУЖЕВКИ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

В Петербурге 7 (20) ноября 1910 года, в 2 часа дня, были получены телеграммы о смерти Л. Н. Толстого.

На улицах толпы народа. Все взволнованы и потрясены. Везде все об этом говорят и читают последние телеграфные сообщения. В городе отменены спектакли в театрах и все зрелища. Какое огромное национальное горе! Как-то даже нельзя себе представить Россию без Толстого.

В учебных заведениях — траурные собрания и сходки. На ВЖК была траурная сходка — почтили память Л. Н. Толстого минутным молчанием, благоговейно стоя в актовом зале. Была выбрана делегация во главе с В. И. Ладыженской и Н. Н. Центилович-Неуйминой на похороны в Ясную Поляну, чтобы возложить венок от ВЖК на гроб гения русского народа. А мы, группа курсисток-филологичек, решили в зимние каникулы обязательно съездить в Ясную Поляну. Инициатива этой поездки принадлежала математичке Е. М. Воронковской. К нам примкнули курсистки других факультетов, и составилась большая группа (30—40 человек), так что нам удалось даже получить отдельный вагон, который прицепили к поезду, шедшему на юг. И вот 28 декабря 1910 года, в 7 часов утра, мы прибыли на небольшую станцию Засека (теперь Ясная Поляна).

Широкая дорога то поднималась в гору, то спускалась в овраги, то уходила вдаль. Небольшой мороз бодрил нас, а чудная картина голубого неба, черного леса и блестящего белоснежного ковра чаровала нас гармонией настоящей русской зимы.

Вскоре на пригорке мы увидели строения Ясной Поляны и, наконец, с каким-то особым волнением подъехали к знаменитым двум белым каменным башням. Это — въезд в усадьбу. Дальше «прешпект». Эта широкая въездная аллея, обсаженная деревьями, ведет прямо к дому и «дереву бедных». Вот мы и у двухэтажного дома с террасой, где так долго жил, мыслил и творил Лев Николаевич Толстой.

К нам вышел личный слуга Льва Николаевича и предложил осмотреть дом. Прежде всего мы попали в небольшую комнату со стенными книжными шкафами, всю заваленную венками от многочисленных организаций, учреждений и обществ. На лентах сердечные и трогательные надписи. Рядом, в другой комнате, тоже были венки на столах и опять книги в стенных открытых и закрытых книжных шкафах. Очевидно, это часть большой библиотеки, временно помещенной сюда. Всего в библиотеке Л. Н. Толстого насчитывалось около 22 тысяч томов. Мы начали осматривать книги и были поражены их разнообра-

зием. Например, рядом с сочинениями Толстого, переведенными на иностранные языки, «Первый русский женский календарь». Бок о бок с Пушкиным и Шекспиром — «Злоупотребления в Тульском земельном банке». В странном соседстве с Руссо и Марксом какие-то руководства и справочники по электричеству и сельскому хозяйству.

Следующая комната — проходная, тоже с книгами и венками. Мы проходим еще одну и попадаем в знаменитую рабочую комнату под сводами, где в 60—90-х годах работал Л. Н. Толстой. Здесь сохранилось все так, как было при жизни писателя. Вот в углу столярный станок и низенький сапожный стол со специальным табуретом. На стене коса и оленьи рога. Рядом гимнастические гири и другие предметы. У окна простой деревянный стол, который мы с особым благоговением осматривали: ведь за ним Лев Николаевич работал над романом «Война и мир». Да, это мы будем помнить всю жизнь. И с большим волнением по простой деревянной лестнице, покрытой простой дорожкой, поднимаемся во 2-й этаж.

Проходим ряд комнат и попадаем в приемную, где с балкона открывается чудный вид на занесенный снегом парк. По стенам портреты, здесь же кресла и столы. Минуя приемную, входим в кабинет. Это большая комната. Сразу узнаем ее. Вот письменный стол писателя. На нем массивный кусок отшлифованного зеленого стекла от рабочих Брянского стекольного завода. На стекле надпись: «Пусть отлучают Вас, как хотят... Русские люди всегда будут гордиться, считая Вас своим, великим, дорогим и любимым». А рядом простой, искусно вырезанный из дерева чернильный прибор, подарок яснополянских крестьян, и другие вещи.

Над письменным столом две полки с энциклопедическим словарем. Перед столом кресло, а рядом большой кожаный диван, на котором (по преданию) родился Толстой. По стенам много портретов, в углу бюст писателя, а на столах подарки от многочисленных почитателей. Особое внимание привлек фонограф, подаренный Эдиссоном с просьбой записать на пластинку речь Толстого и прислать ему, что и было сделано. Осмотрев все вещи в кабинете, мы вошли в спальню, находящуюся рядом. Здесь все исключительно просто: и простая железная кровать, и простой умывальник, и кресло, и столик. А над кроватью большой портрет Татьяны Львовны.

Все вещи остались на своих местах, как было в ночь ухода, даже свеча, которую он погасил, навсегда покидая свой дом. Мы обратили особое внимание на большой венок от лесников, удивительно красиво составленный из веток различных пород деревьев. На нем ярко-красная лента со словами: «Борцу правды, огласившему мир криком — „Не могу молчать!"». Говорят, что полиция особенно рьяно добивалась выдачи этого венка, но она его не получила.

Как нам не хотелось уходить из этих комнат, как они нам были дороги и близки! Хотелось все, все вобрать в себя и запомнить на всю жизнь.

Выходя из этих комнат, мы встретили Софью Андреевну. Она была в глубоком трауре, побледневшая и постаревшая. Поздоровавшись с нами приветливо, она предложила нам осмотреть еще одну комнату. А когда мы вошли в нее, то сразу узнали известный всем по рисункам художника Пастернака зал-столовую. В углу большой круглый стол, на нем лампа с большим абажуром, а вокруг кресла из красного дерева. Около стен кресла и стулья, а рядом два рояля, на которых Лев Николаевич часто играл в 4 руки с женой и дочерьми. Всем известна его любовь к музыке, он хорошо знал ее и собирал народные песни. На стенах портреты в массивных золоченых рамах, на окнах гардины и красивые тюлевые занавески. Вообще эта комната имела вид значительно более богатый и комфортабельный, чем скромные и простые личные комнаты Льва Николаевича. Мы заметили на одном из столиков большой ящик с массой писем, которые разбирала и приводила в порядок Софья Андреевна. Она с нами немного поговорила, проводила до лестницы, простилась и посоветовала сейчас же отправиться на могилу Толстого.

Мы идем по заснеженным аллеям парка. Всюду тишина, покой и безмолвие.

А вот и могила гения всего человечества. Какая она простая и скромная, с венками, запушенными легким снегом... Это небольшой холмик на крутом берегу обрыва, в том месте, где когда-то была зарыта «зеленая палочка» и где Толстой завещал себя похоронить. Кругом девять молодых дубков, безмолвно черные деревья, белый снег и величавая природа... Тишина... Мы, взволнованные и потрясенные, склонили молча головы.

Долго стояли мы над могилой великого писателя, всем нам особенно теперь близкого и родного. Потом мы отправились в деревню. Прежде всего осмотрели читальню с большой библиотекой и портретами писателей. В центре был большой портрет Толстого, украшенный сосновыми ветками. Познакомившись с книгами, среди которых были классики и литература по сельскому хозяйству, мы разбрелись по крестьянским избам. Крестьяне много нам рассказывали о Толстом и о той большой помощи, которую он всегда и везде им оказывал. Они глубоко чтут память великого писателя, особенно его ученики. Потом мы на санях отправились в Телятники к Черткову, в знаменитую «толстовскую колонию». Здесь мы увидели то, о чем до сих пор знали только из книг.

В простых деревянных домах грубая, простая мебель: столы и табуреты. Одежда крестьянская, такая же пища. Здесь мы впервые по-

знакомились с воплощением толстовских идей в жизнь. Это было очень интересно.

Чертков, встретивший нас приветливо, много рассказывал нам о Толстом, а прощаясь, подарил открытки с портретами Льва Николаевича и со своим автографом. Распростившись с членами толстовской колонии и Чертковым, мы отправились на станцию.

Вечерело. Солнце опускалось к горизонту. Снег казался розовато-белым, и только по оврагам кое-где лежали густо-синие тени. Была какая-то гармония в природе и в наших сердцах, уносивших с собой навеки бессмертный образ Л. Н. Толстого.

Ожидая поезда, разговорились с начальником станции, который лично знал Льва Николаевича и много о нем говорил.

Особенно запомнился такой рассказ. Когда сыну начальника было лет 10—12, у него в гостях на станции Засека проводил лето его товарищ. Однажды они так увлеклись игрой в бабки, что не заметили, как к ним приблизился невысокий старик в суровой холщовой блузе, подпоясанной узким ремешком. На голове был белый картуз. Поглядев пристально на них, он поднял свою палку и указал на пряжку товарища сына. Он был в ученической полотняной блузе, подпоясанной форменным кожаным ремнем: «Что это за буквы?» — спросил старик. Мальчик смутился, а успокоившись, ответил: «ТРУ — Тульское реальное училище». «Нет, врешь! — сказал старик. — Это — трудись, работай, учись». Потом они узнали, что это был сам Лев Николаевич Толстой.

Чудесные слова! Они звучат как завет мудрого, гениального человека молодому поколению.

Ночью наш вагон прицепили к поезду. Мы ехали взволнованные и уносили в своих юных сердцах глубокие впечатления, сохранившиеся на всю жизнь.

А. М. Моргун

СТРАНИЧКА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСАХ (1906—1912)

Первые впечатления. Мои студенческие годы — 1906—1912 — совпали с годами политической реакции. Я поступила на историко-филологический факультет ВЖК по окончании 7 классов Киевского института в возрасте 17 лет и сразу же почувствовала, что волны революции далеко еще не утихли, несмотря на репрессии и почти полный разгром революционных партий, к которым тогда царское правительство при-

числяло и эсеров. Вместе с тем делались попытки возродить их: велась пропаганда, составлялись кружки по изучению программ, шли споры между большевиками и меньшевиками.

Когда я познакомилась со своими товарищами на курсах, то вопрос о сочувствии той или иной революционной партии был почти обязателен. С изумлением узнавали они, что я почти ничего не читала.

«Как? Вы не читали „Письма" Лаврова? Вы не читали „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю?" Не знаете Бельтова?».

С большим уважением смотрела я на своих товарищей. Какие умницы, как начитаны! Им все ясно, у них есть свои политические убеждения. А я? Мне предстояло во всем этом разобраться.

Между тем нельзя сказать, что я представляла собой какую-то tabula rasa. В моей семье были свои традиции и симпатии. Большим уважением и любовью пользовался у нас дядя мой по матери Михаил Юльевич Ашенбреннер, бывший гвардейский офицер, осужденный по делу Веры Фигнер на бессрочное заключение в Шлиссельбургской крепости.

После 22 лет одиночного заключения он был в 1905 году выпущен на поруки своего брата. Началась переписка его с моей матерью.

Конечно, никакого глубокого политического анализа не могло быть в моем возрасте, особенно принимая во внимание мое воспитание в закрытом учебном заведении, а дома разговоры об этом велись шепотом.

И вот я на Бестужевских курсах. Казалось, что сама окружающая атмосфера говорила о том, что никакой аполитичности быть не может. Это — аксиома. А вот сформировать свое определенное мировоззрение — это трудно.

С грустью приходила я вечером в свою комнату и вынимала из портфеля очередную принесенную мне или рекомендованную книжку. Хотелось самой найти нужное решение. Читала я все подряд. Развенчивались герои, уходила романтика. Оказывается, жертвенные настроения не нужны. Довольно! Пора переходить к действиям. Опора — рабочий класс, и не личности двигают историю. Не так легко давалось все это тогда. В общении с товарищами черпалась бодрость.

Помню, какой сдвиг произошел в моем примитивном миропонимании по прочтении «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. С того времени, я хорошо это помню, из хаоса стали вырисовываться определенные контуры, открываться новые горизонты.

В это время я встретилась с Ниной (Анной) Венедиктовой. Она была студенткой историко-филологического факультета, поступила на курсы в 1904 году.

Небольшая, скорее полная блондиночка, светлоокая, с ореолом светлых волос вокруг круглого личика. Взгляд ясный, спокойный, такие же спокойные, неторопливые движения.

Была она эсерка, признавала индивидуальный террор. Казалось, никакие сомнения для нее не существуют.

Встретилась я с Ниной в период моих сомнений и исканий. Она импонировала мне своей спокойной уверенностью. Потом началось увлечение лекциями отдельных профессоров. С Ниной я стала встречаться редко. В последний раз я видела ее в столовой. Мы рядом стояли в очереди за талонами. Мне она показалась несколько бледнее обыкновенного. Казалось, что она все время ищет кого-то в столовой и потому рассеянна. Я этому не придала особого значения.

Буквально через несколько дней (1906 год, даты не помню) мы узнали: Анне Венедиктовой (19—20 лет) и Мамаевой (17 лет), тоже бестужевке, партия эсеров поручила отправиться в Кронштадт, проникнуть в зал суда, где должен был состояться суд над группой матросов, восставших в 1905 году. Во время заседания Венедиктова и Мамаева должны были в зале бросить бомбу, вызвать панику и во время паники устроить побег матросов.

В Кронштадт они поехали на пароходе и, как только сошли на берег, сразу же попали в руки жандармов.

Через несколько дней мы прочитали в газетах, что им и еще нескольким лицам вынесен смертный приговор. Приговор был приведен в исполнение на форте № 6 в Кронштадте.

Подробности казни были описаны в небольшом выходившем тогда студенческом журнале, который так и назывался «Студент». Помню, там было сказано, что Мамаева отказалась от повязки на глаза.

У Нины тогда отца не было в живых. Были мать и сестра. Встретилась я с ними, когда они приехала, чтобы увидеться с Ниной перед казнью, но допущены не были.

Мамаевой я не знала. Судя по фотографии (у меня были их карточки до 1941 года), это было юное существо, да ей и было всего 17 лет, с такими детскими губками и по-детски серьезными глазами. На вид — гимназисточка класса 7-го.

Тогда эсеры еще не запятнали себя такими тяжкими, чудовищными преступлениями, как убийство Володарского, покушение на Владимира Ильича Ленина. Но кому нужно было посылать этих юных девушек, почти детей, на верную гибель, на дело, почти наверное обреченное на неудачу?..

В этом кратком очерке мне хотелось сохранить имена бестужевок, погибших в революционной борьбе.

Л. К. Щитинская-Цветова

ОБЛИК БЕСТУЖЕВКИ НАЧАЛА ВЕКА

Русской женщине, идущей к коммунизму,
посвящаю

С конца XIX века всю Россию охватило широкое движение за женское равноправие.

Многие девушки моего поколения, воспитанные на художественной литературе XIX века, имели перед собой такие образы для подражания, как Татьяна Ларина, Вера Павловна Розальская, Елена Стахова, Марианна Синецкая, с их любовью к Родине, понятием чувства долга, стремлением к общественной деятельности, но, идя в ногу со временем, мы уже не могли удовлетвориться идеалами и судьбами этих героинь.

Живые люди: женщины-революционерки, как Софья Перовская, Вера Фигнер, Вера Засулич, женщины-ученые, как С. В. Ковалевская, В. И. Шифф, Н. Н. Гернет, женщины-врачи и учителя, — увлекали нас своей деятельностью и ставили перед нами новые идеалы.

Из разных уголков России приезжали в Петербург девушки, чтобы получить образование на Высших женских (Бестужевских) курсах. Многим из них приходилось предварительно работать несколько лет в земской школе или больнице, чтобы накопить денег на дорогу и на первое время самостоятельной жизни, так как родители часто не сочувствовали уходу из семьи и отказывали в помощи. Но стремление к образованию было так сильно, что помогало преодолевать всякие препятствия.

Кроме главной цели — получить образование, большинство курсисток воодушевляло стремление помочь народу, передать ему свои знания, быть ему полезными. Никаких мыслей о будущих материальных благах не было.

Уже в течение первого года мы старались включиться в политическую жизнь, примкнув к одной из действовавших подпольных организаций. Их было три: социал-демократическая, социалистов-революционеров и анархистов. Кадеты, октябристы, монархисты были нам чужды, и они не решались выступать на сходках, защищать свои позиции.

Была у нас небольшая группа так называемых «академисток». Мы чувствовали, что за их лозунгом — «На курсах только учиться!» — скрывалась реакционная сущность, стремление отвлечь студенчество от участия в политической жизни. Они от общей массы курсисток держались в стороне. Мы к «академисткам» относились нетерпимо, не принимали в свои товарищеские организации. Но, повторяю, таковых у

нас было немного, вся же основная масса не только училась, но и участвовала в жизни всей страны. Не было такого общественного события, на которое не откликнулись бы бестужевки.

В первый же день после зимних каникул была устроена явочным порядком сходка. Десятая, самая большая, аудитория была полна. Сходка продолжалась с 10 часов утра до позднего вечера. Вспоминаю, как после бурных речей все сидели в полной тьме, только внизу, у кафедры, в руках председателя был огарок свечи, при свете которой составлялась резолюция. Помню, как приходил профессор В. А. Фаусек и отечески уговаривал нас разойтись. Но мы не разошлись, пока не вынесли свою резолюцию протеста «Порицание профессорам».[1] Эта сходка была для нас боевым крещением накануне революции 1905 года.

На другой же день на лекции профессора А. И. Введенского протест наш был зачитан. Профессор вырвал бумагу из рук читавшей, смял ее и прекратил занятия.

Когда в 1905 году курсы были закрыты, а многие из нас исключены, мы не теряли времени.

В поисках заработка некоторые поступали на почту и телеграф, в больницы, а многие проходили курсы медицинских сестер и работали в военных госпиталях.

На углу 11-й линии и Малого проспекта был знаменитый «Пекин» — громадный дом, весь заселенный курсистками и студентами. Он так назывался потому, что внизу был большой чайный магазин, в остальных же этажах жили хозяйки, сдававшие студентам и курсисткам комнаты. Тут-то и устраивались собрания, политические лекции, диспуты, занятия марксистских кружков.

События 1905—1906 годов всколыхнули всю страну. На бурных сходках обсуждались вопросы внешней и внутренней политики, разоблачалась гапоновщина, выносились резолюции протеста против казни А. М. Мамаевой, А. К. Венедиктовой, против ареста и ссылки других товарищей.

На сходках выбирались делегаты на общестуденческие конференции, на I съезд по женскому образованию, на I экономический студенческий съезд.

Перед переписью населения 1910 года в статистический семинарий профессора А. А. Кауфмана вступили слушательницы разных факультетов, а потом была успешно проведена перепись ночлежников по всему городу. Это была очень сложная работа, так как в ночлежках бестужевки наталкивались на грубость и оскорбления, насмешки, нежелание сообщать данные. Тем не менее слушательницы не отступили, преодолели все, добросовестно, честно и хорошо выполнили возложенное на них трудное поручение.

[1] См. статью С. И. Стриевской в настоящем сборнике, стр. 22.

В воскресных школах, в народных читальнях-библиотеках, в Народном доме Паниной — всюду бесплатно, но с большим рвением работали курсистки: читали лекции, проводили экскурсии, руководили кружками, раздавали книги и т. д.

Ни аресты товарищей, ни даже смерть замученных в тюрьмах революционеров — ничто не могло остановить бурную деятельность завоевавших себе свободу женщин.

Даже своим внешним обликом бестужевки отличались от других женщин. Скромность в одежде и поведении, большая требовательность к себе, чуткость к товарищу — вот что ценилось в нашей среде.

Считалось неделикатным касаться личной жизни. К вопросам любви и брака относились серьезно, но поэзия и романтика во взаимоотношениях молодежи существовали. Нас объединяла общность взглядов и стремление к дальнейшей деятельности на благо народа.

Все это не значило, что мы не умели веселиться. Устраивались в складчину вечеринки с очень скромным угощением (обычно чай и бутерброды), играли в шарады и другие игры, танцевали, веселились от души.

На курсах бывали большие вечера с интересными литературными диспутами. Декламировали Тургенева «Стихотворения в прозе», стихи Брюсова, Скитальца, Бальмонта, Блока, читали рассказы Горького, Куприна, Бунина, пели хором.

Один-два раза в год нам разрешалось устраивать благотворительные вечера в пользу кассы взаимопомощи. Иногда они кончались вмешательством полиции, и всех разгоняли. Бывало и хуже: помню налет анархистов на билетную кассу и киоски. Они экспроприировали сбор для своей организации. Жаловаться не приходилось, мы только стали осмотрительнее и собирали деньги из киосков сами каждые $^1/_2$ часа.

Немалую роль в нашей жизни играли театры. Часами простаивали в очередях за билетами в Мариинский театр, где пели Шаляпин и Собинов, в театр Комиссаржевской, на гастроли Московского Художественного театра. Денег было мало, а хотелось увидеть побольше. Приходилось экономить на пище.

Среди нас уже многие были знакомы с учением Маркса. Они успешно выступали на диспутах против идеалистической философии и разных упадочнических течений в литературе, против мрачного мистицизма Леонида Андреева. Были диспуты и на религиозные темы. Спорили горячо и искренно, сами искали истину, постепенно освобождаясь от сословных и религиозных предрассудков, в которых многие росли и воспитывались в семье и гимназии.

Большое влияние на развитие атеизма оказал Л. Н. Толстой. Он пробил первую брешь в сознании, отвергнув официальную церковь,

обрядность, за что был отлучен от церкви и предан анафеме, отчего только выросла его популярность среди молодежи.

От отрицания обрядности к полному отрицанию религии нас привела марксистская философия. Материалистическое мировоззрение способствовало более трезвому отношению к жизни и к русской действительности. Курсы научили нас мыслить и работать, привили интерес к политике, навыки общественной жизни, воспитали в нас чувство коллектива и ответственности перед Родиной.

Оглядываясь на прошлое, видишь, что много, с точки зрения современности, было наивного в нашей молодости: некоторый аскетизм, принципиальность в мелочах, нетерпимость к иному мировоззрению, иногда демонстративный разрыв со своей семьей, отсутствие практицизма, пренебрежительное отношение к материальным благам.

Последняя сходка при мне была посвящена памяти умершего В. А. Фаусека в 1910 году. Глубоко уважали и любили мы нашего директора за его заботы о нас, за гуманное отношение к молодежи, за его талантливые лекции, и смерть его была для всех нас настоящим, большим горем.

В конце 1910 года, после смерти Л. Н. Толстого, развернулись большие события. Бестужевки вместе со всем студенчеством вышли на демонстрацию к Казанскому собору с лозунгом «Долой смертную казнь!», что являлось откликом на статью Л. Н. Толстого «Не могу молчать!».

Потом начались волнения и сходки, вызванные событиями в Зерентуйской тюрьме. В здание курсов неоднократно вводились наряды полиции, занятия прерывались, а в последних числах января 1911 года одновременно с другими высшими учебными заведениями занятия прекратились до начала следующего учебного года и на ВЖК.

Все дальнейшие годы общественная жизнь на курсах била ключом. Курсистки бурно реагировали на демонстрацию против усиленной военизации Военно-медицинской академии.

Славные традиции бестужевок передавались из поколения в поколение. Слушательницы Бестужевских курсов заслужили уважение и признание высокой квалификацией своей работы, поэтому часто можно было слышать, как похвалу: «Ведь это бестужевка». Бестужевские курсы сделали свое дело: помогли тысячам русских женщин найти свой жизненный путь и в дальнейшем принять участие в строительстве нового общества.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло больше 12 лет с тех пор, как 21 марта 1959 года бестужевки по инициативе Н. П. Вревской собрались в актовом зале ЛГУ, чтобы торжественно отметить 80-летие со дня основания С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов.

На этом собрании был выбран комитет под председательством Н. П. Вревской, который получил наказ:

1) издать сборник, посвященный истории Бестужевских курсов;

2) добиться установления мемориальной доски на здании, где помещались до слияния с университетом ВЖК (В. О., 10-я линия, д. 33);

3) ежегодно устраивать встречи бестужевок в Ленинграде.

Менялся состав комитета, уходили из жизни одни, им на смену приходили другие, а задачи и цели оставались все те же.

Что же сделал комитет?

В 1965 году вышло 1-е издание сборника Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы.

В 1966 году была установлена мемориальная доска.

Ежегодно в мае происходят встречи бестужевок, которые съезжаются из разных городов Советского Союза.

В задачи комитета входит забота о престарелых, одиноких и больных товарищах, моральная и материальная поддержка их.

Кроме комитета, объединяющего бывших слушательниц курсов всей нашей страны, весной 1959 года было организовано Московское объединение бестужевок, работающее в полном контакте с комитетом. Первым председателем Московского объединения была С. И. Стриевская.

За это время в Москве в 1961 году была организована в МГУ выставка, посвященная истории ВЖК. В издательстве «Книга» вышел библиографический указатель ВЖК.

В 1968 году в издательстве «Мысль» вышла книга, подготовленная Московским бюро, — «Бестужевки — в рядах строителей социализма».

С осени 1967 года комитет был занят подготовкой исправленного и дополненного 2-го издания истории ВЖК.

Комитет вместе с Музеем истории Ленинграда торжественно отметил 2 октября 1963 года 85-летие со дня основания курсов. Присутствовало около 500 человек. В залах музея была развернута большая выставка (первая — в университете весной 1962 года), знакомившая посетителей с ВЖК, их ролью и значением в истории русской культуры.

В мае 1968 года при непосредственном участии и поддержке ЛГУ, при музее истории которого больше 13 лет работает комитет, состоялось торжественное празднование 90-летия со дня основания курсов. Силами актива бестужевок и работников музея была организована выставка — 12 стендов уникальных фотографий, хранящихся в фондах ВЖК, иллюстрирующих 40-летнюю историю Бестужевских курсов.

В течение всех этих лет комитет при содействии Московского бюро собирает материалы и документы, которые составляют фонд ВЖК. Фонд этот содержит ценнейшие материалы, представляющие интерес не только с точки зрения истории высшего женского образования, но и для знакомства с крупнейшими учеными, профессорами курсов, выдающимися женщинами — участницами революционного движения, научными работниками различных специальностей, писательницами, театральными деятелями, преподавателями вузов, школ и т. д.

В фонде ВЖК хранятся документальные материалы по истории Бестужевских курсов, анкеты, автобиографии слушательниц курсов, подлинные дипломы и свидетельства об окончании курсов, матрикулы, литографированные лекции профессоров, редкие книги, как, например, сборник «Пушкинист» (1913 г.) под редакцией С. А. Венгерова, письма профессора И. М. Гревса, архив астронома Н. М. Штауде, профессоров Волкович, Столицы, многочисленные статьи и воспоминания как слушательниц, так и о них, не вошедшие в сборник.

Очень ценными нужно считать персоналии профессоров и курсисток, которые все пополняются новыми материалами, поступающими в фонд.

Многое из собранного комитетом воссоздает эпоху бурных событий конца прошлого и начала XX века.

Совершенно уникальным является иконографический отдел фонда ВЖК. В нем хранятся группы первых выпусков, альбомы 1896—1898 годов с фотографиями профессоров и окончивших слушательниц, многочисленные группы, снятые в аудиториях, лабораториях, на юбилеях и т. д.

Процесс пополнения фонда продолжается, поэтому комитет ограничивается лишь этой краткой справкой о нем.

Комитет

ОГЛАВЛЕНИЕ

Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878—1918 гг.)

Сборник статей

Редакторы

О. А. Толмачева и *Т. П. Воробьева*

Переплет художника *Б. Н. Осенчакова*

Техн. редактор *Г. С. Орлова*

Корректоры

Р. Л. Савина, Т. В. Пухлова

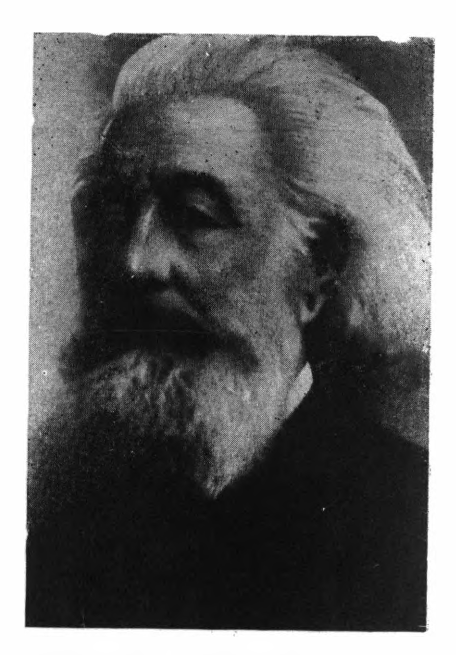
М-13842. Сдано в набор 25 IX 1972 г. Подписано к печати 15 II 1973 г. Формат бумаги 70×90[1]/16. Бумага тип. № 2. Бум. л. 11,58 (с ил.). Печ. л. 19+2 л. ил. Уч.-изд. л. 22,39. Тираж 4535 экз. Заказ 472. Цена 1 р. 80 к.

Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова

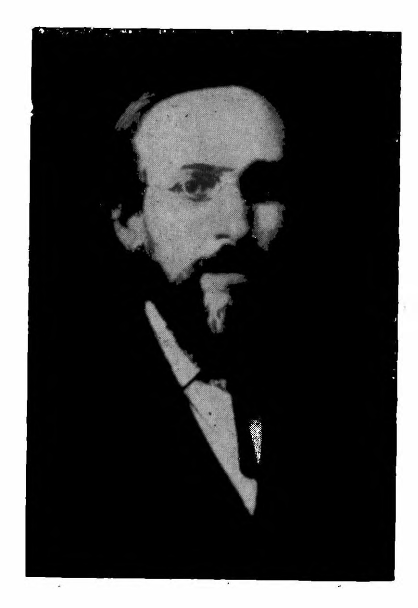
Типография ЛГУ. Университетская наб., 7/9.

Группа первых деятелей
по организации курсов

*О. А. Мордвинова, А. Н. Бекетов, А. П. Философова,
П. С. Стасова, Н. А. Белозерская, В. П. Тарновская,
Н. В. Стасова, М. А. Менчинская*



Профессор *А. Н. Бекетов*,
один из организаторов курсов



Академик *К. Н. Бестужев-Рюмин*,
первый директор курсов

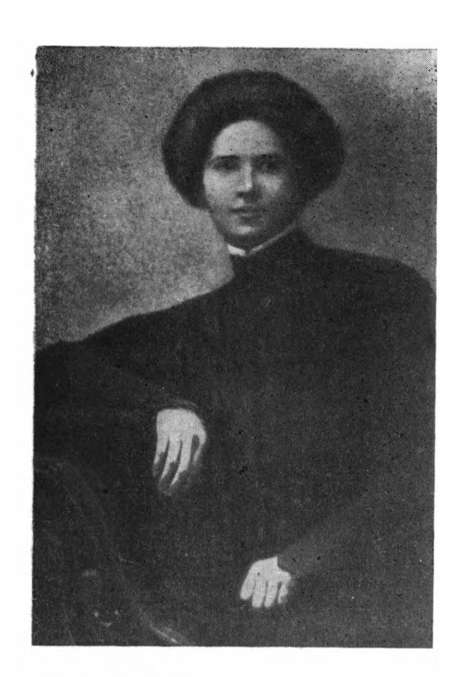
Профессор *В. А. Фаусек*,
первый выборный директор курсов

ВЫПУСКНИЦЫ ВЖК

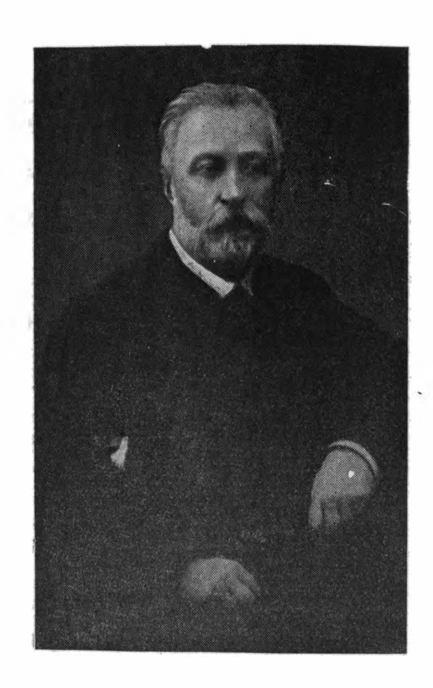
М. Ф. Ветрова

А. К. Венедиктова

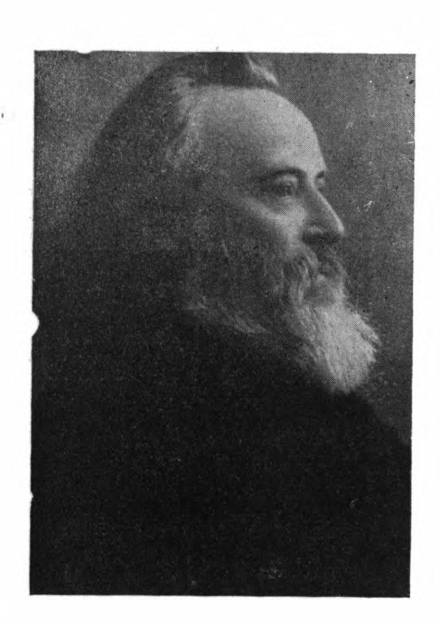
А. М. Мамаева



Л. А. Стуре



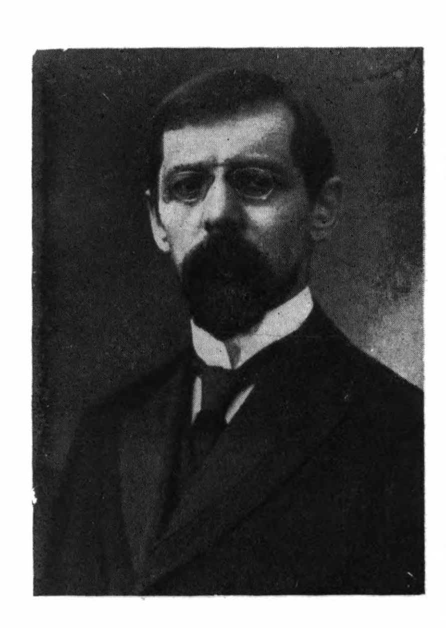
Профессор *И. М. Гревс,*
декан историко-филологического
факультета



Профессор *Н. И. Кареев*

Академик *Е. В. Тарле*

О. А. Добиаш-Рождественская
Член-корреспондент Академии Наук



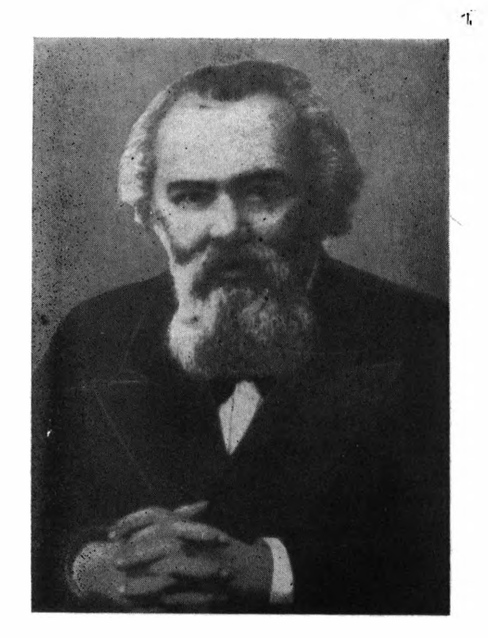
Профессор *А. И. Заозерский*

Семинарий И. М. Гревса

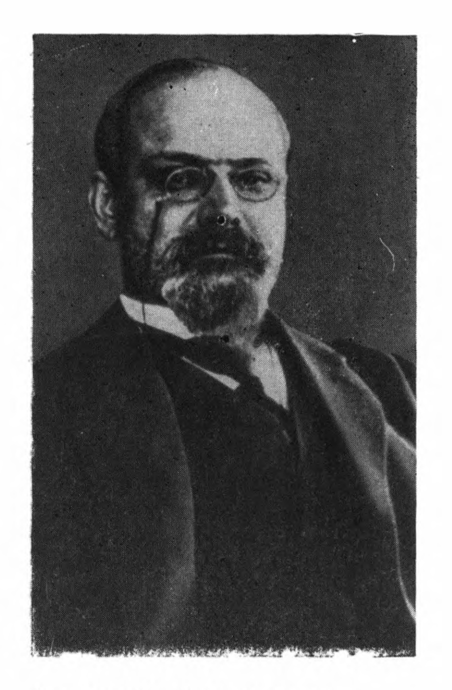
Семинарий С. Ф. Платонова

Семинарий Д. В. Айналова

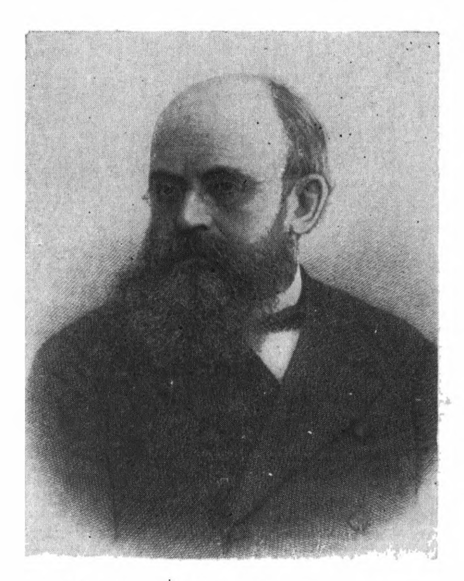
Экскурсия в Италию
под руководством И. М. Гревса



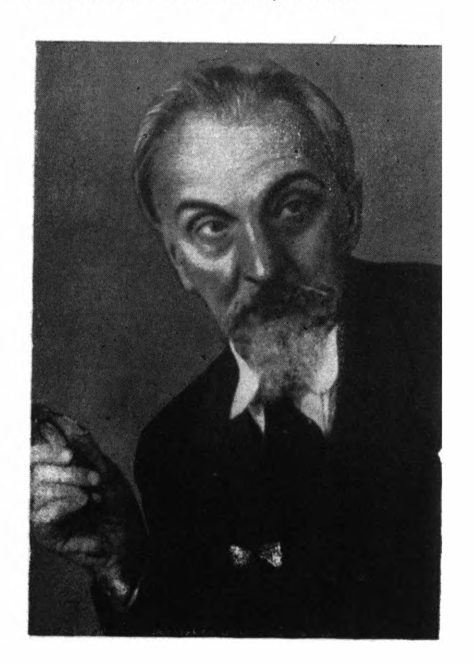
Академик *А. Н. Веселовский*



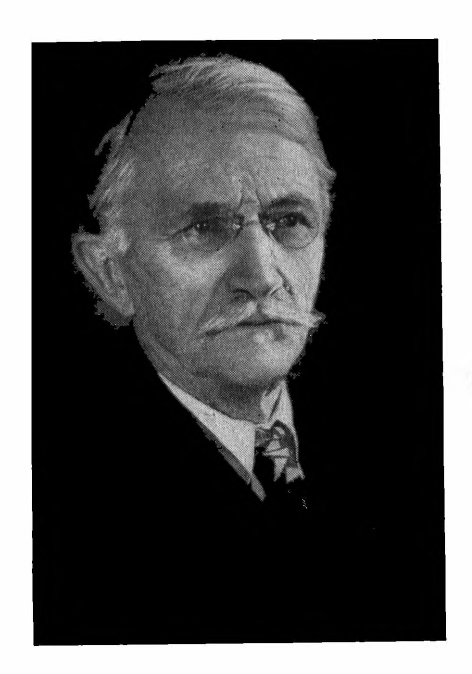
Академик *Н. А. Коглярeвский*



Профессор *О. Ф. Миллер*

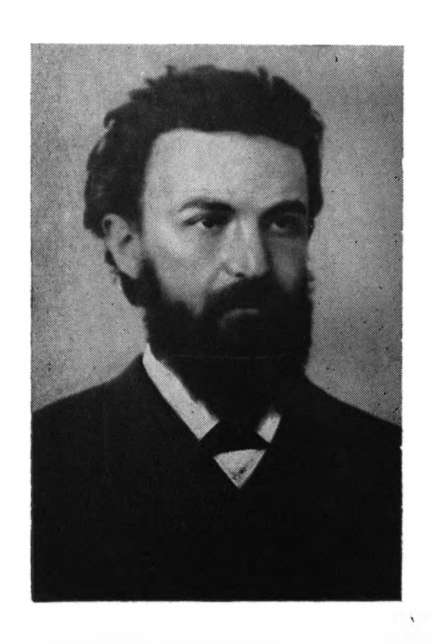


Академик *Л. В. Щерба*



Академик *В. Ф. Шишмарев*

Преподаватель *С. В. Меликова*



Профессор *Ф. А. Браун*

Семинарий профессора С. А. Венгерова

Группа слушательниц
с профессором И. А. Шляпкиным

Чествование профессора
Д. Н. Овсянико-Куликовского (1913 г.)
В центре — юбиляр, слева С. А. Венгеров,
справа — С. К. Булич (последний директор курсов).
Стоит крайний справа Н. К. Пиксанов

1. Академик,
Герой Социалистического Труда
П. Я. Полубаринова-Кочина

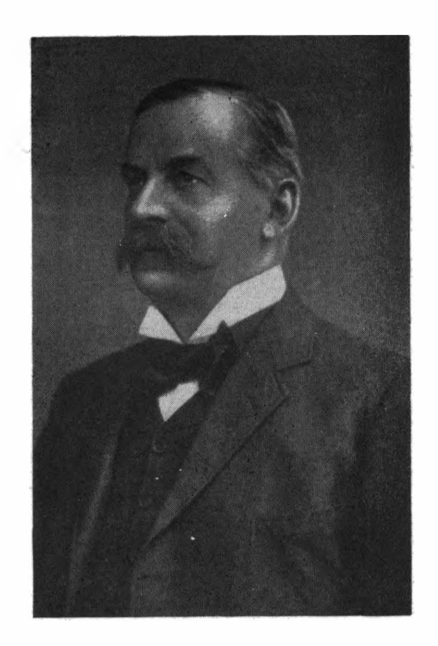
Профессор *В. И. Шифф*

Профессор *О. А. Полосухина*

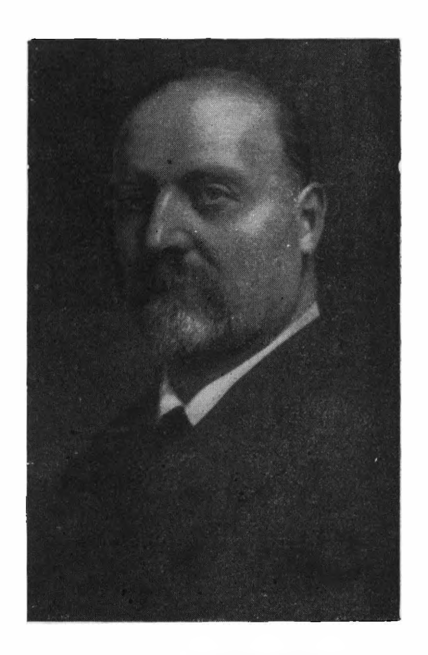
Доцент *Ю. А. Смирнова*

Семинарий профессора К. А. Поссе

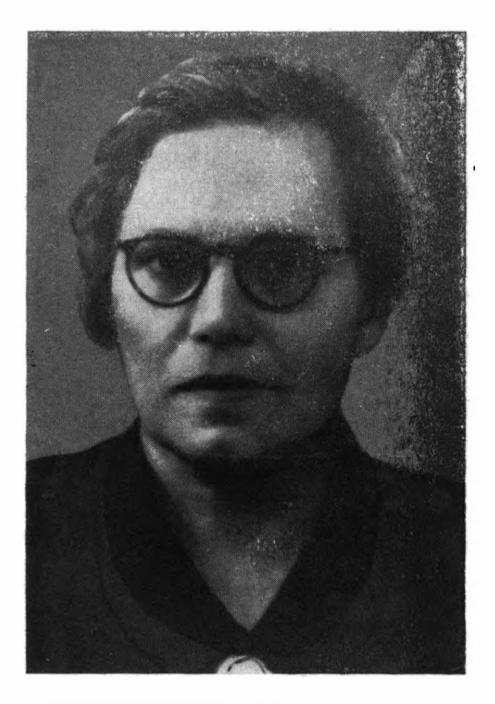
Группа математиков
во главе с профессором *И. В. Мещерским*



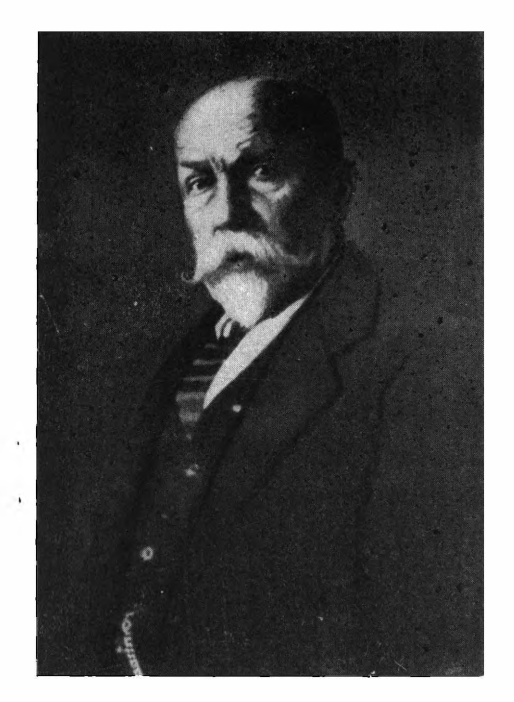
Академик *О. А. Баклунд*



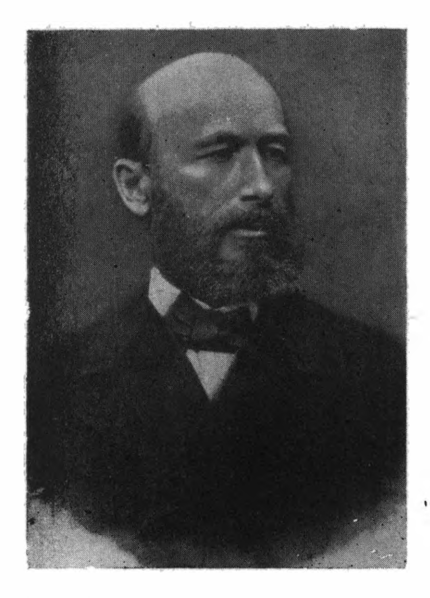
Академик *А. А. Белопольский*



2. Профессор астрономии
Н. С. Самойлова-Яхонтова



Академик *А. Е. Фаворский*



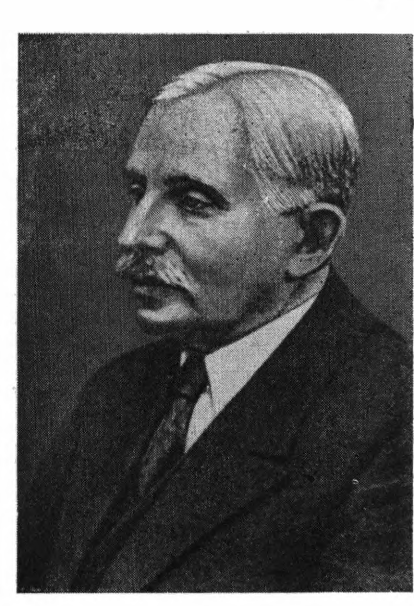
Академик ***А. М. Бутлеров***

Доцент ***В. И. Егорова***

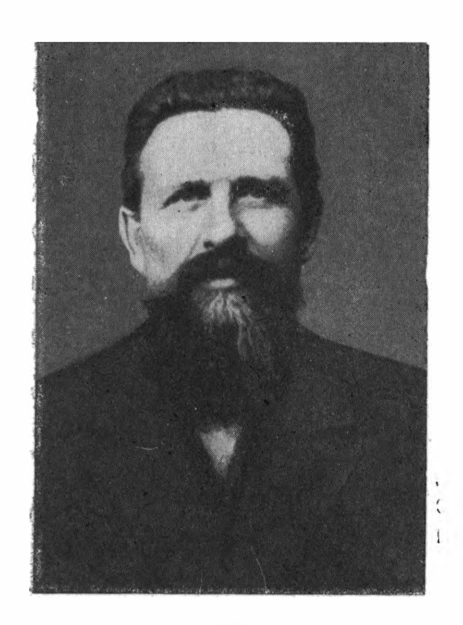
Первый выпуск химиков (1903 г.)

Группа химиков
во главе с профессором И. В. Богомольцем

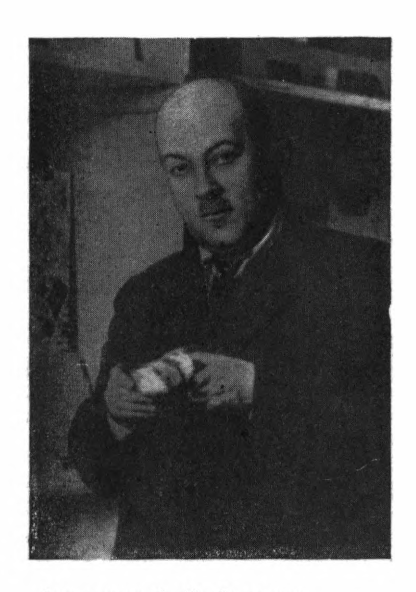
Группа химиков.
В центре доцент В. И. Егорова



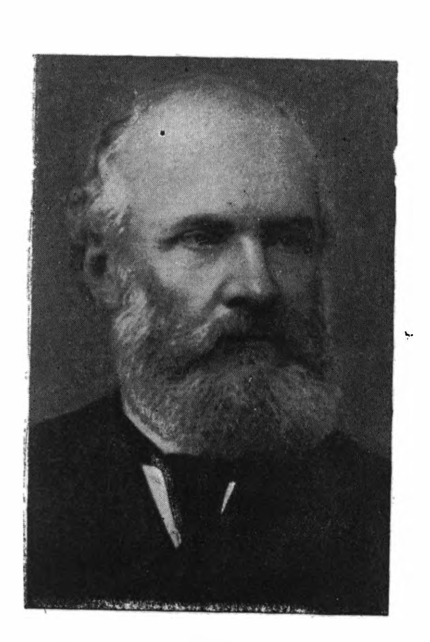
Академик *Ф. Ю. Левинсон-Лессинг*



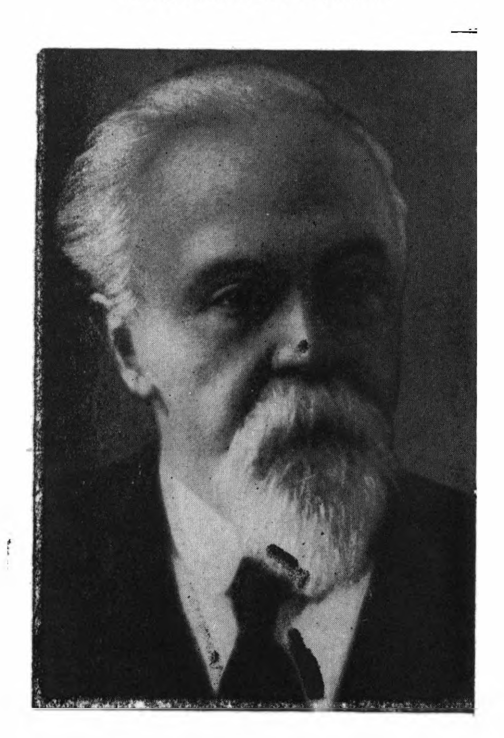
Академик *И. В. Мушкетов*



Академик *А. Е. Ферсман*



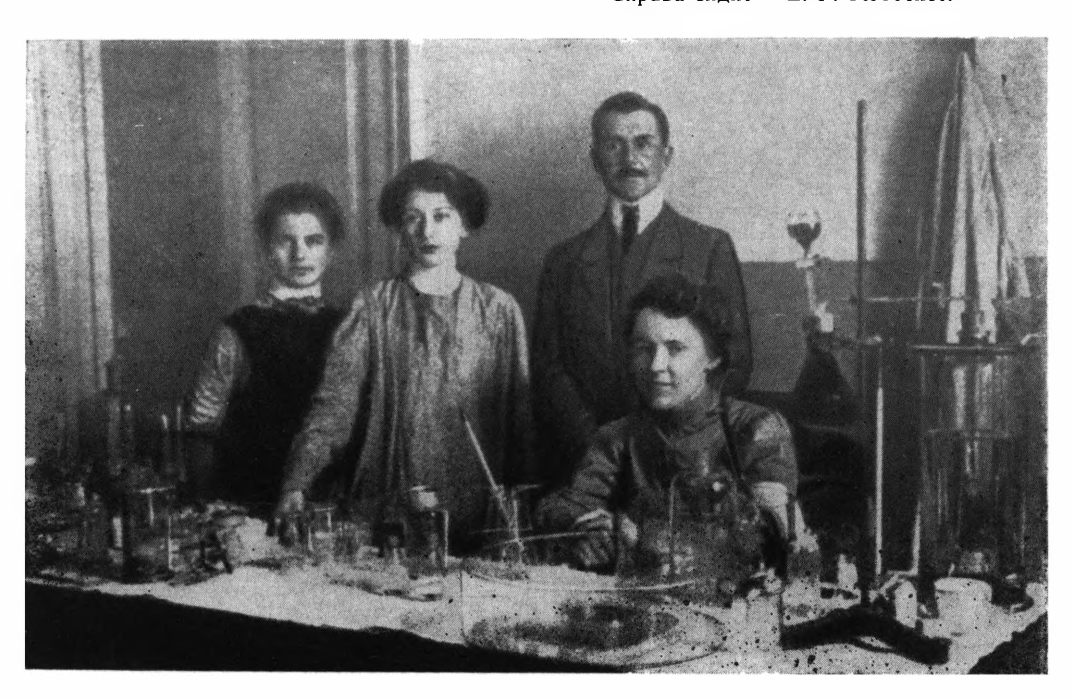
Академик *А. С. Фаминцын*



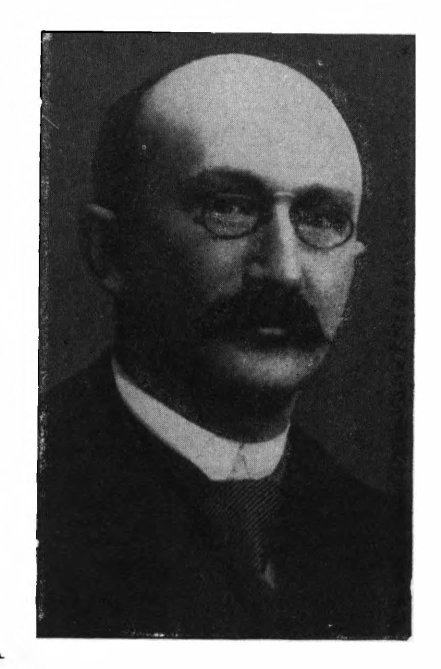
Профессор *Н. А. Буш*

с профессором В. И. Палладиным
Группа ботаников

В лаборатории биологов.
Справа сидит — Е. Р. Гюббенет.



Профессор М. Я. Пергамент,
декан юридического факультета

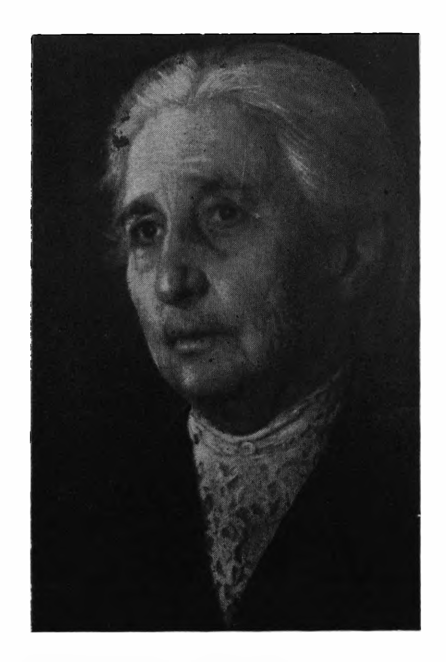


Профессор А. А. Кауфман

Группа юристок I выпуска

Касса взаимопомощи курсов (к статье «Общественные организации»)

Н. П. Вревская
1. Слушательница ВЖК



2. Инициатор объединения бестужевок в 1959 г. *Н. П. Вревская*

Комитет
и актив бестужевок (1969 г.)

Московское бюро
бестужевок (1969 г.)

Мемориальная доска на здании курсов,
установленная в 1966 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА